РУССКИЙ ЯЗЫК В ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИИ

Уровни языка

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИИ

Уровни языка

ДАР
Российского гуманитарного научного фонда

МОСКВА "НАУКА"
1996

ББК 81. 2Р
Р 89
4
Р89
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
91296

Издание осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 95-06-31996

Авторы: С.Н. БОРУНОВА, В.Л. ВОРОНЦОВА, А.Ф. ЖУРАВЛЕВ, Н.Е. ИЛЬИНА, С.М. КУЗЬМИНА, Т.С. МОРОЗОВА, Н.Н. РОЗАНОВА, А.Н. ТИХОНОВ, Е.Н. ШИРЯЕВ

Ответственные редакторы:

академик Д.Н. ШМЕЛЕВ,
доктор филологических наук М.Я. ГЛОВИНСКАЯ

Рецензенты:

доктор филологических наук Т.М. НИКОЛАЕВА,
доктор филологических наук Л.А. НОВИКОВ

Русский язык в его функционировании. Уровни языка. — М.:
Р89 Наука. 1996. — 271 с.
ISBN 5-02-011217-8

В книге показывается, что понятие функционирования языкапредполагает ответ на два вопроса: где? (в каких сферах речи?) и как? (каким образом?) функционируют те или иные категории и единицы. На богатом фактическом материале рассматривается использование средств всех уровней языка в различных типах речи — официально-деловой, научной, публицистической, а также в разговорной и художественной (сценической) речи. Разрабатываются различные методики исследования функционирования языка.
Для лингвистов, литературоведов, журналистов.

Р $\frac{4602020101-007}{042(02)-96}$ 179-96, 1 полугодие ББК 81. 2Р

The book demonstrates that the concept of language functioning implies an answer to two questions: where (in what types of speech) and how (in what way) do lanquage categories and units function. It is concerned with the use of language devices of all levels in various types of discourse — official, scientific, political, as well as in colloquial and scenic speech. The basic claims are illustrated with rich factual material. Various methods are proposed for the study of language functioning.
The book is intended for linguists, literary critics, journalists.

ISBN 5-02-011217-8

© Коллектив авторов, 1996
© Издательство "Наука", оформление, 1996
© Российская академия наук, 1996

ОТ РЕДАКТОРА

Данная работа представляет собой вторую книгу коллективной монографии "Русский язык в его функционировании" (первая — "Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект" — вышла в 1993 г.).

По своему содержанию настоящая книга является продолжением серии публикаций Отдела современного русского языка "Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект" (отв. ред. Д.Н. Шмелев): "Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика" (1989) и "Морфология. Словообразование. Синтаксис" (1991).

Работа была задумана академиком Д.Н. Шмелевым и выполнена под его руководством. Оставалось завершить ее техническое оформление, когда внезапная кончина Д.Н. Шмелева прервала его занятия этой монографией. После смерти Д.Н. Шмелева функции ответственного редактора были поручены М.Я. Гловинской, которая видела свою задачу в максимальном сохранении первоначального замысла.

Книга содержит многоуровневое описание различных типов современной русской речи — специальной (публицистической, деловой, научной) разговорной, сценической.

Монография состоит из шести глав. Глава "Фонетика" включает описание фонетических особенностей разных типов речи: специальной и художественной (С.М. Кузьмина), разговорной речи в аспекте взаимодействия сегментного и суперсегментного уровней (Н.Н. Розанова), сегментации речевого потока в разных типах речи (С.Н. Борунова).

Отдельная глава посвящена морфонологическому уровню, который исследуется на материале функционирования глаголов вторичной имперфективации (Н.Е. Ильина). Рассмотрено соотношение одних и тех же морфонологических вариантов в разных типах речи.

В главе "Морфология" (В.Л. Воронцова) на материале рода, числа и падежа существительного показывается, что морфологические средства, несмотря на устойчивость данного яруса, обнаруживают в своем функционировании особенности, которые можно рассматривать в качестве "языковых составляющих" различных типов речи.

С разных точек зрения представлено функционирование языковых средств в главе "Словообразование". Внимание авторов привлекает и план выражения, и план содержания. Функционирование трех основных комплексных словообразовательных единиц (парадигма, гнездо и пара) в различных сферах речи рассматривается в разделе Т.С. Морозовой; типы словообразовательных гнезд — стилистически маркированные и нейтральные, стилистически гомогенные и смешанные — исследуются А.Н. Тихоновым.

В главе "Синтаксис" (Е.Н. Ширяев) особое внимание уделяется закономерностям выбора семантико-синтаксических структур простого предложения в разных типах речи. Детальное описание получают предложения вневременной характеризации, их типы и распространение по языковым сферам.

В главе "Лексика" (А.Ф. Журавлев) рассматриваются типы сублексиконов, "позитивных" и "негативных" для разных типов речи. Выясняется, что допустимо и специфично в лексическом составе данного функционального типа и что в нем не допустимо. Сублексиконы характеризуются также с точки зрения их проницаемости для "чужеродных" стилистических элементов. Вводится целая серия параметров, позволяющих сопоставить функциональные разновидности языка с точки зрения объема потенциального словаря, преобладающих типов значений, уровня дейктичности, частотности слов и т.д.

М.Я. Гловинская

Глава первая
ФОНЕТИКА

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ФОНЕТИКИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Дифференциация языка является реальным фактом, и операции лингвистов с фрагментами языка — диалектами, поддиалектами, стилями, подъязыками, регистрами, кодами, субкодами, социолектами, технолектами, полудиалектами, локализмами, вариантами, подсистемами, идиолектами и т.д. — вполне оправданны...

Г.В. Степанов

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Изучение фонетики в функционально-стилистическом аспекте может вестись в двух направлениях. Во-первых, можно идти от фонетики к выделению значимых с фонетической точки зрения подсистем, разновидностей языка. Во-вторых — от уже выделенных (не на фонетических основаниях!) языковых сфер — к описанию их фонетики, их фонетического своеобразия.

В действительности оба этих подхода тесно связаны: прежде чем говорить о фонетической маркированности различных функциональных разновидностей, следует выявить стилистически значимые фонетические средства и описать их употребление. На современном уровне исследования эти подходы подчас трудно разграничить, поскольку уже выделены основные функциональные разновидности языка и уже известны некоторые фонетические особенности той или иной разновидности. Задача на данном этапе сводится, с одной стороны, к уточнению функциональной типологии русской речи и, с другой, — к углубленному изучению фонетического своеобразия выделенных функциональных типов.

До сих пор изучение фонетической стилистики велось преимущественно в первом из указанных направлений. Фонетика же функциональных разновидностей русского языка стала изучаться лишь с недавнего времени. В настоящей работе основным является второе направление — ставится задача проследить своеобразие фонетического оформления функциональных разновидностей русского языка.

2. Изучение стилистики в любом аспекте предполагает рассмотрение "близких, соотносительных, параллельных или синонимических средств выражения более или менее однородного значения" с точки зрения их функциональной дифференциации [Виноградов 1955, 66]. В фонетике такими "синонимическими", или эквивалентными средствами выражения "одного и того же" являются произносительные варианты. Они и являются основным объектом изучения.

Следует заметить, что существует тенденция к функциональной дифференциации вариантов. Интересны факты субъективного "осмысления" носителями языка таких вариантов. Вот как объяснили разницу в значении слов, произносящихся по-разному, актеры (их не побуждали к этому): *це[р']ковь* — где молятся, а *це[р]ковь* — архитектурный памятник, *а[н']гел* — нежное обращение, *а[н]гел* — небесный житель. К смысловому разграничению толкает, считает М.В. Панов, сам характер норм литературного языка — то, что они "построены не конъюнктивно (допускается то и другое), а дизъюнктивно (допускается или то или другое: в одних условиях — одно, в других — другое" [Панов 1966, 56].

3. Регулярное, целенаправленное изучение фонетической вариативности развернулось в 60—70-е годы в Институте русского языка РАН под руководством М.В. Панова. Значительный импульс к изучению вариантов русского литературного произношения дали [Вопросник по современному русскому произношению 1960; Вопросник по современному русскому произношению для деятелей театра 1964]. Эти вопросники позволили собрать материал для изучения фонетической вариативности, а также исследовать влияние на произношение целого ряда внутриязыковых и социальных факторов.

Результаты обработки этих вопросников и теоретическое осмысление их легли в основу ряда книг: [Развитие фонетики современного русского языка 1966; Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы 1971; Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка 1968; Русский язык по данным массового обследования 1974; Социально-лингвистические исследования 1976]. В этих работах были выявлены все фонетические варианты, что является необходимой предпосылкой изучения фонетической стилистики.

4. Вопрос о функциональной дифференциации языка достаточно сложен, и, несмотря на интенсивное изучение, не может считаться решенным для русского (да и для любого другого) языка. Разные лингвистические школы и разные исследователи выделяют разное число (от двух до семи) основных функциональных типов речи. Так, Пражская лингвистическая школа противопоставляет ситуативный, или практический язык, теоретическому языку, языку формулировок и, в другом плане — по характеру преобладающей функции — язык общения и поэтический язык [Пражский лингвистический кружок 1967, 25].

В данной работе мы опираемся на функциональную дифференциацию языка, предложенную Д.Н. Шмелевым и принятую многими исследователями. Д.Н. Шмелев убедительно показал, что необходима иерархическая типология русской речи. Отметив, что разговорная и художественная речь не могут и не должны включаться на общих основаниях в перечень функциональных разновидностей, Д.Н. Шмелев [1977] выделяет три основные типа речи: разговорная, художественная и специальная, которая, в свою очередь, делится на следующие функ-

циональные стили: газетно-публицистический, научный и официально-деловой.

В работе 1989-го года Д.Н. Шмелев уточняет предложенную им ранее схему функциональных стилей, выделяя не три, а четыре функциональных стиля специальной речи: публицистический, научный, газетно-информационный и официально-деловой [Шмелев 1989].

Принимая это разделение, мы хотели бы сделать только два замечания. Во-первых, применительно к звучащей речи лучше говорить не о газетно-информационном, а об информационно-публицистическом стиле, как это делает, например, Е.А. Брызгунова [1984].

Второе замечание касается специфики материала, на котором базируются функционально-фонетические исследования. Если исследователи других языковых ярусов (лексика, морфология, синтаксис) оперируют данными и устной, и письменной речи, то сфера действия исследователя-фонетиста существенно сужена и ограничивается лишь фактами устной, звучащей речи. Поэтому для фонетиста особенно существен вопрос о выборе жанров, которые были бы наиболее типичными для того или иного функционального типа или стиля речи. К тому же между типами и стилями речи нет непроницаемых границ: существуют разного рода "промежуточные" разновидности (ср. [Шмелев 1989, 24]), поэтому для анализа важно брать наиболее представительные, показательные жанры, типичные для той или иной сферы речи.

5. Чего мы ждем от изучения фонетики функциональных разновидностей? Какие закономерности предполагаем обнаружить? Вряд ли можно ожидать, что в фонетических вариантах заложен сильный "стилистический потенциал" [Панов 1963], что они будут яркими маркерами разных типов речи. Однако следует попытаться найти свое и чужое в каждом из этих типов, выявить фонетические черты, характеризующие языковые разновидности, понять, что характерно для данной языковой сферы, что в ней невозможно, а что, хотя и встречается, должно быть оценено как нетипичное или даже как ошибка, как черта, разрушающая данную языковую разновидность.

6. Для речи организованной, сознательно направляемой (а к таковой относятся все функциональные типы речи, кроме разговорной) актуально понятие правильности, само по себе не простое, поскольку оно связано с оценкой вариантов. Оценка же всегда субъективна и зависит от "лингвистического вкуса эпохи" (выражение Пражской лингвистической школы), от языковой политики общества.

В связи с этим встает вопрос о недостаточности описательно-констатирующего подхода при исследовании разновидностей кодифицированного литературного языка. Так, публичная речь в любых ее разновидностях как речь специально организованная является категорией не только языка, но и культуры, это словесное искусство. Поэтому при ее описании нельзя ограничиться констатацией фактов, встретившихся в исследуемых текстах, но необходимо совмещать научно-исследовательский и культурно-нормативный подход. Не всегда говорящий,

выступая в условиях, требующих публичной речи, учитывает эти условия и делает установку на официальность, на публичный характер выступления. В таких случаях, видимо, следует говорить о том, что он не владеет публичной речью. Для каждого вида публичной речи должно быть выработано понятие ошибки, отклонения, деформации, выводящей речь за пределы публичной.

7. При изучении фонетики в социолингвистическом аспекте (см. указанные на с. 6 работы) выяснилось, что набор вариантов, используемых в речи различных социальных групп, один и тот же, однако разные группы характеризуются различным распределением, соотношением этих вариантов. Исследования в области фонетики разговорной речи показали, что при том же составе фонем, что и в кодифицированном литературном языке, правила позиционного размещения и сочетаемости звуков в ней — иные (см. [Баринова 1973]). Именно поэтому вывод о том, что РР является особой функциональной разновидностью, особой подсистемой русского языка или даже особым языком правомочен в отношении фонетики.

Точно так же и другие функциональные сферы языка должны быть оценены с точки зрения особенностей реализации в них фонем и интонационных конструкций. Мы считаем, что, обнаружив различное распределение фонетических вариантов, разную употребительность их в различных функциональных сферах, мы тем самым покажем правомерность выделения этих языковых сфер с фонетической точки зрения, фонетическую маркированность этих сфер.

8. Несколько слов о взаимосвязи социолингвистических и функционально-стилистических факторов. Исследования, проведенные на основании анализа данных "Вопросника по современному русскому литературному произношению", подтвердили несомненную зависимость распределения орфоэпических вариантов от социальных факторов — возрастного, профессионального, территориального: в речи человека старшего поколения традиционный орфоэпический вариант частотнее, чем в речи лиц младшего поколения, филологи в большей степени придерживаются в своем произношении традиционных вариантов, чем "нефилологическая" интеллигенция и т.п.

Следует заметить, впрочем, что четкое разграничение социально и функционально обусловленных произносительных особенностей не всегда просто. Например, носителями художественной (сценической) речи являются лица, объединенные по профессиональному признаку — актеры; носители научной и официально-деловой речи — люди разных профессий, и особенности их речи могут быть обусловлены именно социальными факторами, а не характером и видом коммуникации, условиями общения или другими факторами, определяющими функционально-стилистические разновидности речи.

Но если определенные орфоэпические варианты социально обусловлены, то вероятность того, что эти же варианты окажутся распределенными по функционально-стилистическим разновидностям, практически равна нулю: вряд ли можно ожидать, что черты произношения,

присущие данной языковой личности, характеризующие ее, будут меняться под влиянием условий, целей, содержания языкового общения.

Впрочем, и здесь возможны исключения, приспособления к социальной среде. Так, о замечательном лингвисте П.С. Кузнецове (в речи которого преобладали старомосковские варианты и который произносил вели[къ̯и], Белинс[къ̯й]) рассказывают, что, приходя в книжный магазин и подделываясь под речь молодых продавщиц, он произносил Белинс[к'и̯], Маяковс[к'и̯]. Вот еще некоторые свидетельства такой "мимикрии", приспособления к адресату речи. Женщина-филолог обычно говорит *щавéль*, с ударением на втором слоге, но на рынке она, по ее собственному свидетельству, спрашивает о цене *щáвеля*; произносит *творóг*, но на рынке спросит *твóрог;* ей свойствен вариант [дошт'], но она утверждает: "Если попаду в изысканную среду, буду произносить [дошт'], *до*[ж']*и*".

Изучение того, какие фонетические черты говорящий может использовать для приспособления к среде, представляет большой интерес.

9. Как известно, Л.В. Щерба, считающийся родоначальником изучения русской фоностилистики, в основу стилистических разграничений в фонетике положил противопоставление полного стиля произношения разговорному [Щерба 1953]. Впоследствии было убедительно показано, что с этим противопоставлением связаны не стилистические различия, а различия в четкости, тщательности, отчетливости произношения. Такие различия, связанные, в свою очередь, с темпом речи, с интонационным выделением и некоторыми другими просодическими факторами, стали называть различиями, определяемыми способом произношения [Панов 1963], способом произнесения [Лихтман 1986], типом произнесения [Бондарко и др. 1974], типом произношения [Борисенко 1985].

Однако сам выбор типа (или способа) произношения, по-видимому, зависит от сферы функционирования языка, кроме того, тип произношения — нейтральный, убыстренный, замедленный [Борисенко 1985], как показывают исследователи, влияет на реализацию сегментных фонетических средств. Поэтому мы считаем целесообразным при исследовании фонетики функциональных разновидностей разбиение фонетических средств языка на две группы: 1) фонетические средства, связанные с типом произношения и тем самым зависящие от суперсегментных, просодических характеристик речи; и 2) фонетические средства, не зависящие от них, собственно орфоэпические (ср. сходное разграничение типов звукового варьирования у Е.А. Брызгуновой [1986, с. 152]).

10. Переходим непосредственно к решению задач, поставленных в данной работе, а именно к выяснению фонетических черт различных функциональных разновидностей русского языка и рассмотрению того, противопоставлены ли эти разновидности не только лексическими, синтаксическими и словообразовательными, но и фонетическими особенностями. В данном разделе дается краткий обзор основных фонетических особенностей специальной речи (в трех ее функциональных разновидностях) и художественной речи.

Материалом для наблюдений над информационно-публицистической

речью послужили информационные программы "в исполнении" радио- и теледикторов. Научная речь представлена жанрами доклада, лекции, выступления официального оппонента; официально-деловая — жанром чтения приговора в суде. Изучение фонетических особенностей художественной речи велось на материале сценической речи. В работе использованы наши собственные наблюдения над речью носителей русского литературного языка в рамках выбранных жанров; эти наблюдения соотносятся с данными других исследователей.

СПЕЦИАЛЬНАЯ РЕЧЬ

Объединяет и делает сопоставимыми жанры, относящиеся к разным функциональным стилям специальной речи, то, что все они представляют речь публичную и монологическую. Однако каждый из функциональных стилей специальной речи характеризуется особой внеязыковой ситуацией, особым распределением языковых функций, что дает возможность попытаться выявить специфические черты их фонетики.

Информационно-публицистическая речь, представленная в данном разделе речью радио- и теледикторов[1], характеризуется весьма своеобразным и даже уникальным сочетанием экстралингвистических факторов, способных влиять на ее фонетику. Как известно, обычно коммуникация и информация в языке находятся в неразрывной связи. Речь же дикторов представляет исключение — она является вещанием — образцом информации без коммуникации, сообщения без общения. Это речь не просто в официальной, но в "абстрактной" обстановке (закрытая, глухая кабина), как бы в "стерильных" речевых условиях, речь, направленная на безличного адресата при полном отсутствии обратной связи, так наз. массовая коммуникация как подвид публичной коммуникации [Разновидности русской городской устной речи 1988].

Речь дикторов не просто ориентирована на письменный текст, т.е. является исходно письменной, но и представляет собой чтение, "озвучание", как говорят специалисты, готового текста, причем чтение, характеризующееся двойной подготовленностью — при создании и редактировании текста и при его воспроизведении. Речь дикторов, как и речь актеров, — чужая, репродуцируемая, но, в отличие от сценической речи актеров, это речь "не присвоенная" (по терминологии искусствоведов), т.е. принципиально не выдаваемая за свою.

Каковы же фонетические последствия такого своеобразного сочетания экстралингвистических факторов?

Строго выдержанная монологичность речи дикторов, ориентированной на сообщение, определяет ограниченный набор коммуникативных заданий и соответственно не отличающийся разнообразием синтаксис, а

[1] Некоторые исследователи, впрочем, расценивают речь дикторов как официально-деловую (см. [Иванова-Лукьянова 1989]).

это, в свою очередь, сказывается на суперсегментных характеристиках данного вида речи.

Суперсегментная фонетика дикторской речи характеризуется следующими чертами: 1) ограниченным набором интонационных конструкций, 2) стабильным средним темпом произнесения, 3) отсутствием пауз колебания и психологических пауз, 4) наличием так называемых дикторских пауз. К этим чертам, отмеченным Г.Н. Ивановой-Лукьяновой [1989], следует добавить также ровность тона, отсутствие его резких перепадов, ровную громкость, связанную с ровной интенсивностью голоса. Старейший диктор радио Н. Толстова пишет, что диктор должен быть "скуп на интонационные раскраски" и ни в коем случае не должен имитировать разговорную речь.

Перечисленные суперсегментные характеристики способствуют реализации нейтральной, "идеальной" ритмической модели слова (формулы Потебни) и, соответственно, нормативному распределению безударных гласных в пределах фонетического слова. Условий для сверхредукции гласных, для эллипсиса целых звуковых сегментов, столь характерных для так называемой непринужденной разговорной речи, в речи дикторов нет. И хотя и в этой речевой сфере встречаются некоторые явления, присущие фонетике разговорной речи, все же их несоизмеримо меньше, чем в какой бы то ни было другой разновидности специальной речи и они ограничены практически лишь заударными позициями.

Так, реализация фонемы ⟨у⟩ звуком [ъ] возможна в дикторской речи лишь в заударной части слова, и то встречается не часто. При объявлении погоды допустимо *восемь град*[ъ]*сов*, но абсолютно исключено *восемь гра*[ʦс]*ов*, то есть "пропажа звуков" (по выражению А.А. Реформатского), весьма обычная в РР и свободно проникающая в недикторскую теле- и радиоречь. Журналист, ведущий передачу, в заключение объявляя погоду, говорит: *два*[ц]*восьмого октября прему*[ш'енъ] *осадки*. У радио- и теледикторов такая степень компрессии речи исключена.

Редукция гласных и согласных до нуля возможна, по нашим наблюдениям, главным образом в заударной позиции (ср., например [п'ьтна́цт'и] при сохранении количества слогов, преимущественно в некоторых аффиксах, фонемный состав которых вследствие их высокой частотности легко "восстанавливается" при восприятии. Примеры: *относи*[т͡ н]*ая влажность*, *обстоя*[т͡ н]ый разговор, машинострои[т͡ н]ый завод, прави[т͡ ств]енная комиссия. Ср. в речи журналистов-комментаторов: [д'ипта́ъ] (*депутата*) *СССР* — с утратой целого слога; [кр'и́ьса] (*кризиса*); [с͡а́л'н]ым (*социальным*) *проблемам; сове*[с]*ких дипломатов; за*[пън:ъ]-*европейского*. Возможно также выпадение предударных гласных в далеких от ударения слогах: выступили с [ин']*циативой*.

Апеллятивная функция в этой языковой разновидности играет подчиненную роль, проявляясь в том, что экспрессия в ней звучит лишь

приглушенно. Это особенно заметно, когда речь дикторов дается в непосредственном соседстве с речью журналистов-комментаторов. В речи дикторов невозможно экспрессивное продление звука, тогда как в речи комментаторов не только возможно, но и естественно, ср.: *Национальные чувства очень тонкие, и воздействовать на них надо* [о̄]чень осторожно.

На орфоэпию дикторов оказывают влияние такие противонаправленные факторы, как, с одной стороны, вещание на многомиллионную аудиторию, а с другой стороны, близость микрофона. Первый фактор способствует использованию таких примет строгой ("праздничной") фонетики, как прежде всего э́канье, отсутствие редукции [и̯] в заударных слогах. Близость же микрофона избавляет дикторов от необходимости форсирования голоса и от использования средств "высокой" фонетики.

Результат столкновения этих факторов — неожиданный: в речи дикторов несомненно преобладает и́канье (см. подробнее [Русский язык и советское общество 1968]), а сочетания ⟨j⟩ с гласными в заударной позиции регулярно реализуются "безйотовыми" вариантами [ä], [ӱ] и под., например, *организа́*[цъ̈ъ], *ва́ж*[нъ̈ъ], *информацион*[ӱӱ]. Это говорит о том, что реализацию ⟨j⟩ в заударной позиции нулем звука нельзя считать принадлежностью лишь разговорной речи, такое произношение характеризует нейтральный стиль кодифицированного литературного языка.

Орфоэпия информационно-публицистической речи определяется, как было упомянуто, социальными признаками ее носителей: дикторы как правило — люди с высшим образованием — либо актеры, либо филологи, во всяком случае это люди, прошедшие специальную подготовку и в процессе работы ориентирующиеся на словари, пособия и справочники по произношению и ударению. До самого недавнего времени их произношение было ориентировано на традиционную норму. Так, в области согласных в речи дикторов преобладали старомосковские орфоэпические варианты ⟨ж̄'⟩ в словах *дождь, дожди* и др., довольно последовательное смягчение зубных перед мягкими губными (*ра*[з']*витие*, [д']*вижение*, *под*[т']*вердили* и т.п.), твердый [с] в возвратных частицах (*начал*с[а́], *трудящие*[съ], *добили*[с]), твердые заднеязычные в конце основы прилагательных и глаголов (*вели*[къ̯и], *ти*[хъи], *стал*[къ]*ваетсл*) и т.п.

Даже в городах, литературная речь которых испытывает на себе влияние местных диалектных черт, радиодикторы строже придерживаются традиционной орфоэпии. Так, произношение ви[ж̄']ать, е[ж̄']у, а также *ти*[хъ]*й*, *креп*[къ]*й*, почти несвойственное красноярской интеллигенции, особенно молодежи, последовательно сохраняется в речи радиодикторов [Ганская 1970, 45].

Количественное соотношение традиционных и новых орфоэпических вариантов за последнее время существенно изменилось в сторону резкого сокращения традиционных. Этому, к сожалению, способствует

языковая политика на радио и телевидении, которая проявляется в установке на приближение радио- и телеречи к обычной, "живой" речи. Когда расширяется круг передач, которые ведут журналисты-комментаторы или редакторы, это понятно. Но когда от дикторов требуют отказа от традиционных орфоэпических вариантов в угоду "естественности" речи, то такая языковая политика вызывает тревогу[2], поскольку она ведет к снятию различий между разными видами речи, стирает, размывает границ между ними. Между тем наличие функционально обусловленных разновидностей речи является признаком высокоразвитого литературного языка [Степанов 1988].

Итак, информационно-публицистический стиль русской речи, воплощенный в речи радио- и теледикторов, в наибольшей степени олицетворяет орфоэпическую норму кодифицированного литературного языка, он близок к воплощению эталона, идеала литературной речи. Именно поэтому не следует устранять амплуа диктора-профессионала и сам жанр дикторской речи. Общество должно быть заинтересовано в сохранении эталона нейтрального стиля литературного произношения, который воплощает речь радио- и теледикторов.

Более верной нам представляется ориентация на традиционные, но живые варианты [Панов 1971; Степанов 1988].

Научная речь характеризуется особой внеязыковой ситуацией: говорящий, как правило в официальной обстановке, произносит свой собственный текст, подготовленный заранее и чаще всего записанный. Это относится к так называемым строгим жанрам научной речи: доклад, лекция, выступление официального оппонента. Как видим, по экстралингвистическим признакам научная речь близка к любой другой разновидности публичной речи. Есть ли у нее специфические фонетические черты?

Наблюдения показывают, что по своим фонетическим чертам существенно различаются строгие и нестрогие жанры научной речи, такие как неподготовленное краткое выступление, вопрос к докладчику, обсуждение научных вопросов в "полуофициальной" обстановке и т.п. Однако эти различия связаны не с научной тематикой текста, а со степенью "публичности" речи.

Для фонетической дифференциации научной, как впрочем и других разновидностей публичной речи, важными оказываются следующие факторы: 1) степень официальности обстановки и отношений между участниками общения; 2) степень непринужденности говорящего в этих условиях; 3) ориентированность на письменный текст или неподготовленность речи.

Высокая степень официальности условий общения и отношений участников в сочетании с отсутствием непринужденности и привязан-

---

[2] Особенно приходится сочувствовать тем дикторам, чья традиционная московская норма не является специально поставленной, а приобретена "по наследству", усвоена в детстве. Требование подлаживаться под младшуюорфоэпическую норму приводит к тому, что в их речи в пределах одной передачи, иногда буквально через фразу встречаются варианты, например, *до*[ж']*и* и *до*[жд]*и*.

ностью к письменному тексту создают благоприятные условия для реализации суперсегментных и связанных с ними сегментных черт той фонетики, которую принято называть фонетикой кодифицированного литературного языка или, по терминологии Р.И. Аванесова [1984], строгой разновидностью нейтрального произносительного стиля.

А.А. Реформатский писал о "различных возможностях сжатия и укорочения речевых единиц при условии, если говорящие знают и понимают ситуацию речи" [Реформатский 1979, 251]. Это условие реализуется не только в разговорной, но и в разных видах публичной речи, например, в научной, в том числе и в строгих ее жанрах. При фонетическом сокращении текста может играть роль предсказуемость семантическая и грамматическая — избыточность словесного контекста, а также предсказуемость звуков по фонетическому окружению — избыточность фонетического контекста [Баринова 1973, 124; Борисенко 1985, 271].

В каждой отрасли науки, помимо общераспространенных слов, отличающихся высокой предсказуемостью и потому склонных к компрессии, имеются свои частотные, привычные слова, которые также подвергаются сильной редукции. Приведем некоторые примеры фонетических явлений, сближающих научную речь с разговорной, однако воспринимающихся совершенно естественно, как вполне уместные в устной научной речи.

1. Редукция гласных, представляющих ⟨о⟩, ⟨а⟩, ⟨э⟩, до нуля в заударных слогах в слабой фразовой позиции: *одина*[кв]*ую почву, на*[ч]*тые, преподава*[тл']*ей, самостоя*[т͡н]*ого слова, разрабо*[тн̆ъ]*я теория, на*[ш] *задача, в по*[л'] *зрения, прослу*[шт'], [съд'иржа́т'н]*ые моменты, нет доказа*[т']*ства, вычисли*[т͡н]*ые центры, последова*[т͡н]*ость, перенести на* [кач'снъ] *другой уровень, в многочи*[снъх] *примерах.*

2. Редукция гласных до нуля в предударных слогах, в том числе в первом предударном: *опр*[д͡л']*ить непоследовательности, на опре*[дл̆']*енном этапе, мало* [т'ър'и]*тичной, на* [п'с'м'е], [пт]*ому что, хочу* [аɕна]*ви́ться (остановиться)* и т.п.

В строгих жанрах научной речи можно найти и другие признаки РР: опускание целых слогов (*направлена на приподава*[н'ь], *на обуче*[н'ь] *русскому языку; изуче*[н'ь] *проблем;* [ф'илаг'и]*ческих наук; тради*[цы] (*традиция*) *игнорирования; в учебных посо*[б'ьх]; *де*[итн]*ость; у*[ʂн]*овить (установить); для научной* [пр̆або́т]*ки).* Ср. также описание проявлений на сегментном уровне убыстренного типа произношения в научной речи в работе [Борисенко 1985].

Важно отметить, что эти черты разговорной фонетики, проникающие в научную речь, не связаны непосредственно с аллегровой речью, с убыстренным типом произношения; темп речи может быть и не убыстренным, тем не менее если говорящий чувствует себя

непринужденно, то даже и в официальной обстановке возможны "аллегровые", (по А.А. Реформатскому) формы: [на́чты], [д'е́итнъс'т'и], *обще*[ç]*ного мнения, ограничусь* [н'еçк'м'и] цитатами.

Неофициальность обстановки и отношений между участниками общения в сочетании с непринужденностью говорящих и при отсутствии ориентации на письменный текст способствуют насыщению речи разговорными фонетическими чертами. Ср. примеры из научной речи (жанр короткого выступления) в "полуофициальных" условиях: *Это надо обдумать бу́*[ьт]; *лб*[и]*ка* [çмавб] *вопроса; И это очень интересно по*[къа́]*ть;* [ма́ç'н]*ая живопись* (ср. у того же лица в лекции перед студентами: [ма́сл'ьн]*ой живописи);* В его *со́*[пснъх] *построениях.*

Фонетические явления в приведенных примерах являются яркими показателями РР, они красноречиво свидетельствуют о том, что говорящий оценивает обстановку как неофициальную, как подходящую для РР.

Описанные выше факты коррелируют с суперсегментным уровнем фонетики русского языка. Исследователи констатируют разные суперсегментные характеристики научной речи в зависимости от того, продуцируется ли она спонтанно или озвучивается. В первом случае способы сегментации речевого потока, его мелодическое оформление сближаются с характеристиками РР, в другом обладают специфическими особенностями [Скорикова 1985; Иванова-Лукьянова 1989].

Итак, на сегментном и на суперсегментном уровнях фонетики научной речи можно говорить о двух разновидностях — более строгой (собственно научной) речи как разновидности публичной речи и о менее строгой, насыщенной разговорными элементами и смыкающейся с жанром разговорной речи "разговоры по поводу науки" (о научной речи и речи по поводу науки см. [Шмелев, 1977]).

В целом научная речь дает более широкий спектр разговорных фонетических черт, оказывается более проницаемой для РР, чем речь информационно-публицистическая.

Для научной речи, как и для любой другой разновидности публичной речи, актуален вопрос о пределах возможной фонетической компрессии, о соотношении допустимых и недопустимых в данном типе речи фонетических явлений РР. Важной задачей остается установление пределов проникновения в научную речь черт фонетики РР. Выступая в официальных условиях перед большой аудиторией говорящие допустили следующие компрессивные формы: [нау́ч#са] *трудников (научных сотрудников);* [jçка́] *(языка); не заду*[мвъ]*лись (не задумывались);* [ɳка́ɜц] (*наконец*); сде[л̪']и [науч#сл'е́дт']*скую работу (сделали научно-исследовательскую работу); а если мы берем катализатор, то мы* [н'ич'б] *подобного не наблюдаем; на оси бу́*[ьм] *откладывать.* Очевидно, что такое произношение не отвечает требованиям научной (как разновидности публичной) речи, что оно недопустимо даже в нестрогих жанрах научной речи. Это именно те отклонения, те

деформации, которые выводят речь за пределы публичной и, в частности, научной.

В области орфоэпии научная речь не характеризуется какими-то специфическими чертами. Распределение орфоэпических вариантов определяется социальными факторами, например, возрастом, образованием и его характером (филологическое — нефилологическое). Говорящие пользуются той орфоэпией, которую усвоили в детстве или "поставили" в процессе обучения в филологических вузах или под влиянием речи любимых актеров или других авторитетных лиц (см. [Русский язык и советское общество 1968; Русский язык по данным массового обследования 1974]). Естественно, что если ученому свойственно произношение *и*[з'в']*естный, взаимодей*[с'т'в']*ие* (с ассимилятивным смягчением согласных), *математичес*[к'иц], *исследовало*[с'], то он так и будет говорить независимо от вида коммуникации или условий протекания речи.

Впрочем, и здесь возможны исключения — случаи "мимикрии", приспособления говорящего к социальной среде (См. приведенные на с. 9. примеры сознательного отказа говорящего от привычных орфоэпических вариантов с целью найти общий язык в иной социальной среде).

Официально-деловая речь "реализуется в текстах законов, приказов, указов, распоряжений, договоров, актов, различных документов (справок, удостоверений, доверенностей и проч.), в деловой переписке учреждений. Из перечня речевых жанров следует, что основная форма ее реализации — письменная" [Кожин, Крылова, Одинцов 1982, 104].

Казалось бы, наиболее представительные образцы звучащей официально-деловой речи можно найти в суде. Именно юридическая сфера считается областью применения официально-деловой речи. Однако речь в суде представляет собой конгломерат различных жанров — от насыщенных разговорными и даже просторечными элементами выступлений свидетелей и обвиняемых до сугубо официальных выступлений прокуроров, адвокатов, судей. Поэтому для изучения следовало взять речь юристов. Как уже было сказано, мы выбрали для наблюдения жанр чтения приговора в суде. Анализ материала показывает, что говорить о какой-то особой фонетике официально-делового функционального стиля не приходится. Тексты официальных документов зачитываются как правило в убыстренном темпе, с обычной для этого типа произношения компрессией, с присущей говорящему орфоэпией.

Этот вывод подкрепляется также наблюдениями над речью делегатов съездов народных депутатов, а также депутатов парламента, фонетика которых отражает их социальные черты (уровень образования, место, где прошло формирование речевых навыков). От других жанров этого типа речи выступления делегатов и депутатов отличает эмоциональность, ср. характерные для эмоциональной речи долгие гласные: *И там развернулась острёйшая борьба за власть; Если работы и* [н'ибу́д'ит]. Следует заметить, впрочем, что жанр выступле-

ния депутатов на съездах и в парламенте лишь с большой натяжкой может быть отнесен к официально-деловой речи.

По нашим данным, официально-деловая речь оказывается еще более проницаемой для элементов РР, чем научная, и может быть даже следует говорить об отсутствии фонетических признаков собственно официально-деловой речи.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Звучащая художественная речь находит свое воплощение в сценической речи и характеризуется особой экстралингвистической ситуацией. Эта речь репродуцируемая, однако, в отличие от информационной речи радио- и теледикторов, текст не читается, а воспроизводится по памяти, причем "присваивается" — выдается говорящим за свой. Она имеет двойную соотнесенность: адресатом ее является по видимости партнер, а в действительности — зритель.

Сценическая речь характеризуется также особой иерархией языковых функций. Первенствующую роль в ней играет поэтическая (по терминологии Пражской лингвистической школы), или эстетическая функция, то есть "направленность на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого" [Якобсон 1975, 202]. Соответственно и другие функции распределены в ней по-особому: усилены экспрессивная и апеллятивная функции. Нарушение равновесия функций (например, ориентированность лишь на коммуникативную функцию — на передачу логики текста) приводит к разрушению сценической речи. Особенно наглядно это проявляется при исполнении стихов (подробнее об экстралингвистической ситуации сценической речи см. [Кузьмина 1986]).

91296

Все эти факторы определяют и фонетическое своеобразие сценической речи. Выдающийся режиссер 20-го века Е.Б. Вахтангов очень выразительно сказал о движении на сцене. Человек в воде не может вести себя так же, как на земле, «так же точно и актер, попадая на сцену, должен уметь "плавать" в сценической среде. Без этой способности он "утонет", ибо малейшее движение на сцене совсем не есть то же самое, чем является такое же движение в действительной жизни» (в кн. [Захава 1969, 263]).

Очевидно, что и говорить на сцене нельзя так, как в жизни. Сценическая среда обусловливает особую технику речи: особое фонационное дыхание, "форсированный" голос, особую, "поставленную" дикцию. Сравнивая фотоснимки артикуляций, приводимых, с одной стороны, в пособиях для студентов театральных учебных заведений (см., например [Козлянинова 1977]) и, с другой, для студентов филфаков (см. например [Матусевич, Любимова 1963]), можно убедиться в том, что артикуляция звуков в сценической речи отличается от артикуляции звуков в "непрофессиональной" речи. Так, "актерские" артикуляции характеризуются большим раствором рта, большей активностью верхней губы, которая обнажает кончики верхних передних зубов в большей степени, чем при несценической речи.

www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Эта особая, до известной степени искусственная техника является непременным условием сценической речи: речь с неразработанной дикцией (невнятная, неразборчивая, неслышная), с неразвитым дыханием, с "бедным" голосом не может считаться сценической и квалифицируется мастерами сценической речи как дилетантская, непрофессиональная, нетеатральная.

Р.И. Аванесов [1981, 34] писал о необходимости двух подходов к изучению сценического произношения: с одной стороны, его следует изучать с точки зрения идеальных требований и, с другой, с точки зрения состояния произносительной культуры в современном театре. При рассмотрении особенностей фонетики сценической речи мы старались отражать эти два подхода.

В сценической речи принято различать две стихии, два пласта: произносительный фон и выразительные средства. Это противопоставление в некоторой степени условно, ведь и нейтральный фон — тоже "игра" по отношению к несценической речи. М.В. Панов [1983, 37] говорит об особом "сценическом нейтральном стиле", представляющем произносительный фон. По мнению И.С. Ильинской и В.Н. Сидорова [1955, 155], на сцене стилистически нейтральными являются "произносительные средства полного стиля речи".

Произносительный фон реализует "строгую, полностью нормированную разновидность нейтрального стиля произношения" [Аванесов 1972, 21]. Р.И. Аванесов подразумевает под этим не только отчетливый способ произношения, при котором ритмическая модель слова представлена классической формулой Потебни, но и более последовательное соблюдение традиционных орфоэпических норм.

При этом важно отметить, что сам сценический нейтральный фон может варьироваться в зависимости от театрального направления, от жанра и стилистики спектакля, от режиссерского и актерского замысла. Изучение этой взаимосвязи — важная задача. Начало такому изучению положил М.В. Панов статьей "Сценическая речь и театральные системы" [1986].

Как лингвисты, так и деятели театра решительно выступают против использования на сцене в качестве произносительного фона разговорной речи. Еще К.С. Станиславский писал о недопустимости перенесения на сцену бытовой разговорной речи: сцена "укрупняет", подчеркивает, делает значимыми все "вольности" разговорной речи.

Жалобы театральных деятелей на серость и будничность сценической речи, на ее "бормотальный реализм" относятся прежде всего к интонации и к ритмике слова и направлены против воспроизведения на сцене "непрепарированной" разговорной речи.

Этот недостаток сценической речи в меньшей степени проявляется в художественном чтении, основу которого составляют повествовательные жанры: чтецы не скованы рамками реализма, заставляющего их подлаживаться под "живую" разговорную речь. Поэтому как в суперсегментную, так и в сегментную фонетику художественного чтения черты разговорной речи почти не проникают (во всяком случае их

значительно меньше, чем в других разновидностях публичной речи).

Следует сказать, что в целом произносительный фон сценической речи в значительно меньшей степени проницаем для РР, чем специальная публичная речь.

Главное требование, которое предъявляется исследователями к орфоэпии произносительного фона сценической речи — это единство: "достижение произносительного единства... составляет идеал сценической речи [Винокур 1948, 24—25]. Единый орфоэпический фон необходим в театре и потому, что "на отклонениях от него в необходимых случаях актер строит индивидуальный образ, придавая речи персонажа окраску" [Ильинская, Сидоров 1955, 143]. Итак, идеальной для театра исследователи считают строго нормированную речь, в которой отсутствуют произносительные колебания, варианты. Признавая неизбежность проникновения таких колебаний на сцену, исследователи считают, что сценическая речь должна стремиться к сохранению старых произносительных норм [Аванесов 1972; 1981]. "Театральная речь должна ориентироваться на наиболее традиционные варианты, существующие в живом произношении. Они наиболее традиционны, поэтому они близкий путь к классике, но они живые, не кажутся анахронизмом, не режут ухо" [Панов 1971, 11]. Сохранение их, даже если они не являются наиболее распространенными, идет "на пользу непрерывности культурной традиции" [там же, 13].

Обследование состояния орфоэпии сценической речи, начатое Г.О. Винокуром, И.С. Ильинской и В.Н. Сидоровым и продолженное в 60—80-е годы, подтвердило стремление театра к сохранению традиционных орфоэпических норм, хотя исследователи констатируют разную устойчивость различных вариантов.

Позднейшие описания орфоэпии сценической речи показывают, что расшатывание традиционных сценических норм продолжается. Однако особая сценическая орфоэпия все же существует. Даже в речи молодых актеров традиционные варианты удерживаются в большей степени, чем не только у молодых, но и у пожилых носителей литературного языка вне театра. Приведем несколько примеров. И.С. Ильинская и В.Н. Сидоров [1955, 151], обследовавшие состояние сценической речи сезона 1951/52 гг., к наименее устойчивым чертам старой орфоэпии отнесли ассимилятивное смягчение согласных; они констатировали распространенность в сценической речи нового произношения с твердыми согласными: "Сценическая речь по этой черте гораздо ближе к новым тенденциям произношения, чем к старой норме". Наше обследование показало, что даже в таком "современном" театре, как "Современник" в речи молодежи распространены варианты со смягчением, например: *прои*[з'в']*едение, и*[з'в']*естен, залог* [с'в']*ященный,* встречается даже считающееся отошедшим в прошлое произношение мягкого губного перед заднеязычным: *ще*[п'к']*и* и т.д. Удерживаются на сцене этого театра и другие черты традиционной нормы: долгий мягкий [Ж'] (*бры*-[Ж']*ущий, пое*[Ж']*ай, вы*[Ж']*ены),* твердые заднеязычные в конце основы прилагательных (*не*[къ]*й, вели*[къ]*й, вся*[къ]*й, писательс*[къ]*й долг),*

хотя, разумеется, более распространенными являются новые варианты: *политичес*[к'и]*й, бриллиант малень*[к'и]*й, герцог Тоскан*с[к'и]*й.*

Итак, в сценическом произношении есть орфоэпические варианты, но их распределение подтверждает, что современная сценическая речь по своей орфоэпии остается особой функциональной системой.

Это и понятно: орфоэпия произносительного фона сценической речи определяется профессией ее носителей — актеров, людей, получивших специальное речевое образование и знакомых с лучшими образцами произношения мастеров сцены прошлых лет, с речью своих современников — актеров старшего поколения, и ориентирующихся на речевую традицию.

Особо следует сказать о такой разновидности художественной речи, как чтение стихов. Стихотворная речь отличается своеобразием ритмической и интонационной организации. Здесь результаты наших наблюдений во многом совпадают с результатами других исследований [Златоустова 1973; Лихтман 1986; Иванова-Лукьянова 1989]. Даже по сравнению с художественной прозаической речью стихотворная речь является более вокализованной: предударные, ударные гласные и гласные абсолютного конца фонетического слова отличаются удлиненностью, что способствует увеличению времени звучания стихотворной речи по сравнению с прозаической. Стихотворная фраза более дробно членится на синтагмы, чем прозаическая, паузы в ней носят более стабильный, единообразный характер. При чтении стихов чаще реализуется замедленный тип произношения.

Эти характеристики не могут не сказываться на звуковой реализации ритмической модели слова: в стихе исключены компрессивно-аллегровые явления разговорной речи, не считая, разумеется, тех случаев, когда "разговорность" является художественным заданием. При чтении стиха (а также и в стихотворных пьесах) наблюдается увеличение числа вариантов, представляющих безударные гласные. Следствием указанных особенностей суперсегментной фонетики стиха является и то, что в стихе чаще, чем в других видах сценической речи, реализуется эканье, а в особой подсистеме слов — нередуцированное [о]: *б*[о]*кал, п*[о]*эт, ар*[о]*мат, х*[о]*рей* и т.п.

Орфоэпия стиха подчинена эстетическому заданию: выбор одного из орфоэпических вариантов определяется звуковой инструментовкой даже тогда, когда данный вариант несвойствен произношению актера. Так, Д.Н. Журавлев, строго придерживающийся старомосковской произносительной нормы, даже несколько архаизированных ее черт (таких, например, как *наве*[р'х], *ви*[д'ут]*ся, ко*[ɣ]*да-нибудь*), читая стих Б. Пастернака *В его устах звучало завтра Как на устах иных вчера Еще не бывших дней жара Воображалась в мыслях кафру,* — произносит [жа]*ра*, а в стихе А. Вознесенского *Пахнут стружкой фасады, Срубы, башни, шатры. Сколько барских усадеб Взяты в те топоры* слово *шатры* он произносит с [а].

Е.О. Акишина, приводя это наблюдение, справедливо объясняет в

своей дипломной работе использование Д.Н. Журавлевым несвойственного ему вобще орфоэпического варианта инструментовкой стихов на [а].

Еще один пласт сценической речи — "игра произношением" [Винокур 1948, 24], использование выразительных средств, речевых красок для создания образа. Исследователи считают, что с помощью речевых средств на сцене передается стиль автора, эпоха, в которую происходит действие, национальный и территориальный колорит, социальная среда, профессия и черты характера персонажа. Изучение речевых средств, способных передать такую богатую совокупность характеристик, является важной задачей в исследовании сценической речи.

Исследователи выделяют три вида речевой характерности: дикционная, интонационная и орфоэпическая. Орфоэпическими красками принято считать отступления от общепринятого литературного произношения [Ильинская, Сидоров 1955], "деформацию литературной нормы" [Панов 1963].

Из орфоэпических красок чаще всего используется на сцене диалектное произношение и нерусский акцент. Эти краски и их функции в большей степени описаны в литературе.

Недостаточно исследован вопрос о том, могут ли использоваться на сцене в характерологических целях сосуществующие в литературном языке орфоэпические варианты. В этом случае нельзя говорить об отклонении от нормы, и потому обыгрывание таких вариантов, видимо, не может служить яркой краской. Однако по мере того как варианты, характеризующие старомосковское произношение, начинают восприниматься как устаревшие, архаизированные, открывается возможность использования их в качестве речевой краски.

Так, наблюдения показывают тенденцию к орфоэпическому разграничению, с одной стороны, классических спектаклей и, с другой, спектаклей из современной жизни, хотя это свойственно лишь наиболее чутким к слову талантливым актерам. По наблюдениям Л.Н. Кузнецовой, обследовавшей использование вариантов [гъи̯], [къи̯], [хъи̯], в спектакле по пьесе Шекспира Л.И. Касаткина пользуется традиционными вариантами, тогда как в "Барабанщице" и "Укротительнице тигров" — новыми вариантами [г'ии̯], [к'ии̯], [х'ии̯] [Кузнецова 1977, 203].

Отвергая использование на сцене РР в качестве произносительного фона, исследователи сценической речи признают, что фонетические черты РР могут служить на сцене очень яркой многофункциональной краской, но лишь в том случае, если слова, "произнесенные по законам разговорной фонетики, располагаются в сильной фразовой позиции" [Розанова 1986, 110], т.е. там, где их заведомо не может быть (опять-таки деформация, отклонение от нормы!). Н.Н. Розанова приводит ряд интересных примеров. Вот еще один выразительный пример, показывающий, что неуместность сильной редукции (с выпадением слогов) в сильной фразовой позиции создает яркий комический эффект. А. Миро-

нов в телефильме "Обыкновенное чудо" говорит: Вы привлека[т'н]ы, я чертовски привлека[т'н], чего зря время терять?!".

Итак, приоритет эстетической функции сказывается на фонетике художественной речи следующим образом:

1) в особой организации суперсегментного уровня фонетики, отличающегося и от РР, и от других функциональных разновидностей;

2) в последовательной реализации нормативной ритмической модели слова и как следствие этого — в отсутствии сверхредукции гласных;

3) в более частом, чем в других разновидностях, использовании вариантов гласных с меньшей степенью редукции, то есть представляющих "полный фонетический облик слова";

4) в подчинении орфоэпии фонетической организации стиха;

5) в более регулярном следовании традиционным орфоэпическим вариантам.

* * *

1. При описании функциональных разновидностей русского языка оказалось актуальным разбиение вариативных средств сегментной фонетики на два разряда — зависимые от типа произношения (в основном от разного рода просодических факторов) и независимые от него. На изменение условий, целей, задач общения реагируют фонетические средства первого типа — зависящие от типа произношения и тем самым от суперсегментных особенностей данной функциональной разновидности.

2. Выделение трех основных функциональных типов речи — разговорная, художественная и специальная оправданно и с фонетической точки зрения.

3. Фонетику художественной и разговорной речи сближает высокая вариативность звуковых единиц, хотя спектр варьируемых единиц разный и факторы, способствующие увеличению числа звуковых вариантов, — разные. Если многообразие вариантов РР связано главным образом с убыстренным типом произношения, результатом которого является бóльшая "плотность" соединения звуков, то увеличение числа звуковых реализаций в художественной речи связано, наоборот, с замедленным типом произношения и как следствие — с ослаблением взаимодействия звуков, с освобождением их от влияния позиции.

4. Все типы "организованной" (по Д.Н. Шмелеву) речи — как специальная, так и художественная речь — испытывают на себе влияние стихии разговорного языка, однако они оказывают разное сопротивление этой стихии. Наиболее устойчивыми к проникновению фонетических черт РР (компрессии речи, всякого рода деформаций звуковой модели слова) — оказываются художественная и информационно-публицистическая речь.

Степень проницаемости разговорной фонетики в другие разновидности речи в большой степени зависит от культуры говорящего, от его

умения учитывать обстоятельства, условия, задачи речи, а для актеров и дикторов — от их профессионализма.

5. Художественная речь в силу своих экстралингвистических данных противопоставлена всем другим видам публичной речи. Это сказывается на употреблении фонетических средств как связанных с типом произношения, так и не связанных с ним. В художественной речи последовательнее, чем в других разновидностях, реализуется нормативная ритмическая модель слова, отсутствует сверхредукция гласных.

Что же касается орфоэпии, то художественная речь в большей степени, чем другие разновидности русской речи, склонна к сохранению традиционных орфоэпических вариантов.

6. Из трех разновидностей специальной речи одна — информационно-публицистическая — в фонетическом отношении сближается с художественной речью, в частности, она оказывает устойчивое сопротивление разговорной стихии, а также в большей степени сохраняет традиционные орфоэпические варианты. О собственно "научной" или "официально-деловой" фонетике говорить нельзя; спонтанная речь в пределах этих разновидностей в большей степени насыщена элементами разговорной фонетики, чем неспонтанная.

Актуальной задачей в области культуры речи является выработка понятия неправильности, ошибки для фонетики художественной и специальной речи и установление качественного и количественного предела насыщенности публичной речи чертами разговорной фонетики. Наличие функционально обусловленных разновидностей речи является признаком высокоразвитого литературного языка [Степанов 1988], поэтому несомненно проявляющаяся тенденция к фонетическому нивелированию этих разновидностей не должна поощряться.

ФОНЕТИКА РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕГМЕНТНЫХ И СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

О фонетике русской разговорной речи собран уже достаточно обширный материал. В течение последних двух десятилетий появилась целая серия работ, посвященных изучению звуковых особенностей РР.

В исследовании Г.А. Бариновой [1973] впервые было проведено системное описание звуковых единиц РР. Основные выводы, к которым приходит автор, заключаются в следующем:

1. Для фонетической системы РР характерен тот же набор единиц (фонем), что и для КЛЯ. Расхождение между этими системами заключается в различных законах реализации и сочетаемости фонем.

2. Для вокализма РР характерны:

– сильная, вплоть до полного исчезновения, редукция безударных гласных в любом относительно ударения слоге: *со*[рк]*овые, ко*[мн]*та;* [с'с]*тра о*[б'з]*ательно; прово*[лк]*а* и т.д.;

– стяжение гласных: [т'атр] – *театр*, [къ]*ративный;*

– деформация ударных гласных (аккомодация, назализация, оглушение и др.);

– качественная редукция безударных гласных в результате межслогового взаимодействия звуков в слове (межслоговая ассимиляция): *ощ*[и]*щение, отп*[ъ]*ск.*

3. Для консонантизма РР характерны:

– ослабление согласных в любой позиции;

– сильная ассимиляция согласных по разным отдельным признакам, а также по совокупности признаков, в том числе ассимиляция на стыке слов и ассимиляция согласных, оказавшихся рядом в результате выпадения звуковых отрезков между ними: *про*[зд] *замерзла; пре*[ж'ш']*ем, пре*[ш':]*ем – прежде чем;*

– редукция – вплоть до выпадения – согласных в разных позициях в слове: *в о(б)щем, пра(в)ильно, пра(в)да.*

4. Помимо редукции и выпадения отдельных звуков возможен эллипсис слогов и еще больших отрезков текста: *с кем-нибудь* – [с к'э́мн'ьт'], *потому что* – [пту́шъ, пта́шъ, пъш], *какие-то* – [к'и́тъ, к'ит] и т.п.

Таким образом, фонетика РР отличается от фонетики КЛЯ в парадигматическом плане – бо́льшим числом звуковых репрезентаций у каждой фонемы при сохранении того же общего набора их для всех фонем; в синтагматическом плане – более свободной сочетаемостью звуков, возможностью употребления большего числа звуков в некоторых позициях; в плане смыслоразличения – меньшей различительной способностью фонем (т.е. увеличивается число фонем, вступающих в нейтрализацию, и число позиций, допускающих нейтрализацию).

Результаты исследования Г.А. Бариновой основывались на данных слухового анализа. Следующий этап изучения звуковой системы РР требовал привлечения данных инструментального анализа, их сопоставления со слуховыми наблюдениями. Такое исследование было предпринято Н.И. Гейльман [Гейльман 1988]. В работе рассматривались различные модификации гласных и согласных в РР, описывалась их позиционная обусловленность, выявлялись их акустические характеристики. Использование методов инструментального анализа позволило выделить больший набор аллофонов, представить их более точное (не только качественное, но и количественное) описание, уточнить ряд выдвинутых ранее положений.

Особый интерес исследователей фонетики РР привлекает группа высокочастотных слов и сочетаний слов, т.к. эти слова наиболее сильно эллиптируются в потоке быстрой небрежной речи и этот эллипсис не всегда определяется позиционными условиями. Многие разговорные произносительные варианты высокочастотных слов являются в РР лексическими дублетами: говорит – *грит, гыт;* наверное – *на́на;* сегодня – *сёдня, сёня;* разрешите – *рши́те* и т.п. Почти во всех исследованиях,

посвященных РР, обращается внимание на особенности произношения высокочастотных слов. Однако полное описание фонетики частых слов на материале русского языка пока отсутствует[3]. Лишь в коллективной монографии "Фонетика спонтанной речи" [1988] один из разделов посвящен рассмотрению особенностей реализации и восприятия частотных слов в РР [там же, 117 и сл.], а также впервые предпринята попытка создания фонетического словаря высокочастотных слов [там же, 240 и сл.].

Основной причиной, обусловливающей модификации сегментных единиц и их эллипсис, является, по мнению исследователей, ослабление артикуляции. Многие звуковые модификации тесно связаны также с особенностями просодической организации РР. Однако если сегментные единицы данной речевой сферы описаны достаточно полно, то ее суперсегментный уровень еще ждет своего исследователя. К настоящему времени имеется описание лишь отдельных участков просодической системы РР. Так, рассматривались некоторые типы интонационных конструкций и их функционирование в РР [РРР–1973], особенности ритмической организации РР, связанные с динамической неустойчивостью слов во фразе, а также темп речи [РРР–1983], особенности членения и акцентного выделения [Фонетика спонтанной речи 1988].

В качестве одной из особенностей РР, в значительной степени определяющей многие ее специфические свойства на разных языковых уровнях, исследователи выделяют активную роль фразовой просодии. Это обстоятельство особенно важно учитывать при фонологической интерпретации фактов разговорной фонетики[4]. Так, например, было замечено, что в РР многие дифференциальные признаки фонем теряют различительную силу [Панов, 1979; РРР – 1973]. Ср. следующие примеры: *Светик* – [с'в'ит'ик] (пример на нейтрализацию различий по подъему между гласными <э> – <и>); *просто* [прост] – *пруд* [прут] (пример на нейтрализацию признаков лабиализованности и подъема и неразличение фонем <о> – <у>); *там* [там] – *дам* [дам] (не различаются фонемы <т> – <д> в результате нейтрализации признака "глухость" – "звонкость"). Приведенные случаи неразличения фонемных противопоставлений кажутся неправдоподобными, необъяснимыми, если их рассматривать в отвлечении от фразового контекста, не учитывая тех просодических свойств фразы, в состав которой данные слова входят. Если вернуть эти слова во фразы, из которых они были извлечены, то

---

[3] Отметим, что такие описания были сделаны на материале других европейских языков. Ср., например [Brown 1984; Meinhold 1973; Gimson 1970].

[4] В последние годы многие зарубежные исследователи обращают внимание на тот факт, что сегментная вариативность в потоке речи нередко обусловлена воздействием суперсегментных факторов [James, 1986]. Анализируя причины звуковой вариативности в речи датчан, говорящих на английском языке, А.Р. Джеймс стремятся показать, что суперсегментный контекст способен воздействовать одновременно на позицию (place) и форму сегментного варианта и, таким образом, может чисто специфически управлять каждым вариантом.

мы убедимся, что такое произношение в данном ритмо-интонационном окружении вполне естественно. Данные примеры представляют собой случаи нейтрализации фонемных противопоставлений в с л а б ы х фразовых позициях. Ср.: *Я попробовала просто* [прот] // *– Мы в этот пруд* [прот] *попрыгали/ и искупались//; Я дам ему конфетку// – Мы там* [т̪ам] *кажется не были//*

В условиях реального речевого общения слушающий обычно не испытывает больших затруднений при восприятии "усеченных" фонетических вариантов слов и даже не замечает, сколь далек от "идеального" звукового состава слова произнесенный сегмент. Знание контекста и ситуации дает возможность собеседникам адекватно воспринимать услышанное. Однако при извлечении слов из речевого контекста правильное их отождествление затруднено. Как показал проведенный ленинградскими фонетистами эксперимент на восприятие вне контекста частотных словоформ, число правильных ответов при их опознании составило 54% от общей суммы всех ответов. При этом бóльшая часть правильных ответов приходилась на слова, выделенные синтагматическим ударением [Фонетика спонтанной речи 1988, 117].

Как было уже отмечено, для фонетической системы РР характерно увеличение числа фонемных модификаций. Больший, чем в КЛЯ, вариативный спектр фонемы обусловлен тремя основными причинами: 1) эксплицитное комбинаторное воздействие, 2) имплицитное комбинаторное воздействие, 3) просодическое воздействие. Рассмотрим подробнее каждую из этих причин.

1. Э к с п л и ц и т н о е к о м б и н а т о р н о е в о з д е й с т в и е выражается в том, что в РР наблюдается более тесное взаимовлияние звуков в речевой цепи, т.е. усиливаются процессы коартикуляции звуков [Речь. Артикуляция и восприятие 1965].

Усиление коартикуляции связано с особенностями разговорного речевого общения. Спонтанность, неофициальность, непринужденность общения, его "камерность", непосредственное участие говорящих в речевом акте приводят к тому, что увеличивается темп речи, ослабляется контроль говорящего за своим произношением, возрастает непроизвольность артикуляторных движений. В результате этого становятся более возможными и частотными наложения артикуляционных фаз соседних звуков. Тесное взаимодействие звуков в речевой цепи приводит к усилению процессов ассимиляции, аккомодации, эллипсиса. Широко распространено в РР явление ослабления артикуляции согласных, что выражается в вокализации сонантов [*л*], [*р*], [*м*], [*н*], появлении билабиального [w] на месте губно-зубного [в], фрикатизации смычных, аффрикат, озвончении глухих согласных в интервокальной позиции. Ср. например: *да*[л̪]*а, зао*[р̪]*ала понимаешь* – [пъ̪н'ма́ш], в *детст*[w']е, [д̪]*ождди* и др.

Как приспособление артикуляции гласных к артикуляции соседних согласных рассматриваются случаи огубления неударных гласных, находящихся рядом с губными: *п*[а°]*мощником, б*[ъ°]*вал, в*[ъ°]*йна.*

Исследователями отмечалось взаимовлияние не только соседних звуков, но и звуков, отстоящих друг от друга в речевой цепи. Р.Ф. Пауфошима [1980] описала явление межслоговой ассимиляции гласных, получившее наиболее яркое выражение в РР. Ср: *п*[у]*к*[у]*пал, к*[ъ°]*кое-то, что-то в этом роде* – [шъ°тъ°тъ°м рбд'ь].

В РР в условиях слитного произнесения целого комплекса слов изменяется содержание позиций "начало слова" и "конец слова". Эти позиции для гласных и согласных могут быть приняты во внимание лишь в том случае, если между словами проходит синтагматическая граница. В остальных случаях на межслоговых стыках имеют место те же процессы, что и внутри слова. Например: *показывал* [оңъс]*ключительно, та*[мб̃]*ыли, но*[ž'б̃]*ыла, приходило*[с]*разу отправлять обратно, он был ди*[к'ък]*онечно* и т.п.

Просодические показатели синтагматической границы (пауза, перепад в движении основного тона, замедление темпа к концу синтагмы) также ослабляются ([РРР – 1983; Фонетика спонтанной речи 1988] и др.). В результате этого на границах синтагм при слитном произношении можно наблюдать те же коартикуляционные процессы, что и внутри слов: (о магнитофоне) *Если он крути*[цъ]*н должен писать//; Он любил анатомические вопро*[з:]*адавать такие//; И вдруг вижу кого-то из оркест*[р']*// я говорю "Боже мой!"//.*

Одним из суперсегментных показателей межсинтагменной границы, имеющим широкое распространение в РР, является глоттальная смычка, которая появляется перед гласным в начале синтагмы: *Это был* / [ˀа]бмен// (рис. 1). В таких случаях начальные гласные слова реализуются по тем же правилам, что и гласные других прикрытых слогов: *Из...э...м...так сказать содержания спектакля*/ [ˈъ]*рганично выливались все номера//; Дошел он*/ [ˀи]*ли не дошел?*

Крайним проявлением ослабления артикуляции звуков в речевой цепи является их полное выпадение (так называемая нулевая редукция). Однако, утрачиваясь, звук нередко сохраняет часть своих признаков на соседнем звуке. Это явление, широко распространенное в РР, и оказывающее значительное влияние на особенности фонемного варьирования, можно назвать имплицитным комбинаторным воздействием.

2. Имплицитное комбинаторное воздействие утратившегося звука. Ср. следующие примеры: *поют* – [паут], *союз* – [саус] (упредненное произношение [у] – свидетельство утраты [j]); *словом* – [слóъ°м], *по-новому* – [панóуму] (лабиализация заударного гласного – результат выпадения [в]); *почему-то* – [пъч'ýт], *что он* – [шт̃] (назализация гласных в результате утраты сонантов [м] и [н]); *будут* – [бýд°т] (лабиализация и слоговость [д] – "след" [ȕ]). Анализируя случаи выпадения <j> в некоторых глагольных окончаниях, Р.И. Аванесов [1984, 205] писал: "Отсутствие фонемы на фонетическом (произ-

носительном) уровне не всегда представляет ее нулевой вариант; она может раствориться в соседней или соседних фонемах, отразившись в их качестве". Он предложил рассматривать получившийся гласный как репрезентант двух фонем. Так, в слове *поют*, произнесенном как [паʊ̯т], в гласном [ʊ̯] реализуются фонемы <j> и <у>. В РР таких случаев, когда один звук представляет собой модификацию нескольких фонем, значительно больше. Ср.: *курир*[у]*л* (<ова> – [у]), [ʒ̯]*писал* (<за> – [ʒ̯]), [ɐ̯°]*кава* (<ру> – [ɐ̯°]), *разгово*[ɐ̯°]в (<ро> – [ɐ̯°]), *я* – [å] (<ja> – [å]), *помощник*[ъ̃] (<ом> – [ъ̃]), *в лесном* [ъ̃]*ституте* (<ин> – [ъ̃]), [ɲ̯]*писал* (<на> – [ɲ̯]).

В связи с вопросом о неполной нулизации звуков обращают на себя внимание следующие факты. В РР на месте сочетаний [с'ж], [з'ж], [с'т'ш], [т'ш] и под., возникающих на границах морфем и слов, могут появляться сочетания [и̯ж], [и̯ш]: *здесь же* – [з'д'зи̯жъ], *надо сказать что* – [ска́и̯шъ], *пусть же* – [пу́и̯жъ], *отучил*[ъи̯ з]*а зиму летать*. В этих случаях [и̯] появляется на месте утратившихся мягких согласных [с', з', т'] как "материализованный", воплотившийся в конкретном звуковом сегменте признак мягкости.

3. Просодическое воздействие. Большинство исследователей разговорной речи отмечают особую значимость интонационных средств, их существенную роль в формировании звуковых особенностей спонтанных текстов. Однако вопрос о том, какие суперсегментные средства и каким образом влияют на сегментную фонетику РР, исследован еще недостаточно[5]. Можно выделить следующие просодические средства, от которых зависит звуковой облик фразы:

А. Фразовые акценты. Т.М. Николаева [1977] отмечала бóльшую (по сравнению с некоторыми другими славянскими языками) подавляющую силу русской фразовой интонации в ее воздействии на фонетическое слово. Однако степень подчиненности словесной просодии фразовой различна в разных интонационных структурах. Н.Д. Светозарова [1982] разграничивает интонационные модели по степени подчиненности слов интонационному центру синтагмы на два основных типа: интонационные конструкции с сильно центрированными и слабо центрированными акцентами. Сильно центрированный контур

[5] В данном разделе внимание будет обращено главным образом на "поверхностную" интонационную структуру. Для обозначения интонационного рисунка синтагм использована просодическая транскрипция, предложенная С.В. Кодзасовым [1989] для русского языка. Основное достоинство данной транскрипционной системы состоит в том, что она дает возможность тонко фиксировать просодические явления, обычно не получающие отражения в других просодических транскрипционных системах: уровень базового тона, многообразие тональных акцентов и их комбинации, различные фонационные, количественно-динамические и артикуляционные средства фразовой просодии. Внимание к этим средствам особенно важно при интонационных описаниях разговорной речи. Кроме того, при разработке принципов просодической транскрипции С.В. Кодзасову удалось максимально учесть и использовать как отечественный, так и зарубежный опыт исследования русской интонации.

характерен для интонации общего вопроса. На ударном гласном реализуется восходящий мелодический акцент (ИК-3 по системе Е.А. Брызгуновой). Предцентровая часть мелодически сглажена и произносится в убыстренном темпе. Ослабление словесных ударений в неакцентированных словах создает условия для менее отчетливого их произнесения. В неакцентированных словах возможны разные виды звуковых модификаций. Ср.: (о местоположении Казанского вокзала в Москве) *На другой стороне по отношению к Ленингра́дскому?* – [н̩ друго́й̩ стрън'э́ пъ‿тнъшэ́н̩'ь к‿л'ьн̩'нгра́цкъму].

Сглаженность словесных мелодических контуров характерна также для интонации частного вопроса. Убыстрение темпа и подъем основного тона на более высокий уровень отмечается в межъядерной части, т.е. между двумя положительными акцентами. Наибольшей фонетической деформации подвергаются слова, попавшие в этот междуударный интервал: *А что́ значит давали номера́?* – [а‿што̄‿зн̄ъч'ь‿дъва́л'и нъм'ира̄].

Похожий акцентно-мелодический рисунок могут иметь ответные реплики диалогов. Сегментно-фонетический облик слов подчиняется тем же закономерностям: *Он никого не пускал за кулисы//* – ['он н'икаво̄‿н'ь‿пъ°ска́л‿зъ‿кул'и́сы] (рис. 2).

К сильно центрированному типу относится интонационный контур повествовательных высказываний с усиленным акцентным выделением одного из слов (двойной положительный акцент). Неакцентированные слова произносятся убыстренно, возможен их фонетический эллипсис: (о прослушивании магнитофонной записи) *Это можно потом отсю́да немножко прослушать//* – [ʔэ́тъ мо̀жн̩ п̩ът̩ъм‿а̀цсу́дъ н'имно̀шкъ прасл'у́ш̩т'].

Слабо центрированный тип проявляется ярче всего в нейтральных повествовательных высказываниях с нисходящим мелодическим акцентом на конечном слове. Слова в такой фразе имеют бо́льшую акцентно-мелодическую автономность, поэтому их сегментная фонетическая структура менее деформирована: (рассматривают фотографии с изображением сцен из танцевальных номеров Ленинградского Мюзик-холла) *Вот вам пожалуйста "Змея"* (название танцевального номера) // – [во́т ва́м пъжа́лстъ з'м'ийа̄] (рис. 3).

Таким образом, в разговорных высказываниях наблюдается определенная связь их акцентно-мелодических структур с сегментно-звуковым обликом слов: чем ярче мелодико-динамическая выраженность акцентированных слов во фразе, тем менее вероятно отклонение их звукового облика от произносительной литературной нормы, в отличие от слов неакцентированных, возможность фонетического эллипсиса которых значительно возрастает.

Помимо фразовых акцентов на звуковую организацию слова во фразе влияют и другие просодические показатели: темп произнесения, фонационные характеристики, назализованное, огубленное произноше-

ние интонационной компоненты и др. В отличие от фразовых акцентов, присутствие которых обязательно в любой фразе (синтагме), данные просодические признаки появляются спорадически, внося в высказывание дополнительные смысловые оттенки.

Б. Фонационные средства[6]. "Фонации – это разные качества голоса, определяемые состоянием голосовых связок. Имеется два фонационных признака: один связан с состоянием краев голосовой щели, другой с ее конфигурацией. 1-й признак имеет значения: напряженный (нпр), нейтральный, расслабленный (рсл); 2-й скрипучий (скр), нейтральный, придыхательный (пдх)". [Кодзасов 1989, 22–23]. Фонационные различия по признаку "напряженность–ненапряженность" в устной спонтанной речи нередко (но не обязательно) соотносятся с противопоставлением по признаку "напряженность–ненапряженность артикуляции". Можно отметить довольно часто встречающиеся случаи, когда расслабленная фонация сопровождается ослаблением общей напряженности артикуляции (преимущественно согласных), что выражается в усилении фрикатизации и спирантизации согласных. Расслабленный голос может сопровождаться и замедлением темпа, а это приводит в свою очередь к увеличению длительности гласных (прежде всего ударных). Например: *И/ я (порабдтала там)* [рсл]// – [ɸърабдтълъ]; (*Япо-о-нский*)[рсл]*он очень красивый нам номер поставил//*

Напряженный голос, наоборот, может сопровождаться увеличением темпа и громкости, интенсивность гласных и согласных усиливается: *Это был / (обмéн)* [нпр] //. Если сопоставить акустические характеристики слова *обмен* с акустическими характеристиками этого же слова, взятого из другой синтагмы, произнесенной тем же информантом, но с нейтральной фонацией (Это был обмен/), то увидим, что в первом случае длительность звуков меньше, а интенсивность больше (рис. 1), чем во втором, при нейтральном голосе (рис. 4). Гласный [э], произнесенный с напряженной фонацией по качеству более однороден.

Придыхательный голос, внося в высказывание оттенок положительной экспрессии, соответственно "окрашивает" и звуковые сегменты. Гласные и согласные в пределах составляющей произносятся с придыханием: *Ведь это же были (спект[а:^{h}]кли)*[пдх]; *И потом* ([^{h}а]вторы)[пдх]*были!*; *...которые все делали* ([к^{h}а^{h}к^{h}])[пдх] *одна//*

В РР широко используются такие фонационные средства, как "звонкий шепот", "плач в голосе", "смех в голосе", "улыбка" и т.п. Они представляют собой "символические речевые варианты соответствующих звуковых жестов" [Кодзасов 1989]. Данные фонации также меняют акустические характеристики звуковых сегментов. Ср.: *Их*

[6] Типы фонационных различий исследовались в трудах американских лингвистов (см. [Ladefoged 1971]). На русском материале типы фонаций рассматривались в [Кодзасов, Кривнова 1977].

приходилось (сразу)[смех] / *отправлять (обратно)* [улыбка] // Последнее слово информант произносит с улыбкой в голосе, что артикуляционно сопровождается сокращением резонаторной полости за счет растяжки и уплощения губ, продвижением языка вперед. В результате все гласные слова *обратно* имеют более переднюю артикуляцию, позиционно не обусловленную: [а́бра́т͡на].

В. Артикуляционные просодические средства. Увеличение раствора рта (˅) или его уменьшение (˄) приводит к образованию более "широких" или, соответственно, более "узких" гласных. Так, уменьшение раствора рта, наблюдаемое при произнесении различных вводных слов, выражений, добавочных сообщений, чаще всего сопровождается и другими просодическими показателями: уменьшением громкости, возрастанием темпа, снижением регистра. Изменение просодических условий влияет и на сегментный состав слов. Ср.: *И я его очень* (*кстати сказать*) ˄Б *любила*// [кстъ͡ц_скът']

Просодический признак назализованности придает всему высказыванию оттенок доверительности: *А мы его (потихо́ньку возьмем)˜* //. Гласные и согласные, попадающие в сферу действия данной просодии, произносятся назализованно.

Просодический признак огубленности наряду с другими просодическими признаками вносит в высказывание оттенок самоочевидности: *Он был (лы-ы-сый)° в общем/ в основно́м*//. В данном случае лабиализуются все звуки в слове *лысый* – [л°ы́°с°ы°и̯°]. Ср. также: *(Да-а)° деточка*// (рис. 5).

Таким образом, для РР характерен более широкий, чем в КЛЯ, вариативный спектр фонем. Эта вариативность может быть обусловлена разными факторами. Во-первых, усилением процессов коартикуляции, приводящим к более тесному взаимодействию звуковых сегментов между собой; (эксплицитное комбинаторное воздействие) и выражается в увеличении числа комбинаторных модификаций:

Типы комбинаторных модификаций, не отмечаемых в описаниях фонетики КЛЯ	
t'á	усиление аккомодации гласных
ada	озвончение глухих согласных в интервокальной позиции
...t...	ослабление артикуляции согласных под воздействием окружения
д̥	оглушение сонантов в соседстве с глухими согласными

Во-вторых, ослаблением и выпадением звуков в речевой цепи. В этих случаях соседний звуковой сегмент приобретает некоторые качества утратившегося звука (имплицитное комбинаторное воздействие):

Типы модификаций, возникающие в результате имплицитного комбинаторного воздействия	
ф(а)	приобретение согласным слоговости в результате выпадения гласного
(n)а(n)	назализация гласного в результате редукции назализованного сонанта
(v)а°(v)	лабиализация гласного в результате утраты губного
(t')а	сохранение гласным более передней артикуляции при выпадении мягкого согласного

В-третьих, более сильным влиянием на звуковые сегменты фразовой просодии[7]. В отличие от комбинаторных вариантов, образующихся в результате взаимодействия звуков в речевой цепи, просодические варианты возникают в результате различных "суперсегментных наложений" и охватывают обычно несколько звуков, слогов или слов, попадающих в сферу действия данной просодии.

Итак, можно отметить бóльшую вариативность фонем в разных позициях в РР. Однако эта вариативность не безгранична, выделяются наиболее "благоприятные" фразовые условия для различных звуковых модификаций. Рассмотрим эти условия.

ФРАЗОВЫЕ ПОЗИЦИИ В РР

В зависимости от того, насколько велико воздействие фразовой просодии на изменение "идеального" фонетического облика слов, мы разграничиваем с и л ь н ы е и с л а б ы е фразовые позиции. В сильной фразовой позиции звуковой состав слова представлен наиболее полно. В слабых фразовых позициях возможны различные модификации звукового облика слов, что нередко приводит к образованию омонимичных форм типа: [п'ьт'] – *пять, петь, пить;* [мош] – *муж, можно; можешь;* [прот] – *пруд, просто*. Разрушает омонимию лишь контекст, конкретная речевая ситуация. Ср. следующие примеры: (в кассе) *Дáйте мне [п'ьт'] копéек* – (о ребенке) *Да я давáла пить* [п'ьт']*/ не хóчет//;* (из разговора двух приятельниц) *А мóй муж* [мош] */ эксли́брисы любит рисовать// – Да ты́ сама́ можешь* [мош] *поговорить с ним//*

Определение фонемного состава слова, находящегося в слабой фразовой позиции, часто затруднено в результате высокой степени вероятности различных модификаций его звукового облика. Для выяснения фонемного состава слова необходимо выявить такие фразовые контексты, в которых звуковой облик слова был бы представлен наиболее полно, т.е. найти его в сильной фразовой позиции.

Фразовые позиции выделяются на основании следующих признаков,

[7] В последние годы некоторыми исследователями высказывается мысль о том, что сегментно-звуковая структура слова зависит не только от фразовых условий, но во многом определяется скрытыми просодическими свойствами самого слова. См. об этом: [Кодзасов 1989; Кодзасов 1995].

оказывающих наиболее постоянное и существенное воздействие на звуковой облик слов в составе фразы: 1) степень акцентной выделенности слова; 2) место слова по отношению к началу или концу синтагмы; 3) его положение по отношению к фразовому акценту или синтагматическому ударению. Другие просодические средства (фонационные, темпо-динамические, артикуляционные) не включаются в предлагаемую классификацию, т.к. появление их в спонтанных текстах факультативно, в отличие, например, от акцентов, наличие которых обязательно в любой синтагме. Однако при конкретном анализе звукового состава фразы необходимо учитывать и эти просодические средства.

Выделяется семь типов фразовых позиций (ФП):

Типы ФП и их краткая просодическая характеристика	Вероятность появления ненормативных звуковых реализаций (высокая + низкая –)	Примеры
ФП1 – акцентное выделение слова	–	*Ой ну я сама́ хочу* [н'имно́-жч'къ]/ *даже просто* [ад:ахну́т'] //
ФП2 – конец синтагмы под синтагматическим ударением		
а) замедление темпа к концу ("нормальная" реализация временно́й программы)	–	1. *С условием меня оттуда* [атпус'т'и́л'и]/ *что я восьмого опять*[ул'ич'у́] //
б) убыстрение темпа к концу (нарушение временно́й программы)	+	2. *Ну на старости ле́т / ну сколько ж* [мо́шн]
ФП3 – слово занимает начальную позицию в синтагме		
а) при наличии доп. фраз. акцента на нач. слове	–	1. [францу́ск'ий] *же он сда́л у нас вторым языком*//
б) без доп. фраз. акцентирования	+	2. [с_усло́ьм] *меня оттуда отпусти́ли*/ *что я восьмого опять улечу*//
ФП4 – нормальное словесное ударение на слове не в начале синтагмы	+	*Но я в пятницу* [ф'п'а́ацу] *уже уезжа́ла*//
ФП5 – ослабление ударения на слове в пределах синтагмы	+	*Вот я даже не стала, дочь* [дɔш'], *спрашивать*//
ФП6 – безударность слова в пределах синтагмы	+	*А на другой день* [д'ьн'] *я его поил уже чаем*//
ФП7 – безударность или слабоударность слова в конце синтагмы	+	*Ну я немножечко-то вот ездила деточка* [ð'ыш'къ]//

Теперь перейдем к описанию наиболее характерных звуковых реализаций в каждой из фразовых позиций.

ПОЗИЦИЯ СЛОВА ПОД ФРАЗОВЫМ АКЦЕНТОМ (ФП1)

Данная фразовая позиция характеризуется тем, что звуковой облик акцентно выделяемых слов подвергается наименьшему изменению, а следовательно и число отклонений от основных звуковых модификаций, являющихся нормой для КЛЯ, представлено здесь минимально (в сравнении с другими ФП). Небольшие подсчеты, проведенные на материале исследованных текстов, показали, что 50% слов, находящихся под фразовым акцентом, реализуются в соответствии с литературной нормой. Большинство нормативных произнесений акцентированных слов представлено в "нейтральных" просодических условиях: при реализации временно́й программы (т.е. с замедлением темпа к концу синтагмы), без дополнительных "суперсегментных наложений", вносящих в высказывание эмоционально-экспрессивные и различные коннотативные значения.

Наибольшее число звуковых реализаций, отличающихся от нормативных, наблюдается при увеличении темпа произнесения и снижении громкости синтагмы. По нашим наблюдениям, указанные просодические признаки оказывают наибольше́е воздействие на изменение гласных. Убыстрение темпа и снижение громкости являются причиной появления редуцированных гласных в 1-м предударном слоге, сверхкратких гласных, оглушения, выпадения согласных. Ср.: (из рассказа об известном балетмейстере Касьяне Голейзовском) *У него хара́ктер был такой/ он не контакти́ровал/ ни с больши́ми/ ни (с большими теа́тра́ми* [т ⊗а́тръм'])Б/; *Он (в оркестре Утёсова* [ут'о́съw] *работал тридцать лет)*Б //[8]

Возможно сочетание и других дополнительных просодических характеристик, оказывающих влияние на появление ненормативных реализаций звуков в акцентированных словах: (о ручной вороне) *...покончила самоуби́йством/ (выбросилась в окбшко* [в акбшкъ]$_{Б}^{\sim\wedge}$ *отучилась за зиму летдть* // (просодическая назализация, убыстрение темпа, снижение громкости); (*Как интере́сно!*)$_{рсл}^{h\vee}$ – [^{h}ък^{h}ъ^{h}н' с'ър'ɜ́снъ] (придыхательная фонация, расслабленный голос, ослабление напряженности артикуляции).

Специфично для данной фразовой позиции появление звуковых модификаций, выражающихся в удлинении гласных, увеличении длительности и напряженности согласных, усилении взрывного элемента у смычных, появлении вставных гласных в консонантных сочетаниях. Подобные модификации наиболее вероятны при усилении акцентного выделения (двойные фразовые акценты). Например: (из рассказа о Касьяне

[8] Многие примеры, приводимые в этом разделе, взяты из книги [Китайгородская, Розанова 1995].

яне Голейзовском) *И с*[р:]*а́зу делал показывал//; Ему освобождали колоссальную сцёну* [сц$^{®}$ёну]*//; Он с*[а́:]*м выглядел буквально как* (пауза) [л:]*бр́д//; Это было* [з^{ъ}]р́лище//

Особое влияние на ритмический и звуковой облик слова оказывает такое просодическое средство, как повтор акцентов [Кодзасов, 1989]. При подчеркивании какого-либо слова в высказывании второй акцент ставится на конечном заударном этого слова. В результате все слово становится двувершинным за счет увеличения длительности и интенсивности заударного гласного. Нарушаются правила редукции в слове, т.к. редуцированный заударный переходит в гласный полного образования: *И ме́сяц мы е́хали/ме́ся́ц* [м'э̏с'а̏ц] //

Таким образом, вариативность произнесения акцентированных слов в данной фразовой позиции обусловлена не только влиянием типа фразового акцента (обычный, двойной, повтор акцентов), но и воздействием других просодических средств. Различия в сегментном звуковом составе одного и того же слова могут объясняться несходством просодических условий их реализации. Например: (из рассказа об известном балетном педагоге Вагановой) *Ну она конечно была своеобразная/ но (блестя́щая* [бл'ис't'а̏ш':ьь])[нпр] *педагог/ (блестя́щая* [бл'ьс't'а̏ш'ь] *педагог)* > / (*просто блестя́щая* [бл'ьс'а̏ш'ь]) >Б//

В подавляющем большинстве случаев нормы произношения акцентированных слов совпадают с нормами КЛЯ. Разговорные произносительные варианты, отмечаемые в исследованиях, посвященных РР, и составляющие специфику ее фонетического уровня, здесь встречаются реже, чем в других фразовых позициях.

Рассмотрим подробнее, какие типы звуковых модификаций возможны в ФП1. Для того, чтобы понять, насколько типично данное явление для слов, находящихся под фразовым акцентом, выявлялось процентное соотношение встретившихся случаев по каждому явлению от общего числа акцентированных словоформ в разговорных текстах.

А. Модификации гласных

1. Качественная редукция гласных под ударением для данной фразовой позиции нехарактерна. Модификации ударных гласных в акцентированных словах составили только 0,6% от общего числа рассмотренных случаев. При этом редуцированные в данной позиции встречались лишь при убыстренном произношении: (речь идет о международном обмене эстрадными номерами, практиковавшемся в нашей стране в 30-е годы) (*Но вы зна́ете* [зн'ъ̯т'ь] *иногда давали такие номера*)Б/ *что их приходилось сра́зу/ отправлять обра́тно//; (*об эвакуации из Москвы во время войны) *(И их тоже посадили в эшело́н [в_ъшалъ'н'])Б / но они уже в лу́чших усло́виях чем мы (ехали) //*

2. Сильная качественная редукция гласных 1-го предударного слога охватывает 6% от общего числа акцентированных словоформ. Большую часть слов, произносимых с редуцированными [ъ] или [ь], составляют частотные слова, главным образом незнаменательные, полузнаменательные, слова с опустошенной семантикой. Например, такие, как: *п*[ъ°] *крайней мере, в осн*[ъ]*вном, к*[ъ]*нечно, к*[ъ°]*кое-то, к*[ъ]*кой, п*[ъ]*том,* [ъ]*ни, св*[ъ]*их, в*[с'ь]*гда,* и т.п.

Появление редуцированных [ъ] и [ь] в 1-м предударном слоге акцентированных слов чаще всего обусловлено воздействием на них факультативных просодических средств: *(Тут вскоре началась в[ъ]йна)*$^{\wedge}_{>}$ // (снижение громкости, уменьшение раствора рта). *Ну тогда поедешь э... (с* [ъ]*ркѐстром)*>// (снижение громкости). *И-и...было вообще... (с*[м'ь]*шнд*)Б// (убыстрение темпа).

3. Качественная редукция безударных гласных верхнего подъема в наших материалах составила около 30% случаев от общего числа всех реализаций [у, и, ы] в безударном положении. В большинстве случаев гласные верхнего подъема редуцируются в заударных слогах, главным образом, в окончаниях и суффиксах: *éха*[л'ь], *попрощá*[л'ь]*сь, запúс*[ъ]*вает, потрясáющ*[ь]*х* и т.п. Приведем такой пример: *И вижу печа-а-льн*[ъ͡ъ°] *фигур*[ъ]/ *с...свесив*[шъ°с'ъ] *...с... стоит/ это Витя*//. В словоформе *фигуру* в результате редукции конечного [у] не различаются формы в.п. и и.п. Однако контекстное окружение снимает омонимию. Интересно, что в окончаниях согласованных с существительным прилагательного и причастия при наличии качественной редукции все же сохраняется признак лабиализованности: [ъ°], [ь°].

Качественная редукция предударных [ы, у, и] в ФП1 отмечается редко: *п[р'ь]сла́ли, в*[ъ]*лива́лись* и т.п.

4. Оглушение редуцированных встретилось в небольшом количестве слов (около 2% случаев от общего числа словоформ). Чаще всего оглушаются гласные заударных слогов: *учили*[ш':ь̯], *рань*[шъ̯], *в луч*[шъ̯х], *малень*[к'ы̯] *кусочек* и др.

5. Выпадение гласных составило лишь 3% случаев от общего числа акцентированных слов. При этом в данной фразовой позиции утрата гласного нередко "компенсируется" слоговостью согласного, принимающего на себя слогообразующую функцию (*де*[д̩], *разгово*[р̩]*в, то*[ж̩], *вспом*[н̩']*ть*). Либо образование нехарактерных для русской фонетики сочетаний согласных (ба[л'т]*мейстеры, но*[м'р]*ов, кру*[т'цъ], *пло*[ш'т'], *е*[хт']) сигнализирует о наличии "шва", получившегося в результате выпадения гласного. Полная редукция гласного встречается редко, главным образом в частотных словах: *не ви*[д'л'ь], *на*[зв]*ался (назывался), Марь Фё*[др]*овна, с эти*[м'].

6. Устранение зияний. Тенденция к устранению стечений

гласных характерна для всех функционально-речевых сфер современного русского языка. В распоряжении говорящего имеется несколько способов избежать сочетаний Г+Г: 1) появление протетического согласного. Этот способ активно используется носителями городского просторечия: *тиятр, кивоск* и др. В арсенале носителей литературного языка он отсутствует; 2) слияние двух гласных в один; 3) образование на месте двух самостоятельных звуков дифтонгоида. Второй и третий способы одинаково встречаются в РР.

Полное слияние двух гласных редко встречается в реальном речевом потоке прежде всего потому, что самих случаев зияний не так уж много в русском языке. Однако данное явление в принципе возможно в РР, даже в словах, выделенных фразовыми акцентами[9]: *(Вот он и в хо*[ръ]*графи́ческом у нас ставил/ выпускны́м)* Б //; *Он же в Большом* [т'а́]*тре работал//;* [н'у]*же́ли/ вот щас начнется трево́га/ нас посадят в эшело́н*...

Помимо "исконных" стечений гласных, встречающихся главным образом в словах иноязычного происхождения, имеется много зияний, образовавшихся в результате утраты интервокального [j] (например, во флексиях *-ую, -ая, -ие* и др.). Как преобразуются эти новые зияния в РР? Возможно несколько вариантов произношения сочетаний гласных, встречающихся в разговорных текстах:

– Сохранение двусложного сочетания гласных. При этом второй гласный имеет упередненную артикуляцию – "след" редуцированного [j]: *гро́мадн*[ъа], *полу...оде́т*[уў], *колосса́льн*[ъў], *больш*[ыи], *так*[а́а], *остальн*[ыь].

– Сочетание двух гласных образует односложный комплекс. В результате слияния гласных возможны следующие произносительные варианты: а) образование неоднородного по тембру гласного-дифтонгоида – *чуде́сн*[ъь] *номера, печа́льн*[ъь°] *фигуру, запи́сыв*[ъь]*т ли?;* б) полное слияние двух гласных в один звук – *с плохим настрое́*[н'ьм], *странное движе́*[н'ъ], *впечатле́*[н'э], *в движе́*[н'и], *призвать в а́р*[м'ў]; в) утрата слоговости одним из гласных, т.е. частичная его консонантизация – *э́т*[ъw] *самого, как*[о̯ъ̯]*-то, зн*[а̯и̯]те, *я не зн*[а̯ъ̯].

Б. Модификации согласных

1. Ослабление артикуляции согласных наиболее распространено в данной фразовой позиции. Оно охватывает около 20% всех акцентированных слов. Если отдельно подсчитать все факты ненормативного произношения словоформ в данной ФП, то оказывается, что приблизительно 36% случаев – это изменения, связанные с ослаблением артикуляции согласных. К этому типу кон-

[9] О "системности" данного явления для РР свидетельствуют, например, детские орфограммы, отражающие живое разговорное произношение. Ср. следующие написания шестилетнего ребенка-дошкольника: ЗУСПЕШНЫЕ ОКОНЧАНИ – за успешное окончание, РЯКЦЫЯ – реакция.

сонантных преобразований относятся случаи частичного или полного ослабления смычки у взрывных и аффрикат (фрикатизация), спирантизации смычных согласных, шепелявого произношения свистящих, вокализации сонантов, сюда же можно включить и ослабление напряженности артикуляции, выражающееся в сокращении длительности согласных ([ш':]→[ш']), в озвончении глухих ([с] → [с̬]) [РРР–1973; Проблемы и методы... 1980; Фонетика спонтанной речи 1988].

Ослабление смычки у взрывных и аффрикат чаще всего встречается в заударных и предударных слогах акцентированных слов: [д̆]*олжны́*, *на фо*[д̆]*гра́фиях*, [ч̆']у[д̆]еса, *хозя́й*[ссъ], *кру́ти*[са].

Реже фрикатизация смычных и аффрикат наблюдается в ударных слогах акцентированных слов. Обычно ослабление смычки согласных в ударных слогах происходит при дополнительных просодических условиях: убыстрении темпа, снижении громкости, расслабленной фонации. Ср.: *Показывал он иск*л*ю*[ш']*и́тельно*)>//; *Он о... (в оркестре У*[т̆']*е́сова работал тридцать лет*)$_{>}^{Б}$//; *И-и/ я-а/ (пора*[б̆]*о́тала там*)>рсл //

Для фрикативных согласных можно отметить те же закономерности: ослабление их артикуляции преимущественно в неударных слогах акцентированных слов [Фонетика спонтанной речи 1988, 34 и сл.] при тех же просодических условиях. Ср.: (о ручной птице, которая жила в доме) *Га-а-лка жила/ которая потом/ (покончила [с]амоубийством)*Б> /; *(И я так поднимаю гла[з]а)*рсл/...

Ослабление артикуляции фрикативных губно-зубных [ф-ф', в-в'] выражается в образовании губно-губных вариантов [ф-ф', w-w']: (подает собеседнице фотографию) *А это я тебе́/ (чтобы* [ф]*спо́мнить*)>//, *И все это было здо́ро*[w]*о*//; *У на́с/ста*[w']*ил много Вайно-о́-нен*//

Ослабление артикуляции сонантов выражается главным образом в их вокализации [Фонетика спонтанной речи 1988, 40]: *снача*[л̯]*а*, *филар*[м̯]*о*[н̯']*ия*. Возможна также фрикатизация вибранта: *зао*[р̯]*ала*.

Встречаемость озвонченных глухих в интервокальном положении перед гласными или сонантами в акцентированных словах невелика. Можно сказать, что данный тип модификаций нетипичен для ФП1. Однако отдельные случаи озвончения глухих обнаруживаются и в этой фразовой позиции. Ср.: (из рассказа о котенке) *[н̯]о[м̯]о́м вот... его украли...гм...пионер...ла́геры/ ребя́та*//

2. Выпадение согласных. Крайним случаем проявления ослабления артикуляции согласных в потоке речи является их нулизация. В рассматриваемой фразовой позиции число случаев выпадения согласных невелико (2,5% от общего числа акцентированных словоформ). При этом чаще всего здесь отмечается утрата <j> (главным образом в окончаниях: *очарова́тельн*[уў], *ра́зн*[ыь], реже- в других позициях в слове: [и]*му́*, *Го*[л'и]*зо́вский*), а также <в-в'>: (в консонантных сочетаниях) *(в)печатля́ло, воз(в)ращали́сь;* (в интервокальном положении) *как пра́(в)ило, зана(в)е́ски.*

Другие согласные выпадают редко, главным образом в частотных/

словах. При этом в результате эллипсиса согласного образуется лексикализованный вариант слова: *бу(д)ет, ез(д)или, ес(ть)* и т.п. Отметим, что случаев "чистой" нулизации согласных в ФП1 крайне мало, обычно какой-либо признак согласного сохраняется на гласном: *зн*[а́ў], [съ°]*рше́нно* и т.п.

3. Оглушение сонантов встречается в ФП1 приблизительно лишь в 2% словоформ, главным образом внутри слова перед глухим согласным: *В Новосиби*[рс]*ке, правите*[л'с]*тва, да*[л'ш]е. Возможно оглушение сонантов (и гласных) в конце синтагмы: *(из рассказа бывшей балерины) И мы с ней сделали номе*[р]//; *Это что́? Тоже спекта́*[къл']?

В. Особенности реализации частотных слов

Высокочастотные слова имеют свои особенности реализации в разных фразовых условиях. Обращает на себя внимание тот факт, что даже позиция акцентного выделения не является фактором, ограничивающим их сильную редукцию. Если ориентироваться в определении фонемного состава высокочастотных слов на орфографическую форму или отдельное изолированное произнесение, то следует отметить, что произношение этих слов в соответствии с литературной нормой для РР является скорее исключением, нежели правилом. Об этом же свидетельствуют данные "Фонетического словаря высокочастотных слов русской разговорной речи" [Фонетика спонтанной речи 1988, 240 и сл.], в котором отмечены наиболее типичные произносительные варианты частотных словоформ. Например, в наших текстах было зафиксировано следующее произнесение под фразовыми акцентами:

что – шо: *Шо* значит оценили?

представляете – пресаляете: Это было/ *пресаляете* как это было давно?

понимаете – поньмате: Вот это.. *поньмате* вот примерно вот такой это вид имело//

сейчас – щас, счас: Я думаю неужели / вот *щас*/ кончится тревога/ нас посадят в эшелон..; И *счас*/ да/ целые селения цыган//

сколько – скоко: (пожилая женщина разглядывает старые фотографии) *Скоко* здесь покойников!

когда – када: И-и/ *када-а*... началась...тревога/ вещи все оставались//

совершенно – сэршенно: (о котенке) Да/ *сэршенно* дикий очевидно//

несколько – несско: Он поставил *несско* / потрясающих (спектаклей)//

только – токо: (из рассказа о походе в магазин за покупками) *То-о-ко* подошли/ все уже кончилось// и т.д.

Рассматривая произношение высокочастотных слов в ФП1, следует, видимо, говорить не о сильной их редукции, а о нормативности подобного произношения для РР. Произносительные формы частотных слов, встречающиеся под фразовыми акцентами, образуют лексические разговорные дублеты, представляющие собой самостоятельные словоформы[10].

[10] Ср. замечание В.В. Борисенко: "...Именно для этой частотной лексики орфографическая передача слова оказывается наиболее устарелой и уже не соответствующей его фонетическому составу". [Современная русская устная научная речь 1985, 265].

Наиболее распространенные типы звуковых модификаций слов, находящихся под фразовым акцентом, можно представить в виде таблицы.

Возможности модификации звукового облика слов в ФП1

Типы модификаций	Просодические условия, расширяющие возможности звукового варьирования
Усиление фонетических характеристик звуков: 1) удлинение ударных гласных, образование дифтонгоидов; 2) удлинение согласных, усиление их напряженности; 3) вставные гласные в консонантных сочетаниях	Усиление акцентного выделения ('), замедление темпа (....)м, увеличение громкости (....)<, напряженная фонация (....)нпр увеличение артикуляторной напряженности (....)$^{+}$
Качественная редукция гласных верхнего подъема: <У> [ъ] или [ь] <И>	
Ослабление артикуляции согласных: 1) фрикативация смычных и аффрикат (в безударных слогах); 2) вокализация сонантов (в безударных слогах); 3) выпадение [j], [в], [в'] (в безударных слогах)	Убыстрение темпа (....)Б, снижение громкости (....)>, расслабленная фонация (.....)рсл, ослабление артикуляторной напряженности (....)$^{-}$
Оглушение сонантов (в заударных слогах)	Конец синтагмы.

КОНЕЦ СИНТАГМЫ
ПОД СИНТАГМАТИЧЕСКИМ УДАРЕНИЕМ (ФП2)

Синтагматическое ударение располагается в конце синтагмы и выполняет ритмо-интонационную, организующую функцию в высказывании [Николаева 1982]. По наблюдениям исследователей, для временно́й организации синтагмы характерно замедление темпа к концу. Замедление темпа связывается с увеличением длительности конечного ударного гласного, носителя синтагматического ударения [Златоустова 1962; Николаева 1982]. Осуществление данной временной программы обязательно для устного КЛЯ, в частности – для его спонтанной разновидности – устной научной речи [Носова 1977]. Подобная темповая организация – необходимое условие сохранения определенной стабильности звуко́вого облика фонетического слова в устном КЛЯ. Конец синтагмы для слов, входящих в ее состав, рассматривается большинством исследователей как сильная фразовая позиция.

В РР наблюдается несколько иная картина. Указанная временна́я программа в разговорных синтагмах реализуется не всегда. В тех случаях, когда замедление темпа к концу синтагмы сохраняется, можно отметить тенденцию к наиболее полной передаче звукового облика слов с синтагматическим ударением: *И потом/ (а́вторы)*пдх *бы́ли*

[бы̆л'и]//; *Но это был о́чень с большой выдумкой но́мер [но̆м'эр]//; Он был лы-ы́-сый в о́бщем* [в̆о̆пш'ъм]/ *в основно́м*//

Для слов, находящихся в данных просодических условиях, характерны те же звуковые модификации, что и для слов в ФП1. Ср.: *Япо-о-нский* (*о́чень*)пдх *красивый* (пауза) *нам номер поста́вил* [пастӑьл]//; *И ср-ра́зу делал пока́зывал* [пакӑзвъл]// и др.

В РР широко распространены синтагмы с нарушением временно́й программы, т.е. синтагмы с ровным темпом речи или убыстрением к концу [РРР – 1983]. Обычно убыстрение темпа наблюдается при беспаузном синтагматическом членении. Слова, оказывающиеся в таких фразовых условиях, имеют больше звуковых модификаций: здесь допускается эллипсис нескольких звуков и слогов, качественная редукция ударных гласных и др. Ср.: *Не та́к уж много (танцева́ла* [тънцӑл])Б (рис. 6); *Я-а/ прошу́ вас/ обяза́тельно прочти́те/ непреме́нно (прочти́те* [пръ̆ш'б̆])Б/ *не смущаясь..;* (из рассказа о Вагановой) *Я у нее́ собственно говоря начала в театральном (учи́лище* [ъч'й̆ш'ь])Б//

Таким образом, данная фразовая позиция по степени влияния на фонетические модификации словоформ, находящихся под синтагматическим ударением, неоднородна. В том случае, если временна́я программа синтагмы реализуется полностью, фразовые условия для слов, находящихся под синтагматическим ударением, сходны с фразовыми условиями акцентно выделенных слов. В данной позиции невозможны лишь те модификации, которые возникают в результате усиления фразовых акцентов (удлинение гласных, образование дифтонгоидных звуков, увели-

Возможности модификации звукового облика слов в ФП2
(при нарушении временно́й программы синтагмы)

Типы модификаций	Просодические условия, расширяющие возможности звукового варьирования
1. Сильная качественная редукция гласных любого безударного слога (включая и первый предударный) <y> <и> [ъ] (после твердых) <а> [ь] (после мягких) <о> <е> 2. Оглушение гласных заударных слогов 3. Нулевая редукция гласных 4. Фрикатизация смычных и аффрикат 5. Вокализация сонантов 6. Оглушение сонантов 7. Выпадение согласных 8. Слоговой эллипсис и изменение ритмической структуры слова	Убыстрение темпа, снижение громкости, ослабление артикуляторной напряженности к концу синтагмы

чение длительности и напряженности согласных, образование вставных гласных в консонантных сочетаниях).

При нарушении временно́й программы синтагмы в данной фразовой позиции появляются модификации, обычно не характерные для слов в ФП1.

ПОЗИЦИЯ УДАРНОГО СЛОВА В НАЧАЛЕ СИНТАГМЫ (ФП3)

Одной из особенностей акцентно-мелодической структуры синтагмы является тенденция к интонационно-динамическому выделению ее начального и конечного сегментов [Николаева 1972]. Так, для устных жанров КЛЯ характерно акцентно выделенное начало синтагмы [Современная устная научная речь 1985]. Эта же тенденция наблюдается и в разговорных текстах, когда наряду с фразовым акцентом или синтагматическим ударением, находящимися в конечной части синтагмы, начальные ее слова получают дополнительное акцентное выделение движением мелодики вверх или вниз. В фонетической литературе такие синтагмы называют двувершинными, ритмически хорошо сбалансированными [Проблемы и методы... 1980, 114]. Ср.: *Я б даже не сказа̀ла//*

Другой тип интонационного оформления синтагмы — это композиция акцентов. Данная интонационная модель реализуется в высказываниях разной коммуникативной структуры, но все они имеют сходную акцентно-мелодическую организацию: в 1-м акценте переход тона на более высокий уровень и сохранение его до следующего акцента, а затем понижение тона до среднего уровня на акцентированном гласном (Кодзасов, указ. соч.). Ср.: *А что́ значит давали номера̀?; Он никого́ не пускал за кули́сы//; А каки́е хорошие фотогра̀фии!*

При акцентировании начала синтагмы фонетический облик выделенного слова обычно мало изменяется. В этой фразовой позиции типичны те же звуковые модификации, что и в ФП1: *В основно́м* [въснъwно́м] *чтоб э̀то была шко́ла //* (бо́льшая качественная редукция 1-го предударного слога, ослабление артикуляции [в], его вокализация); *Энтомо́логи* [ӈтамо̀лъ̆'и] *они действи́тельно / такие фанатики...* (выпадение гласного и слоговость согласного, фрикатизация [г]); *Е...ѐз(д)или на фро̀нт /...* (эллипсис [д]); *И меня сделали / помо̀щник[ъ̃] музыкального реда̀ктора /...* (назализация конечного гласного в результате утраты [м]).

При отсутствии дополнительного акцентирования в начале синтагмы допускается гораздо большее число звуковых модификаций. Наряду с модификациями, описанными для ФП1, в этой позиции можно отметить более широкую распространенность фонетического эллипсиса. Выпадают не отдельные звуки, а несколько звуков или слогов одновременно. Это наиболее характерно для высокочастотных слов: *представляете* — [фр'съ̆(w)л'а̀ъ̆'ь]; *действительно* [д̆'ьс'й̆т'͡нъ]; *так сказать* — [та́скъ̆а̀т']. Более сильный звуковой эллипсис возможен не

только в высокочастотных словах. Например: (*из рассказа о кинофильме*) *Она / когда вот поступила работать в издáтельство / отправляет* [ат̯пр̯д̯'áьт] *к какой-то жéнщине там на день / ребéнка //*; (о котенке) *Он забирался* [ъ°ӈ̆ зъб'ьрáд̯ç] *на самое высокое дéрево / оттуда па-á-дал //*

Таким образом, в ФПЗ звуковой облик слова зависит от акцентно-мелодического рисунка синтагмы в целом. При дополнительном акцентном выделении начального слова синтагмы наблюдается тенденция к сохранению "идеального" звукового состава слова, при наличии на начальном сегменте лишь нормального словесного ударения возможность фонетического эллипсиса возрастает.

Возможности модификации звукового облика слова в ФПЗ

Типы модификаций	Просодические условия, расширяющие/ограничивающие возможности звукового варьирования
Те же, что и в ФП1. Возможность фонетического эллипсиса минимальна (за исключением высокочастотных слов)	Наличие дополнительного фразового акцента на начальном слове синтагмы
1. Сильная редукция гласных в позиции первого предударного слога 2. Качественная редукция безударных гласных верхнего подъема 3. Фрикатизация смычных и аффрикат 4. Оглушение сонантов 5. Выпадение согласных 6. Слоговой эллипсис	Отсутствие дополнительного фразового акцента на начальном слове синтагмы

ПОЗИЦИЯ ПОЛНОУДАРНОГО СЛОВА НЕ В НАЧАЛЕ СИНТАГМЫ (ФП4)

Звуковой облик неакцентированных полноударных слов в РР характеризуется значительной вариантностью. Число нормативных реализаций в данной позиции сокращается. Нормативные реализации составляют приблизительно 40% от общего числа словоупотреблений в ФП4.

В области вокализма наиболее частотны следующие звуковые модификации:

1. Качественная редукция гласных верхнего подъема — *муз[ъ]-кáльное училище, в*[ъ]*возúли, в Ле*[н'ь]*нгрáде, стá*[в'ь]*л,* [ъ°]*жé, вы́д*[ъ]*мки.*

2. Сильная качественная и количественная редукция гласных в 1-м предударном слоге — *гов*[ъ]*рúла, в к*[ъ]*нцéртном,* [р'ь]*шúла.*

3. Оглушение гласных после глухих согласных — *ин*[т'ъ]*ре́сный, с*[п'ъ]*ка́кля, ка́же*[цъ].

4. Выпадение гласного с сохранением соседним согласным слоговости — *сде́*[л̩л], *всё*[ж̩], *до́л*[ж̩н], *об*[р̩]*зова́ние.*

5. Выпадение гласного без сохранения согласным слоговости — *в тридцать* [д'в']*я́том, у* [м'н']*я́, на*[ч'л]*а́сь,* [пс]*ади́ли.*

6. Устранение зияний путем слияния двух гласных в один — [т'а]*тра́льное училище,* [п'а]*не́рский, в усло́*[wъ]х, *в крайнем слу́*[ч'ъ].

Для согласных типичны следующие модификации:

1. Ослабление артикуляции согласных:

а) фрикатизация смычных и аффрикат — *лю*[ǰ']*е́й, о́*[č']*ень, два́*[ǔ]*ать* [ǰ']*евя́тый* (год), [б]*о́льше* и др.;

б) вокализация сонантов и [в-в'] — *и*[н̆']*тере́сный, в орке́ст*[р̆']*е, в Моск*[w]*у́* и т.п.;

в) шепелявое произношение свистящих [з-з'-с-с'] — [з̆]*абыла,* в[с̆']*егда, с кры*[с̆]*ами воевать;*

г) сокращение длительности и напряженности долгих согласных — *и*[ш']*у́, отдела* — [ад'э́ъ], *с собой* — [сабо́и̯];

2. Выпадение согласных:

а) в интервокальной позиции с сохранением некоторых своих признаков на соседнем гласном — *со второ́*[ъ°] *этажа, де́*[ь°]*ть (девять) лет, он ста́*[ь°]л *(ставил), оч*[ĕ];

б) в консонантных группах — *(м)ного, (в)ремя, оркес(т)р.*

3. Оглушение сонантов в конце слова или перед глухими: — *о*[р̩]*кестр, а*[л̩]*каши, минист* [р̩].

Наиболее возможен эллипсис в полноударных частотных словах. Следует признать нормативным для РР следующее произношение: *тогда* — [тъда́], *почти что* — [паш'и́‿шъ], *кстати сказать* — [ста́т'и‿скъът', ста́т'и‿скът'], *сейчас* — [ш'ас], *когда* — [када́], *только* — [то́къ].

Сегментно-звуковой состав слов в пределах синтагмы варьирует под воздействием фразовых условий. Зонами, где фонетический эллипсис наиболее вероятен, являются неядерные части сильно центрированных интонационных моделей, межъядерные интервалы в синтагмах с комбинированными акцентами, а также конечные неакцентированные участки синтагмы. Ср. следующие примеры: *Это где? На другой* [н̩‿друго́и̯] *стороне* [стрън'э̯] *по отношению к Ленингра́дскому (вокзалу)?; Он приходил* [пр'ьхъд'и́л] *когда с плохим* [с‿плъх'и́м] *настрое́нием/...; Он никого́ не пускал* [н̆'ь‿пъ°с̆ка́л] *за кули́сы* // (рис. 7); *Пету-у́х жил тут же в комнате* [ф‿комн̩ът'] //

Особое просодическое оформление имеют различные вставные слова и выражения (парентезы), являющиеся попутной, добавочной информацией, вводимой в текст. В этом случае используются такие просоди-

ческие средства, как: убыстрение темпа, снижение громкости, уменьшение раствора рта(^), понижение тонального уровня(↓), создающие дополнительные условия для фонетического эллипсиса. Ср: (*Мне Утесов говорит*) ^ / "*Куда ты поедешь*?" — [уǰ'о́съв‿гът]; *Тут вскоре началась война* / (*вот в сорок первом году*) ^ // – [wъ°тфсо́рък п'ьрм ґъдǰу́]; (о своей знакомой, занимавшейся цыганским фольклором) *И-и со... собрала еще*/ *н-не то тыщу*/ (*не то что-то в этом роде*)Б> *песен*// — [н'ь‿то́ шъ°т̯ъ°т̯ъ°м ро́д'ь].

Возможности модификации звукового облика слов в ФП4

Типы фонетических модификаций в полноударных словах	Просодические условия, расширяющие возможности звукового варьирования
1. Качественная редукция гласных верхнего подъема 2. Бо́льшая качественная редукция гласных в 1-м предударном слоге 3.Оглушение гласных 4. Эллипсис гласных 5. Устранение зияний 6.Фрикатизация смычных и аффрикат 7. Вокализация сонантов 8. Эллипсис согласных 9. Оглушение сонантов 10. Озвончение глухих согласных в интервокальной позиции 11. Слоговой эллипсис	1. Слово находится в неядерной зоне сильно центрированных интонационных моделей 2. Слово попадает в межъядерный интервал при комбинации акцентов 3. Слово входит в состав парентезного высказывания

Подводя итог, следует отметить, что под воздействием просодии в данной фразовой позиции расширяется круг возможных звуковых модификаций слова.

СЛАБОУДАРНАЯ ПОЗИЦИЯ СЛОВА В ПРЕДЕЛАХ СИНТАГМЫ (ФП5)

В этой фразовой позиции резко сокращается возможность нормативной реализации звуковых сегментов. По нашим подсчетам, лишь около 12% слабоударных слов произносится в соответствии с литературной нормой. Отмечается сильная тенденция к сокращению слогового состава слов за счет слоговой редукции. В наших материалах приблизительно половина слабоударных слов (при числе слогов, равном двум и более) сохраняет свой слоговой состав. Наиболее последовательно тенденция к слоговой редукции проявляется в многосложных словах: *производили* [пръзъǰ'ьл'], *по отношению* [пъ‿͡тнъ‿шъи̯'ь], *Ленинград* [ɳ':рѧ̀т], *в Лесном институте* [ѣс'т̀ут'®].

Сокращению и деформации звукового облика слабоударных слов способствуют дополнительные просодические показатели, типичные

Возможности модификации звукового облика слов в ФП5

Типы модификации	Просодические условия, расширяющие возможности звукового варьирования
1. Качественная и количественная редукция гласных любых безударных слогов 2. Качественная и количественная редукция гласных слабоударных слогов 3. Выпадение гласных 4. Устранение зияний путем слияния двух гласных в один 5. Ослабление артикуляции согласных (фрикатизация смычных и аффрикат, вокализация сонантов, озвончение глухих в соседстве с гласными и сонантами и др.) 6. Выпадение согласных 7. Сильный слоговой эллипсис и перестройка ритмической структуры слова	Убыстрение темпа, снижение громкости, сужение раствора рта при произнесении

для данной ФП: убыстренный темп, снижение громкости, узкий раствор рта при произнесении.

Наиболее характерны для данной позиции следующие виды звуковых модификаций.

1. Для гласных:

а) качественная и количественная редукция гласных слабоударных слогов — *когда* [къдъ̆ъ] (рис. 8), *сразу* [с̯ръ̆з], *немножко* [н̆'ьн̆ъ°шкъ], *потащил* [пътъш'ъ̀л];

б) сильное сокращение и качественная редукция (вплоть до выпадения) гласных в 1-м предударном слоге и связанная с этим перестройка ритмической модели слова — *с какими-то* [с‿к'ы̀мтъ], *началась* [нъч'л̀ас'];

в) качественная редукция (вплоть до полной утраты) гласных верхнего подъема в любых слогах — *бывают* [бъ°в̀а̀ут, бв̀а̀ут], *была* [бл̀а̀];

г) устранение зияний путем слияния двух звуков в один — *театральный* [т'ьтр̀ал'нъ], *при юноше* [пр'ъ̀ун̆ъшъ], *у нее* [у‿н̆'ъ̀].

2. Для согласных:

а) разные виды модификаций, связанные с ослаблением артикуляции — *мно*[ɣ]*о, зна*[ў']*ение, с ка*[ǩ']*ими-то* (фрикатизация); *гово*[р̲']*ил, бы*[л̲]*о, в Мос*[к'w']*е* (вокализация); *сра*[з̲]*у, здесь* [з̲'э̲с'] (шепелявое произношение зубных фрикативных); *э*[т̲]*ого,* [с̯]*разу* (озвончение глухих в соседстве с гласными или сонантами);

б) выпадение согласных — *у нее* [у‿н'ъ̀], *есть* [j̀э̀с'], *немножко* [н'ьн̀ъ̀шкъ], *очень* [ъ̀ў'ь̆].

3. Сильный слоговой эллипсис.

Характерным для данной позиции является то, что в пределах одного слова возможно несколько ненормативных звуковых преобразований (иногда 5—6), полностью изменяющих его звуковой облик. Ср., например: *Её сестра́/ говорит что* [ɣьр'йщ] *все это выдумки́/..; Он вообще* [въ°фш'ɜ̆] *продумывал номер //; Я не помню* [пɔ̆й'] *как называлась/..; И-и...э... тут вскоре* [тӳцкъ°р'ъ] *началась война//*

БЕЗУДАРНАЯ ПОЗИЦИЯ СЛОВА В ПРЕДЕЛАХ СИНТАГМЫ (ФП6)

Наибольшее число разговорных звуковых модификаций представлено в безударных словах в потоке речи. С утратой словесного ударения такие слова окончательно утрачивают и свою просодическую автономность, примыкают к соседним словам в качестве проклитик или энклитик, образуя с ударным сегментом одно монолитное фонетическое слово. Например: *вот я* [ъ°т'йа], *когда он* [къдаъ°н], *ну он говорит "голубчик"* [н°йнгрд̆ галу́пч'ик].

В то же время нередки случаи, когда безударные слова все же в какой-то мере сохраняют свою относительную самостоятельность, образуя с полноударным словом единый речевой такт, но не "монолитное фонетическое слово"[11]. В этом случае сохраняются следы "склейки" слов, т.е. различные фонетические приметы (отсутствие редукции у безударного гласного, сохранение межсловных пограничных сигналов и др.) позволяют определить, что образовавшийся одноударный сегмент не представляет собой полноценное слово, построенное по единой артикуляторно-ритмической программе: *У него характер был/ такой/...* — [ʔу н'ьвд̆_характ'ьр_бъл] (словоформа *у него*, утратив ударение, тем не менее сохраняет свою ритмическую обособленность); *Щас я вам скажу//* — [ш':ас_йьм_скъжъ°] (отсутствие ассимиляции по мягкости у [с] несмотря на последующий неслоговой [й] свидетельствует о том, что здесь проходит межсловная граница).

Все же отметим, что деформирующая сила данной фразовой позиции чрезвычайно велика. Эллиптироваться могут почти все звуки слова, в результате сохраняется лишь один звуковой сегмент, являющийся "символом", знаком данной словоформы. Ср. следующие примеры: *Говорит что все это вы́думки//* — [ɣър'й щ_с'д̆_ɣтъ вы̆_думк'и]; (о своем рассказе) *Он был напечатан в "Пионе́ре"//* — [ṽ_бъл]; *А вот так вот вода́!* — [а_у_так_ът вадӑ] (рис. 9).

Таким образом, наиболее распространенный тип звуковых модификаций в безударных словах — это слоговой эллипсис: *Потому что* [ъщ] *это было зре́лище//* (рис. 10); *Ленинград* [л':'град] *блоки́ровали//*

[11] О разграничении понятий "фонетическое слово" и "такт" см. [Высотский 1973; РРР—1983, 7—8].

Типы модификаций	Просодические условия, расширяющие возможности звукового варьирования
Допустимы все типы разговорных модификаций	Утрата словом просодической автономности, превращение его в проклитику или энклитику

БЕЗУДАРНАЯ И СЛАБОУДАРНАЯ ПОЗИЦИЯ СЛОВ В КОНЦЕ СИНТАГМЫ (ФП7)

Эта позиция наиболее слабая из всех фразовых позиций, т.к. конец синтагмы имеет ряд просодических характеристик, порождающих типично разговорные звуковые модификации. Спад интенсивности к концу синтагмы [Николаева 1977, 61], выражающийся перцептивно в снижении громкости, убыстрение темпа создают необходимые условия для эллипсиса звуков и слогов в словах, завершающих синтагму: *Это наверно загранúчный номер [нъ̆м'ьр]//; Все как в...в жизни сплыло/ так и-и... (на фотогрàфиях оплыло)*б*[спдъ̆д]; Да/ их несколько человек было* [ч̆'дъ̆й_бъ̆д]//.

* * *

Подводя итог, отметим, что в РР сегментно-звуковая структура слова находится в сильной зависимости от фразовой просодии. Звуковые оболочки словоформ в потоке речи значительно варьируют под воздействием различных интонационно-ритмических средств, формирующих разные фразовые позиции.

Позицией, вносящей наиболее жесткие ограничения на варьирование произношения слов в пределах фразы, является позиция акцентного выделения слов (ФП1). Строго говоря, по-настоящему сильной фразовой позицией для РР можно считать только эту позицию. Слова под фразовыми акцентами наиболее последовательно сохраняют свой "идеальный" звуковой состав. В этих фразовых условиях модификации фонем в РР мало отличаются от КЛЯ. Однако тем не менее имеются и некоторые специфические особенности в произношении акцентно выделенных слов. Они отражают существующие в фонетической системе РР закономерности фонемных реализаций, отличные от КЛЯ. Закономерность отмеченных модификаций подтверждается тем, что они появляются в ФП1, в позиции наибольшего различения.

Косвенным доказательством "системности" звуковых модификаций в РР могут служить ослышки. Приведем несколько примеров.

Сказано:	Услышано:
сдал	*зал* (неправильное восприятие обусловлено ослаблением смычки у [д])
понимаешь	*поймаешь* (утрата или вокализация [н'], сокращение длительности [и])
та тема	*Татьяна* (более открытое произнесение ударного [э])

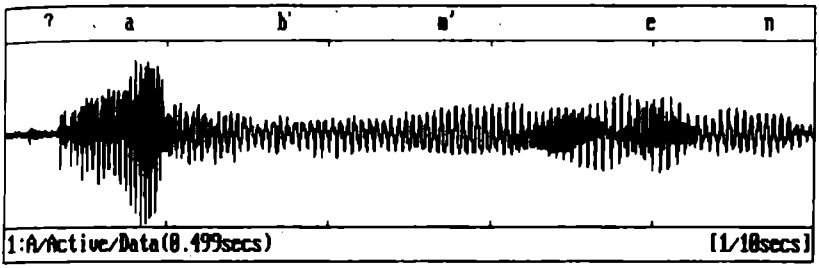

Рис. 1. Осциллограмма слова *обмен* с глоттальной смычкой: [ʔ аб͡ʲм'эн]

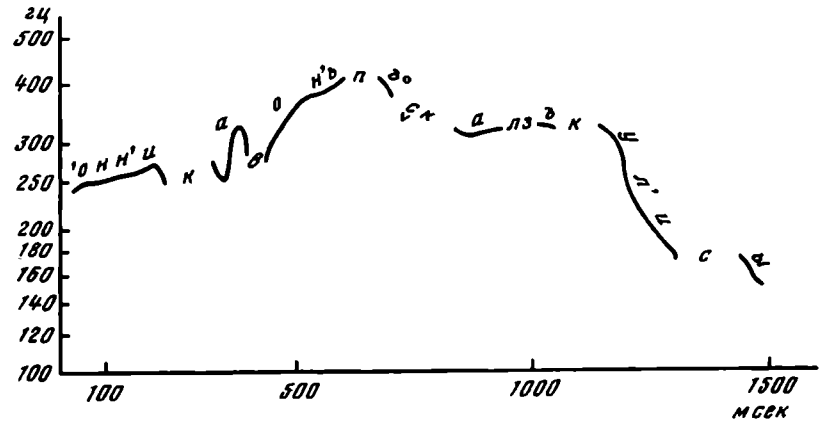

Рис. 2. Интонограмма фразы *Он ни кого не пускал за кулисы//*

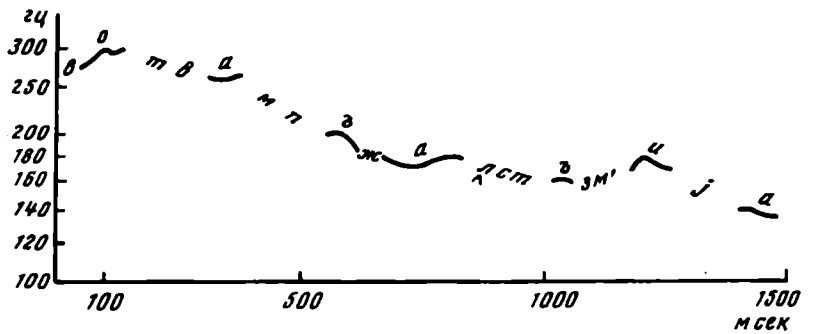

Рис. 3. Интонограмма фразы *Вот вам пожалуйста "Змея" //*

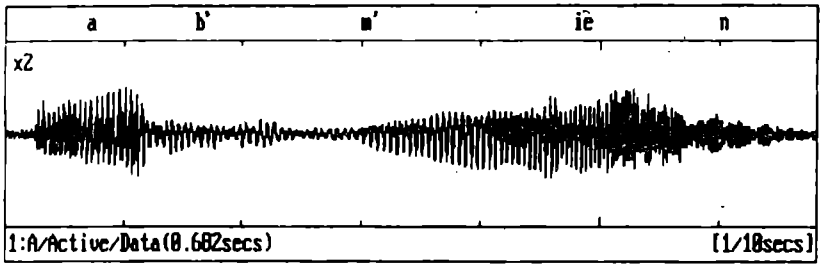

Рис. 4. Осциллограмма слова *обмен* из синтагмы *Это был обмен/...* [аб'м'$^{\cup}$ен]

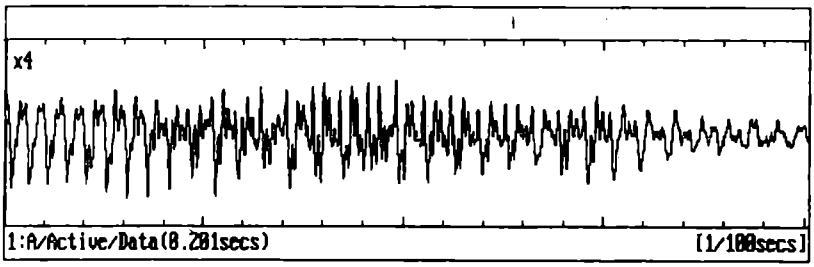

Рис. 5. Осциллограмма и огубленного *а* из фразы (*Да-а*)° *деточка/*.

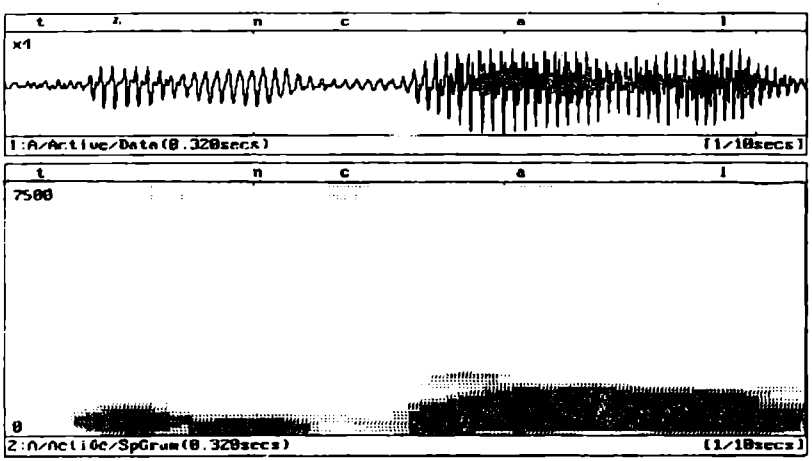

Рис. 6. Осциллограмма и спектрограмма слова *танцевала* ([тъницáл]) из синтагмы *Не так уж много танцевала/...*

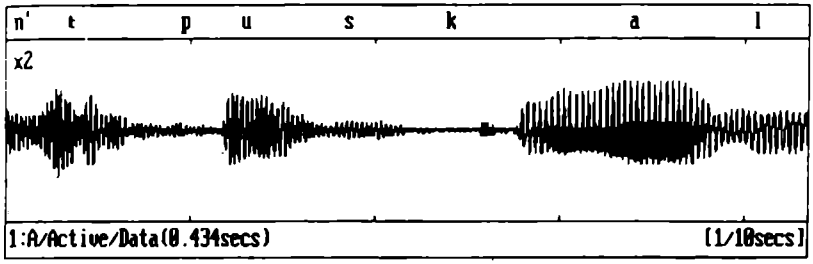

Рис. 7. Осциллограмма слова *пускал* из фразы *Он никого́ не пускал за кулисы*// [пъ°ска́л]

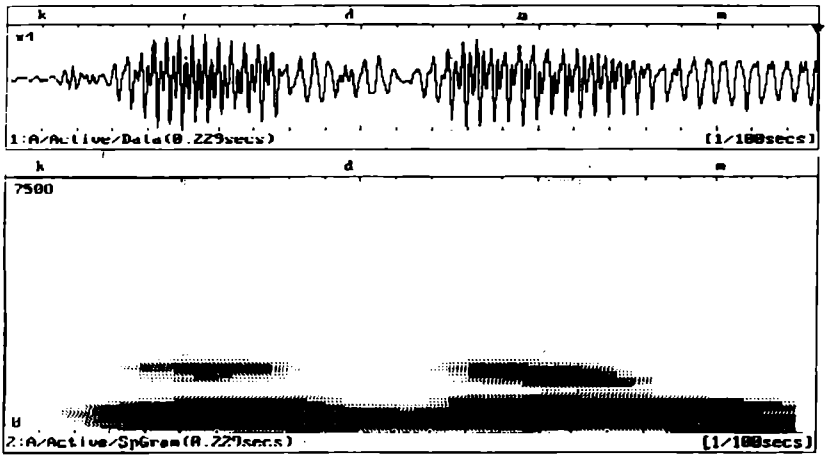

Рис. 8. Осциллограмма и спектрограмма слова *когда* ([къдъ̆]) из синтагмы *Когда мы выходили из театра*/...

Неправильное восприятие в приведенной серии ослышек базируется на утрате или ослаблении какого-либо признака (утрата смычки, звонкости, редукция гласного, выпадение гласного и т.п.). Но можно привести ослышки и другого типа, когда при восприятии д о б а в л я ю т с я некоторые признаки.

Сказано:	Услышано:
свела	*цвела*
по глухости	*по глупости*
Кто в Польше был?	*Кто больше был?*
в страховом отделе	*в сороковом отделе*
Холстомер	*Фунационер*

Слушающий, возможно, и верно услышал звук или ритмический рисунок слова, но он "запрограммирован" на возможность звукового эллипсиса, так как для данной речевой сферы подобное произношение вполне нормативно. Эта допустимость разного рода деформаций, иска-

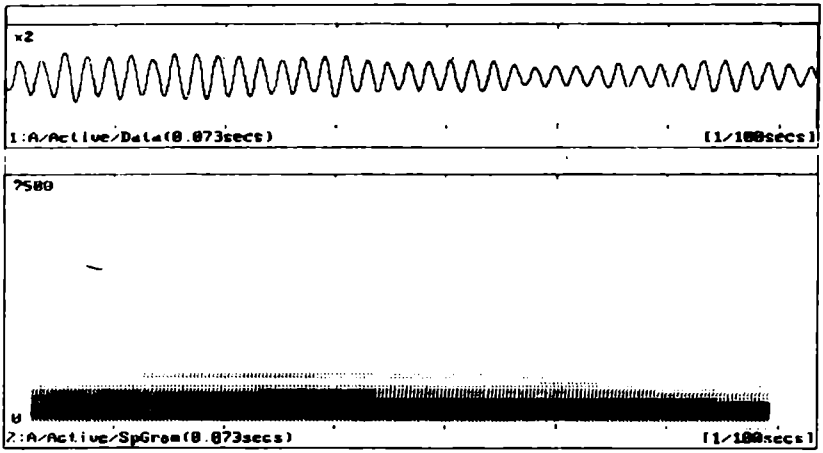

Рис. 9. Осциллограмма и спектрограмма слова *вот* ([у]) из фразы *А вот так вот вода*!

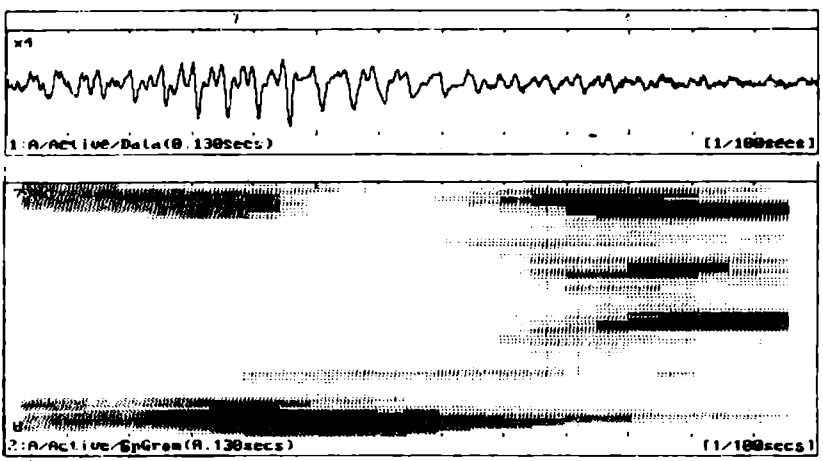

Рис. 10. Осциллограмма и спектрограмма слова *потому что* ([ъщ]) из фразы *Потому что это было зрелище!*

жений существует в сознании носителя языка, поэтому он всегда готов "достроить", дополнить недостающие признаки.

Некоторые позиции (ФП2, ФП3) могут оцениваться двояко (либо как сильные, либо как слабые) в зависимости от некоторых дополнительных просодических характеристик.

Наиболее часто разговорные звуковые модификации, связанные с фонетическим эллипсисом, реализуются в безударных и слабоударных словах (ФП5, ФП6, ФП7). Это безусловно слабые фразовые позиции.

В отличие от позиций внутри слова, действие позиций во фразе факультативно, необязательно [Пауфошима 1985]. Сильные и слабые фразовые позиции следует рассматривать как возможности, допускающие различные модификации звуков.

Фразовые позиции оказывают существенное воздействие на звуковой облик слов в РР, поэтому учет фразовых позиций при фонологическом описании РР чрезвычайно важен. Определение фонемного состава слова во фразе не может вестись без исследования ее просодической структуры, выявления сильных и слабых фразовых позиций. Учет фразовых позиций позволит уточнить описание звуковых модификаций фонем в РР, зону их распространения.

Так, широкое варьирование произношения одного и того же слова в речи одного говорящего в сходной речевой ситуации можно объяснить лишь воздействием на слово разных просодических средств в разных фразовых позициях. Например, при сопоставлении двух синтагм неодинаковый набор аллофонов в слове *кошки* объясняется его разными фразовыми позициями: (О животных, которые жили в доме говорящего) *Была и... одно время так бе-е́-лка/ две ко-о́шки* [кӧ:шк'и]/ *черепа-и́-ха*//; (о ручной вороне, которая жила в доме) *На̂ши кошки [кӧшк̆'ь] с ней хорошо́* (жили)//

Выявление и учет сильных и слабых зон для разговорных звуковых модификаций как в пределах слова, так и в пределах фразы позволит осуществить такое описание фонетической системы РР, на основании которого можно было бы создать модель фонетических преобразований слова. Применив такую модель, мы могли бы выявить наиболее вероятный вариант (или варианты) произнесения слова в конкретных речевых условиях.

СЕГМЕНТАЦИЯ РЕЧЕВОГО ПОТОКА В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ

Пусть всяко понимает всяк
Слогов и пауз двуединость

Б.Ахмадулина

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Интонационное членение (сегментация) звучащей речи является одной из актуальных проблем лингвистики текста. Задача данного раздела состоит в том, чтобы проследить характер сегментации речевого потока в разных типах речи, соотношение его просодического и семантико-синтаксического членения и рассмотреть структуру вычленяемого отрезка. Объектом наблюдения является репродуцированная и спонтанная речь. Чтение представлено научными и художественными текстами, спонтанная речь — публичными научными докла-

ми и разговорными монологами. Анализ проводится на перцептивном уровне.

В работе используются термины *синтагма* и *сегмент*. Они соответствуют минимальному отрезку речевой цепи, вычленяемому с помощью перерыва в звучании, мелодического интервала, перепада интенсивности, акцентного выделения слова, замедления темпа произнесения, удлинения последних слогов речевого отрезка. Отмеченные просодические признаки могут создавать эффект членения, проявляясь как в совокупности (это более относится к синтагме в прочитанном тексте), так и раздельно или в различных комбинациях.

Синтагма представляет собой смысловое единство, в котором степень смысловой завершенности бывает различной. Синтагма может совпадать со словом, словосочетанием и даже предложением, но во всех случаях синтагматический шов (членение) проходит в том месте, где связь между словами наименее тесная.

Сегмент — это более широкое понятие для обозначения единицы интонационного членения текста. Он может совпадать или не совпадать с синтагмой. Сегмент не представляет собой смыслового единства, если членение происходит в месте сильных связей слов. Он может быть меньше или больше синтагмы и поэтому не обладать синтаксической оформленностью и смысловой целостностью, но может объединять и самостоятельные смысловые целые или не нести никакой информации. Таким образом, сегмент характеризуется различной степенью лексико-грамматической цельнооформленности, информативной значимости, а также и интонационной вычленяемости (сегментация может происходить с помощью минимума просодических средств).

В научной литературе по-разному оценивается роль интонационного членения текста при восприятии речи человеком. О.Ф. Кривнова [1986, 63—64] считает, что слушающий затрачивает тем меньше усилий на извлечение смысловой информации при восприятии сообщения, чем более отчетливо и адекватно смыслу говорящий задает интонационное членение. Вместе с тем многие исследователи спонтанной речи высказывают другую точку зрения. Они отмечают, что известная диффузность сегмента на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях его организации не препятствует адекватному пониманию речи и даже способствует передаче многообразия ее смысловых оттенков, а обилие случаев расчлененного интонационного оформления компонентов одной синтаксической конструкции в спонтанной монологической речи обусловлено коммуникативными потребностями ситуации общения и служит целям актуализации, уточнения, подчеркивания определенных моментов высказывания [Лаптева 1985, 47; Скорикова 1985, 209, 215]. Существует также точка зрения, в соответствии с которой спонтанная научная речь, лишенная пауз хезитации, нетипична и даже в какой-то мере затрудняет процесс коммуникации, поскольку паузы колебания "дают некоторую разгрузку и говорящему, облегчая ему планирование структурной схемы высказывания и ее лексического наполнения, и

слушающему, помогая ему понять и осмыслить услышанное" [Фонетика спонтанной речи 1988, 150].

УСТНАЯ РЕЧЬ С ОПОРОЙ НА ПИСЬМЕННЫЙ ТЕКСТ

1.0. Этот тип речи представлен чтением двух научных текстов — медицинского и лингвистического — и трех художественных[12]. В эксперименте анализировалось чтение врачей, лингвистов и актеров. Ставились следующие задачи: 1) сравнить членение при профессиональном и непрофессиональном чтении художественного текста; 2) сопоставить в этом же плане авторское и неавторское чтение научного текста; 3) сравнить чтение научного и художественного текста.

1.1. В связи с первой задачей анализировалось художественное чтение указанных литературных произведений профессиональными мастерами слова: Р. Пляттом, И. Москвиным, А. Абрикосовым (в грамзаписи) и чтение этих же текстов двумя лингвистами в студийной обстановке. Различия между профессиональным и непрофессиональным чтением очевидны на уровне восприятия. Чтение актеров отличается большей выразительностью. Это объясняется своеобразным использованием различных просодических средств. Хотя беспаузального выделения предложений не было ни в том ни в другом случае, в чтении лингвистов в большей мере проявилась ориентация на абзац, отделяемый более длительной паузой, чем предложения внутри абзаца. В исполнении актеров длительность пауз распределялась не всегда таким же образом. С одной стороны, у них появлялись короткие паузы между предложениями и абзацами, с другой стороны, — длительные паузы внутри предложений, а в отдельных случаях и внутри синтагм. В профессиональном чтении наблюдалось более дробное членение текста и, следовательно, более короткий сегмент. Статистическая обработка материала показала, что различия в средней длине сегмента значимы[13] (соответственно 2,51 и 3,04 фонетических слова[14]; $\chi^2 = 4{,}39 > 3{,}84$). В то же время число минимальных (однословных) сегментов варьируется в этих типах чтения несущественно (26,54% от общего числа сегментов — у актеров и 28,04% — у лингвистов; $\chi^2 = 0{,}036 < 3{,}84$). Более дробное членение текста в актерском исполнении в какой-то мере определялось темпом его произнесения, который в целом был более медленным и неоднородным на всем протяжении. Изменчивость темпа, резкая его

---

[12] Медицинский текст "Юношеская миастения" представляет собой главу из кн. *Лайсек Р.П., Барчи Р.Л.* Миастения. М., 1984. С. 19—20. Текст "О лингвостилистике" — авторский текст диссертанта. Художественные тексты: стихотворение в прозе И.С. Тургенева "Воробей", отрывки из рассказа А.П. Чехова "Хамелеон" и Н.С. Лескова "Тупейный художник".

[13] При статистической обработке материала в работе используется критерий "хи-квадрат", расчеты производятся по формуле $\chi^2 = \sum_{i=1}^{l} \frac{(m_i - np_i)^2}{np_i}$ [Смирнов, Дунин-Барковский 1965, 269].

[14] Под фонетическим словом подразумевается слово с проклитиками и энклитиками, представляющее собой единую ритмическую структуру, подчиняющуюся одному ударению

смена в актерском исполнении (при постоянстве темпа у лингвистов) — это художественный прием, помогающий лучше раскрыть смысл произведения и оказывающий эмоциональное воздействие на слушателя. Достижению этой цели служат и другие просодические средства, использованные в профессиональном чтении: разнообразие и богатство интонации, усиление интенсивности звучания отдельных слов, растяжка гласных и согласных звуков (*соба-ака, ме-едленно, с-старый, был-л*) (ср. [Иванова-Лукьянова 1989, 33—74]). Таким образом, различия в профессиональном и непрофессиональном чтении на просодическом уровне определяются дополнительными коммуникативными и художественными задачами, стоящими перед актерами. Более дробное членение коррелирует с более выразительным прочтением. В этом наши данные вполне согласуются с выводами Л.В. Златоустовой [1977, 67].

1.2. В связи со второй задачей сопоставлялось публичное прочтение диссертантом собственного лингвистического текста "О лингвостилистике" на Ученом совете с чтением этого же текста другим лингвистом в студийной обстановке. Эти устные тексты различались не только по ситуации произнесения, включающей при авторском прочтении адресацию к большой аудитории, но и по эмоциональному состоянию говорящих, а также наличием у автора дополнительной задачи – создать впечатление свободного говорения. Однако, несмотря на эти различия, средние величины длины сегмента у обоих информантов варьируются несущественно (2,83 — у автора и 2,92 фонетических слова — у неавтора; $\chi^2 = 0{,}033 < 3{,}84$), несущественны также различия в числе минимальных (однословных) сегментов (5,26% от общего числа сегментов — у автора и 2,64% – у неавтора; $\chi^2 = 1{,}66 < 3{,}84$). Расхождения же в этих вариантах репродуцированных текстов касаются структуры сегментов.

Аналогичные результаты получены при анализе интонационного членения медицинского текста. Он был прочитан тремя врачами, специалистами в области миастении, дважды. Во второй раз с дополнительным заданием прочесть так, как могло бы быть прочитано собственное сообщение перед большой аудиторией. Войдя в роль докладчика собственного публичного сообщения, информанты прочли текст в более медленном темпе, текст оказался расчленен на большее количество сегментов, однако средняя длина сегмента в этих типах прочтений варьируется несущественно (1,944 фонетических слова — у "автора" и 2,216 – у "неавтора"; $\chi^2 = 1{,}576 < 384$). Вместе с тем проявились некоторые особенности в структуре сегмента.

Следует отметить, что использованные научные тексты не обладают внутренней однородностью: медицинский текст отличается от лингвистического большей дробностью членения и более коротким сегментом, что определяется своеобразием синтаксической структуры текстов (соответственно 2,15 и 2,88 фонетических слова; $\chi = 8{,}129 > 3{,}84$).

1.3. Для осуществления третьей задачи использовались статистические показатели сегментации художественной и научной речи в целом, с учетом прочтений этих текстов лингвистами в студийной об-

становке. Статистическая обработка материала показала, что сегментация художественных и научных текстов в чтении существенно различается. В научных текстах наблюдается более дробное членение. Средняя длина сегмента в художественных текстах больше средней длины сегмента в научных текстах (2,753 и 2,288 фонетических слова; χ^2 = (9,269>3,84). Нам это кажется естественным, поскольку при устной реализации научных текстов используется меньший набор просодических средств, чем при реализации художественных (это главным образом интонационное членение и акцентное выделение слова), поэтому членение разной степени дробности несет разные (и разнообразные) текстовые конструктивные и смысловые нагрузки: от общего представления о синтаксической архитектонике устного монолога, фиксации узловых моментов линейно-грамматического развертывания высказывания, уточнения смысловых связей внутри синтаксически единого отрезка речи до подчеркивания коммуникативного веса слова в потоке речи, выделения и актуализации опорных смысловых и структурных компонентов высказывания [Скорикова 1985, 216]. Это же, на наш взгляд, объясняет и тот факт, что в нашем эксперименте несовпадения в членении научных текстов разными информантами наблюдаются в 45,39% случаев, а художественных — только в 28,84%. Наши данные не подтверждают гипотезу Т.М. Николаевой [1973, 156], считающей, что при неоднородности любого текста по степени смысловой обязательности прочтения, проявляющейся на просодическом уровне в характере его членения, в нем можно выделить зоны жесткого правила и зоны свободного выбора (или зоны индивидуальной трактовки), причем в нехудожественном тексте зон свободного выбора должно быть меньше, чем в художественном.

Анализ материала показывает, что различия в дробности членения прочитанных текстов могут быть связаны с различиями в их жанровой принадлежности и типах прочтения. На наш взгляд, важно выяснить также, является ли значимой при типологической характеристике текста структура вычленяемых единиц.

2.0. Прежде всего выявим в экспериментальном материале случаи семантико-синтаксического членения текстов в соответствии с предложенной Т.М. Николаевой квалификацией, то есть выделим зоны действия жесткого правила (1-я степень дробности) и зоны свободного выбора (2-я степень дробности синтаксически обусловленного членения). В зоне действия жесткого правила (при совпадении членения текстов всеми информантами) у нас оказались следующие случаи:

1) Граница между предложениями, в том числе внутри сложного предложения граница между простыми.

2) Членение на тему и рему при достаточной распространенности этих единиц актуального членения: */У больных юношеской формой миастении/ может наблюдаться также острое/ молниеносное течение/*.

3) Граница сегмента на месте пропущенных членов предложения при неполной реализации его грамматической структуры: */заболевание начи-*

нается в возрасте старше одного года/ а у 75% больных/ в возрасте 10 лет и старше/.

4) Выделение постпозитивных оборотов уточняющего характера, в том числе полупредикативных оборотов, как причастных, так и адъективных: */хотя в снижении толерантности/ наблюдающейся у некоторых больных/ могут принимать участие/; /молниеносное течение/ подобное тому/ ...*

5) Граница между однородными членами предложения, соединенными бессоюзной связью: */Она была безгранично честна/ кротка/.*

6) Выделение сравнительного оборота, а также членение в обороте *как, так и: /и скоро около дровяного сарая/ словно из земли выросши/ собирается толпа/; /очень похожа на миастению взрослых/ как при легкой/ так и при тяжелой формах/.*

К зонам свободного выбора относятся случаи несовпадения синтаксически обусловленной сегментации в каких-либо реализациях текста:

1) Непоследовательно отчленяется тема от ремы при небольшом объеме предложения: */Брат/ моложе меня на семь лет/; /и некоторые исследователи/ считают/; /прогноз для таких больных/ плохой/.*

2) При медленном выразительном чтении происходит вычленение глагольного предиката: */р а з в и в а ю т с я / дыхательные нарушения/; /чаще всего/ в с т р е ч а е т с я / поражение глазных мышц/.*

3) Вычленяется последнее слово предложения в словосочетании с управлением: */если она впервые диагностирована/ педиатром/.*

4) Расчленяются неоднородные определения: */могут принимать участие/ различные/ иммунологические факторы/; /при более частой/ генерализованной форме/.*

5) Расчленяются однородные члены предложения, соединенные союзной связью: */то есть парикмахер/ и гримировщик/; /рисовал/ и причесывал/.*

6) Вычленяются в отдельный сегмент различные оценочные слова, характеризующиеся при чтении акцентным выделением: а) итеративы: *иногда, чаще всего;* б) слова наречного типа со значением меры и степени: *преимущественно, приблизительно.*

7) Выделяются в отдельный сегмент вводные слова и словосочетания с различными модальными значениями: *вероятно, по-видимому, словом* и пр.

Все эти элементы индивидуальной трактовки текста не нарушают синтагматического членения предложения. Таким образом, мы получили данные, на которые можно ориентироваться при выявлении особенностей сегментации того или иного экспериментального текста. Рассмотрим под этим углом зрения проанализированные в количественном отношении прочтения.

2.1. Бóльшая дробность членения художественных текстов в чтении актеров возникает за счет появления предицирующей паузы при небольшом объеме предложения, в том числе даже после одиночных

личных местоимений (это синтаксически обусловленное членение относится к зоне свободного выбора): */Я/ возвращался с охоты/; /Я/ поспешил отозвать смущенного пса/; /Гейне/ вспоминал про портного/.*

Иногда наблюдается и некоторое несовпадение интонационного и синтагматического членения. Происходит смещение границы членения или возникает дополнительное членение в местах сильных связей слов, в результате этого отделяется последнее слово предложения, союз или союзное слово примыкает к предшествующему сегменту или выделяется в отдельной сегмент, а сегмент оказывается больше или меньше синтагмы: */с решетом/ доверху наполненным/ конфискованным/ крыжовником/; /вспоминал про портного* ***который****/ был художник/; /он замирал* ***он****/ жертвовал собою/; /****но****/ все его маленькое тело/ трепетало от ужаса/; /прыгнул/ раза два в направлении зубастой раскрытой пасти/.*

Следует сказать, что случаев синтаксически не обусловленного членения в профессиональном чтении немного, а в непрофессиональном отмечен только один — на месте многоточия в авторском тексте. Таким образом, в чтении художественного текста в целом наблюдается в высокой степени последовательное совпадение интонационного и синтагматического членения, а бóльшая дробность членения в актерском чтении осуществляется главным образом за счет потенциального членения, т.е. членения, находящегося в зоне свободного выбора.

2.2. Анализируя авторское и неавторское чтение одного и того же лингвистического текста (оба информанта лингвисты), мы обнаружили при незначимости варьирования длины сегмента в некоторых случаях несовпадение его границ не только за счет потенциального членения, но и за счет некоторых нарушений синтагматического членения в авторской реализации текста. В авторском более медленном публичном прочтении научного текста можно отметить те же особенности сегментации, которые нам встретились в профессиональном чтении художественных текстов, но помимо этого в нем широко наблюдается вычленение предлогов в отдельный сегмент или отделение их от последующего слова: */В этой сфере/ интересы лингвистики* ***и****/ литературоведения/ наиболее тесно соприкасаются/; /сложнее/* ***и****/ вариативнее/; /Я хочу сказать/что лингвостилистика это только та отрасль/* ***стилистики****/ которая.../; /говорили* ***об****/ авторском замысле/; /характерен/* ***для****/ стихотворений современных авторов/.*

Что касается медицинского текста, то при имитации врачами публичного чтения собственного сообщения, он оказался расчленен на бóльшее количество сегментов (на 11 больше), были вычленены в отдельный сегмент и получили акцентное выделение служебные слова: союзы *хотя, что, или;* предлоги *при, у, до, без;* частица *даже*. При таком прочтении научного текста, с одной стороны, оказались выявленными его структурные компоненты, а с другой — создались условия для смыслового подчеркивания следующих за выделенным служебным словом речевых отрезков. Таким образом было привлечено внимание

слушателей к наиболее важному, с точки зрения говорящего, моменту сообщения. Вот некоторые примеры: */преимущественно поражены глазные/ и́ли/ глазные и лицевые мышцы/*; */Бе́з/ своевременного диагноза/ и тщательного лечения/*; */бывают/ у́/ 20% больных/*.

Следует отметить, что несоответствие просодического и синтагматического членения в научных репродуцированных текстах представлено шире, чем в художественных. К тому же в художественных текстах нам не встретилось вычленение предлогов в отдельный сегмент или паузирование после предлога. Однако в преобладающем большинстве случаев в обеих разновидностях чтения наблюдается синтаксически обусловленное членение 1-й и 2-й степени дробности.

СПОНТАННАЯ ПУБЛИЧНАЯ И РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Публичная спонтанная речь представлена выступлениями на Ученом совете 6-и информантов: четыре научных лингвистических доклада использованы полностью и три выступления в отрывках (всего 3557 фонетических слов, 1230 сегментов). Это спонтанные научные монологи (СПМ). Разговорная речь представлена монологами 12-и информантов, филологов и врачей (РМ). Монологи различались по тематике и длительности (всего 2999 фонетических слов, 867 сегментов).

Эти разновидности спонтанной речи (СР) сопоставлялись между собой. Эталоном при интерпретации результатов их сегментации служило членение этих же текстов, воспроизведенных лингвистом в студийной обстановке. В чтении наблюдалось последовательное совпадение интонационного и синтагматического членения.

Как уже отмечалось, сегмент в рассматриваемых разновидностях спонтанной речи может обладать разной степенью выделенности. При этом не всегда наблюдается однозначное соответствие между степенью информативной насыщенности сегмента и его интонационной оформленности (ср. выделение служебных слов). Даже межфразовые стыки в спонтанной монологической речи выражаются не обязательно всеми показателями интонационного членения. Может, например, отсутствовать пауза или нисходящий тон в конце высказывания. Конец фразы может быть отмечен восходящим или ровным тоном, даже если соседнее высказывание обладает отчетливой смысловой обособленностью и грамматической оформленностью. Специфика членения речевого потока в спонтанных текстах "проявляется в нечеткости пограничных сигналов, в диффузности межфразовых швов" [Фонетика спонтанной речи 1988, 209, 145, 161].

Аудиторский анализ нашего материала подтверждает эти наблюдения. Вместе с тем можно отметить бо́льшие трудности для аудиторов при восприятии членения РМ по сравнению с публичным, возникающие в связи с тем, что границы сегментов в РМ обозначены менее отчетливо просодическими средствами, чем в публичной спонтанной речи, так как в СПМ при более медленном темпе произнесения в целом сегментация чаще сопровождается темпоральной паузой. Средний темп СПМ

значительно медленнее среднего темпа РМ за счет длительности пауз и средней длительности звучания в единицу времени. Для всех СПМ в нашем материале, имеющих значительную протяженность во времени, характерно переменное движение темпа: нормальный темп несколько раз сменяется убыстренным темпом, при котором членение речевого потока более редкое. Здесь возможны сегменты с наибольшим количеством слов (10—16) и слогов (24—28). Следует отметить, что при воспроизведении СПМ диктор не сталкивался с теми трудностями, которые возникали при воспроизведении РМ и были вызваны их специфической структурой, обилием вставных конструкций, незавершенных высказываний. Несмотря на присутствие в СПМ ряда особенностей, сближающих их с РМ и вызванных спонтанностью речепроизводства (повторов, различного рода перестроек, самоисправлений, непрямого порядка слов), в результате получается текст, в значительной мере отличающийся от разговорного и приближающийся по своей структуре к письменному. Это и объясняет, на наш взгляд, легкость его воспроизведения.

Вместе с тем в сегментации этих текстов можно найти черты сходства и различия. Проведем некоторый количественный анализ. Если сравнивать эти тексты по числу вычленяемых единиц, то оказывается, что в СПМ членение более дробное, чем в РМ, и средняя длина сегмента существенно короче средней длины сегмента в РМ (ср.: 2,89 и 3,459 фонетических слова; $\chi^2 = 16{,}35 > 3{,}84$). Еще больше по дробности сегментации отличается СПМ от воспроизведенного (4,589 фонетических слова составляет средняя длина сегмента при чтении того же текста), однако в спонтанном РМ и воспроизведенном РМ средние величины сегмента варьируются несущественно (3,459 и 3,396 фонетических слов; $\chi^2 = 0{,}146 < 3{,}84$), различия же связаны главным образом со структурой вычленяемых единиц. Интересно отметить, что спонтанным текстам в целом не свойственно более дробное членение, чем текстам прочитанным: средняя длина сегмента в них варьируется несущественно (3,126 и 3,02 фонетических слова; $\chi^2 = 0{,}822$). Это объясняется тем, что средние величины сегмента в чтении научных текстов и в СПМ сопоставимы между собой (2,72 и 2,89 слова) так же, как сопоставимы между собой средние величины сегмента в чтении художественных текстов и в РМ (3,39 и 3,46 слова).

Минимальных (однословных) сегментов в СПМ (28,13%) больше, чем в РМ (19,7%). При этом синтаксически обусловлено вычленение в СПМ из 346 однословных сегментов только 47, а в РМ из 176 — таких, условно выражаясь, нормативных сегментов 71, т.е. в СПМ в соответствии с "нормой" минимальные сегменты вычленяются в 13,58% случаев, а в РМ — в 40,34%. Спонтанные тексты в целом существенно отличаются по числу однословных сегментов от прочитанных: в спонтанных текстах их 24,82% от общего числа сегментов, а в чтении — 8,8%.

В СПМ из 1230 случаев в 776 (62,27%) синтаксическое членение

совпадает с интонационным, в 454 случаях наблюдается внутрисинтагменное членение. В РМ из 873 случаев членения синтаксически обусловлено 702 (83,87%), в 171 случае происходит внутрисинтагменное членение. Таким образом, в РМ наблюдается более последовательное, чем в СПМ, совпадение интонационного и синтагматического членения.

В СПМ однословные сегменты значительно преобладают над всеми остальными сегментами в тексте, в РМ с увеличением количества слов в сегменте количество сегментов снижается более плавно. Наиболее значительные расхождения между спонтанным публичным и разговорным монологом касается количества 1—3-словных сегментов (см. рис. 11).

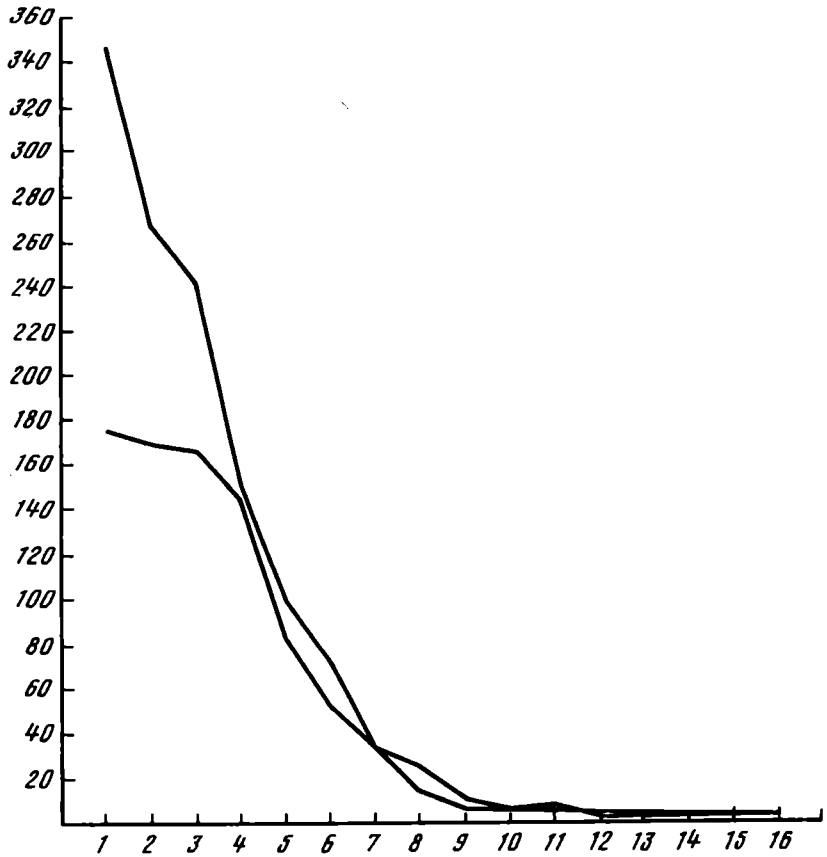

Рис. 11. На оси абсцисс отмечено количество слов в сегменте, на оси ординат — количество соответствующих сегментов

Служебные слова (союзы, частицы, предлоги) и вводные слова в совокупности в обоих видах спонтанной речи вычленяются довольно часто (здесь и далее см. таблицу). Хотя в целом в этом плане рассматриваемые разновидности речи отличаются друг от друга несущественно, статус каждой из выделяемых служебных частей речи в разных типах спонтанных монологов различен. Союзы и предлоги выделяются чаще в СПМ, чем в РМ. Частицы, наоборот, чаще вычленяются в РР по сравнению с СПМ. Приблизительно одинаково вычленяются вводные слова, однако в семантике вычленяемых единиц в рассматриваемых разновидностях СР наблюдаются различия. Местоимения чаще вычленяются в РМ. Из знаменательных частей речи чаще других вычленяются в отдельный сегмент в СПМ существительные, а в РМ — глаголы. Можно установить убывающую последовательность по частоте вычленяемых в нашем материале в отдельный сегмент разных частей речи (цифровые данные см. в таблице). Для СПМ она следующая: существительные, союзы, глаголы, прилагательные, частицы, местоимения, наречия, предлоги, вводные слова, модальные слова, числительные; для РМ другая: глаголы, частицы, существительные, союзы, местоимения, прилагательные, вводные слова, наречия, предлоги, модальные слова, междометия, числительные.

Итак, СПМ свойственно более дробное членение на сегменты, чем РМ. Сегмент в обоих типах монологов может нести минимум инфор-

Однословные сегменты

Части речи	СПМ		РМ	
	Абсолютная величина	%	Абсолютная величина	%
Служебные и вводные слова:	137	39,59	68	38,63
Союзы и союзные слова	71	20,52	25	14,2
Частицы	33	9,54	30	17,04
Предлоги	16	4,62	4	2,27
Вводные слова	17	4,9	9	5,11
Знаменательные и полузнаменательные слова:	209	60,4	105	59,66
Существительные	83	23,98	28	15,9
Прилагательные	36	10,4	12	6,82
Глаголы	38	10,98	35	19,88
Наречия	21	6,07	8	4,54
Модальные слова	4	1,16	3	1,7
Числительные	3	0,87	2	1,14
Местоимения	24	6,94	17	9,66
Междометия	–	–	3	1,7
	346		176	

мации, например, если представляет собой незнаменательную часть речи, хотя бы частицу или союз, но может соответствовать и самостоятельной коммуникативной единице — предложению. Последнее более характерно для РР. В СПМ наблюдаются те же несоответствия в соотношении семантико-синтаксического и просодического членения, что и в РМ, но тяготение к определенным видам несоответствий у этих типов монологов различно. Тот факт, что служебные и вводные слова в спонтанных монологах обоих типов составляют такую большую часть всех однословных сегментов, свидетельствует о том, насколько велика в формировании устных спонтанных текстов роль структурных компонентов, являющихся строевыми опорами и ориентирами при порождении и восприятии речи.

Союзы и союзные слова

В рассматриваемых разновидностях спонтанных монологов наблюдается необычное для тех же воспроизведенных текстов членение внутри высказывания и даже между высказываниями (последнее более свойственно РМ). Это касается, в частности, отрезков речи, имеющих союзы и союзные слова. Прослеживается общая тенденция к сдвигу границы членения, при котором союз или союзное слово примыкает к предшествующему сегменту и может получить акцентное выделение, граница при этом устанавливается перед полнозначным словом (при чтении граница проходит перед служебным словом). Союзы и союзные слова могут также вычленяться в отдельный сегмент.

СПМ: /Я думаю ***что***/ здесь две причины/; /здесь есть ***что***/ совершенствовать/; /как исследователь/ и еще ***как***/ человек владеющий/ определенным материалом/; /может даже не ответы ***а***/ намеки/; /все-таки нам нужно сформулировать/ ***и***/ попытаться дать ответ на вопрос/; /***когда***/ словарь/ который мы сегодня обсуждаем/.
РМ: /значит год будет действительно ***как***/ она занималась/; /они всю ночь стоят в операционной ***и***/ оперируют/; /ну вот/ ***и***/ э-э/ она довольно требовательна к себе/; /одним словом/ высоких рангов/ ***и-и***/ оказалось что воровка/.

В результате этих особенностей членения образуются сегменты, не обладающие информативной и синтаксической целостностью, а пограничный элемент синтаксических стыков становится как бы точкой приложения двойных связей: интонационно он объединен с предыдущим изложением, а семантически и синтаксически — с последующим. Находясь в узловых точках схемы высказывания, такой элемент выступает интонационно-смысловым ориентиром при восприятии устной речи [Скорикова 1985, 227]. Такая сегментация может стимулировать внимание аудитории, что наблюдается главным образом в СПМ, или быть проявлением колебания, что чаще имеет место в РМ и выражается в растяжке служебного слова или появлении после него заполненной паузы хезитации (см. примеры).

Предлоги

Предлоги в СПМ часто получают акцентное выделение и отделяются паузой от полнозначного слова, к которому относятся. При этом они могут либо составлять отдельный сегмент, либо примыкать к предшествующему. Роль такого членения сводится главным образом к тому, чтобы привлечь внимание слушающих к восприятию следующего за предлогом сегмента: */ведь* ***среди****/ этой новой лексики/*; */и* ***по****/ этой одежде человека встречают/*; */орфоэпическая норма не существует* ***вне****/ связей/ с другими нормами/*; ***/При****/ табличной/такой записи/*; */и в общем специалисту ясно и/* ***без****/ обращения к словарю/*.

Вместе с тем такая сегментация может быть вызвана и хезитацией, о чем свидетельствует, в частности, заполненная пауза: */Далее/* ***для****/ э-э/ нас/ составителей других словарей/*.

Вычленяться в отдельный сегмент может даже предлог, не составляющий слога, например, представляющий собой щелевой согласный звук: */в чем такая связь/ с синтаксическими нормами/* ***с-с****/ грамматическими нормами/*. Взрывной же согласный приобретает при этом слоговость: */но тем не менее вот тенденция такая/* [$к^{ъ}$]*/ вовлечению в состав нормы/*.

В РМ чаще факт выделения предлога связан с функцией обдумывания, планирования речи, чем с функцией привлечения внимания, при этом наблюдаются повторы-хезитации и самоисправления. Особенно это характерно для РМ, связанных с научной проблематикой: */Анекдот такой/* ***на****/* ***пра-а****/ пресуппозицию/*; */вот/ ъ/* ***по****/ всему/* [тъскъзът'] ***на****/ широкому кругу вопросов/*. Ср.: */оказывается он сказал что загибается* ***за****/ музей/ параллельно музею уже там с этой стороны/*. (В данном случае происходит актуализация значения предлога.)

Частицы

Частицы в обоих типах спонтанных монологов могут получать акцентное выделение и вычленяться в отдельный сегмент, нередко в сочетании с союзом. Чаще других вычленяется частица *вот*. Ее текстовая семантика уже достаточно исследована, в нашем же материале она функционирует в рассматриваемых разновидностях монологов поразному. В СПМ она употребляется обычно в усилительном значении, а в РМ — чаще в результативном или указывает на границу смены микротем.

СПМ: ***/Вот/*** невольно сравниваешь/ этот словарь/; ***/Но вот/*** часто/ [ъ]/ в поисках той или иной информации/.

РМ: /Ленинской она занималась/ с-с в мае/ ***вот****/*; /Но написала она только это в Пицунде/ ***вот****//* она великий человек/; /Она там/ на три срока обычно приезжает/ в Пицунду// ***ну вот****//* и э-э/ она довольно требовательна к себе/ отделывает/; /Одновременно я бегу в библиотеку/ ну все время/ ***ну вот****//* Я говорю ну что мы Вас не видим/ пропали/.

В СПМ вычленяются в отдельный сегмент и другие частицы с усилительным значением, а также десемантизованные частицы или сочe-

тания частиц, выполняющие роль заполнителей пауз колебания. Последнее характерно и для РМ.

СПМ: */**Именно**[ъ]/* в этом орфоэпическом словаре/; */**Еще**/* мы сталкиваемся/; */и/* в общем/ */ну/* лингвисту это довольно трудно/.

РМ: */**ну**/* в чужой комнате/; */**ну э-э**/* всякое там/ никакого дефицита/ можно купить конечно без очереди/.

Частицы в СПМ могут встречаться внутри нерасчлененного отрезка речи, но чаще всего стоят после или перед границей членения. Перед частицей проходит обычно граница синтаксически обусловленного членения. Сегментация после частицы, как правило, появляется при внутрисинтагменном членении. Сегменты, содержащие частицу, во многих случаях не соответствуют синтагме и не обладают семантической целостностью: */**ведь** ни один словарник/*; */**все-таки** надо стремиться/*; */**Вот** я реально щас/*, ср.: */незавершенностью **вот**/ этой работы/*; */но обязательно **все-таки**/ нужно/ как бы снизойти/*.

Частицы в РМ, имеющие усилительное или уточняющее значение, используются чаще всего в сегменте, представляющем смысловое, синтаксическое и интонационное единство, и не вычленяются ни в середине, ни в начале такого речевого отрезка: */Ну конечно **вот** было солнце/*; */но **вот** с последним стало меньше/*; */**вон** какая вмятина/*; */**просто** весь отзыв/*; */**именно** потому и дергают/ что заведующий/*; */**Вот** он как лег после операции пластом/ и все/ **вот** он ни откашливаться/ ни дышать/ ни шевелиться/ ничего/*. Крайне редко в нашем материале внутрисинтагменное членение проходит в РМ после частицы с усилительным значением: */в результате войти/ ни в одно **вот**/ заведение на нашем Арбате/ невозможно/*.

Повторение частицы обычно носит функцию обдумывания и встречается в обоих типах спонтанной речи. СПМ: */И я думаю что/ **вот**/ **вот** эти факты/*. РМ: */Она **не**/ **не** говоря что за этим писанием/*.

Вводные слова и предложения

В СПМ не только вводные предложения обычно вычленяются в отдельный сегмент, но нередко так же ведут себя и вводные слова, выражающие различные модальные значения: оценку говорящим достоверности сообщаемого (*мне кажется, я думаю, конечно, вероятно, наверное, действительно, предположим, видимо, очевидно*); отношение к стилю, порядку или характеру изложения (*короче говоря, вообще говоря, одним словом, во-первых, первое, второе, третье, далее, прежде всего, вот теперь, скажем*); эмоциональную оценку (*естественно, как это ни удивительно*); характеристику меры и степени (*в целом, тем более*); акцентирование внимания аудитории (*например*); отношение сообщения к автору речи (*как видно, по-моему, помню*). Вводные слова и словосочетания могут выступать в роли пустых вставок, лишенных семантической функции (*так сказать, вообще, в общем, надо сказать*), однако чаще всего вводные слова в СПМ выполняют конструктивную

роль, ограничивая сегмент с одной стороны (в начале или конце).

В РМ перечисленные разряды вводных слов и вводные предложения обычно не вычленяются в отдельный сегмент, а находясь в середине предложения, не способствуют его сегментации: */**Во-первых значит** тут когда мы оба с Сережей разболелись/*; */**конечно** утром ничего еще нет/ бубликов **значит** нет/*; */**оказалось** что попало по банке/*; */**Действительно** вот вчера что-то там/*; */И щас вот они **видимо** делали эти самые/ какие-то площадки/*; */Я прикуриваю **грит** одну статью от другой/*; */**Я например** вот ненавижу писать/*; */**Кроме того** трагедия магазины/*.

В РМ чрезвычайно редко по сравнению с СПМ вводные слова занимают пограничное положение в сегменте, семантически опустошенном или не соответствующем синтагме: */какие-то номера квартир/ совершенно произвольные/ **например** там/*; */Но все-таки можно было купить/ **так скажем прямо** батон/*; */Я вот **значит**/ несу/*.

В РМ обычно выделяются только вводные слова и словосочетания, обращенные к собеседнику с целью привлечь его внимание к сообщаемому или получить его оценку: */Как она хорошо сказала/ **правда**?/*; */**Знаете**/ я сегодня шла утром/*; */Поймали ее судили Светик/ **ты представляешь**?/*; */Я вам рассказывала образ/ что она прикуривает статьи одна от другой/ **помните**?/*; */Наш дом/ который еще сверху ярко покрашен/ **вот слушайте**/ внутри имеет самый плачевный вид/*.

На основании рассмотренного материала выявляются некоторые особенности в сегментации текстов, свойственные обоим типам спонтанных монологов: это смещение границы синтаксического членения и выделение пограничного слова в отдельный сегмент, то есть внутрисинтагменное членение. Подобная сегментация способствует выявлению строевых опор текста, его структурных компонентов. Вместе с тем не менее важно для адекватного восприятия научного текста и выявление информативного каркаса высказывания — опорных смысловых точек текста. Эта задача выполняется с помощью акцентного выделения важных в содержательном отношении слов [Николаева 1982], которое нередко сопровождается появлением членения в непосредственной близости от акцентно выделенного слова и является одним из дополнительных показателей выделения в потоке речи. Роль акцентных подчеркиваний в РМ гораздо меньше, чем в СПМ (ср. [Николаева 1985, 299]). Непринужденная РР с простым сюжетом, если она не обладает повышенной экспрессивностью, отличается бóльшей слитностью произнесения, чем СПМ.

СЕГМЕНТАЦИЯ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ОЦЕНКИ И ОТНОШЕНИЯ

Сегментация в СПМ тесно связана с акцентным выделением оценочных слов. Вычленяются в отдельный сегмент или ограничивают его справа или слева слова наречного типа, обозначающие степень признака (в частности, слова-интенсивы), хотя синтаксически они примыкают

к глаголу, деепричастию, прилагательному, наречию: */Ну здесь я может быть/* ***несколько****/ перегибаю/*; */что они/* ***специально****/ сделали эту энциклопедию/*; */Общее впечатление/* ***очень****/ высокое от этого словаря/*; */авторы/* ***значительно****/ расширили состав словника/*; */укладываются как/* ***вполне****/ допустимые/ вот эти возможности колебаний нормы/*.

В РМ такая сегментация нам не встретилась: */Я его* ***не особенно*** *хорошо знаю/*; */Я это слово уже* ***часто*** *употребляю/*; */Она человек* ***довольно*** *медлительный/*; */Она* ***довольно*** *требовательна к себе/*.

Для СПМ характерно отделение препозитивного согласованного определения от определяемого слова и даже вычленение его в отдельный сегмент. Особенно часто это происходит, если определяемому слову предшествуют два прилагательных, которые тоже могут разделяться паузой, не будучи даже однородными. (Подобная сегментация иногда встречается и при чтении). */Это* ***известный****/ шаг/* ***известный****/ прогресс/ э-э/ в подготовке такого рода/* ***нормативных****/ работ/*; */С одной стороны традиция/* ***другие/ лексикографические****/работы/*; */а/ у тебя/ совсем* ***другое****/ мнение/*; */это итог* ***моей/ многолетней*** *работы/*.

Следует сказать, что РМ неоднородны в этом отношении. Для описательных монологов отделение препозитивного согласованного определения от определямого слова или даже расчленение двух рядом стоящих определений нехарактерно (последнее отличает РМ не только от СПМ, но и от чтения): */У меня я говорю* ***жуткий*** *марафон/*; */****потрясающая*** *женщина конечно/*; */Там были* ***пьяные жуткие*** *бабы/*. Появляется же такая сегментация, либо когда говорящий взволнован, либо когда испытывает какие-нибудь затруднения, например, если тема рассказа требует анализа, как в научных РМ, либо в случаях особой актуализации, когда определяемое слово стоит в конце высказывания или некоторого речевого отрезка. Последнее наблюдается и в чтении. */Была* ***непальпируемая****/ опухоль/ и-и ее/ вот удалили/*; */и Михал Викторыч по* ***всему****/ спектру/ э-э/*; */а он представил очень* ***большой же****/ круг вопросов/*; *и очень* ***такие/ серьезные*** возражения/; */Это кстати не избавляет/ ъ/ вообще город/ от необходимости думать что должны быть простите* ***общественные****/ туалеты/*.

В СПМ наблюдается тенденция к вычленению модальных компонентов в составных глагольных сказуемых и предикатов, выраженных модальными словами. Граница сегмента может проходить также справа или слева от модального слова и иногда совпадает с синтаксической границей. Модальное слово обычно акцентно выделено:

/Я думаю что/ ***нужно*** нам/ рекомендовать авторам/; /проблему/ в общем-то решить/ ***невозможно***/; /Поэтому/ там/ где мы ***можем***/ прийти к какому-то единому решению/ .../по-моему/ ***нужно*** нам стремиться/ все-таки/ убирать/ этот вот разнобой/; /роль языкового сознания/ ***несомненна***/; /но обязательно также все-таки/ ***нужно***/ как бы снизойти/; /естественно/ любой словарь/ ***можно***/ совершенствовать без конца/; /вот ***нет***/ *не может* словарник/ рекомендовать/; /он/ *должен*[ъ] / видимо в таком направлении развиваться/; /Ведь ***плохо*** еще очень/ что/ для нас всех/ ***плохо то***/.

В РМ присутствие модальных слов не влияет на сегментацию речевого потока:

/Это ***надо*** же было черте что/; /ведь я сегодня вот ***должна*** тут же сесть и сделать/; /куда угодно ***можно*** выехать/ но это *надо* знать/; /кто ***мог*** сочинить эти два такта этой центральной мелодии токкаты/ это великий композитор/.

СЕГМЕНТАЦИЯ РАЗНЫХ УЧАСТКОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Членение спонтанной речи связано не только с выявлением структурных и смысловых опор текста, но и обусловлено спецификой речевой деятельности говорящего при порождении высказывания, необходимостью планировать его семантико-синтаксическую структуру и осуществлять выбор лексем. Поэтому важно выяснить, как сегментируются разные участки фразы.

Исследователи отмечают две тенденции, касающиеся интонационного оформления начала фразы в спонтанной речи. Это тенденция к четко оформленному акцентно выделенным словом началу, характерная для двух рассматриваемых разновидностей спонтанных монологов [Николаева 1985, 299—300], и тенденция к появлению пауз колебания, заполненных и незаполненных, могущих не совпадать с паузами стыка, в начале интонационных групп [Панова, Путрова 1982, 299]. Вместе с тем сегментация начала фразы в публичном и разговорном монологах, по нашим наблюдениям, проявляется неодинаково. Для СПМ характерно вычленение в отдельный сегмент служебных слов и частиц, а также вводных слов и предложений с различными модальными значениями, осуществляющих связь между высказываниями, т.е. вычленение структурных компонентов текста. В начале фразы могут вычленяться наречия со значением времени и места, а также местоимения. При отсутствии этих элементов сегментируется тема. В случае, когда вычленяются местоимения или именные группы, соответствующие субъекту предложения, актуальное членение совпадает с формально-грамматическим. В результате всего этого в СПМ началу высказывания свойственна дробная сегментация:

/Но вот/ часто/ ъ/ в поисках той или иной информации/; /Однако/ в чем/ такая связь/; /Поэтому/ благодарность моим/ оппонентам/; /Потому что/ хотя/ произношение/ это как бы одежда речи/; /Естественно/ выбраны только те варианты/; /Мне кажется/ ъ/ словарь широко отражает/ случаи колебания нормы/; /Иногда/ вот словарь/ словари предшествующие/; /Я/ не специалист по орфоэпии/; /Словарник/ в своей работе/ э/ сталкивается/.

Следует отметить, что при воспроизведении в студийной обстановке СПМ нередко наблюдается сходство с его публичным произнесением в сегментации начала фразы: вычленяются вводные слова и предложения, некоторые союзы (*однако, потому что*), наречия места, времени и степени, а также местоимения при актуализации связи между субъектом и предикатом. Однако во всем нашем материале по РР нам встретилось лишь несколько случаев, когда подобные компоненты в начале фразы выделены паузой в отдельный короткий сегмент. Это касается и

воспроизведенных РМ. */Я/ не умею с электрической/; /Значит потом/ я должна тут же четвертого выступать в чтениях/.*

Наряду с тенденцией к расчленению темы, исследователи отмечают и противоположную тенденцию — к бóльшему расчленению ремы по сравнению с темой [Гаман 1977, 12]. Это наблюдается в нашем материале в СПМ в тех случаях, когда в теме выражено данное, известное:

/Это вот одна из особенностей/ обсуждаемого сегодня словаря/ его/ выход на другие уровни/ от/ чистой/ фонетики/ на другие уровни/ языковой структуры/; /Вторая особенность обсуждаемого словаря/ то что он/ фиксирует/ и делает/ для восприятия/ неспециалиста/ нормальным/ вот сильную вариативность нормы/ большую ее изменчивость/.

Для РМ такая сегментация нехарактерна. Вместе с тем пауза перед последним словом фразы или какой-либо конструкции внутри фразы встречается в двух рассматриваемых разновидностях спонтанных монологов. Исследователи считают, что назначение такого членения — акцентировать внимание аудитории на конце смыслового отрезка и актуализировать семантико-синтаксическую связь между его компонентами. В РМ нередко в таких случаях пауза выполняет предицирующую функцию, в то время как вообще предицирующая пауза в РМ в нашем материале — явление нечастое.

СПМ: /там мы даем одни/ предположим акцентологические/ **характеристики**/; /с совершенной очевидностью следует/ такое понимание нормы/ которое/ не предполагает никаких колебаний/ никаких/ **вариаций**/.

РМ: /Там же специально был такой/ **ларек**/; /На/ на Дмитровке они тут же как-то/ кончились/; /У нас на клинику работают два/ **хирурга**/; /двое больных которые одна на настрое на своем/ **выжила**/; /в основном старался от людей куда-то/ **уйти**/; /и воровала у них карточки/ **хлебные**/.

Асимметричность взаимоотношения плана содержания и плана выражения проявляется не только в смещении границ между синтаксическими единицами и во внутрисинтагменном членении, но и в отсутствии членения между предикативными структурами. Это явление наблюдается в обоих типах спонтанных монологов, однако более характерно для РМ. В СПМ примыкают к предшествующему сегменту главным образом определительные придаточные предложения (такие речевые отрезки отмечены быстрым темпом произнесения и ровным тоном). В РМ набор таких единиц более разнообразен: членение может отсутствовать перед придаточными предложениями разных типов и в некоторых бессоюзных полипредикативных высказываниях.

СПМ:[15] /Нужно нам/ рекомендовать авторам/ ... /не бояться расширить и грамматическую часть/ одним словом все/ вот/ как говорят параметры * по которым характеризуется слово/.

РМ: /Удивлялись * почему мы не можем немножко еще постоять/; /Я вам рассказывала * как я выходила на Кастро смотрела/; /Нормальный человек он ненавидит/ это дело/ а есть люди * которые любят/; /Я подумала * это такой чудный образ/; /Я смотрю значит * возятся/; /То ли он может быть разведен был * я не знаю [вапще]/.

[15] Знаком* обозначается отсутствие членения между предикативными структурами.

ПАУЗЫ КОЛЕБАНИЯ

В рассматриваемых разновидностях спонтанных монологов присутствуют паузы колебания, во время которых, как и в течение всего речевого акта, происходят психологические процессы, связанные с формированием и оформлением последующей структуры высказывания, а также с контролированием уже сказанного. Пауза хезитации может быть заполненная и незаполненная. Исследователи отмечают и фатическую функцию заполненной паузы, когда говорящий заполняет канал коммуникации какими-либо звуками или вставными лексическими элементами с целью сохранить за собой инициативу в разговоре. Но это касается главным образом диалогической речи. Пауза колебания может совпадать с синтаксической паузой, в том числе и межфразовой, но может оказаться и внутри синтагмы. Мы подсчитали количество заполненных пауз (с вставными звуками [э], [а], [ъ], [м–м]), относительно причины появления которых в нашем материале не может быть сомнения — это паузы колебания. В СПМ таких пауз оказалось больше, чем в РМ. В СПМ границы между сегментами выражены заполненными паузами в 7,56% случаев, в то время как в РМ только в 4,33% случаев. Следует отметить, что основная масса заполненных пауз появляется внутри высказывания, а не на границе между высказываниями, однако по информантам это распределяется неравномерно. Хотя склонность к заполненным паузам и носит индивидуальный характер, все же приведенные данные свидетельствуют о зависимости их появления от двух характеристик СР: от семантической сложности текста, определяемой темой монолога, и от ситуации общения (публичная — непубличная речь). Даже в РМ наличие пауз колебания определяется сложностью задачи, стоящей перед говорящим. В одной и той же ситуации, в непринужденной обстановке, в монологе на научную тему, где требовалась оценка сообщаемого, их оказалось больше, чем в любом описательном монологе: они составили третью часть от всех заполненных пауз в разговорных монологах в нашем материале (ср. [Николаева 1970, 117—123]). Поскольку количество хезитаций определяется степенью затруднений, возникающих у говорящего при порождении речи, нам не кажется убедительным утверждение Н.Д. Светозаровой [1983, 24], что членение текста тем более дробно, чем выше степень непринужденности.

* * *

Анализ материала показывает, что в чтении наблюдается более последовательное совпадение просодического и синтаксического членения, чем в СР. (В воспроизведенных в студийной обстановке письменных и спонтанных текстах это совпадение почти не знает исключений.)

Однако, несмотря на преимущественное совпадение этих видов членения, и в чтении можно отметить некоторые особенности, характерные для сегментации СПМ. Они более свойственны научным текстам, чем художественным, и связаны главным образом с реализацией вводных и служебных слов. Но следует сказать, что вычленение предлогов в отдельный сегмент или отделение паузой от последующего слова в нашем материале в художественных текстах не встречается.

СПМ характеризуются более дробным членением, чем РМ, и меньшим количеством случаев синтаксически обусловленного членения. Однако совокупность репродуцированных разными информантами экспериментальных текстов не отличается по дробности членения от спонтанных монологов в целом. Несмотря на различия по этому признаку между научными и художественными текстами в чтении и между СПМ и РМ в СР, прослеживается сходство по средней длине сегмента между прочитанными и спонтанными научными монологами, с одной стороны, а также между прочитанными художественными текстами и РМ — с другой. Вместе с тем СР в целом отличается от чтения существенно большим количеством однословных сегментов.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что дробность членения, количество однословных сегментов, характер соотношения интонационного и синтагматического членения могут служить критерием для типологической характеристики текста и типа его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984.
Аванесов Р.И. О русском сценическом произношении // Русская речь. 1981. № 6.
Баринова Г.А. Фонетика // Русская разговорная речь. М., 1973.
Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б. Стили произношения и типы произнесения // ВЯ. 1974. № 2.
Борисенко В.В. Разные типы произношения в устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Красноярск, 1985.
Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
Брызгунова Е.А. Интонационная организация сценической речи // Русское сценическое произношение. М., 1986.
Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // ВЯ. 1955. № 1.
Винокур Г.О. Русское сценическое произношение. М., 1948.
Вопросник по современному русскому литературному произношению / Сост. М.В. Панов. М., 1960.
Вопросник по современному русскому литературному произношению (для деятелей театра) / Сост. Г.А. Баринова, Л.Н. Кузнецова, С.М. Кузьмина, М.В. Панов. М., 1964.
Высотский С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
Гаман Н.П. Семиотика предицирующей паузы. Автореф. канд. дисс... филол. наук. М., 1977.
Гейльман Н.И. Сегментная организация спонтанной речи // Фонетика спонтанной речи. Л., 1988.
Дунин-Барковский И.В., Смирнов Н.В. Курс теории вероятностей и математической статистики. М., 1965.
Захава Б. Современники. М., 1969.

Златоустова Л.В. Изучение звучащего стиха и художественной прозы инструментальными методами // Контекст 1976. М., 1978.
Златоустова Л.В. Интонация и просодия в организации текста // Звучащий текст. Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1983.
Златоустова Л.В. Ритмическая организация русского звучащего текста // Республиканский симпозиум "Лингвистическая интерпретация результатов экспериментально-фонетических исследований речевого текста" (23—24 декабря 1977 г.). Тез. докладов. Минск, 1977.
Златоустова Л.В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
Иванова-Лукьянова Г.Н. Суперсегментная фонетика в функционально-стилистическом аспекте // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
Ильинская И.С., Сидоров В.Н. О сценическом произношении в московских театрах // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1.
Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
Кодзасов С.В. О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.
Кодзасов С.В. О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. II. М., 1995.
Кодзасов С.В. Проект просодической транскрипции для русского языка // Бюллетень Фонетического фонда русского языка. 1989. № 2. Февраль. [Bochum, 1989].
Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. М., 1977. Вып. 8.
Кривнова О.Ф. Прагматическая функция интонационного членения // Проблемы фонетики и фонологии. М., 1986.
Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.
Козлянинова И.П. Произношение и дикция. М., 1977.
Кузнецова Л.Н. О произношении прилагательных на *-кий, -гий, -хий* в сценической речи // Грамматика и норма. М., 1977.
Кузьмина С.М. О состоянии и задачах изучения сценической речи // Русское сценическое произношение. М., 1986.
Лаптева О.А. Общие особенности устной публичной (научной) речи // Современная русская устная научная речь. Красноярск, 1985.
Лаптева О.А. Синтаксическая дискретность устного монологического текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII—XIII. М. 1984.
Лихтман Р.И. О безударных гласных в сценическом произношении // Русское сценическое произношение. М., 1986.
Матусевич М.И., Любимова Н.А. Альбом артикуляции звуков русского языка. М., 1963.
Николаева Т.М. Место суперсегментных средств в структуре текста // Сб. ст. по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
Николаева Т.М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) // ВЯ. 1970. № 3.
Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
Николаева Т.М. Фразовая просодия славянских языков. М., 1977.
Николаева Т.М. Функция акцентного выделения в устной речи // Современная русская устная научная речь. Красноярск, 1985.
Носова Г.И. Реализация основных интонационных типов в спонтанной речи. Автореф. канд. дисс... филол. наук. М., 1977.
Панов М.В. О русской орфоэпии // Русск. яз. в нац. шк. 1971. № 3.
Панов М.В. О стилях произношения // Развитие современного русского языка. М., 1963.
Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1: Индоевропейские языки. М., 1966.
Панов М.В. Сценическая речь и театральные системы // Русское сценическое произношение. М., 1986.

Панов М.В. Фонетика современного русского языка. М., 1979.
Панова И.И., Путрова М.Д. Членение стилистических разновидностей устного диалога // Вопросы семантики и методика преподавания иностранных языков. Минск, 1982.
Пауфошима Р.Ф. Активные процессы в современном русском литературном языке (Ассимилятивные изменения безударных гласных // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1980. Т. 39. Вып. 1.
Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1985.
Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи. Л., 1980.
Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М., 1971.
Разновидности городской устной речи. М., 1988.
Реформатский А.А. Компрессивно-аллегровая речь (в связи с ситуацией говорения) // Звуковой строй языка. М., 1979.
Речь. Артикуляция и восприятие. М., 1965.
Розанова Н.Н. Разговорная речь на сцене // Русское сценическое произношение. М., 1986.
РРР — 1973 — Русская разговорная речь. М., 1973.
РРР — 1983 — Русская разговорная речь. М., 1983.
Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1986.
Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.
Русское сценическое произношение. М., 1986.
Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
Светозарова Н.Д. Просодическая организация высказывания и интонационная система языка. Автореф. дис... докт. филол. наук. Л., 1983.
Светозарова Н.Д. Фонетическая реализация интонационных противопоставлений // Актуальные вопросы интонации. М., 1984.
Скорикова Т.П. Интонационное членение устной научной речи как текстообразующий фактор // Современная русская устная научная речь. Красноярск, 1985. Т. 1.
Современная русская устная научная речь. Красноярск, 1985. Т. 1.
Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
Степанов Г.В. Особенности языковой вариативности // Язык. Литература. Поэтика. М., 1988.
Танская Е.П. О произношении дикторов красноярского радио // Материалы и исследования по стилистике русского языка и культуре речи. Красноярск, 1970.
Фонетика спонтанной речи. Л., 1988.
Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
Шмелев Д.Н. Функционально-стилистическая дифференциация языковых средств // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
Щерба Л.В. О разных стилях произношения // Фонетика французского языка. М., 1953.
Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.
Brown G. Listening to spoken English. Moscow, 1984.
Gimson A. An Introduction to the Pronunciation of English. Caxton Hill, 1970.
Godyn J. Polish Pronunciation: Remarks on Some Main Trends // Slownik wymowy polskiej. Warszawa; Kraków, 1977.
James Allan R. Suprasegmental Phonology and Segmental Form (Segmental Variation in the English of Duth Speakers). Max Niemeyer Verlag. Tübingen. 1986.
Ladefoged P. Preliminaries to Linguistic Phonetics. Chicago, 1971.
Léon P. Aspects phonostilistiques de l'articulation et des éléments prosodiques dans le français parlé // *P. Léon.* Essais de phonostilistique. Studia phonetica. Vol. IV. Didier, 1971.
Meinhold G. Deutsche Standardaussprache: Lautshwachungen und Formstufen. Jiena, 1973.

www.ruslang.ru

Глава вторая

МОРФОНОЛОГИЯ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ВТОРИЧНОЙ ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ

Авторы работ по общим проблемам стилистики, по вопросам функционально-стилистического членения языка отмечают специфику таких исследований и их сложность, вызванные системными особенностями языкового материала, с одной стороны, часто неполным набором стилистически окрашенных единиц и несимметричностью их отношений, – с другой.

М.В. Панов [1963, 10] пишет о том, что в лексике "...отдельным единицам нейтрального стиля могут соответствовать лексемные нули в окрашенном стиле или – реже – две взаимоограниченные единицы. В грамматике это невозможно, ввиду особого характера грамматической системы. Невозможно, например, чтобы система единственного-множественного числа (двучленная) в высоком стиле заменялась одночленной или трехчленной". Д.Н. Шмелев [1977, 6] указывает на то, что «...для выражения одного и того же денотативного содержания – даже если понимать "тождество" здесь очень широко – язык далеко не всегда предоставляет различные в стилистическом отношении средства».

Все эти трудности неизменно предстают перед автором, поставившим перед собой цель рассмотреть в функционально-стилистическом плане явления морфологии. В этой области очень ограничен состав вариативных форм, стилистической окрашенностью обладают немногие. Так, некоторые глаголы 1 непродуктивного класса [Ильина 1980, 110–120] имеют варианты в формообразовании, например, *хлестать–хлещут/хлестают, колыхаться–колышутся/колыхаются* и др. Конечно, можно считать, что форма *хлестают* (в кодифицированном литературном языке более редкая, по сравнению с *хлещут*) имеет сниженную окрашенность (за счет аф. *-aj-* в ее основе), но для глагола *колыхаются* такое утверждение вряд ли будет справедливо; здесь правильнее будет говорить о распространенности этой формы в каком-либо функциональном типе речи. Но варианты с *-aj-* в основе отмечены не у всех глаголов 1 непродуктивного класса, т.е. не все глаголы этого класса могут нести в себе информацию стилистического или функционально-стилистического плана. Если обратиться к области глагольного словоизменения и словообразования в целом, то можно заметить, что для нее характерны целые участки, аморфные в функционально-стилистическом отношении; это, вероятно, является одной из обязательных черт в функционировании морфологической системы. В функционально-стилистические отношения оказываются втянутыми вариативные единицы. У глаголов это формы типа *хлещут–хлестают, обусловливают–обуслав-*

ливают некот. др. Каждая форма часто стилистически нейтральна и не закреплена за каким-либо функциональным типом речи. Но по-разному сочетаясь друг с другом, они могут обслуживать различные функциональные типы речи.

Рассмотрим это на примере глаголов вторичной имперфективации.

В системе русской морфологии вторичная имперфективация является одним из тех участков, на котором отчетливо обнаруживает себя взаимосвязь аффиксальных и морфонологических средств.

Глаголы несов. вида образуются от приставочных глаголов сов. вида присоединением синонимичных суф. *-ива-* (*-ыва-*), *-а-*, *-ва-*, [Аванесов, Сидоров 1945, 169; Петерсон 1941, 83; Виноградов 1972, 398; Грамматика русского языка 1952, 432; Булаховский 1952, 177; Кузнецов, 1952, 231; Милославский 1981, 312]. Например: *закрутить–закручивать, прочитать–прочитывать; сжечь–сжигать; раздуть–раздувать.*

Одного только включения в основу приставочного глагола сов. вида суф. *-ива-* (*-ыва-*), *-а-*, *-ва-* еще не достаточно для образования глагола несов. вида. При вторичной имперфективации суффикс сопровождают морфонологические средства: ударение и чередование фонем. Как "добавочное, вспомогательное грамматическое средство, сопровождающее основное средство образования грамматических форм – аффиксацию" [Аванесов 1955, 21], выступает подвижное ударение.

Ударение постоянно сопровождает суф. *-а́-*, *-ва́-*. Например:

вы́де<л'>ить–выде<л'>я́ть, засо<р'>и́ть–засо<р'>я́ть, уле<т'>е́ть–уле<т>а́ть, вы́ки<п'>еть–выки<п>а́ть, под<жа#>ть–под<жим>а́ть, с<гр'э#>сти́–с<гр'эб>а́ть, про<па#>сть–про<пад>а́ть, про<с'э#>сть–про<с'эд>а́ть, пере<с'э#>чь–пере<сэк>а́ть, с<жэ#>чь–с<жиг>а́ть;

наде́ть–надева́ть, вы́дуть–выдува́ть, взбить–взбива́ть, размы́ть–размыва́ть, согре́ть–согрева́ть.

В образовании глаголов несов. вида посредством суф. *-а-*, *-ва-* может участвовать и чередование фонем (см. приведенные примеры).

Оба морфонологических средства – и ударение и чередование фонем – сопровождают суффикс, имеющий фонемный состав *-<ива>-* (работа по определению фонемного состава этого суффикса проведена Н.Е. Ильиной), а на письме предстающий в орфографическом облике *-ива-* (*-ыва-*). Образование глаголов вторичной имперфективации посредством этого суффикса является живым и продуктивным для современного русского языка [Кузнецов 1952, 318]. Так образуются глаголы несов. вида от глаголов сов. вида I, IV, V продуктивных классов и от глаголов непродуктивных классов.

Суф. *-ива-*(*-ыва-*) всегда безударен. Ударение же фиксировано на корневом морфе; если корневой морф неодносложен, то ударение падает на его последний слог. В обоих случаях ударный слог предшествует непосредственно суффиксу: *разыграть–разы́грывать, наловить–*

нала́вливать, вскочить–вска́кивать, выщипать–выщи́пывать, высидеть–выси́живать, обсосать–обса́сывать, обволочь–обвола́кивать и мн. др.

В глаголе суф. *-<ива>-* всегда следует непосредственно за корневой морфемой. Он является морфонологический позицией для морфонем[1], входящих в состав корневой морфемы глагола. Иначе: в морфонологической позиции перед суф. *-<ива>-* находятся и конечные морфонемы корня (это морфонемы, в которые обобщаются согласные фонемы) и срединные морфонемы (каждая из них – обобщение гласных фонем). Ни согласные, ни гласные морфонемы не выявляют абсолютной последовательности в позиционной реализации. Наблюдаются отступления от закономерностей чередования согласных фонем в исходе корня, наблюдается вариативность в реализации срединной гласной морфонемы {о}. Это разные языковые явления, и вызваны они разными языковыми причинами. Глаголы, отражающие в себе эти морфонологические нарушения, функционируют по-разному.

Рассмотрим, как реализуются согласные морфонемы в исходе корня[2]. Реализация конечных морфонем корня находится в соответствии с позиционными закономерностями чередования; отклонения от них немногочисленны.

Морфонемы группы А представлены фонемами 3 ступени чередования (это становится очевидным при сопоставлении глаголов вторичной имперфективации с производящими глаголами сов. вида). Например:

в IV продуктивном классе[3]: *заколо<т'>ить–закола<ч>ивать, нала<д'>ить–нала<ж>ивать, подве<с'>ить–подве<ш>ивать, подморо<з'>ить– подмора<ж>ивать, нара<ст'>ить–нара<щ>ивать,*

---

[1] Морфонема – это абстрактная единица, которая объединяет в себе фонемы, взаимозаменяющие друг друга в разных морфонологических позициях и взаимоисключающие друг друга в одной и той же морфонологической позиции [Ильина 1980, 59–63].

[2] Каждая фонема в зависимости от ее различительной способности относится к одной из трех ступеней. Существует три возможности. 1) Фонемы могут показывать полную противопоставленность морфонем друг другу. Например, в существительных *бро<д>ø, медве<д'>ø, сторо<ж>ø* противопоставлены морфонемы {д}, {д'}, {ж}. Это позиция полного различения. В ней выступают фонемы 1-й ступени чередования; 2) Фонемы могут показывать частичную нейтрализацию морфонем. В инфинитивных формах перед аф. *-ить бро<д'>ить, медве<д'>иться, сторо<ж>ить* морфонемы {д} и {д'} совпали в фонеме <д'>, но они отличаются от морфонемы {ж}, репрезентируемой фонемой <ж>. Это позиция частичного неразличения морфонем. В ней выступают фонемы 2 ступени чередования; 3) В морфонологической позиции возможна только одна фонема, которая репрезентирует все морфонемы. Так, в формах 1 ед. ч. перед флексией *-у бро<ж>у, медве<ж>усь, сторо<ж>у* морфонемы {д}, {д'}, {ж} представлены фонемой <ж>, т.е. они не различаются. Это слабая позиция с полной нейтрализацией морфонем. В ней выступают фонемы 3 ступени чередования [Папов 1959, 22; Ильина 1980, 31–32]. Морфонемы в одной и той же позиции могут быть представлены фонемами разных ступеней. На этом основании они распределяются между пятью группами – А, Б, В, Г, Д [Ильина 1980, 64–75, 131–146].

[3] Здесь и далее указан класс исходного глагола, что позволяет установить тип морфонологического чередования в каждой паре "исходный глагол–глагол вторичной имперфективации".

изъе<зд'>ить–изъе<ж>ивать, нато<п'>ить–ната<пл'>ивать, вдол<б'>ить–вдал<бл'>ивать, уло<в'>ить–ула<вл'>ивать, закор<м'>ить–закар<мл'>ивать, подстре<л'>ить–подстре<л'>ивать, узако<н'>ить–узако<н'>ивать, зазуб<р'>ить– зазуб<р'>ивать, выка<ч>ать–выка<ч>ивать, взъеро<ш>ить– взъеро<ш>ивать, обнаде<ж>ить–обнаде<ж>ивать, настро<j>ить–настра<j>ивать[4];

во 2 непродуктивном классе: *закоп<т'>еть–закап<ч>ивать, провер<т'>еть–провер<ч>ивать, выси<д'>еть–выси<ж>ивать, осмот<р'>еть–осмат<р'>ивать, удер<ж>ать–удер<ж>ивать.*

Морфонемы группы Б в морфонологической позиции перед суф. *-<ива>-* реализуются фонемами 1 ступени чередования. Например:

В 1 непродуктивном классе: *затоп<т>ать–затап<т>ывать, обгло<д>ать–обгла<д>ывать, подпи<с>ать–подпи<с>ывать, надвя<з>ать–надвя<з>ывать, намо<л>оть–нама<л>ывать, скле<п>ать–склё<п>ывать, задре<м>ать–задрё<м>ывать;*

в 3 непродуктивном классе: *обсо<с>ать–обса<с>ывать;*

в I продуктивном классе: *воспи<т>ать–воспи<т>ывать, прове<д>ать–прове<д>ывать, забро<с>ать–забра<с>ывать, растер<з>ать–растер<з>ывать, отсти<р>ать–отсти<р>ывать, переду<м>ать–переду<м>ывать, исчер<п>ать–исчер<п>ывать, дохле<б>ать–дохлё<б>ывать, доде<л>ать–доде<л>ывать, доко<н>ать–дока<н>ывать.*

Морфонемы группы В и группы Д в морфонологической позиции перед суф. *-<ива>-* тоже представлены фонемой 1 ступени чередования. Например:

в V продуктивном классе (морфонемы группы Д): *загло<т>нуть–загла<т>ывать, сли<з>нуть–сли<з>ывать, пришлё<п>нуть–пришлё<п>ывать;* если в производящем глаголе сов. вида конечная морфонема корня перед суффиксом реализуется нулем фонемы, то в глаголе вторичной имперфективации место нуля занимает фонема 1 ступени чередования: *взгля<#>нуть–взгля<д>ывать, подки<#>нуть–подки<д>ывать, завер<#>нуть–завер<т>ывать;*

в 4 непродуктивном классе (морфонемы группы В; глаголы, оканчивающиеся на *-сти, -зти*) конечная морфонема корня представлена в глаголах сов. вида перед флексиями инфинитива *-сти(-сть), -зти(-зть)* нулем фонемы – *выкра<#>сть, уче<#>сть* [Аванесов, Сидоров 1945, 182–183; Ильина 1980, 100–106], в глаголах несов. вида, использующих для имперфективации суф. *-<ива>-*, в морфонологической позиции перед суф. *-<ива>-* восстанавливается положительная ступень чередова-

[4] Фонемы <л'>, <н'>, <р'>, <ш>, <ж>, <щ>, <ӝ>, <j> при позиционном изучении морфонологии можно приравнять к любой ступени чередования [Ильина 1980, 35–38], в приведенных примерах – к 2 и 3 ступеням.

ния морфонемы, что проявляется в наличии фонемы 1 ступени: *выкра<д>ывать, учи<т>ывать.*

Отклонение составляет реализация морфонем {к}, {г}, {х}, {ск}, {зг}, входящих в разные группы и функционирующих в глаголах разных классов. Оказавшись в морфонологической позиции перед суф. *-<ива>-*, они реализуются по-разному. Их могут представлять фонемы <ч>, <ж>, <ш>, <ж̧>, <щ>, а также звуки [к'], [г'], [х'], [ск'], [зг'] и [к], [г], [х], [ск], [зг], указывающие на то, что перед суф. *-<ива>-* находятся фонемы <к>, <г>, <х> и сочетания фонем <ск>, <зг>. Примеры:

{к}: *Скособо[ч']ить–скособо[ч']ивать, замол[ч']ать–замал[ч']ивать* 'умышленным молчанием скрыть, не дать узнать что-л'. (в обеих позициях <ч>) и *перекри[ч']ать–перекри[к']ивать* (<ч||к>) (группа А; IV продуктивный класс и 2 непродуктивный класс). *Накли[к]ать–накли[к]ивать, накли[к']ивать* (в обеих позициях <к>), *ском[к]ать–ском[к]ивать* и *ском[к']ивать* (в обеих позициях <к>); *уты[к]ать–уты[к]ивать, уты[к']ивать* (в обеих позициях <к>) (группа Б: 1 непродуктивный класс и I продуктивный класс). *Приволо[#]чь–привола[к]ивать, привола[к']ивать* (<#||к>) (группа Г, 4 непродуктивный класс). *Подтол[к]нуть–подтал[к]ивать, подтал[к']ивать* (в обеих позициях <к>) (группа Д, V продуктивный класс).

{г}: *Заслу[ж]ить–заслу[ж]ивать* (в обеих позициях <ж>) (группа А, IV продуктивный класс). *Запу[г]ать–запу[г]ивать, запу[г']ивать* (в обеих позициях <г>); *спу[г]нуть–спу[г]ивать, спу[г']ивать* (в обеих позициях <г>) (группа Б: I продуктивный класс и V продуктивный класс).

{х}: *Насу[ш]ить–насу[ш]ивать* (в обеих позициях <ш>) (группа А, IV продуктивный класс). *Вспа[х]ать–вспа[х]ивать, вспа[х']ивать* (в обеих позициях <х>); *обню[х]ать–обню[х]ивать, обню[х']ивать* (в обеих позициях <х>) (группа Б: 1 непродуктивный класс и I продуктивный класс). *Спи[х]нуть–спи[х]ивать, спи[х']ивать* (в обеих позициях <х>) (группа Д, V продуктивный класс).

{ск}: *Наво[ш̄']ить–нава[ш̄']ивать* (в обеих позициях <щ>); *пропи[ш̄']ать–пропи[ск]ивать, пропи[ск']ивать* (<щ||ск>) (группа А: IV продуктивный класс и 2 непродуктивный класс). *Прополо[ск]ать–пропола[ск]ивать, пропола[ск']ивать; ната[ск]ать–ната[ск]ивать, ната[ск']ивать* (в обеих позициях <ск>) (группа Б: 1 непродуктивный класс и I продуктивный класс).

{зг}: *Дови[ж']ать–дови[зг]ивать, дови[зг']ивать* (<ж̧||зг>) (группа А, 2 непродуктивный класс). *Разбры[зг]ать–разбры[зг]ивать, разбры[зг']ивать* (в обеих позициях <зг>); *замы[зг]ать–замы[зг]ивать, замы[зг']ивать* (в обеих позициях <зг>) (группа Б: 1 непродуктивный класс и I продуктивный класс).

Материал показывает, что среди морфонем группы А не наблюдается единства в позиционном чередовании фонем, составляющих мор-

фонемы {к}, {г}, {х}, {ск}, {зг}. Причину этого явления можно попытаться найти в свойствах морфонологической позиции перед суф. *-<ива>-*.

Морфонологическая позиция перед суф. *-<ива>-*, оформляющим основу глагола вторичной имперфективации, не предъявляет таких безысключительных требований к соблюдению правил функционирования морфонем, как, например, это имеет место в словоизменении. В этом случае – и подобных – приходится учитывать вероятность позиционных чередований [Кузьмина, Панов 1980, 78–79]. В такой ситуации усиливается роль других языковых факторов, например, грамматической аналогии, направленной на уединоображивание фонемного состава морфов. Это находит выражение при следующих обстоятельствах.

При глаголах сов. вида IV продуктивного класса, с фонемой 2 ступени в исходе корня, естественно ожидать глагол вторичной имперфективации с фонемой 3 ступени перед *-<ива>-* (*заколо<т'>ить–закола<ч>ивать* и др., см. выше). Однако при некоторых глаголах сов. вида существуют глаголы несов. вида двух моделей, например, *ока<т'>ить* 'облить сразу весь предмет, всего человека' – *ока<ч>ивать* и *ока<т>ывать* (здесь <т'||ч>и <т'||т>).

Некоторые однокоренные глаголы сов. вида, относящиеся к разным классам, образуют глаголы вторичной имперфективации одинаково, с фонемой 1 ступени перед *-<ива>-*, например:

Глаголы IV продуктивного класса и I продуктивного класса: *обка<т'>ить* 'прокатить вокруг чего-л.', *обка<т>ать* 'катая, перекатывая, сделать круглым, гладким'–*обка<т>ывать; забро<с'>ить* 'бросать далеко', *забро<с'>ить* 'бросая, покрыть, осыпать'–*забра<с>ывать; перело<м'>ить* 'сломать надвое', *перело<м>ать* 'сломать многое, многих'–*перела<м>ывать*.

Глаголы 1 непродуктивного класса и их словоизменительные варианты, оформленные по модели I продуктивного класса: *накли<к>ать (накли<ч>ут* и *накли<к>ают)* 'навлечь, пророчить беду, несчастье и т.п. упоминаниями о них, разговорами'–*накли[к]ивать* и *накли[к']ивать* (с фонемой <к>); *допа<х>ать* (*допа<щ>ут* и *допа<х>ают*) 'окончить пахоту; довести вспашку до какого-л. предела, результата'–*допа[х]ивать* и *допа[х']ивать* (с фонемой <х>); *ната<щ>ить* 'притащить в каком-л. количестве', *ната<ск>ать* 'принести, натащить в несколько приемов'–*ната[ск]ивать, ната[ск']ивать* (с фонемным сочетанием <ск>).

Глаголы 2 непродуктивного и V продуктивного классов: *навер<т'>еть* 'вертя, намотать', *навер<#>нуть* 'намотать вокруг чего-н.'–*навер[т]ывать*.

Глаголы 1 непродуктивного, I продуктивного и V продуктивного классов: *отма<х>ать (отма[ш]ут* и *отма[х]ивают*) 'провести какое-л. время, махая чем-л.', *отма<х>ать (отма[х]ают)* 'быстро пройти, проехать большое расстояние', *отма<х>нуть* 'отвести взмахом

руки'–*отма[х]ивать* и *отма[х']ивать* (с фонемой <х>); *запле<ск>ать*, 1) *запле<щ>ут* 'плеща, залить, забрызгать', 2) *запле[ск]ают* 'начать плескать'; *запле<с#>нуть* 'плеснуть, залить, затопить'–*запле[ск]ивать, запле[ск']ивать* (с сочетанием фонем <ск>).

В глаголах, рассмотренных выше, поколеблена закономерность позиционных морфонологических чередований на конце корня: в глаголах несов. вида с морфонемами группы А на конце морфемы в морфонологической позиции перед суф. -*<ива>*- следовало бы ожидать фонему 3 ступени, т.е. фонему слабой ступени чередования. Но конец корневого морфа перед -*<ива>*- у этих глаголов оформляется одинаково фонемой 1 ступени – сильной ступени чередования, – как в глаголах I и V продуктивных классов. Выравнивание конца корневых морфов идет по I и V продуктивным классам, так как в их глагольных парадигмах корневые морфы оформлены фонемой 1 ступени. Позиционная закономерность чередования здесь нарушена, но зато в оформлении конца корневого морфа перед -*<ива>*- наблюдается единообразие, что существенно для морфологии.

Не устояв перед натиском закономерностей морфологии, некоторые глаголы с морфонемами группы А в исходе корневой морфемы оформляют корневой морф фонемой 1 ступени перед -*<ива>*-, хотя при них нет однокоренных глаголов с морфонемами группы Б.

В VI продуктивном классе: *охва<т'>ить–охва<т>ывать, вбро<с'>ить–вбра<с>ывать, надло<м'>ить–надла<м>ывать*; во 2 непродуктивном классе: *разгля<д'>еть–разгля<д>ывать, отхра<п'>еть–отхра<п>ывать, высви<ст'>еть–высви<ст>ывать* и др.

Количество глаголов с отклонением от морфонологической закономерности значительно.

Оформление конца корневого морфа перед -*<ива>*- зависит от морфонологических закономерностей, на проявление которых налагает ограничения морфология. Это область взаимодействия двух уровней морфологии: морфонологического (с позиционной реализацией морфонем, с морфами) и морфемного (с морфемами – значимыми единицами морфологии).

В середине корневой морфемы располагаются гласные морфонемы {а}, {э}, {и}, {у}, с позиционной реализацией фонемами <а>, <э>, <и>, <у>, и морфонема {о}, которая является обобщением фонем <о||а>. Перед аффиксами глаголов сов. вида морфонема {о} всегда реализуется только фонемой <о>. В глаголах несов. вида перед суф. -*<ива>*- морфонема {о} может быть представлена и фонемой <о> (*стрен<о>жить–стрен<о>живать, обезб<о>лить–обезб<о>ливать, вых<о>лить–вых<о>ливать*) и фонемой {а} (*над<о>ить–над<а>ивать, стр<о>нуть–стр<а>гивать, выбр<о>дить–выбр<а>живать, примор<о>зить–примор<а>живать, вд<о>лбить–вд<а>лбливать*); от одного глагола сов. вида могут быть образованы два глагола вто-

ричной имперфективации, имеющие одно и то же значение, но различающиеся формально – фонемами <о> и <а> в корне (*запод<о>зрить–запод<о>зривать и запод<а>зривать, облагор<о>дить–облагор<о>живать и облагор<а>живать, уполном<о>чить–уполном<о>чивать и уполном<а>чивать* и др.).

В реальном употреблении такие глаголы тяготеют к различным типам речи.

Каковы же те языковые причины, которые толкают морфонему {о} на проявление двойственности при реализации в одной и той же морфонологической позиции – перед суф. -*<ива>*-?

Чередование фонем <о || а> при образовании глаголов вторичной имперфективации распространено довольно широко. Эта черта неоднократно отмечалась русистами как признак видовой пары. В.Н. Сидоров указывал, что при образовании глагола несов. вида от глагола сов. вида "наблюдается чередование <о || а>. Однако такое чередование не обязательно" [Аванесов, Сидоров 1945, 169].

В.В. Виноградов, характеризуя образование глаголов несов. вида с помощью суф. *-ыва-, -ива-* от приставочных глаголов сов. вида как живой и продуктивный тип видовой корреляции, указывает морфонологические признаки глаголов несов. вида и проявление этих признаков в реально существующих глаголах. О чередовании гласных в глаголах одной видовой пары он пишет: "Процесс образования этих форм обычно сопровождается изменением звука *о* основы в *а* ("внутренняя флексия"), например: *приготовить–приготавливать; обусловить–обуславливать; вздрогнуть–вздрагивать; задобрить–задабривать; заготовить–заготавливать; успокоить–успокаивать; оспорить–оспаривать; облагородить–облагораживать; выработать–вырабатывать; заподозрить–заподазривать* и т.п. Но ср.: *обезволивать, опорочивать, подытожить, приохочивать, захлопывать, пришпоривать, приурочивать, сосредоточивать, узаконивать, ускоривать, упрочивать, уполномочивать* [Виноградов 1972, 403].

Л.А. Булаховский [1952, 177], рассматривал мену фонем <о || а> "как добавочный признак при образованиях с *-ыва-, -ива-*".

М.В. Панов, [1959, 9–10], признающий за чередованием фонем <о || а> статус неграмматического чередования – а таковое не может быть внутренней флексией – связывает его с наличием суф. -*<ива>*-, т.е. с грамматической (морфонологической) позицией, которой подчинены чередования в глаголах *заходить–захаживать, отводить–отваживать, загородить–загораживать* и под. [Панов 1967, 206–207].

Фонема <а> является слабой ступенью чередования. Например:

{а}: *вт<а>чать–вт<а>чивать*	
затр<а>тить–затр<а>чивать	<а ||а >
{о}: *зам<о>чить–зам<а>чивать*	
прораб<о>тать–прораб<а>тывать	<о || а>

В глаголах левого столбца морфонемы {а} и {о} различаются: в пози-

ции перед аффиксами инфинитива они представлены соответственно фонемами <а> и <о>. Это – позиция различения, т.е. сильная позиция. Глаголы правого столбца указывают на то, что положение перед суф. -<*ива*>- – слабая позиция для морфонем {а} и {о}: обе нейтрализовались в варианте <а>.

Однако, даже находясь в морфонологической позиции перед суф. -<*ива*>-, морфонема {о} не всегда выявляет чередование <о || а>. Дело в том, что морфонологический признак чередования фонем в данном случае сопряжен с другим морфонологическим признаком – с перемещением ударения с аффиксальных морфов в глаголе сов. вида на корневой морф в глаголе вторичной имперфективации.

Чередование <о || а> регулярно, если выступает вместе с перемещением ударения: *нахолоди́ть–нахола́живать, обгороди́ть–обгора́живать, наскочи́ть–наска́кивать, прополоска́ть–пропола́скивать, переболе́ть–перба́ливать, просмоли́ть–просма́ливать, останови́ть–остана́вливать, скопи́ть–ска́пливать, обкорми́ть–обка́рмливать, обзвони́ть–обзва́нивать, заровня́ть–зара́внивать, переборони́ть–перебора́нивать, отговори́ть–отгова́ривать, приколоти́ть–прикола́чивать, застрочи́ть–застра́чивать, опроси́ть–опра́шивать, расслои́ть–рассла́ивать, вы́строчить–выстра́чивать, вы́мочить–выма́чивать* и мн. др.

Чередование <о || а> затруднено, если суф. -<*ива*>- входит в состав глаголов с неподвижным ударением на корне. В таких глаголах нарушена связь двух морфонологических признаков – подвижности ударения и чередование фонем, – сопровождающих суф. -<*ива*>-. Вне контакта с подвижкой ударения морфонема {о} не обнаруживает способности к чередованию и выступает в виде фонемы <о>. Чередование фонем <о || а> утрачивает автоматизм и становится индивидуальным признаком каждого глагола. В зависимости от того, каким набором фонем представлена морфонема {о} (<о>, или <о || а>, или <о> и <о || а>) намечаются такие группы глаголов.

Одну из групп составляют глаголы, не знающие чередования <о || а>. Это глаголы *растро́гивать, растрево́живать, обезво́живать, обеспло́живать, стено́живать, обуглеро́живать, подыто́живать, ско́мкивать, причмо́кивать, обескро́вливать, обезбо́ливать, принево́ливать, обезво́ливать, урезо́нивать, узако́нивать, засупо́нивать, разлимо́нивать, распатро́нивать, объего́ривать, подзадо́ривать, облапо́шивать, всклоко́чивать, всклочивать, опоро́чивать, упро́чивать, отсро́чивать, приуро́чивать, обесто́чивать* и др.

При некоторых глаголах сов. вида с неподвижным ударением на корне существуют одинаковые по значению варианты глагола вторичной имперфективации – тоже с неподвижным ударением на корне, – которые, при полной идентичности значения, различаются между собой только фонемами <о> и <а>: *заподо́зрить–заподо́зривать* и *заподо́зривать, заново́зить–занаво́живать* и *занава́живать, унаво́зить–*

унавóживать и *унавáживать*, *облагорóдить–облагорóживать* и *облагорáживать*, *обуслóвить–обуслóвливать* и *обуслáвливать*, *(раз)знакóмить–раззнакóмливать* и *перезнакáмливать*, *ознакáмливать*, *удостóть–удостóивать* и *удостáивать*, *заподóзрить–заподóзривать* и *заподáзривать*, *переспóрить–переспóривать* и *переспáривать*, *оспóрить–оспóривать* и *оспáривать*, *проспóрить–проспóривать* и *проспáривать*, *задóбрить–задóбривать* и *задáбривать*, *уполномóчить–уполномóчивать* и *уполномáчивать*, *обморóчить–обморóчивать* и *обморáчивать*, *сосредотóчить–сосредотóчивать* и *сосредотáчивать*, *приохóтить–приохóчивать* и *приохáчивать*, *затрóнуть–затрóгивать* и *затрáгивать* и др.

В ряде глаголов функционирование морфонемы {о} преодолевает преграду, созданную неподвижным ударением – и тогда в морфонологических позициях ее представляет чередование <о||а>: *обволочь–обволáкивать*, *обеспóкоить–обеспокáивать*, *успокóить–успокáивать*, *заготóвить–заготáвливать* и др.

Исследователи русского языка неоднократно обращали внимание на неустойчивость глаголов на *-ивать* (*-ывать*) с ударным гласным [о́] в корне. Так, С.П. Обнорский, описывая замену *о* на *а* в глаголах, образованных от глагольных и от именных основ, отмечал, что они в различные периоды своего развития переживали этот процесс. Он особенно заметен с конца XVII в. в отыменных глаголах. "В литературном языке изменение это шло постепенно на всем протяжении XIX и XX вв.: перед нами явление живое и для современной стадии литературного языка" [Обнорский 1944, 235]. В целом из наблюдений С.П. Обнорского [там же, 235–236] над разными группами глагольных образований на *-ивать* (*-ывать*) и над разными их временными слоями вырисовывается обобщеная картина: постепенно расширяется круг глаголов, охваченных чередованием <о || а>. С.П. Кузнецов [1952, 331] указывает на то, что чередование <о || а> завоевывает все новые глаголы: "Ступень *а* в корне соответствующих глаголов на протяжении развития литературного языка XIX–XX веков все больше распространяется. Многие производные глаголы, раньше не имевшие этой ступени, теперь ее имеют: *обрабатывать*, *присваивать*, *оспаривать*. В начале XIX века эти глаголы имели ступень *о*. Ср., например: *и не оспоривай глупца* (Пушкин)". В.И. Чернышев [1970, 556–557] отмечал, что "формы с *о* преобладали в старом языке, формы с *а* явились позднее, вытеснили формы с *о* и теперь господствуют. Это господство, однако, не полное". Все исследователи, касавшиеся вопроса о постепенном утверждении фонемы <а> на месте <о> в корне глаголов вторичной имперфективации, указывали на неравномерность этого процесса, приводили перечни глаголов, не знающих чередования <о || а>, перечни глаголов с варьированием в недавнем прошлом, описывали особенности употребления отдельных глаголов [Обнорский 1944, 235–236; Чернышев 1915, 275; Чернышев 1970, 556–557; Горбачевич 1978, 162]. Но не-

смотря на неравномерность, а порой и противоречивость в развитии этого явления, некоторые исследователи усматривают в нем тенденцию к расширению и укреплению [Горбачевич 1978, 162; Головин 1988, 59–60].

Варианты глаголов с <о> и с <а> в корневом морфе издавна связываются с их употребительностью в той или иной сфере языка. С.П. Обнорский [1953, 58], например, отводит вариантам с <а> главным образом сферу разговорной речи.

Мысль о тенденции к расширению и укреплению форм с <а>, часто сопровождается стремлением исследователей разграничить варианты с <о> и <а> по их употребительности в различных речевых сферах. По мнению С.П. Обнорского [1944, 1953], например, формы с <о> свойственны строгой литературной речи, формы же с <а> тяготеют к разговорной речи. К.С. Горбачевич [1978, 163–164] перечисляет разнообразные факторы, способствующие появлению в тексте вариантов с <о>, либо напротив – вариантов с <а>. Среди многих факторов упомянут и такой, как встречаемость варианта в различных "печатных жанрах"; в прессе, в драматургии, в письмах, в мемуарах и пр.

Эти и подобные замечания по существу отражают наблюдения исследователей над возможными причинами преимущественного употребления вариантов с <о>, либо с <а> в означенных речевых сферах. Но уже и такие разрозненные замечания показывают, что в синхронии картина функционирования вариантов пестра. Контуры ее могут быть очерчены, если учитывать особенности функционирования глаголов в том или ином типе речи.

По характеру употребления форм с фонемами <о> и <а> в корне перед суф. *-<ива>-* разграничиваются две области: с одной стороны, это функциональные типы речи [Шмелев 1977, 3–4], находящиеся в составе кодифицированного литературного языка (далее будут рассмотрены официально-деловой, научный и публицистический типы речи); с другой стороны, это разговорная речь.

Общей чертой для официально-делового, для научного и для публицистического типов речи, определяющей характер употребления форм с <о> и с <а>, является то, что варьирование проходит в пределах литературной нормы: см. о вариантных образованиях *обусловливать–обуславливать, уполномочивать–уполномачить, удостоивать(ся)–удостаивать(ся)* и др., в настоящее время допускаемых, хоть и с оговорками *разг., допуст.*, с указаниями на их происхождение [Горбачевич 1978; Обнорский 1944], в литературный язык. Однако при этом употребительность вариантов с <о> и с <а> имеет свои особенности в каждом из двух названных функциональных типов речи.

Так, функциональному типу официально-деловой речи свойственна устойчивость употребляющихся в нем глагольных форм с <о>, либо форм с <а> в корневом морфе перед суф. *-<ива>-*. Из двух сосуществующих вариантов – с <о> и с <а> – в официальных документах всегда используется вариант с <о>. Например:

"Трудовые коллективы: участвуют в разработке коллективных договоров, обсуждают и принимают по ним решения, *уполномочивают* профсоюзные комитеты предприятий и организаций подписать эти договоры";

"Общее собрание (конференция) трудового коллектива:

одобряет коллективный договор и *уполномочивает* профсоюзный комитет подписать его с администрацией предприятия от имени трудового коллектива, принимает социалистические обязательства; утверждает по представлению администрации и профсоюзного комитета правила внутреннего трудового распорядка";

"Деятельность кооперации в СССР строится на основе принципов социалистического хозяйствования и самофинансирования, широкого использования товарно-денежных отношений. При этом кооперативная форма производства и распределения производственного продукта, а также доходов *обусловливает* особенности хозяйственного механизма в кооперации: в планировании, в ценообразовании, оплате труда, взаимоотношениях с государственным бюджетом, банками, в материально-техническом обеспечении";

"Забвение составляющих основу планового управления экономикой балансовых методов, при которых расходы строго соизмеряются с доходами и *обусловливаются* ими, привело к расточительному использованию всех видов ресурсов, расстройству денежного обращения";

"Предприятие обязано эффективно использовать производственный потенциал, повышать системность работы оборудования, осуществлять постоянное обновление его на передовой технической и технологической основе, добиваться всемерного роста производительности труда. Оно формирует программу непрерывной модернизации своей материально-технической базы, *сосредоточивает* усилия и ресурсы на технологическом перевооружении и реконструкции производства на основе прогрессивных проектов". (Из официальных документов).

В официальных документах встречаются и такие глаголы вторичной имперфективации с суф. -<*ива*>-, которые в недалеком прошлом были известны склонностью к варьированию корневой морфемы с <о> и с <а>. Это глаголы *осваивать–осво́ивать, затрагивать–затро́гивать* и нек. др. Еще в начале XX в., в работе "Культура речи" В.И. Чернышев [1970, 556] включил их в группу глаголов, "в которых употребление колеблется между формами с ударяемыми *а* и *о*". В настоящее время вариант с <а> является основным, вариант с <о> упоминается рядом с ним как устаревший или даже не рекомендуемый (см. толковые словари-справочники и т.п.). Но вопреки указаниям и рекомендациям, содержащимся в нормативных изданиях, варианты с <а> и с <о> выступают как равновозможные в некоторых функциональных типах речи, например, в разговорной речи, а иногда – в художественных текстах – вариант с <о> оказывается предпочтительным. Для официальных документов обязательна строгая ориентация на норму: употребительны только формы с <а> без какой-либо склонности к варьированию: *осваивать, затрагивать* и под. Например:

"Для наиболее полного использования трудового потенциала и создания условий для высокопроизводительной деятельности каждого работника предприятие: ...

устанавливает формы организации труда работников, проводит тарификацию, *присваивает* разряды рабочим и категории специалистам, организует внедрение передовых методов и приемов труда";

"В связи с этим необходимо:

разработать типовой проект жилого дома, квартиры в котором могут быть легко трансформированы с изменением количества комнат путем соответствующего изменения внутренних перегородок, *не затрагивая* несущие конструкции здания";

"Выносить на всенародные референдумы проекты особо важных законов, *затрагивающих* интересы всего народа". (Из официальных документов.)

Таким образом, глаголы вторичной имперфективации с суф. -<*ива*>-, функционирующие в официально-деловых документах, испытывают ряд ограничений, которые налагает данный тип речи, а именно: круг наиболее употребительных глаголов не отличается разнообразием, количество их мало; каждый глагол выступает в своем основном значении (основных значениях), переносные значения не замечены.

Многозначные глаголы употребляются преимущественно лишь в одном из своих значений. Так, часто встречающийся в официально-деловых текстах глагол *обусловить* обычно имеет значение 'послужить причиной чего-л., вызвать что-л.', например:

Организованная преступность *обусловливает* рост наркомании, пьянства. Особую тревогу вызывает то, что в паразитический образ жизни и преступную деятельность втягивается молодежь, под угрозой оказывается ее физическое и нравственное здоровье. (Из официальных документов.)

Функционирование глаголов вторичной имперфективации с суф. -<*ива*>- в официально-деловом типе речи, по-видимому, можно считать таким участком, на котором морфонологические признаки являются характеристикой конкретных лексических единиц. Строгая нормативность поддержана также их употребительностью в письменной речи.

От официально-делового типа речи отличаются менее официальные.

Самостоятельная область функционирования глаголов вторичной имперфективации – научный тип речи. Как и в официально-деловом, в научном типе речи варьирование проходит в пределах, очерченных нормой кодифицированного литературного языка, но отношения между вариантами здесь уже иные. В научном типе речи не наблюдается избирательности в отношении какого-либо одного варианта. Оба варианта – и с <о> и с <а> в корневом морфе перед суф. -<*ива*>- в научных текстах равновозможны и находятся в состоянии свободного варьирования. Например:

В письменной форме научной речи:

"Сильные и частые ассимиляции не только в пределах морфем, но и на их стыках *обусловливают* сильную позиционную зависимость звуков (т.е. меньшую различительную способность), а кроме того, уменьшают расчлененность звуковой цепи и увеличивают синкретизм в синтагматике: при ассимиляциях разные признаки соседних согласных заменяются одним" (из научного текста).

Необходимость гуманитаризации всего высшего педагогического образования *обусловливает* введение на всех факультетах педагогических вузов таких дисциплин как логика, психология, история культуры (с разделом истории религии), искусство речи с практикумом по языку, постановкой голоса и владению жестом (из материалов комиссии при ОЛЯ).

Баренцово море Сев. Ледовитого ок., между сев. берегом Европы и о-вами Шпицберген, Земля Франца-Иосифа и Н. Земля 405 т. км^2. Расположено на шельфе глуб. преим. от 300 до 400 м (наиб. 600 м). Крупный о. Колгуев. Находится под сильным влиянием теплых вод Атлантического ок., что *обусловливает* незамерзаемость юго-зап. части моря (Советский энциклопедический словарь).

"Это *обуславливает* специфические особенности данного стыка" (из научного текста по лингвистике).

Формы с <о> и с <а> могут встретиться у одного и того же автора:

"Чередование, мена разных фонем *обусловливается* морфологической структурой слова" и "Поставленные задачи и характер анализируемого материала *обуславливают* структуру работы" (из научного текста по лингвистике).

Для научного типа речи характерно не только неразграничение в употреблении форм с <o> и с <a> в корневом морфе перед суф. -<*ива*>-; здесь расширяется круг глаголов, способных варьировать основу:

"Оптимальный вид звуковой цепи" – СС и т.д., поэтому скопления гласных или согласных звуков должны иметь тенденцию *рассредотачиваться*";

"У собак этих двух групп, не взирая на их одинаково сильный нервный тип, сказалась огромная разница в поведении. В то время как первые, развиваясь нормально, постепенно *ознакамливаясь* с обстановкой, проявляли свою силу, у вторых рефлекс сдерживания на всякую новость оставался, не взирая на силу",

"...уже объяснено, что Ψ – несущественный (потому что неизбираемый) элемент системы. Абстрагируемся, освободимся от этого "довеска" (на такую абстракцию нас *уполномачивает* сам язык, так как он – система...). (Из научных текстов).

Варьирование форм с <o> и <a> свойственно и устной форме научной речи. В магнитофонных записях устной речи научных работников – математиков, физиков, филологов – (это лекции для студентов, выступления с научными докладами) встречаются формы *сосредоточивается* и *сосредотачивалось, оспоривал* и *не оспариваем, не оспаривается, обусловливать* и *обусловливает, обуславливающие, уславливались.*

У глаголов вторичной имперфективации с суф. -<*ива*>-, функционирующих в научном типе речи, варьирование форм с фонемой <o> и с фонемой <a> в корне уже не сковано прикрепленностью к конкретной лексической единице; варьирование проходит как свободный выбор говорящего одного варианта из двух сосуществующих и равновозможных. Свободное варьирование является проявлением в синхронии языкового процесса замены фонемы <o> фонемой <a> в корне перед суф. -<*ива*>-. Пределы варьирования очерчены литературной нормой КЛЯ.

В публицистическом типе речи, как и в научном, глагольным формам с <o> и с <a> в корневом морфе перед суф. -<*ива*>- тоже свойственно свободное варьирование. Но при этом в письменной речи варианты с <o> явно преобладают над вариантами с <a>. Ср. замечание К.С. Горбачевича (1978, 163]: "...в издательской практике (особенно в прессе) господствуют традиционные варианты с <o>. Варианты с <a> чаще встречаются в тех печатных жанрах, которые менее строго опекаются корректорами..."

"Основное внимание *сосредоточивалось* на комплексах заметных – тех, которые могли потрясти воображение авиационного мира";

"Мгновенно стало известно: будут разгонять. Войска *сосредоточивались* с вечера в 400 метрах от митингующих, на площади Ленина";

"Обследования передвижений жителей таких, например, городов, как Химки, Зеленоград, Солнечногорск, показывают, что многие из них при поездках в Москву не доходят до самого ядра центра, *сосредоточиваясь* на подступах к Садовому кольцу и именно здесь пользуясь учреждениями обслуживания";

"Основы нашего ценообразования закладывались в тот период, когда модель экономического развития страны опиралась исключительно на внутренние источники: природные ресурсы и рабочие руки. Другого мы тогда просто и не могли иметь. Дешевизна этих источников *обусловливалась* многим и многое предопределила";

"Размер смещающихся блоковых структур *обусловливает* магнитуду и интенсивность землетрясений";

"Президент Буш подписал "разведывательное заключение" по Ираку, которым ЦРУ и другие разведорганы *уполномочиваются* на проведение тайных операций, направленных на свержение режима президента Саддама Хусейна";

"Есть люди, которые спрашивают, а кто *уполномочивал* их депутата выступать с таким предложением";

"В комнате первого секретаря обкома партии сидели друг против друга не враги, не соперники, но и не друзья уже – скорее, друзья бывшие, разошедшиеся и не договорившиеся. И каждый из них понимал при этом, что договаривать и *доспоривать* уже не придется. Потом не придется...";

"Я побывал на "Злате", малом предприятии, входящем в ассоциацию. И вспомнил невольно свою поездку в США: как меня задевало, что *не удостоиваюсь* даже взгляда уткнувшихся в компьютеры американцев";

"Три с лишним года в одном только фактике содержания под арестом С. Антонова наши недруги находили точку опоры в компании *опорочивания* социализма". (Из газет).

Варианты форм с <а> (у глаголов, встретившихся в приведенных текстах) тоже употребляются в письменной речи, но значительно реже. Например:

"Непосредственной причиной, *обуславливающей* необходимость дежурства, руководство "Саюдиса" считает возросшую в последние дни активность военных и подразделений ОМОНа" (из газет).

В устной речи лиц, участвующих в радио- и телевизионных передачах глагольные варианты с <о> отходят на второй план, оставляя поле деятельности вариантам с <а>.

Даже в речи профессионалов-журналистов, обозревателей событий, политических комментаторов, дикторов – обычны личные формы от инфинитивов *сосредотачивать, обуславливать, уполномачивать, удостаивать*. Например:

"Это *обуславливается* и экономическими и другими факторами" (диктор ТВ).

"Силы Ахматтиара *сосредотачиваются* к югу от Кабула" (диктор радио).

"Сообщается также, что принцесса никого *не уполномачивала* писать в книге о ее личной жизни" (обозреватель радио).

"Вице-президенту был оказан прием, которого *удостаиваются* немногие гости Израиля" (ведущий ТВ).

Глагольные варианты с <а> обычны в речи специалистов из различных областей знания и производства, политических деятелей:

"...сложилась такая диспропорция: на протяжении многих и многих лет наши усилия *сосредотачивались* в области производства средств производства". (Из выступления по ТВ).

"Не дело *сосредотачиваться* только на административных мерах" (из беседы по ТВ).

"Уважаемые депутаты! Плохо, когда вся власть *сосредотачивается* в руках правительства. Плохо, когда вся власть *сосредотачивается* в руках президента" (из беседы по ТВ).

Научные работники, выступающие с беседами по радио и телевидению, употребляют в своей речи преимущественно формы с <а>.

Например:

"– Начнем с такого разговора. А бывают аварии на атомных станциях теперь?

"– Да, они бывают часто. Поговорим, какие факторы их *обуславливают*" (из беседы по радио).

"В будущем мы *сосредотачиваем* свои силы на разработке вертолета МИ-28" (из выступления по ТВ).

"Вирусы заносятся в солнечную систему кометами. Они *сосредотачиваются* в верхних слоях атмосферы" (из беседы по радио).

"Наполеон умело *сосредотачивал* силы на главном направлении" (из выступления по радио).

Для разговорной речи характерно варьирование форм с <о> и с <а> в корне перед суф. -<*ива*>-, не нарушающее границ литературной нормы. Варьирование часто наблюдается в таких же глаголах, как и в научном типе речи. Например:

Пошли во двор / Сашенька повела / на качели / качаться / а они свое *доспоривать*// А ты *не отспаривай* / *не отспаривай* лучше / эти самолеты из картона делали / из специального / я знаю//

Вместе с тем, возможности, существующие в разговорной речи шире, чем в кодифицированном литературном языке. В РР часто преодолевается препятствие к образованию формы с <а>. Ранее уже было отмечено, что это препятствие состоит в нарушении связи между двумя морфонологическими признаками, сопровождающими суф. -<*ива*>- в глаголах вторичной имперфективации, а именно: в нарушении связи между передвижкой ударения с аффиксов на корень и чередованием фонем. В РР это нарушение может быть оставлено без внимания и, вместо трех взаимосвязанных факторов суффикс + передвижка ударения + чередование гласных, закономерно дающих <а> в корне (например, *расколоть–раскалывать*), принята как достаточное основание для образования формы с <а> взаимозависимость двух факторов суффикс + чередование гласных фонем (при неподвижном ударении). Результат – варианты с <а> в корне, которые в КЛЯ были бы на ролях либо неудобовоспринимаемых новшеств со сниженной окрашенностью, либо нарушений литературной нормы. Например:

Историк Ю.Б.: Мать в Ташкент ездит// По полторы тыщи *уграхивает*// Накупает всяких тарелочек / блюдечек// Все то что в Москве купить можно//; Филолог-ориенталист Н.А.: Она хитрая / она меня / сколько раз / *облапашивала* (т.е. *облапошивала – Н.И.*)//

В РР употребительны варианты формы с <а> при глаголах, производных от отыменных основ (например, *порочный* → *опорочить* → *опорочивать* и *опорачивать*). Процесс замены корневой фонемы <о> фонемой <а>, начавшийся в древнерусском языке, затронул глаголы с отыменными основами позже, чем глаголы с отглагольными основами: не ранее конца XVIII в. (см. [Борковский, Кузнецов 1963; Обнорский 1944]. Но до настоящего времени проникновение вариативных форм с <а> от отыменных глаголов в КЛЯ затруднено. В РР они обращаются, не встречая препятствий, не вызывая у говорящих неприятия или запрещающих оценок. Так, в КЛЯ правильной является только форма

опорочивает. В РР встречается и форма *опорачивает*. Например:

(разговор двух соседок – выяснение отношений, в повышенном тоне): Л.: Вы что мою девчонку все *опорачиваете*! "Хулиганка! Грубиянка! Наркоманка!.." Она еще мала для этого! – С.: Да что вы!.. Да что вы!..

См. также примеры:

В таких случаях / надо точно *уславливаться* о месте встречи / а то как же//;

Н.: А ты любишь *приневолить*... – Д. (инженер-экономист): Я тебя *не приневаливала*//;

Н. (главбух): Я не подписалась тогда / *не приневаливали*//;

Л. (инженер-конструктор): Я его *не уполномачивала*//;

Научный работник: Нарзан / поступает из нового источника / потом его *накисло-раживают* (насыщают кислородом. – *Н.И.*)//;

Пересказ беседы у судьи: Я ему говорю / у них всё есть / всё / и квартира / и во что одеться... А он мне / только жизни у них нет// А я говорю / они не стараются *упра-чивать*...

А.Н.: Да как... / Всё плохо// У Любы воспаление / боли...// Эта лечащая врач / ничего не делает / только *обезбаливает* уколами//;

В аптеке" Н.: Вот у вас перцовое растирание / для чего? Фармацевт: Да / это *обезбаливающее*//;

Т.Б. (хореограф): Грядок-то у меня там было много// всё *обнаваживала* да копала// торчала целый день.

Эти и под. глаголы расширяют возможности для варьирования.

В разговорной речи, таким образом, тоже наблюдается расширение круга глаголов вторичной имперфективации с варьированием основы, как и в научном типе речи. Но причину этого следует искать не только в расширении тематики, которое отмечалось в научном типе речи, но также и в том, что в варьировании участвуют глаголы с отыменной основой.

* * *

Итак, глаголы вторичной имперфективации имеют следующее строение: в глагольную основу входит суффикс (один из трех: *-а-, -ва-, -ива/-ыва-*), который сопровождается морфонологическими признаками (ударение, чередование фонем).

Каждый суффикс является грамматической (морфонологической) позицией для морфонологических средств: и для чередования фонем в корневой морфеме, и для ударения. Наибольшее разнообразие морфонологических признаков в корне наблюдается тогда, когда в основу глагола входит суф. *-<ива>-*. Суф. *-<ива>-* всегда безударен; ударение, за редким исключением, падает на корень, на его последний слог; на конце и в середине корня обычно чередуются фонемы.

Конечные морфонемы корня (это согласные морфонемы), оказавшись в морфонологической позиции перед суф. *-<ива>-*, нередко выявляют чередование фонем. Эти позиционные чередования обладают высокой степенью вероятности. Но иногда они отступают, оформление корня подчиняется грамматической аналогии.

Морфонема {о} в середине корневой морфемы в позиции перед суф. *-<ива>-* обычно тоже проявляет чередования, но подчинены они только морфонологическим закономерностям. Если при образовании глагола

вторичной имперфективации суф. -<*ива*>- обусловливает и передвижку ударения и чередование фонем, то морфонему представляет фонема <а>. Если же ударение в глаголах сов. и несов. вида падает на корень, т.е. неподвижно, и его позиционная обусловленность остается непроявленной, то чередование фонем тоже оказывается нереализованным – и тогда морфонему представляет фонема <о>. Различные морфонологические комбинации, на фоне развивающегося процесса замены <о> на <а>, могут порождать варианты с <о> и <а>. Функционирование их может быть связано с различными типами речи.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1955.

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. Ч. 1.

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952. Т. 1.

Виноградов В.В. Русский язык. Изд. 2. М., 1972.

Головин Б.Н. Как говорить правильно: Заметки о культуре русской речи. М., 1988.

Горбачевич К.С. Вариативность слова и языковая норма. Л., 1978.

Грамматика русского языка. М., 1952. Т. 1.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

Ильина Н.Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.

Кузнецов П.С. Глагол // Современный русский язык. Морфология. М., 1952.

Кузьмина С.М., Панов М.В. О позиционных чередованиях в фонологии и морфонологии // Вопросы русского языкознания. Вып. 3: Проблемы теории и истории русского языка. М., 1980.

Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.

Обнорский С.П. Правильности и неправильности современного русского литературного языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1944. Т. III. № 6.

Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Панов М.В. О грамматической форме // Грамматика современного русского языка. Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. М., 1959.

Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963.

Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 1.

Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М.В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.

Петерсон М.Н. Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941.

Трудн. – Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник / Ред. К.С. Горбачевич. Л., 1973.

Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Пг., 1915. Вып. 2.

Чернышев В.И. Избранные труды. М., 1970.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М., 1977.

Глава третья

МОРФОЛОГИЯ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕЧИ (РОД, ЧИСЛО, ПАДЕЖ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО)

Морфология характеризуется как наиболее внутренний, сердцевинный ярус языковой структуры. Этим обусловлены минимальная восприимчивость морфологического строя языка к внешним влияниям и чрезвычайно медленная его изменяемость.

Сказанное определяет особое место морфологического раздела в составе данной монографии.

Морфологические средства характеризуются в большинстве своем максимальной нейтральностью: они равно обслуживают все языковые сферы, все типы речи. Вместе с тем морфологическому строю все же свойственна изменяемость, а в первой половине XX в. (20-е – 50-е годы) изменения в их совокупности были столь значительны, что создали необычную для морфологии картину текучести, изменчивости морфологических отношений [РЯСО 1968, 10].

Одним из следствий развития морфологического строя является развитие вариантности в средствах выражения морфологических значений или стилистические преобразования в их использовании. Поэтому проблема выявления закономерностей использования языковых средств в различных типах речи, поставленная в монографии, актуальна и для морфологии.

Попытки выявления особенностей функционирования морфологических средств по отношению к различным типам речи не обнаруживают их массовости. Но, с другой стороны, морфологические процессы, многие из которых действуют длительное время, включают в свою орбиту значительные пласты лексики, что определяет достаточно большой объем наблюдаемого материала, а задача выявления особенностей в распределении рассматриваемых морфологических средств по типам речи тесно смыкается с необходимостью углубленной проработки соответствующего лексического материала. Только такой анализ дает возможность полностью выявить "типологию" использования данных языковых средств и придает самой характеристике вариантов необходимую конкретность.

В разделе рассматриваются морфологические средства, характеризующие только имя существительное. Это диктуется отчасти необходимостью ограничить материал исследования. Главное же заключается в том, что существительные дают более богатый материал для наблюдений. Известно, что в области словоизменения система стилистических показателей является резко асимметричной: стилистически выразительными оказываются флексии имен, в то время как глагольные показатели последовательно нейтральны [РЯСО 1962, 65–66].

Материал для настоящего исследования дают: категория рода, категория числа, категория словоизменения.

Изучению этих категорий в разных аспектах посвящена обширная литература, в частности представлен и тот аспект, который имеет непосредственное отношение к теме данного исследования: анализ динамических процессов, характеризующих развитие каждой из категорий в современном русском языке, изучение вариантности в использовании соответствующих языковых средств.

Результаты проведенных исследований, содержащийся в них материал, определенным образом переориентированный и дополненный материалами художественной литературы и периодической печати 70-х – 80-х годов, записями устной речи, дают возможность решить поставленную в монографии задачу – выявить особенности использования морфологических средств в различных типах речи.

В своей работе мы опирались главным образом на исследование "Русский язык и советское общество", имевшее целью проанализировать сдвиги в языковой системе, происшедшие под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов в советский период, исследования, посвященные изучению грамматической вариантности (словарь "Грамматическая правильность русской речи", книга Л.К. Граудиной "Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты" и др.), исследования, посвященные разговорной речи.

КАТЕГОРИЯ РОДА

Изменения, коснувшиеся категории рода имен существительных и способов ее выявления в современном русском литературном языке, подробно исследованные в науке, позволяют выделить три рода явлений: вариантность в родовом оформлении отдельных слов; вариантность в родовом оформлении новых типов слов – аббревиатур и некоторых типов сложений; вариантность, связанную с расширением группы слов так называемого общего рода, точнее – существительных, являющихся обозначением профессии, занятий и т.д., применяющихся по отношению к мужчине и женщине.

Из этого ряда явлений для анализа материала в заданном аспекте существенно важным является третий тип вариантности, в меньшей степени – второй. Что касается вариантности первого типа, то она затухает. Родовое варьирование в целом, как считают исследователи, представляет собой сейчас уже непродуктивное явление[1].

---

[1] Словарь "Грамматическая правильность русской речи" приводит более 100 пар слов, имеющих разную родовую оформленность, однако из них более 40 пар включают вариант с пометой "устаревшее", "устаревшее и просторечное", "устаревшее и областное"; около 30 пар характеризуются равноправным употреблением (часть из них все же помечается как "более редкое", "редкое") и только около 40 пар слов с различным родовым оформлением различается по значению и разграничиваются по сферам употребления: общеупотребительное и специальное (или разные специальные области). Ср., например, *взятка* и *взяток* (спец. у пчеловодов: добыча пчелы за известный промежуток времени), *кювет* и *кювета* или *кюветка* (спец.: ванночка для обработки и промывания

Остановимся подробно на рассмотрении вариантности третьего (из названных) типа.

Вариантность в выражении рода, связанная с активизацией в языке слов общего рода, подробно проанализирована в [РЯСО]. Целью проведенного анализа было показать возникновение принципиально иного способа выражения рода – аналитического (с помощью глагольных форм, форм согласуемых прилагательных, причастий и местоимений: *врач пришла, хорошая врач, наша врач*), степень упроченности этого способа выражения рода в языке. В работе определен круг слов, являющихся обозначением профессии, занятий, которые применимы по отношению к мужчине и женщине (он включает, по данным книги, около 250 слов), показана динамика соотношения формального согласования (*врач пришел, хороший врач* – по отношению к женщине) и смыслового (*врач пришла, хорошая врач*). В исследовании использовались данные анкетирования, отражающие речевую практику информантов разного возраста и социальной принадлежности, материалы прессы, художественной литературы и др. Проанализированный материал позволил авторам сделать следующий вывод об употреблении сочетаний типа *врач пришла*: "Эти факты встречаются в беллетристических произведениях, в журналах и газетах, в научно-публицистической, деловой, интимно-бытовой устной речи; следовательно, они являются принадлежностью не какой-либо отдельной стилистической разновидности, а литературного языка в целом" [РЯСО 1968, 25].

Авторы не ставили своей целью выявить степень употребительности аналитического способа выражения рода по отношению к той или иной "стилистической разновидности" литературного языка, как и выявление того, насколько широко в данной разновидности используются имена существительные общего рода. Напротив, весь массив материала, вся его совокупность должны были свидетельствовать в пользу закрепления этого явления в литературном языке в целом. Отдельные замечания такого рода все же имеются. Утверждается, например, что фактам аналитического выражения рода труднее, чем многим другим речевым новшествам, пробить себе путь в письменную разновидность литературного языка. Поскольку, однако, существует ограниченная возможность использования способов замены аналитического выражения рода, в частности путем традиционного образования коррелирующего по роду существительного (многие существительные таких образований не допускают, а некоторые из создаваемых, по характеристике авторов, претенциозны, безвкусны или стилистически снижены – *шоферша, премьерша, геологиня, металлургесса* и под.), авторы делают вывод, что победителем в этой драматической напряженной борьбе между конкурирующими типами конструкций будет сочетание *врач пришла* [там же, 38].

фотографических пластинок и отпечатков). Единичны случаи, когда разнооформленные по роду слова, имея одно значение, расходятся только по разным сферам употребления: *желатин* и *желатина* (в профессиональном употреблении).

В ряде работ, опубликованных после выхода в свет указанной монографии, вновь в разных аспектах затрагивается проблема рода и смежных с ним явлений. Многие аспекты проблемы прорабатываются в этих исследованиях подробнее, в том числе вопрос о языковых сферах применения различных способов выражения рода.

В книге "Русская разговорная речь" показано, в частности, что свойственное литературному языку строение оппозиций, которые образуют существительные мужского и женского рода (эквиполентные: *красавец – красавица*, привативные: *учитель – учительница*), для разговорной речи не характерно. "В РР, – пишут авторы, – не принято говорить о женщине, используя существительные мужского рода... Ведь для РР характерна сфера личного, персонального общения, при которой бывает нужно обозначить пол лица, а не просто назвать его профессию или должность" [РРР – 1983, 108]. Вследствие этого в данной сфере свободнее образуются существительные женского рода, коррелятивные мужским. Характерной особенностью разговорной речи является активность словообразовательных средств, с помощью которых создаются существительные женского рода, в частности это касается суф. *-к(а), -ш(а), -их(а), -есс(а), -ин(я)* и др., которые в кодифицированном литературном языке не используются или используются редко.

Что касается аналитических способов выражения рода, то они имеют, как показывают авторы, в разговорной речи специфическую реализацию. Например, для характеристики лица женского пола при употреблении по отношению к женщине существительного мужского рода используются согласованное определение (прилагательное или местоимение) в женском роде, широко применяются сегментированные конструкции: *Наш врач/она внимательная очень*. Используется конструкция предикации или полупредикации (*Там врач принимал/женщина*) при использовании существительных *женщина, девушка, девочка* для обозначения лица женского пола [там же, 109–110].

В цитированной книге разговорная речь в отношении рассматриваемого явления противопоставлена кодифицированному литературному языку в целом. Между тем сам кодифицированный литературный язык в данном случае не отличается единообразием. Рассматривая этот вопрос подробней, следует разграничить два рода явлений: 1) возможности использования коррелятивных существительных женского рода для называния лица женского пола; возможности использования других способов обозначить принадлежность лица к женскому полу, 2) соотношение в использовании смысловых и формальных согласований при обозначении лица женского пола существительным мужского рода.

Что касается первой группы явлений, то здесь разговорная речь противопоставлена прежде всего строгим сферам кодифицированного литературного языка. В названиях профессий и должностей в официальных документах, как правило, употребляются, – пишут авторы словаря "Грамматическая правильность русской речи" [1976, 103], обобщающие формы мужского рода: *народный художник Т. Яблонская,*

танкист Мария Октябрьская, летчик-космонавт В.В. Николаева-Терешкова, мастер-закройщик депутат районного Совета Л. Кулагина и т.п.

Л.К. Граудина [1983, 11] приводит следующий отрывок из письма, адресованного в Институт русского языка, комментирование которого представляет интерес и для данной темы: «Давно уж у нас новые профессии, считавшиеся испокон веку исключительно мужскими, стали также и женскими. Горнячки, крановщицы и летчицы не являются редкостью. У названий этих профессий есть форма женского рода, но многие же другие профессиональные наименования не имеют такого окончания: геолог, филолог, педиатр, стоматолог. На нет, как говорится, и суда нет. Но вот рядом со словом "корреспондент" есть в нашем языке слово "корреспондентка". Между тем последнее применяется лишь тогда, когда речь идет о частной переписке. А всех работников печати или радио именуют *корреспондентами:* "Наш корреспондент Викторина Державина побывала на выставке". То же происходит со словом *обозреватель*».

Цитированное письмо – образец неосведомленности говорящих о существовании разных языковых сфер с прикрепленными к ним языковыми средствами и об уместности применения этих средств[2]. Это недостаток нашей речевой пропаганды и наших нормативных пособий. Ведь все осуждаемое в письме на самом деле закономерно: *корреспондент, обозреватель* – в официальной, деловой речи, *корреспондентка, обозревательница* – вне этой сферы (при этом не только в жанре частной переписки). То же самое можно сказать и о наименованиях *горнячки, крановщицы, летчицы*, которые не являются официальным наименованием соответствующих профессий, а получают такие формы в разговорной непринужденной речи[3], а также в тех речевых сферах, которые "заимствуют" элементы разговорной речи (разные жанры публичной речи) или имитируют разговорную речь (разные жанры художественной литературы).

Между противопоставленными в данном случае сферой разговорной речи с присущим ей стремлением подчеркнуть принадлежность лица к женскому полу, в том числе с помощью словообразовательных средств, и сферой официально-деловой, где санкционируется "номенклатурная" форма обозначения лица, лежит полоса широко развитой вариантности. Ее обнаруживают прежде всего публичная речь, речь газетно-информационная, в меньшей степени – научная. Вариантность развивается главным образом, как это неоднократно отмечалось в литературе, в рамках традиционных словообразовательных типов с суф. *-ник, -щик/-*

---

[2] Подобных запросов, поступивших в Институт русского языка, достаточно много, ср. один из них: Как следует написать в официальном приказе: наградить *токаря-револьверщицу Иванову* или *токаря-револьверщика Иванову*? (Следует заметить, что в дальнейшем тексте говорится, что она в короткое время овладела специальностью токаря-револьверщика.)

[3] Ср.: *Крановщица* я, на крану работаю (из рассказа рабочей. Запись 1985 г.).

чик, -тель, регулярно образующих женские соответствия на *-ница, -щица/-чица, -тельница*, а также образований на *-ка*, создаваемых в соответствии с существительными мужского рода. Подобные образования представлены в таких жанрах публичной речи, как очерки, критические заметки и под., а также в различных жанрах научной речи. Их широко представляет художественная литература, которая имитирует ту реальную языковую ситуацию, которая имеет место в данный период. Приведем некоторые примеры:

Итак, что проделала *диссертант*? *Она собрала* материал (из выступления на защите диссертации).

Диссертантка справедливо отмечает, что... (из выступления на защите диссертации);

Все-таки *исследователь* (по отношению к женщине. – *В.В.*) *не вскрыл* здесь самую суть проблемы (из выступления на защите диссертации);

Опыт установления иерархии между различными способами выражения относительных значений представлен также в работе *исследовательницы* из НРБ (из научной статьи).

Многочисленны примеры вариантности, извлеченные из художественной литературы:

Она появилась у него в кабинете в конце рабочего дня. Представилась *"коммивояжером"*. Или, может быть, правильнее сказать *"коммивояжеркой"*? (А. Хейли. Сильнодействующее лекарство. Пер. К. Тарасова);

– Доктор, а из-за чего, собственно, вы так взрываетесь? – отреагировала на его вспышку *представительница* "Фелдинг-Рот" (А. Хейли. Там же);

... молчит, когда молоденькая *экскурсоводка* называет Бортнянского Чайковским... (М. Костров. Поселянщина).

При том, что многие параллельные образования достаточно нейтральны, в большинстве случаев мы все же не можем не заметить некоторой нарочитости в подчеркивании женского пола лица (кроме, может быть, таких слов, как *аспирантка, диссетантка* и некот. др.). Следует согласиться с авторами словаря "Грамматическая правильность русской речи" [1976, 103], которые отмечают развитие тенденции к использованию существительных мужского рода для названия женщин. «Даже в тех случаях, – пишут они, – когда легко образуется суффиксальная параллель женского рода, предпочитается "мужской" вариант с обобщенным значением деятеля безотносительно к полу названного лица». Это наблюдение относится к строгому стилю письменной речи, деловым документам, публицистике, научной прозе, отчасти и разговорной речи. Те же выводы сделаны в исследовании [Граудина 1980, 186–187].

Образования с некоторыми суф. (*-ша, -иха* и др.), широко известными в разговорной речи, в других типах речи используются с определенным стилистическим заданием. Публичная речь, например, преимущественно в таких жанрах, как критические заметки, фельетоны и под., "заимствует" такого рода образования из разговорной речи и в качестве таких заимствований они и несут определенный "заряд" экспрессии:

Одна сотрудница возразила что-то по мелочи, а *замша* ей в ответ: "Дура!"... Третья сотрудница заспорила с *замшей*, а та ей говорит: "Щас дам пощечину!" Эту печальную зарисовку я составила из фактов, приведенных в письме сотрудников детского санатория № 44. А речь в ней идет о *заместителе главного врача* Евгении Самсоновне Айрапетовой (из газет).

Разумеется, здесь есть ряд нейтральных образований, называющих род занятий, выполняемых чаще всего женщиной: *секретарша, кассирша, парикмахерша, почтальонша* и некот. др. Они вполне свободно употребляются в публицистике и, естественно, в художественной литературе:

Они служат на очень высоких должностях в милиции, и это прекрасно. Кстати и Мишке тоже надо звонить через *секретаршу* (А. Крупин. Прости, прощай...);

Завязывай, Мишель, понял? Сказал – нет, значит – нет. И снова приобнял *библиотекаршу*. (С. Каледин. Стройбат).

Преимущественная же сфера употребления существительных женского рода для названия женщины по роду профессиональной деятельности с использованием так называемых непродуктивных суффиксов – разговорная речь и художественная литература: *врачиха, докторша, бригадирша, языковедка* и под.:

О проклятие! Все та же *агентша* из "Фелдинг-Рот", которая приходила к нему накануне (А. Хейли. Сильнодействующее лекарство); Этого котенка истискали и исцеловали и *физички* и *лирички* (А. Крупин. Прости, прощай...).

Подобных примеров можно привести очень много.

Вполне нейтрален способ подчеркивания лица женского пола с помощью включения слов *женщина, девушка* и создания аппозитивных сочетаний. Такие сочетания широко используются не только в разговорной речи, но и публицистике, художественной литературе:

В землянки, вырытые на Тверском бульваре, возвращались аэростаты – их разносили по местам *девушки-аэростатчицы* (из газет).

Открыв холодильник, она достала прозрачную баночку с препаратом, которую привезла *девушка-коммивояжер* из компании "Фелдинг-Рот" (А. Хейли. Сильнодействующее лекарство);

Спокойным взглядом серо-зеленых глаз *девушка-агент* посмотрела на Эндрю (там же).

Число подобных примеров тоже велико.

Таким образом, по использованию существительных мужского рода для называния женщин по профессии, занятиям и употреблению различного рода замен (языковых средств подчеркивания женского пола лица) строгие сферы речи противопоставлены всем остальным. Наиболее ярко эту противопоставленность обнаруживают строгие сферы и разговорная речь. Публичная речь представляет зону сильного варьирования с тенденцией, как это уже отмечено в литературе, к предпочтительному использованию существительных мужского рода. Эти процессы варьирования, как бы повторяя реальную языковую ситуацию, широко представляет художественная литература.

Рассмотрим подробнее аналитический способ выражения рода, в частности использование смысловых и формальных согласований в различных типах речи. В словаре "Грамматическая правильность русской речи" [1976, 98] приводится перечень слов, используемых в качестве обобщенного (безотносительно к полу) наименования лиц по профессии, специальности, общественному положению и др. Он включает 383 слова. Среди них обширный пласт составляют существительные, кото-

рые не имеют параллельных соответствий женского рода: официальные, административные и должностные названия типа *премьер-министр, президент, министр, дипломат* и под.; обозначения ученых степеней и званий: *доктор наук, кандидат наук, профессор, доцент*; социально-оценочные характеристики и наименования: *товарищ, член* (партии, профсоюза, правительства), *лауреат, герой, вождь*; названия лиц по военным специальностям и служебным званиям: *боец, воин, офицер, пилот, сержант, майор, минер, капитан* и др. Отмечается, что пласт названий лиц такого типа обнаруживает тенденцию к росту, развитию и укреплению в современном русском литературном языке. Развитие и укрепление их в языке содействует расширению аналитического способа выражения рода, как было показано в свое время в [РЯСО 1968].

Подобные наименования относятся к самым различным языковым сферам: официально-деловой, научной, специальным профессиональным сферам. Так или иначе они становятся употребительными в публичной, газетно-информационной речи, а также в обиходно-бытовой речи. Таким образом, есть возможность сопоставить эти разные типы речи по степени употребительности в них разных типов согласований.

Как показывают материалы уже опубликованных исследований, в этом отношении различную роль играют согласования с глагольными формами (*врач пришел, врач пришла*) и формами прилагательных, местоимений, причастий (*хороший врач, хорошая врач*). По использованию смысловых согласований типа *врач пришла* разные типы речи не обнаруживают резкой противопоставленности. Сочетания типа *врач пришла* широко употребляются не только в устной речи, но и письменных формах литературного языка: в беллетристике, газетно-публицистической, деловой, научной речи [Грамматическая правильность русской речи 1976, 97]. Ряд примеров, приведенных в словаре, можно дополнить материалами, извлеченными из других источников:

Решительно настроенная, нынешний *лидер тори пришла* к власти с призывом избавиться от сонного оцепенения (из газет).

Итак, что *проделала диссертант*? Она собрала материал (из выступления на защите диссертации).

В приведенном выше утверждении относительно распространенности сочетаний типа *врач пришла* "устная речь" упоминается в одном ряду с "письменными формами" литературного языка. Более поздние и притом специальные исследования разговорной речи показали, однако, что разговорная речь занимает в этом плане особое место: согласования по смыслу здесь, хотя и используются, не являются для разговорной речи характерными [РРР-1983, 110]. Таким образом, разговорная речь по данному признаку, напротив, противопоставлена другим языковым сферам.

Ту же противопоставленность, но, так сказать, с иным знаком, можно наблюдать, имея в виду употребительность согласованных определений (сочетаний типа *хорошая врач*). В разговорной речи для характеристики лица женского пола согласованное определение может при-

меняться (хотя это и не наиболее частый для разговорной речи способ выражения) [там же].

Менее всего эти сочетания присущи строгим речевым сферам, представляя в этом смысле известный контраст согласованиям типа *врач пришла*. В этом убеждает даже простой просмотр материалов, приведенных в словаре "Грамматическая правильность русской речи": *наш бригадир находилась; побывала английский скульптор, племянница Черчилля;* тяжело *заболела старший радист-наблюдатель* Баркова и др. Имеющийся в нашем распоряжении материал подтверждает вывод, сделанный авторами словаря: "В письменной строго-официальной или нейтрально-деловой речи принята норма согласования по внешней форме определяемого существительного" [Грамматическая правильность русской речи 1976, 101]. Колебания имеют ограниченное распространение[4].

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Функционально-стилистическому анализу употребления форм числа посвящено значительное число работ. Внимание исследователей привлекали при этом три аспекта 1) регулярность образования двух форм числа у лексических единиц разных классов; 2) прикрепленность к определенным языковым сферам тех или иных частных значений форм числа; 3) вариативность выбора форм единственного или множественного числа в определенных контекстах [Красильникова 1989, 232].

Хотя в опубликованных работах не ставится специальной задачи исследования закономерностей использования форм числа в различных типах речи, содержащийся в них материал, наблюдения и выводы дают для этого основания.

В последнее время выдвигается как более перспективный принципиально иной аспект анализа употребления числовых форм – от текста, текстовой заданности, что прямо связано с типами речи. "Движение анализа от текста, – пишет Е.В. Красильникова, – позволит представить систему употреблений форм числа как характеристику текста. Более тщательно будут изучены факторы выбора форм числа и возможности вариативного выбора, что на системных основаниях позволит выявить зоны стилистической релевантности в функционировании форм числа". Автор полагает, что "в основу будущего функционально-стилистического описания языка будут положены полные описания разных типов текстов, систематизирующие все правила употребления форм числа в тексте" [там же, 233].

Можно думать, что два направления анализа – от текста и от конкретных случаев употребления коррелятивных числовых пар имеют право на сосуществование.

---

[4] Нарушение нормы согласования имеет место только в форме именительного падежа. Особое место занимают сочетания с прилагательными со словом-обращением *товарищ*. Вопрос этот подробно освещен в литературе. См., в частности [Грамматическая правильность русской речи 1976, 101].

Функционально-стилистическое описание языка должно мыслиться как многоаспектное, в нем могут найти место и различные подходы к изучению и описанию функционирования коррелирующих числовых пар, что составляет историю развития данной грамматической категории.

Изменения, касающиеся числовых корреляций и определяющие в конечном итоге особенности употребления числовых форм в различных речевых сферах, по-разному проявляются в классе слов, представляющих существительные считаемые (исчисляемые) и существительные, обозначающие предметы, явления и т.д., не подлежащие счету (неисчисляемые).

Эти классы слов требуют отдельного рассмотрения.

Считаемые (исчисляемые) существительные

У существительных считаемых разного рода особенности в употреблении форм числа связываются не с общим (обычным) значением множественного числа, а с так называемыми частными его значениями[5].

По Есперсену, это "приблизительное множественное" (в одной форме объединяются несколько предметов или лиц, не принадлежащих в точном смысле к одному виду[6]) и так называемые "единства высшего порядка".

В данном случае внимания заслуживает прежде всего вторая группа фактов.

Есперсен [1958, 225–226] указывает на несколько способов, с помощью которых в разных языках достигаются такого рода объединения: употребление формы множественного числа самой по себе; образование особого существительного в единственном числе типа *десяток, тысяча*, слов типа *пара перчаток, букет цветов, стадо волов*; использование собирательных существительных (в более строгом понимании), слова типа *братство, знать, крестьянство* и т.д.

В русском языке как средство выражения собирательности в определенных случаях используются и формы ед. числа существительных, обозначающих лицо, животное или предмет[7].

---

[5] Самое простое и очевидное употребление мн. числа, по Есперсену (суждения этого автора интересны, поскольку его анализ обращен к языковым универсалиям), представляют случаи типа horses "лошади" = (одна) лошадь + (другая) лошадь + (третья) лошадь... "Такие случаи, – пишет Есперсен, – которые можно назвать обычным множественным числом, не требуют особых замечаний, так как во многих языках здесь почти всегда налицо соответствие между логикой и грамматикой" [Есперсен 1958, 218].

[6] Самый ярко выраженный случай приблизительного множественного числа представляет собой местоимение we 'мы', которое означает "я + один или более не-я" [там же, 220].

[7] "Категория собирательности, – писал В.В. Виноградов [1947, 157], – находит свое грамматическое выражение в отсутствии форм множественного числа. Поэтому формы единственного числа имен существительных, обозначающих лицо, животное или предмет, нередко – в синекдохическом употреблении – приобретают значение собирательности. "Единственное число существительного конкретного является образом сплошного множества".

Этот способ выражения собирательности обнаруживает в современном языке значительную продуктивность и как одна из динамических линий в развитии морфологической системы заслуживает более подробного рассмотрения[8].

Состав имен, формы ед. числа которых используются в качестве обозначения множественности (как образа сплошного множества), формируют 1) существительные, являющиеся обозначением лица по профессии (и другим видам характеристики), социальному положению и др.; 2) обозначения животных, рыб, птиц; злаки и произрастания, машины и прочие предметы, связанные с производственной и другими видами деятельности человека [РЯСО 1968, 166].

В то время как состав второй группы слов в какой-то степени традиционен, первая группа слов постоянно расширяется за счет ряда семантических групп слов (возникновение их отражало политические и социальные изменения в стране), вовлекающихся в процесс развития категории собирательности. Прежде всего это имена существительные, обозначающие лица по их общественной, политической деятельности.

Вопрос о продуктивности обобщенно-собирательных форм существительных в [РЯСО 1968, 172], как уже приходилось говорить в связи с анализом в этом исследовании других явлений, решается по отношению к русскому литературному языку в целом: "Таким образом, употребление форм ед.ч. в обобщенно-собирательном значении, ... в советскую эпоху активизировалось, получило широкое распространение в различных функциональных разновидностях современной русской речи". Между тем, в аспекте поставленных задач материал требует более дифференцированной характеристики.

В [РЯСО 1968] в качестве наиболее раннего источника, демонстрирующего активное использование форм ед. числа в обобщенно-собирательном значении (речь идет об обозначениях лиц), называется агитационно-пропагандистская литература (листовки и др.)[9].

В сущности, как это видно и из приведенных в названном исследовании материалов, при сильно расширившемся употреблении состава рассматриваемых форм за пятьдесят подвергнутых изучению лет, область их применения осталась сравнительно узкой. Это та же публичная речь: публицистика в различных ее жанрах, речь газетно-информационная и, естественно, художественная речь, отражающая, в соответствии с какими-то конкретными задачами, специфику публичной речи.

Публицистические статьи разного характера (на политические, экономические, юридические и иные темы) остаются и сейчас преимущест-

---

[8] В данном рассмотрении мы не касаемся теоретической стороны проблемы. Она подробно разработана в [РЯСО 1968, гл. 7, 8].

[9] Объясняется это спецификой рассматриваемых форм: собирательно обозначая ту или иную общественную группу, такие формы одновременно указывают и на всякого отдельного представителя этой группы. Иными словами, они выступают как двуплановые. Это делает их особенно выразительными: они действенны, активны.

венной областью использования форм ед. числа в обобщенно-собирательном значении[10]. Лексический ряд подобных форм является открытым, но при этом в языке прессы используется группа существительных относительно постоянного лексического состава, которая характеризуется особенно высокой частотностью: *зритель, читатель, современник, покупатель, человек, слушатель* и др. [Грамматическая правильность русской речи, 1976, 110–111].

Следует согласиться с авторами словаря, которые считают, что в языке газеты употребление форм ед. числа для обозначения реального множества заключает яркую окраску публицистичности. Ср.:

Не могу отказаться от убеждения: пока следователи занимались легкими, а подчас пустяковыми делами, ... они проворонили самое страшное: на улицы наших городов вышел *насильник, грабитель, убийца* (из газет).

В круге слов, обладающих высокой частотностью употребления, где этот оттенок в какой-то мере стерт, широко распространена вариантность в использовании форм числа. Из многочисленных примеров на этот счет приведем только один из газетного очерка на политическую тему (из газет):

– Как вы представляете своего *избирателя*? Чем *он руководствуется* в первую очередь? Чего ждет?
– В первую очередь *избиратели ждут* от нас хорошего управления. *Они считают* ...
– *Типичный избиратель* в моем избирательном округе работает в небольшой технической фирме ...
– Круг наших *потенциальных избирателей* весьма широк.

Стилистическая окраска публицистичности позволяет активно использовать формы ед. числа в обобщенно-собирательном значении в фельетонах и других произведениях сатирического жанра.

Рассматриваются как фразеологизированные и нейтральные по стилистической оценке сочетания (источник их формирования та же публицистика) типа *День танкиста, День железнодорожника, День учителя* и под., которые известны как названия официальных праздников или учреждений: *Дом актера, Дом колхозника* и др.

Употребительны ли подобные формы в разговорной речи? В [РРР-1983, 136] говорится: "Для РР характерно употребление форм ед. числа для обозначения нерасчлененного множества предметов или лиц". Приведенные примеры на использование "единственного генерализующего" включают разную по значению лексику, в том числе обозначения лиц. Можно, однако, думать, что эти употребления не являются собственными средствами разговорной речи, а представляют собой заимствования из публицистики. Употребление форм ед. числа в этих случаях, как правило, и не нейтрально, оно несет определенный заряд экспрессии. Ср. хотя бы приведенные в книге примеры: *Студент теперь вдумчивый/начитанный; Школьник бывает ленивый.* Отметим,

[10] Ср. указание на это и в Грамматике–80: "Употребление форм ед.ч. существительных – названий лиц в обобщенно-собирательном значении распространено в газетной речи" (§ 1148).

что словарь "Грамматическая правильность русской речи" использование в разговорной речи подобных форм квалифицирует как стилистический прием. Анализ материала не позволяет, считают авторы, говорить о закреплении данного приема за постоянным составом лексем.

Иные особенности в функционировании форм ед. числа обнаруживают существительные, отнесенные ко второй группе (с неличным значением), где особый интерес представляют существительные, являющиеся обозначением предметов, так или иначе связанных с производственной деятельностью человека.

Использование форм ед. числа в этой группе слов характеризует, как правило, сферу профессиональной, специальной речи. В [РЯСО 1968, 169–170], приведены многочисленные примеры употребления подобных форм, извлеченные из газетных и других материалов, представляющих репортажи с предприятий, другие сообщения на производственные темы: *продукция цеха – полихлорвиниловая плитка; ускорение оборота вагона; выпускает ручную швейную иглу; дать прочный чулок высокой крутки* и т.д.

Особая область использования форм ед. числа – номенклатурно-торговые обозначения, вывески типа *мягкая игрушка, готовое платье* и под.

В словаре "Грамматическая правильность русской речи" эти случаи употребления форм ед. числа рассматриваются как черта разговорной разновидности делового языка[11].

Использование форм ед. числа в рассматриваемой группе слов, судя по имеющимся материалам, неустойчиво, подвержено колебаниям (мена форм числа), не представляет определенности в лексическом плане. Нормы литературного употребления берут верх над профессиональными, обнаруживая иногда любопытные случаи колебаний:

Новый фирменный магазин № 2 *"Мужские сорочки"* приглашает 12 ноября на выставку–продажу *особо модной комбинированной сорочки* с длинным рукавом из тканей–компаньонов (из газет).

Словарь "Грамматическая правильность русской речи" в случае колебания рекомендует как более предпочтительную форму мн. числа. В книге [Граудина 1983, 31] рекомендация смягчается: «В примере "Мягкая игрушка" или "Мягкие игрушки", – пишет автор, – наша рекомендация также не может быть слишком жесткой и категорической: стилистические различия форм здесь еле уловимы».

---

[11] Показательно, что некоторыми носителями литературного языка, далекими от данных профессиональных сфер, подобные формы воспринимаются отрицательно. Известно высказывание писателя Б. Тимофеева по поводу вывески "Мужская сорочка": "Странно, неужели в магазине продается одна-единственная сорочка?.." Впрочем, это может служить и примером буквального понимания значения числовых форм, входящего в противоречие с принятым номенклатурным обозначением, что встречается не так уж редко. Например, посетитель столовой недоволен, что ему подали одну котлету, в то время как в меню написано "Котлеты".

Авторы словаря "Грамматическая правильность русской речи" приходят к выводу о широком употреблении форм ед. числа для передачи значения реального множества в научном стиле, так как позволяет характеризовать сущность целого класса предметов без выделения самих предметов, составляющих этот разряд. Анализ материала научных текстов, по данным словаря, не обнаруживает и здесь лексикализации рассматриваемых случаев употребления. Ср.: *отдел физики твердого тела; кабинет искусственной почки* и под.

Особые случаи использования форм мн. числа характеризуют ту группу фактов, где, по Есперсену, речь идет о приблизительном множественном.

Анализ относящегося сюда материала, по данным проведенных исследований, также делает необходимым разграничение существительных со значением лица и существительных с неличным значением. Эти группы слов обнаруживают разную степень активности в использовании форм мн. числа и разную распределенность этих форм в различных языковых сферах.

Как показывают материалы [РЯСО 1968], группа имен существительных со значением лица характеризуется обширностью, широкой употребительностью и большой активностью в отношении употребления форм мн. числа, что теснейшим образом связано с процессами обновления словарного состава русского языка, включением новой лексики в активный словарь.

Здесь, в свою очередь, выделяется два типа употреблений множественного (два типа контекстуальных условий):

1. Формы мн. числа могут обозначать одно лицо (типичный пример: *В вагоне у нас новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом*). В подобных контекстах в формах мн. числа активизируется оттенок обобщенности. Такое употребление широко распространено в современной разговорной речи (и, естественно, в художественной литературе при имитации этой речи)[12].

2. Формы мн. числа могут выражать особое нерасчлененное значение единичности–множественности. Это относится к существительным, являющимся обозначением лиц по их общественному положению и по профессии[13].

Подобные формы используются в публицистике, в фельетонах, критических статьях, очерках, корреспонденциях, опубликованных на страницах газет и журналов.

Что касается существительных с неличным значением, то у них употребление форм множественного числа, когда эти формы в опре-

---

[12] Формы мн. числа существительных используются с ярко выраженным генерализующим обобщающим значением. Говорящий как бы сообщает: я говорю во множественном числе, потому что так часто бывает [РРР- 1983, 136].

[13] Нерасчлененное значение единичности–множественности становится возможным... когда на первый план выдвигается не числовое обозначение лиц, названных именами существительными, а заключенная в них семантическая характеристика [РЯСО 1968, 160].

деленном контекстуальном окружении означают не множество, а один предмет, часто бывает связано с эмоциональностью, экспрессией высказывания [РЯСО 1968, 156].

Использование форм мн. числа характерно прежде всего для разговорной речи при обозначении единичного факта или предмета в целях выражения неодобрения, порицания, отрицательной оценки того, о чем идет речь. Типичные примеры: *Вы будете по выставкам ходить, а я занимайся; Ты книжки читаешь, а мне обед варить* и т.д. [РРР – 1983, 136]. Естественно, что подобные формы широко представлены в художественной литературе.

Вот и гуляет теперь по *заграницам* в шляпе, перемещаясь туда–сюда (А. Рекемчук. Тридцать шесть и шесть);

Но мудрено ли что пропустил? Ведь он ехал и ехал целый месяц по *лесотундрам, по тундрам*, где мороз подкатывает к пятидесяти, где бушевали пурги, <...> (А. Рекемчук. Там же).

Несчитаемые (неисчисляемые) существительные

Названный разряд слов обнаруживает в процессе развития литературного языка заметные сдвиги в формах числа. Направление этих сдвигов единообразно и сводится к развитию у достаточно больших групп слов числовой корреляции[14].

В [РЯСО 1968] разработан теоретический аспект данной проблемы. Авторы делают вывод, что числовые корреляции, представленные в данном разряде слов, отличаются от корреляций типа *стол–столы, книга–книги*: они являются не релятивно-коррелирующими, а деривационно-коррелирующими. Для них характерны иные семантические отношения: действие–предметный результат (*высевка–высевки*); вещество–виды вещества (*масло–масла*); качество–предметы, обладающие этим качеством (*емкость–емкости*). [там же, 145].

Разряд слов, принадлежащих к неисчисляемым существительным, принято подразделять на вещественные и невещественные. Анализируемое здесь грамматическое явление по-разному себя проявляет в этих подразрядах: существительные, относящиеся к этим подразрядам, обнаруживают и свои закономерности в развитии числовых корреляций, и разную активность этого процесса в различных сферах речи.

[14] По Есперсену [1958, 229 и сл.], по отношению к словам, не вызывающим у нас представлений о каком-либо предмете, имеющем определенную форму и точные границы (Есперсен предлагает обозначить их термином "названия массы"), в идеальном языке, построенном исключительно на логических основаниях, была бы необходимой форма, которая не подразумевает ни единственного, ни множественного числа. Так как особой грамматической формы "общего числа" в реальных языках нет, в отношении названий массы языкам приходится производить выбор между двумя существующими формами и останавливаться либо на единственном, либо на мн. числе. Есперсен же указывает как на общеязыковой феномен и возможность превращения названия массы в названия исчисляемых предметов, отмечая, что в этом отношении существуют значительные различия по языкам.

Вещественные имена существительные

Как уже было сказано, основное значение представленных здесь корреляций "вещество–виды вещества". Основная языковая сфера, демонстрирующая этот тип корреляции – специальная речь. Это область терминологии той или иной специальности [Даниленко 1977, 192 и след.). Из специальной речи подобные факты проникают в публичную речь, речь газетно-информационную. Они используются в газетных и журнальных статьях, обсуждающих те или иные производственные, профессиональные темы. По материалам опубликованных исследований можно представить примерный круг таких специальных форм. Например, из сельскохозяйственной терминологии: *хлеба, корма, почвы, подпочвы, черноземы, суглинки, торфы, удобрения, травы, овсы, пшеницы* и т.д.; из химической, строительной и технической промышленности: *олифы, бензины, топлива, авиатоплива, нефти, масла, угли, газы, сахара, белки, соли, сажи, кафели, асфальты, битумы, каучуки, мраморы, граниты, жирозаменители, смолы, автолы, солидолы, пеплы, металлы, динамиты* и т.д.; из текстильной, легкой и пищевой промышленности: *ткани, полотна, ситцы, сатины, шелка, штапели, драпы, меха, кожи, нейлоны, велюры, вельветы, мыла, хрустали, табаки, чаи, крупы, колбасы, сыры, напитки, минеральные воды* и мн.др. [Граудина 1980, 179].

Частотность употребления форм мн. числа дает основания внести предложение о пересмотре правил, характеризующих употребление форм числа у вещественных существительных. "Безоговорочное зачисление этих слов в состав существительных, имеющих только одну форму числа, сейчас уже невозможно" [там же, 179].

Автор прав, привлекая внимание нормализаторов к рассматриваемому материалу. Он действительно нуждается в подробном анализе и нормативной оценке. Сейчас же пока трудно отказаться от квалификации форм мн. числа у большинства слов только как специальных. В практическом нормативном аспекте это и означает, что в нормативных словарях они должны получить соответствующую помету, как это сделано, например, в Орфоэпическом словаре по отношению к формам множественного *масла, золы, сахара* и др. (имеют помету "в специальном употреблении")[15].

Сравнительно небольшое число подобных форм получают более широкую, чем специальная (профессиональная, научная) речь, известность. Это торгово-номенклатурные обозначения бытовых названий типа *минеральные воды, табаки, крупы, колбасы, сыры* и под.

[15] О нормативной оценке этих и подобных фактов профессиональной речи [Даниленко, Скворцов 1982].

Невещественные имена существительные

Названная группа существительных включает разные по своему лексическому значению слова, объединенные в данном аспекте рассмотрения одной общей тенденцией – развитием конкретизирующих, предметных значений. Как показывают исследования, тенденция эта действует в течение длительного времени, обнаруживая разную степень активности в различные исторические периоды[16]. В XX в., точнее в 20–60-е годы, по отношению к отдельным группам слов действие этой тенденции сильно активизируется, при этом основным источником новообразований являются специальные (профессиональные и научно-технические) языковые сферы. Наиболее значительны по объему группы отвлеченных имен существительных, являющихся обозначением действия (формы множественного имеют значение результата действия) по своей словообразовательной структуре подразделяющиеся на суффиксальные (с суф. *-к-: посадка–посадки*) и бессуффиксные (*выброс–выбросы*) и имена существительные со значением качества, свойства (мн. число имеет значение предмета, обладающего этим качеством, свойством: *емкость–емкости, мощность–мощности* или обозначают конкретные проявления качеств, названных ед. числом: *освещенности, скорости*). Область их функционирования, как уже было сказано, специальные языковые сферы, но при этом сферы весьма разнообразные: *выбросы, сбросы, размывы, надвиги, прогибы* – в геологии; *пересевы, привесы, опоросы, растелы* (животных), *сборы, выкормки, высадки* – в земледелии и животноводстве; *мощности, емкости, скорости, освещенности, вредности* – производственные сферы [РЯСО 1968, 145 и сл.].

Кроме специальных сфер широкое использование форм множественного числа характеризует официально-деловую речь: *договоренности, озабоченности, взаимопонимания, соглашения, реальности* и мн. др. Подобные формы используются в газетно-информационной речи, различных видах публичной речи, посвященных той или иной теме. Ср.:

Объективный анализ существующих в мире *реальностей* наедине с собой или в узком кругу сделать невозможно (из газет);
Вслед за советско-американскими *договоренностями* (ТВ);
По ряду *взаимопониманий* (ТВ);
По обсуждению взаимных *озабоченностей* (ТВ) и др.

---

[16] В "Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в." [1964, 156] анализируется перестройка взаимоотношений форм ед. и мн. числа по отношению к различным семантическим группам слов. Рассмотренный материал, считают авторы, убедительно свидетельствует о том, что "употребление во мн.ч. существительных с дополнительными, по сравнению с ед.ч., значениями или оттенками значений получило в XIX в. очень широкое распространение. В основном этот процесс был обусловлен возникновением множества новых понятий, относившихся к быту, производству, общественным отношениям и т.д.

В разговорной речи они могут выступать в качестве заимствований, в какой-то мере освоенной лексики: *емкости, скорости* и др. Тем не менее и этому типу речи, а также художественной речи, свойственны и собственные образования – как реализация общей тенденции, но они не отличаются последовательностью, устойчивым употреблением созданных слов. Это разного рода окказионализмы. Часто создание их – результат установки на языковую игру: В тексте слишком много *красивостей* (из устной речи).

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Из проблем именного словоизменения заслуживают рассмотрения две, непосредственно относящиеся к характеристике речевых сфер: функционирование неизменяемых падежных форм, свидетельствующее о степени распространенности аналитизма в различных типах речи, и функционирование вариантных падежных форм, показывающее некоторую специфику преломления длительно существующего явления падежной вариантности.

Аналитизм в именном склонении

Усиление элементов аналитизма в системе склонения существительных к началу XX в., считают исследователи, достигло значительного развития. Этот процесс, обусловленный в основном внутренними закономерностями развития грамматического строя русского языка, в советский период получает поддержку и со стороны социальных факторов [РЯСО 1968, 42].

Какое же место занимают несклоняемые существительные в русском языке рассматриваемого периода и какова специфика употребления их в разных речевых сферах? Хотя процессы, подробно проанализированные в монографии, ряде других исследований, с несомненностью свидетельствуют о расширении круга несклоняемых слов, их активизации в языке, в целом и на сегодняшний день доля таких слов в общем словарном составе невелика.

Среди существительных с неизменяемым морфологическим составом выделяются: 1) нарицательные существительные (они классифицируются обычно по конечному гласному); 2) различные типы аббревиатур; 3) имена собственные, куда входят заимствованные имена, фамилии украинского происхождения на *-ко, -енко,* русские названия местностей на *-ово, -ево, -ино, -ыно*. Последняя группа слов, занимающая особое положение в языковой системе [Курилович 1962], представляет основную зону варьирования несклоняемых и склоняемых форм с выходом в различные речевые сферы. (Подробней об этом далее.)

Что касается двух других групп слов, то их объем в составе изучаемого материала менее значителен. Нарицательные неизменяемые существительные, по данным, приведенным, И.П. Мучником

[1964], составляют группу примерно в 350 слов. Значительная ее часть – специальная лексика: *авизо, авокадо, адажио, ариозо, банджо, барокко* и под.[17]

В литературе отмечается устойчивая несклоняемость подобных слов. Это относится не только к специальной лексике, но и словам хорошо усвоенным, употребительным в широком общении: *домино, какао, кино, лото, метро, пальто, пианино, радио, ситро, трюмо, фото* и т.п.[18] Л.К. Граудина [1980, 147] отмечает, что 1800 заимствованных существительных, выявленных на основании ряда источников, лишь в самой незначительной степени подвержены колебаниям грамматической формы, причем случаи отклонений от установившейся литературной нормы находятся за пределами нейтральных стилей литературного языка (ср. просторечные варианты *по́льта, в метре, у мадамы, из депа* и под.).

Таким образом, в той широко распространенной вариантности, которую в значительной степени и образуют склоняемые и несклоняемые формы (по данным Л.К. Граудиной, варианты склоняемых – несклоняемых форм занимают почти половинную долю всех зарегистрированных вариантных форм существительных) нарицательные заимствованные существительные практически не участвуют.

Более значительна в этом роль аббревиатур. Среди аббревиатур выделяются несколько структурных типов, несклоняемость которых обусловлена различными факторами. Это существительные со структурой, препятствующей склоняемости: *ГОЭЛРО, МТС, СССР* и существительные, изменяемости которых структура не препятствует (существительные типа *МХАТ*), или те типы существительных, где сталкиваются разные факторы – препятствующие склонению и ему не препятствующие (*ГЭС, ЖЭК*). Последние две группы обнаруживают использование склоняемых и несклоняемых форм с преобладанием тех или других в различные периоды развития языка[19].

В наше время склоняемость и несклоняемость подобных типов аббревиатур становится зависимой от типа речи. В этом отношении противопоставлены деловая письменная речь (строгие сферы) с

---

[17] Л.К. Граудина [1980, 147] приводит следующие данные: из списка, включающего 34 тысячи нарицательных существительных, заимствованные неизменяемые существительные составляют около 1800.

[18] Проведенный в свое время опрос, имевший целью выявить оценку говорящими (во всей сложной дифференцированности этого коллектива по социальному положению, возрасту, образованию) степени иноязычности подобных слов, выявить их мнение по поводу возможности склонения заимствованных существительных на *-о* по образцу обычных существительных среднего рода дал такие результаты: 97% ответивших на [Вопросник 1963] (было получено 1500 ответов) отнеслись к этому отрицательно, и только 3% считали подобные формы допустимыми [РЯСО 1968, 50].

[19] Например, слова типа *РАПП, ГЭС* и под. в 20-е годы выступали преимущественно в качестве изменяемых существительных, в последующие же десятилетия расширилась сфера их неизменяемости [РЯСО 1968, 62].

преобладающей несклоняемостью аббревиатурных существительных и сфера разговорной речи – с тенденцией к склоняемости. Ср. общую рекомендацию словаря "Грамматическая правильность русской речи": "Для большинства аббревиатур последней группы (тип *ВАК, МИД, МОСХ, ТАСС. – В.В.*) в строгой деловой письменной речи можно рекомендовать несклоняемую форму". Разговорный вариант нормы для всех аббревиатур на твердый согласный (за отдельными исключениями) предполагает возможность их изменения по всем падежным формам. По отношению к ряду аббревиатур применение этого правила несколько варьируется – как правило, в сторону разрешения склоняемости (*ВАК, ГОСТ, МХАТ, ВГИК, ТЮЗ*), исходя из практики употребления [Грамматическая правильность русской речи 1976, 170; Граудина 1980, 163–165].

Группа апеллятивной лексики, которая, как было сказано, представляет основную зону варьирования склоняемых и несклоняемых форм, не обнаруживает в этом отношении полного единообразия. Следует, исходя из данных проведенных исследований, разграничить антропонимическую и топонимическую лексику.

В группе топонимов самый массивный пласт форм, в котором происходят наиболее существенные сдвиги в нормативном аспекте, представляют, по данным исследования Л.К. Граудиной, топонимы, употребительные в сочетании с географическим термином: *в городе Вита, у села Миронушка, к островам Кермадек* [Граудина 1980, 152; 1981].

По отношению к топонимам такого типа непригодны ни правило о необходимости безоговорочного падежного согласования, ни правило, которое разрешило бы их не склонять. "Наиболее целесообразным представляется, – пишет Граудина [1980, 154], – уже апробированный путь создания разветвленных, детально разработанных правил, предусматривающих, с одной стороны, три разные стилистические сферы использования топонимов – строго литературное (письменное), устно-разговорное и профессиональное употребление и, с другой стороны, модификации нормы применительно к разным структурно-морфологическим и лексическим типам наименований". Нет необходимости подробно анализировать эти правила. Следует только подчеркнуть, что склоняемость (в тех случаях, когда она возможна) будет свойственна нестрогим сферам; профессиональной речи (военных, топографов) свойственно употребление наименования в исходной форме. Под влиянием профессионально-терминологической речи несклоняемость географических названий проникает в публицистическую, газетную речь.

С профессиональной речью смыкается разговорная речь. Под влиянием профессиональной и разговорной речи тенденция к несклоняемости географических названий в функции приложения усиливается.

Подобная тенденция, как показывают исследования, наблюдается и по отношению к независимо употребляемым топонимам. Здесь мы используем в качестве примера группу русских топонимов с финалями

-ово, -ево, -ино, -ыно[20]. Материал этот неоднократно подвергался подробному разбору, выводы же оказывались вполне идентичными: возрастает тенденция к несклоняемости подобных существительных[21].

Исследователи полагали, что неизменяемость рассматриваемых топонимов обусловлена влиянием экстралингвистических факторов. Сильным толчком к употреблению этих слов в качестве неизменяемых явились издававшиеся в военное время приказы, которые запрещали изменять в донесениях и других документах исходную форму названий населенных пунктов, чтобы не смешивались близкие по звуковому составу слова, ср.: *Разин – Разино, Ефремов – Ефремово, Пушкин – Пушкино, Киров – Кирово* и т.д. [РЯСО 1968, 57]. При всей объяснительной силе влияния этого фактора на деловую речь (правило о несклоняемости подобных наименований для деловых документов удерживается устойчиво) остается не совсем ясным языковой механизм распространения несклоняемости в разговорной речи, если это только не рассматривать как проявление общей тенденции к аналитизму.

В [РРР–1983, 95] отмечается: "Более сильную, чем в КЛЯ, тенденцию к несклоняемости обнаруживает в РР такой класс слов, как незаимствованные географические названия на *-о*, которые по нормам КЛЯ должны склоняться"[22].

Публичная речь в разных ее разновидностях, в частности газетная речь представляют область сильного варьирования. Все это вызывает острую полемику, высказываются при этом взаимоисключающие суждения [Граудина 1980, 156–157].

По мнению авторов такого авторитетного издания, как Грамматика-80, неизменяемость географических названий на *-ово, -ино*, тенденция к которой обнаруживается в разговорной, профессиональной, газетной речи, в письменной речи не рекомендуется. В соответствии с действующими правилами, эти имена существительные должны склоняться: *В небе над Тушином; Речь идет об аэропорте в Шереметьеве* и т.д. Несклоняемость нормальна, указывается в [Грамматика-80], в случаях 1) если наименование является приложением к одному из следующих обобщающих слов: *село, деревня, поселок, станция, становище*, реже – *город;* 2) если населенный пункт назван собственным именем известного лица: *около Репино, недалеко от Лермонтово*

---

[20] Огромный массив слов, представляющих заимствованную топонимику, подробно обследован в работах А.В. Суперанской, Л.К. Граудиной, в словаре "Грамматическая правильность", в других работах. Материал показывает, что склоняемость–несклоняемость таких топонимов зависит от многих факторов: структуры, источника заимствования, степени освоенности слова и др. Каждая такая группа слов нуждается в тщательном разборе и выработке ряда частных правил, определяющих их склоняемость [Грамматическая правильность русской речи 1976, 145–150].

[21] [РЯСО 1968; Русский язык по данным массового обследования 1974; Грамматическая правильность русской речи 1976. Мучник 1971; Граудина 1980].

[22] Там же см. о факторах, обусловливающих развитие черт аналитизма в морфологии разговорной речи. Авторы приходят к выводу, что "В РР шире и разнообразнее класс единиц, у которых падежные значения выражаются аналитически".

(§1222). Понятно, что действие этого правила (к Грамматике-80, конечно, обращаются редакторы, все те, кто обязан следить за правильностью речи) еще долгое время будет сдерживать проникновение несклоняемых форм данного типа географических названий в так называемые строгие сферы речи и контраст между этими сферами и сферой разговорной речи будет, видимо, существовать длительное время.

Антропонимическая лексика, как показывают исследования, представляет несколько иную картину. Остановимся здесь только на сравниваемых группах слов – незаимствованных фамилиях на *-о (-нко, -енко)*. Данные упоминавшегося анкетирования, проведенного в шестидесятых годах, свидетельствовало о сильном преобладании в речевой практике несклоняемого варианта подобных фамилий. (Такое употребление оказалось присущим 95% ответивших на [Вопросник 1963] "Совершенно очевиден, – сделали вывод авторы, – разрыв между реальной речевой практикой и правилами, которые упорно рекомендуются в справочных пособиях" [РЯСО 1968, 57]. Последующие исследования, проведенные на более широком материале, дают, однако, основание для других выводов:

1) Несклоняемый вариант фамилий на *-ко* типичен для письменной формы литературного языка, для его официальных жанров: в газетах, документах, списках награжденных, в извещениях о защите диссертаций, в публикациях о разводах и др.;

2) В художественной литературе фамилии на *-ко* наблюдаются и в склоняемом и в несклоняемом вариантах;

3) В разговорном литературном языке фамилиям на *-ко* также свойственна вариативность [Грамматическая правильность русской речи, 151–152][23].

В рекомендациях, содержащихся в словаре "Грамматическая правильность", четко указывается на стилистическое разграничение в употреблении склоняемых и несклоняемых форм фамилий на *-ко, -о*. Для жанров официальной письменной речи может быть рекомендован несклоняемый морфологический вариант.

Для художественной литературы склоняемый (морфологический тип "с Шевченкой") и несклоняемые варианты фамилий на *-ко* и *-о* могут быть рекомендованы как равноправные.

Для разговорной литературной речи могут быть сделаны те же рекомендации, что и для художественной литературы [Грамматическая правильность русской речи 1976, 152].

---

[23] Подобные наблюдения сделаны и Л.П. Калакуцкой. Она считает, что ее материалы не подтверждают выводов А.А. Зализняка о преобладании в анализируемом типе слов нулевого склонения и о том, что склонение фамилий на *-нко* может быть использовано в настоящее время только для стилистических целей (создание украинского или белорусского колорита), в прочих же случаях оно воспринимается как устаревшее [Калакуцкая 1984, 61].

Функционирование вариантных падежных флексий

Рассмотрению подлежат те падежные формы, которым свойственна вариативность и, соответственно, сами эти вариантные флексии: флексии *-а* и *-у* (*-ю*) в формах род.п. ед.ч. существительных муж.р.; флексии *-е* и *-у* (*-ю*) в формах предл.п. ед.ч. существительных м.р.; флексии *-ы* (*-и*) и *-а* (*-я*) в формах им.п. мн.ч. существительных м.р.; флексии *-ов* и *-Ø* в формах род.п. мн.ч. существительных м.р. С этими вариантными средствами выражения падежных значений связываются определенные стилистические различия, определяющие и особенности их функционирования в различных типах речи.

Выше уже говорилось об асимметричности стилистической системы в словоизменении, что обнаруживается в противопоставленности именных (стилистически выразительных) и глагольных (последовательно нейтральных) флексий; асимметричность стилистической системы в словоизменительных формах проявляется и в том, что сравнительно многочисленны показатели разговорного стиля и очень невелико число ярких показателей строгого стиля и его подстилей (книжного, ораторского, поэтического). В силу этого для словоизменительной системы, в отличие от других языковых ярусов, характерна ослабленность стилевых взаимодействий [РЯСО – 1962, 66].

В приведенных вариантных парах флексий стилистическая окраска разговорности, некоторой сниженности связана с флексиями *-у* в род.п. ед.ч., флексией *-у* в предл.п. ед.ч. с флексией *-а* в им.п. мн.ч., с нулевой флексией (для определенных групп слов) в род. п. мн.ч. однако при этом нельзя утверждать, что с другим рядом флексий последовательно связывается стилистическая окраска книжности. Характерной особенностью флексийных показателей в данном случае является их тесная спаянность с лексемой. (Даже и утверждение, что с названными флексиями связана окраска разговорности, верно далеко не для каждого слова или группы слов.)

Таким образом, задача выявления особенностей в распределении рассматриваемых морфологических средств по типам речи тесно смыкается, как отмечалось, с необходимостью углубленной проработки соответствующего лексического материала.

Понятно, что каждый из упомянутых типов вариантности имел свои причины возникновения, обнаруживает собственные линии движения в процессе развития литературного языка, реализуется в различных группах слов. Поэтому все они требуют отдельного рассмотрения[24].

---

[24] Ударенная флексия *-á /-я́/* в сопоставлении с неударенной флексией *-ы /-и/* в формах им.п. мн.ч. существительных м.р. является в равной мере предметом исследования морфологии и акцентологии. В качестве последнего этот материал рассмотрен в работе [Воронцова 1991], где внимание уделено и распределенности флексий в различных типах речи. Здесь этот тип вариантности повторно не анализируется.

Вариантные флексии *-а*, *-у* в формах родительного падежа ед. числа. Их распределенность в различных типах речи

История взаимоотношений флексий *-а* и *-у* на разных этапах развития литературного языка подробно изучена в лингвистической науке.

Проанализированные в ряде опубликованных исследований материалы, сделанные в них выводы, позволяют увидеть несколько этапов в истории форм на *-а* и *-у*. Так, изменения в соотношении форм на *-а* и *-у* на этапе: конец XVIII–XIX вв. определялись развитием у них падежно-грамматического контраста. Наблюдается также постепенное возрастание стилистического разграничения и противопоставления форм на *-а* и на *-у* как форм "книжных" и "разговорных" [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964, 185].

Развитие этих контрастов происходит на фоне уже сложившегося издавна контраста семантического [Обнорский 1927, 145], в результате чего в языке оказались противопоставленными имена существительные с личным значением, как не образующие форм на *-у*, и имена существительные с неличным значением, а среди последних в свою очередь – имена существительные отвлеченные, вещественные, собирательные, которым формы на *-у* свойственны преимущественно, и существительные с конкретным предметным значением, среди которых формы на *-у* редки.

Уже во второй половине XIX в. формы на *-у* окончательно закрепляются за грамматическими контекстами, выражающими отношение партитивности. Таким образом, формы на *-а* и на *-у*, бывшие вариантными, равнозначными, в конце XIX – начале XX в. противопоставляются как формы с разными значениями – определительным и партитивным. Это противопоставление осуществляется в пределах только определенных семантических групп слов, поскольку и сама возможность образования родительного партитивного характеризует только несколько семантически однородных групп существительных, называющих предметы и понятия, подлежащие, как принято говорить, мере, а не счету [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964, 184]. Закрепляясь в грамматических контекстах с количественным значением, формы на *-у* вытесняются из сочетаний, такого значения не имеющих: выходят из употребления, замыкаются в рамках определенных фразеологизованных сочетаний, уходят во внелитературные сферы, приобретая стилистическую окраску просторечности. Употребление форм род.п. на *-а* и на *-у* в литературном языке XVIII–XIX вв., подчеркивают исследователи, – это проблема и лексико-грамматическая и стилистическая [там же, 184–185].

Естественно, что уже и в литературном языке прошлого века наблюдаются значительные колебания в употреблении форм на *-а* и *-у*.

Это дало основание В.И. Чернышеву [1970, 493–498], собравшему и проанализировавшему большой материал, характеризующий употребление вариантных форм у писателей того времени, заключить, что формы на *-у* не представляют стойкости.

В.И. Чернышев [там же] выделяет, собственно, только четыре группы слов и словосочетаний, где формы на *-у* устойчивы более всего. Это слова вещественные и собирательные, слова особой структуры (с уменьшительными суф. *-ок, -ек* и ударяемым *-у* в род.п. *медку, ледку, чайку, сахарку*), слова, входящие в состав сочетаний, ставших наречиями или близких к ним (*сбоку, снизу, с краю*), или готовых выражений и оборотов (*дал маху; сбился с панталыку; ни складу, ни ладу*). Во всех остальных группах слов, намеченных автором, устойчивости в употреблении форм на *-у* нет.

В современном литературном языке процесс ограничения флексии *-у* продолжается. Распространение флексии *-а* на этом этапе характеризует прежде всего группу отвлеченных и конкретных существительных, где уже и по наблюдениям В.И. Чернышева допускались формы на *-а* и где они преобладали. В результате из этой группы слов выводится ряд имен как уже не способных образовывать формы на *-у* (ср. такие слова, как *эгоизм, задаток, откуп* и др.). У других слов этой группы наряду с формами на *-у* возможны и формы на *-а*, при этом формы на *-у* в ряде случаев стилистически ограничиваются: становятся характерным примером разговорной речи [Грамматика русского языка 1952, 143–145].

Существенной особенностью, характеризующей взаимоотношение флексий *-у* и *-а* на современном этапе развития литературного языка, является дальнейшая экспансия флексии *-а*. Теперь ареной активной борьбы флексии *-у* и *-а* становятся вещественные и отвлеченно-собирательные имена существительные. Флексия *-а* получает все более широкое распространение и в сочетаниях с количественно-выделительным значением, вследствие чего сложившаяся падежно-грамматическая противопоставленность форм на *-у* и *-а* – количественное значение/значение неколичественное – оказывается в значительной степени поколебленной. Тенденция к выравниванию морфологической системы является, отмечают исследователи, более сильной. Действие названной тенденции характеризуется разной степенью активности, как это показано в [РЯСО 1968] в письменной и устной речи и разных разновидностях письменного литературного языка. (Подробней об этом дальше.)

Хотя специфика взаимоотношения флексии *-а* и *-у* в языке нашего времени достаточно хорошо известна и выявлен в общих чертах стилистический аспект проблемы, рассмотрение этого материала в соответствии с задачами данной монографии является актуальным. Помимо решения задач, связанных с выявлением "типологии" использования языковых средств, подобный анализ важен и для нормативной оценки соответствующих фактов.

Известно, что в академических грамматиках (в частности в Грамматике-80) и других ортологических описаниях нормативная оценка форм на *-а* и *-у* дается, так сказать, в общем виде – по отношению к русскому литературному языку в целом. Исследователи стремятся главным образом к тому, чтобы возможно полнее представить круг слов, допускающих вариантные формы. Орфоэпический словарь русского языка [1983], например, отмечает как наиболее трудную задачу установление того, какому кругу слов в пределах той или иной семантической группы следует приписать наличие второго родительного падежа". «Несомненно, – говорится в статье "Сведения о грамматических формах (автор статьи Н.А. Еськова), – что формы этой категории есть у слов *чай, сахар, кипяток, песок* и т.п. Более чем сомнительна реальность словоформ вроде *ванадию* или *молибдену*» [там же, 686]. Само решение, принятое в Орфоэпическом словаре, обозначить не только круг слов, имеющих формы на *-у* реально, хотя и в качестве факультативных (сахар, -а, *факульт. род.*$_2$-у), но и указать слова, на которые в принципе распространяется категория второго род. путем отсылки к соответствующему параграфу статьи (гипс, -а, см. § 1), недостаточно конкретно. Это тоже оценка нормативной стороны явления в общем плане. Известная неудовлетворенность принятыми решениями высказана и в статье: "Конечно, нельзя не признать уязвимым то, что такая отсылка объединяет слова типа *молибден* с такими словами, у которых употребление второго род.п. можно признать реальным (например, *гипсу, глазе́ту, дёрну, жасми́ну, крыжо́внику* и т.п.); желательно было бы разработать более дробную шкалу оценки степени реальности форм партитива" [там же, 687].

Вполне понятно, что уточнение круга слов, имеющих второй род. п., только одна сторона проблемы. Важно не только указать, что эта форма тому или иному слову присуща, но и отметить уместность ее употребления. Изучение функциональных особенностей морфологии, в частности и на данном небольшом участке, имеет в виду этот аспект.

В ходе анализа материала оказывается необходимым рассмотреть три группы вопросов: 1) о семантических группах слов, которым присущи формы на *-у;* 2) об их лексическом составе (лексической наполненности групп); 3) о присущей определенным группам слов вариантности в аспекте поставленных в монографии задач.

1. В большинстве грамматических описаний принимается точка зрения, согласно которой формы на *-у* в современном русском языке употребительны у слов двух семантических категорий: имена существительные с вещественным значением (в самом широком смысле) и имена существительные, обозначающие некоторые абстрактные понятия. Иная точка зрения представлена в Орфоэпическом словаре. В нем выделяется в этом плане только одна категория слов: вещественные существительные. Принятое решение связано с признанием существования особого падежа – второго родительного (партитива) и принятыми условиями его выявления. Контекстами, в которых

выступают формы второго родительного, признаются следующие: 1) сочетания, обозначающие количество, точное или приблизительное (*килограмм песку, литр квасу, два грамма аспирину, стакан чаю, тарелка супу, немного крахмалу, канистра бензину, слишком много сахару* и т.п.); 2) сочетания, где сама форма соответствующего существительного обозначает "некоторое количество того, что оно называет" (*налил кипятку, насыпал табаку, добавил сахару, отсыпал рису, выпил морсу, купил винограду, принес сыру* и т.п.). Контексты третьего типа, включающие существительные с абстрактным значением (*натерпелся страху, наделал шуму, наговорил вздору*), которые некоторыми исследователями, в частности Зализняком в его "Грамматическом словаре" [1977, 71], тоже рассматриваются в качестве контекстов для второго родительного, по мнению авторов Орфоэпического словаря [1983, 686] не могут считаться показательными. С исключением же их из числа контекстов второго родительного остается очень мало оснований для признания существования этого особого падежа у слов с абстрактным значением. В словаре справедливо отмечается, что подобные сочетания "весьма близки к фразеологизмам (если уже не полностью фразеологичны").

Грамматика-80 распределяет подобные существительные между двумя группами: слова, называющие проявление различных физических состояний (в том числе и природные явления): *визг, гвалт, гомон* и др.; слова, называющие абстрактные понятия, связанные с деятельностью или состоянием людей: *азарт, аппетит, гонор* и др. Орфоэпический словарь формы на *-у* от слов той и другой группы подает так, как обычно подают фразеологизмы, разного рода речения – за ромбом: *смех: не до смеху; со смеху* (*лопнуть, умереть, покатиться*); *шум: много шуму из ничего; много шуму, да мало толку; наделать шуму и шума; ветер: до ветру; пыл: с пылу, с жару; срам: сраму не оберёшься; прок: мало проку; проку нет* и т.п.

Подобные случаи использования форм на *-у* от абстрактных существительных примыкают, таким образом, к тем разрядам фразеологизмов, включающих формы на *-у*, которые описаны в грамматических исследованиях, в частности в Грамматике-80[25].

Разумеется, по отношению к тем формам на *-у*, которые входят в состав фразеологизованных сочетаний или тех сочетаний, что "почти фразеологичны", не может вставать вопрос о варьировании форм на *-у* и *-а* в зависимости от языковых сфер. Это готовые единицы языка,

[25] Грамматика-80 разделяет подобные сочетания на две группы: а) сочетания, в которых в род. п. присутствует (с разной степенью определенности) элемент количественного значения (*износу нет, отбою нет, ни отдыху, ни сроку, для порядку, для смеху, для шику, ради форсу*); б) сочетания, в которых в р.п. присутствует элемент пространственного значения (чаще всего – удаления, отдаления, а также переносно), с предлогами *с, от., из*, реже *до: с боку на бок, с самого верху, с виду, скрыться (упустить) из виду* и т.п. Отдельно называется группа существительных, известных только в составе фразеологического оборота: *дать (задать) дёру, до зарезу, дать маху* и т.п.

которые в любом случае, в любой языковой сфере используются в том же самом виде. В Грамматике-80 фразеологизмы такого рода характеризуются как "разговорные" (*сбиться с панталыку; нет и помину*) или "просторечные" (*дать дёру*). Основная сфера их использования, что вполне очевидно, – разговорная речь, художественная литература и – в определенной степени – публицистика.

Никакого отношения к сферам использования не имеет и вариантность, присущая определенному кругу форм в составе фразеологизмов. Проникновение форм на *-а* в устойчивые обороты связана с их общей активизацией в языке. В свое время В.И. Чернышев [1970, 498] употребление в этих случаях форм на *-а* рассматривал как слабое знание русского языка. И оценка их с этой точки зрения одинаково верна была бы по отношению к любой сфере. Тем не менее в некоторых случаях формы на *-а* достаточно устойчиво закрепились. В Грамматике-80 отмечено, например, *до зарезу*, реже – *до зареза, до отвалу* и *до отвала, с наскоку* и *с наскока, без призору* и *без призора* и некот. др. Более последовательно вариантность в этих случаях отмечает Орфоэпический словарь.

2. Вопрос о лексическом составе группы слов с вещественным значением, образующих формы на *-у* (для данной категории слов это, как сказано, формы партитива), достаточно сложен. Трудно прежде всего установить принадлежность некоторых слов к семантической группе обозначения веществ. Этот вопрос справедливо ставится в Орфоэпическом словаре русского языка [1983, 687] в частности, по отношению к названиям некоторых растений, минералов: можно ли, к примеру, считать обозначениями веществ такие слова, как *остролист* или *изумруд?* Трудности связаны, как это уже отмечалось выше, и с выявлением круга слов, которым эта форма присуща, внутри семантической категории.

Что касается вопроса о принадлежности слова к семантической группе веществ, то решение его не может и не должно входить в задачи нашего рассмотрения. Ведь оно должно базироваться на реально существующем материале, представляющем современный этап развития вариативности в данном круге форм. Важно, таким образом, выявить круг слов, где эта вариативность реальна. В определенной степени материал в этом плане подготовлен Орфоэпическим словарем. Весь массив форм на *-у* (форм второго родительного) дан словарем дифференцированно. Эта форма с пометой "факульт. род.$_2$-у" дается только при таких словах, у которых она бесспорно употребительна. При всех остальных существительных, являющихся обозначением веществ, дается только общего типа указание, что такая форма возможна. Так, из общего списка слов, могущих иметь формы на *-у*, приведенного в Грамматике- 80, к первой группе слов отнесены:

алебастр, анальгин, анис, аспирин, атлас, бархат, бензин, бетон, бисер, боржом, бульон, вазелин, ватин, вельвет, винегрет, виноград, воздух, войлок, воск, габардин, газ, глицерин, горох, грог, гуталин, джем, драп, дым, желатин, жир, изюм, инжир, йод, кагор,

квас, керосин, кефир, кипяток, клей, клейстер, коверкот, коленкор, компот, коньяк, корм, крахмал, крем, крепдешин, лак, ландрин, лед, лес (строительный материал), *ликер, лимонад, лук* (растение), *мадаполам, мак* (семена), *маргарин, маринад, маркизет, мармелад, мед, мел, мех, мозг* (мозговое вещество), *мох, мусор, мышьяк, навоз, нарзан, нафталин, одеколон, отвар, пар, парафин, перец, песок, пирамидон, поплин, порох, портвейн, пунш, пух, рассол, рафинад, рис, ром, салат, самогон, сатин, сахар, сахарин, сироп, ситец, скипидар, снег, сок, сор, соус, спирт, стеарин, суп, сыр, табак, творог, тес, тмин, торф, укроп, уксус, хворост, хлороформ, хрен, цемент, чад, чай* (лист, напиток), *чеснок, шелк, шифон, шоколад, шпинат;* ко второй: *абрикотин, абсент, анилин, асбест, ацетон, балык, бальзам, бенедиктин, брак* (недоброкачественные предметы производства), *брезент, валежник, ванилин, вар, ворс, газолин, гипс, глазет, глинтвейн, гной, гравий, град, грим, грунт, гудрон, деготь, дерматин, дерн, динамит, елей, жасмин, жемчуг, зефир* (ткань, сорт пастилы), *известняк, имбирь, капрон, картофель, кашемир, кизил, кисель, кислород, клевер, кодеин, кокаин, креозот, крыжовник, крюшон, кумыс, купорос, ладан, ланолин, лафит, лен, ливер* (пищевой продукт), *ляпис, мазут, марганец, материал, миндаль, миткаль, морфий, мрамор, мускат, муслин, навар, наждак, настой, нашатырь, нейлон, новокаин, омлет, опий, паштет, пенициллин, пепел, перегной, пластилин, плов, помет, порошок, портер, пот, раствор* (жидкость), *ревень, рейнвейн, репс, рислинг, рокфор, сафьян, сельдерей, сидр, силос, ситник, смалец, солод, стрихнин, сурик, тальк, тик* (ткань), *товар, урюк, фарш, формалин, фуксин, херес, хинин, хлам, хмель* (растение), *целлофан, цикорий, цинк, чернозем, шалфей, шевиот, шиповник, шифер, шлак, шпагат, шпик* (свиное сало), *штапель, щебень, щелок, эфир, яд, янтарь, ячмень* (хлебный злак)[26].

Разделение всего массива слов на те, что могут иметь форму на *-у*, и те, что реально ее имеют, безусловно, нуждается еще в определенной корректировке, но в целом это различение существенно, в этом числе и для нормативной оценки рассматриваемого явления [См.: Зализняк, 1977, 71]. В дальнейшем анализе участвуют преимущественно слова первой группы, т.е. имеющие формы на *-у* реально.

3. Известно, что группа вещественных существительных по своим более частным значениям распадается на несколько подгрупп: слова, называющие составы и вещества (*газ, воздух, гуталин, клей*), строительные материалы (*алебастр, бетон*), ткани (*атлас, бархат*), пищевые продукты и виды пищи (*балык, винегрет, паштет*), напитки и вина (*абсент, коньяк, квас*), лекарства (*аспирин, пирамидон*), растения и злаки (*жасмин, ревень, ячмень*), осадки (*град, снег*), продукты гниения, распада (*гной*), помет животных (*навоз*), виды почв (*перегной, песок, чернозем*), слова с вещественно-собирательным значением (*валежник, мусор, сор, хворост*) [Грамматика-80, 486].

Обе выделенные выше группы слов представляют все эти подгруппы, однако в разном соотношении. В состав первой группы, например, в большом числе входят слова со значением 'пищевые продукты, виды пищи', слова со значением 'ткани', слова, называющие напитки и вина; в группе второй преобладают слова со значением 'составы и вещества',

[26] Несколько слов из списка Грамматики-80 Орфоэпическим словарем исключаются: *кафель, припек, туман, угар*. Вводятся новые слова (отсутствующие в упомянутом списке): *бром, картон, кофеин, марципан, морс, томат, файдешин*. Пополнение касается главным образом второй группы, которая, по данным Орфоэпического словаря, включает более 600 слов.

'лекарства'. Очевидно, что формы на *-у* теснее связываются со словами бытовой семантики, что уже само по себе указывает на сферу их преимущественного употребления: это разговорная речь и отражающая ее художественная литература. Разговорная речь, естественно, основная область употребления и уменьшительных существительных, производных от слов бытовой семантики. Эта группа (слова с уменьшительными суф. *-ок, -ек* и ударяемым *-у* в родительном) со времени наблюдений В.И. Чернышева и до сегодняшнего дня характеризуется наибольшей степенью устойчивости в использовании форм на *-у*. Орфоэпический словарь последовательно при этих словах дает форму род.$_2$ -у: *дымо́к, дымка́, род.$_2$ дымку́*; так же: *жаро́к, квасо́к, киселёк, клеверо́к, клеёк, кофеёк, лачо́к, ледо́к, лено́к, лесо́к, лучо́к, медо́к, мело́к, мышьячо́к, наждачо́к, паро́к, пушо́к, сахаро́к, снежо́к, сыро́к, табачо́к, творожо́к, тростничо́к, уголёк, хмелёк, хрено́к, чесночо́к, шашлычо́к, ячменёк*. Слова с уменьшительными неударяемыми суффиксами попадают в разряд слов с факультативной формой на *-у* в род.$_2$: *горо́шек, пе́рчик, песо́чек, су́пчик, укро́пчик* и т.д.

Показательны типичные речевые контексты, в которых выступают слова с формами на *-у*[27]. Так, для слов, являющихся обозначением пищевых продуктов, а также напитков и вин, типичны сочетания:

а) с глаголами с общим значением 'потребить': *съесть, попробовать, выпить, напиться, хлебнуть;* б) с общим значением 'наполнить': *положить, подложить, налить, подлить, добавить;* в) с общим значением 'требовать': *просить, потребовать, заказать;* г) с общим значением 'предложить': *поднести, принести, дать;* д) с общим значением 'приобрести': *купить, достать, найти, принести, взять, добыть;* е) с общим значением 'хотеть': *хотеть, желать;* ж) с общим значением достаточности: *хватать*, и подобн. Типичные именные сочетания включают существительные, являющиеся тем или иным обозначением меры: а) соответствующей емкости: *тарелка, кружка, стакан, чашка, бутылка, рюмка, бочка, мешок* и т.д.; б) соответствующей упаковки: *головка, плитка* и т.д.; в) точной меры: *грамм, килограмм, литр* и т.д.; неопределенной меры: *много, мало, немного, больше, меньше;* г) отсутствия чего-либо: *нет, не было*. Сочетания с существительными, имеющими другие значения (названия веществ, лекарств, тканей и др.), представляют некоторые варианты названных контекстов. Например, для названий лекарств характерны сочетания с глаголами с общим значением 'потребить' (*принять, выпить*), 'приобрести' (*купить, найти, достать*), 'требовать' (*просить, потребовать*); для существительных, обозначающих ткани, чаще всего употребительны сочетания, включающие глаголы со значением 'приобрести' (*купить, найти,*

[27] Контексты не конструировались специально; они извлечены из имеющихся материалов, представляющих записи устной речи и цитаты-примеры из художественной литературы.

привезти, подарить и т.д.), для существительных, обозначающих вещества, сочетания с глаголами со значением 'приобрести' (*купить, принести, достать*), 'потребовать' (*спросить, попросить*); 'наполнить' (*налить, насыпать*) и т.д.

В рамках этих контекстов, имеющих, как правило, бытовое содержание, и происходит варьирование форм на *-а* и *-у*. Оно характерно главным образом для разговорной речи.

В ранее проведенных исследованиях "Русский язык и советское общество", "Русский язык по данным массового обследования" детально проанализировано соотношение форм на *-у* и *-а* на примере слов, включенных в [Вопросник 1963]. Полученные выводы представляют интерес и для настоящей работы, хотя здесь акцентируется иной аспект рассмотрения.

Пафос той части морфологического раздела монографии "Русский язык и советское общество", которая посвящена варьированию форм на *-у* и *-а*, состоял в том, чтобы показать процесс вытеснения флексии *-у* флексией *-а*, выявить детали взаимоотношения этих флексий, показать особенности происходящих сдвигов в соотношении форм на *-а* и *-у* в разных "стилях" и "жанрах" литературного языка. К результатам названного исследования, обобщенных в монографии в виде таблиц и имеющих целью показать динамику взаимоотношения форм на *-у* и *-а*, различную интенсивность процесса вытеснения форм на *-у* формами на *-а* по отношению к разным стилям, а внутри по отношению к разным лексемам и разным грамматическим контекстам, можно подойти и с иной точки зрения, обращая внимание не на процесс вытеснения формы на *-у*, а степень ее устойчивости в разных стилях и разных лексемах. В таком случае можно придти к некоторым иным выводам, характеризующим явление в другом аспекте. Так, по табличным данным, обнаруживающим динамику роста флексии *-а* при сравнении ответов на [Вопросник 1963] информантов разных возрастных групп (поколения 1870–1909 гг.; 1910–1919 гг.; 1920–1929 гг.; 1930–1939 гг.; 1940–1949 гг.) оказывается, что "Средняя частота по всем обследованным лексемам (по итоговым данным) от одной возрастной группы к другой варьировалась незначительно: частота формы на *-а* возросла у поколения 40-х годов по сравнению с самым старшим поколением всего лишь на 4%, причем средняя частота формы на *-у* у всех возрастных групп продолжает оставаться довольно высокой, в частности, у молодежи 40-х годов она составляет 34,7%" [РЯСО 1968, 191].

Таким образом, сфера разговорной речи (а ответы на Вопросник можно в определенной степени квалифицировать так) является основной и достаточно устойчивой зоной использования флексии *-у*. Этой же сфере присуща и широко развитая вариантность в использовании формы на *-у* и *-а*. Степень устойчивости формы на *-у* в каждом конкретном случае зависит от лексемы и характера грамматического контекста. В первом случае роль играет семантика слова, частотность

его употребления в данной речевой сфере, во втором – глагольный или именной характер контекста. Формы на *-у* более устойчивы в контекстах, включающих глагол, менее устойчивы в именных контекстах, включающих существительное со значением меры. Решение более конкретных вопросов, относящихся к отдельному слову, уже задачи нормализаторского плана.

С разговорной речью может быть сопоставлена художественная речь, обнаруживающая в отношении данного явления много общего. Выше уже отмечалось, что с формами на *-у* оценка разговорности последовательно не связывается. Формы на *-у* и *-а* стилистически малоконтрастны, тем более, если речь идет о вещественных существительных, выступающих в контекстах с количественным значением. Естественно, что такие формы не могут выполнять в художественном тексте характерологических заданий. Употребление их в художественном тексте нейтрально, соответствуя языковым вкусам, языковым привычкам автора. Взаимоотношение этих форм, которое в [РЯСО] проанализировано на материале драм, относящихся к разным временным периодам, обнаруживает те же процессы, которые свойственны разговорной речи. Формы на *-у* вытесняются формами на *-а*, но употребительность форм на *-у* при этом остается достаточно высокой. Комментируя соответствующую таблицу, авторы отмечают, что процесс вытеснения формы на *-у* в прошедшее шестидесятилетие протекал в изучаемом жанре хотя и неуклонно, но сравнительно вяло. "Поэтому не удивительно, – пишут авторы, – что создается впечатление, будто существенных перемен не происходит: уловить эти малозаметные смещения удается лишь прибегая к специальным математико-статистическим приемам" [там же, 186]. Художественная речь, как и разговорная, представляет широкую зону вариативности. На этот счет можно привести много примеров из литературных произведений разных жанров. В данном случае ограничимся рядом примеров варьирования, относящихся к семантической группе "напитки и вина". В целом у этой группы слов явно преобладает флексия *-у*, но используется и флексия *-а*, особенно в именных сочетаниях. Приведем ряд примеров, характеризующих и диалогическую, и авторскую речь:

– Вам водки, как и в прошлый раз? – спросил он Клерфэ.

– Нет, *глинтвейну* или бордо. (Э.М. Ремарк. Жизнь взаймы. Пер. Л. Черной);

Роза спросила: – Ты хочешь *компоту*, мама? (Ф. Мориак. Дорога в никуда. Пер. Н. Немчиновой);

– *Портвейну*, пожалуйста. (Г. Грин. Наш человек в Гаване. Пер. Н. Волжиной);

– Вот, месье, – сказал он Равику и налил немного *кальвадосу* на донышко. (Э.М. Ремарк. Триумфальная арка. Пер. Б. Кремнева и И. Шрайбера);

Выпив крепкого *грогу*, Саша разделся и лег. (Э. Триоле. Незваные гости. Пер. Т. Ивановой);

Когда закончили игру, Патриция попросила апельсинового *соку*. (М. Моно. Туча. Пер. Г. Корнутской-Бодалевой).

Ср. использование флексии *-а* в подобных же контекстах:

– Выпьем еще *пунша?* (Г. Грин. Наш человек в Гаване. Пер. Н. Волжиной);

– Хочешь еще *кальвадоса?* (Э.М. Ремарк. Триумфальная арка. Пер. Б. Кремнева и И. Шрайбера).

Использование флексии *-а*, по материалам художественных текстов, значительно шире в именных контекстах, включающих существительное со значением меры:

– Хочешь рюмочку *ликера* к кофе? *А коньяку?* (Э.М. Ремарк. Жизнь взаймы. Пер. Л. Черной);
Я дал ему стакан лимонного *сока* и пошел к телефону. (Э.М. Ремарк. Три товарища. Пер. И. Шрайбера и Л. Яковенко);
... вынимала бутылочку *кларета*. (С. Моэм. Театр. Пер. Г. Островской)

Во всех этих случаях возможно и использование флексии *-у*. Варьирование часто у одного и того же писателя (переводчика). Ср. несколько примеров из романа Э.М. Ремарка "Три товарища" (пер. И. Шрайбера и Л. Яковенко): ... заказал себе полбутылки *рому;* – Лучше бокал *рома*, – сказала она. Я заказал большую рюмку *рома*[28].

Выше, когда говорилось о сужении употребительности форм на *-у* в процессе развития литературного языка, отмечалось, что эта форма перестает употребляться у слов с отвлеченным значением (вне устойчивых оборотов), у существительных с конкретным значением и некоторых других, где еще в XIX в. формы на *-у* использовались свободно. Теперь с подобными формами связывается оттенок просторечности, они могут использоваться в художественных произведениях с характерологической целью – для придания речи персонажа оттенка разговорности или просторечности:

– Здрасте! За каким же лешим мы паримся? Для какого, спрашивается, *интересу?* (В. Дудинцев. На своем месте);
– А то еще в солодке мочим, в солодковом то есть корне. Это для *десерту*. (В. Солоухин. Владимирские проселки);
–К примеру, лектор из *городу*, когда становится на постой, от колхоза хозяину трудодни идут. (С. Антонов. Дело было в Пенькове);
– Э, доченька, и ты хочешь и без ругани прожить, без *скандалу?*... (М. Алексеев. Наследники)[29].

К таким формам проявляют интерес некоторые писатели в своем авторском повествовании. Стилизации текста "под разговорность" слу-

---

[28] Подобная вариативность в художественной литературе в данного типа контекстах имеет давнюю традицию, отражая свободное варьирование форм на *-у* и *-а* в этих случаях в живой разговорной речи. Ср. характерный пример из "Китай-город" Боборыкина: Мать показала головой лакею на свою бутылку *тенерифу*. – Нет, нет! Покорно спасибо. Пожалуйте нам красного! ... *Лафиту!*; – Там рейнвейн стоит, а здесь хоть бы *чихирю* какого поставили; – Не угодно ли-с по другой, – пригласил Палтусова хозяин, – и налил ему *алашу;* Но: Он только повел белками и выпил после тарелки щей большую рюмку *рейнвейна;* В кабинете Евлампий Григорьевич засуетился, стал усаживать Палтусова, наливал ему *ликера*.

[29] Ряд подобных примеров использования форм на *-у* с целью имитации "крестьянской речи" приведен Л.К. Граудиной: *останову нет, струменту хватит* и др. [Граудина 1980, 259]. Е.А. Земская и М.В. Китайгородская формы типа *нет дождю, насмотрелся телевизору, вернулся из отпуску* квалифицируют как просторечные [Земская, Китайгородская 1984, 74].

жат названные формы, включаемые как элемент цитации разговорной речи. Ср.: ... и залегает в ямы разве что дачник, спьяну перепутавший поверхность воды с землею, либо бесстрашный турист, угоревший от лесных пожаров, им же *для интересу* запаленных (В. Астафьев. Заберега); ... все более светлеющей, торжественной ночи, в которую так любят ворожить сельские девушки, гадать, что же ждет их впереди и какой такой жених явится из волшебного ночного *свету*... (В. Астафьев. Там же).

Разговорной речи и художественной речи по степени употребительности форм на *-у* резко противопоставлена специальная речь. В [РЯСО 1968] с точки зрения взаимоотношения форм на *-у* и *-а* проанализирована, как уже упоминалось, деловая речь. Предметом рассмотрения были слова, относящиеся к группе бытовой лексики, являющиеся обозначением пищевых продуктов, а материалами, представляющими деловую литературу, разные виды и издания поваренных книг. Варьируемые формы в данном случае выступают в таких типичных контекстах: в глагольных конструкциях с глаголами *прибавить, положить, добавить* (*прибавить больше бульону, положить хрену, прибавлять по вкусу сахару*) и др., в именных конструкциях типа: *стакан сахару, ложка песку, стакан чаю, несколько капель соку* и т.д. Анализ даже такой сугубо бытовой лексики показал очень активно идущий процесс вытеснения форм на *-у* в деловой речи. Если в начале XX в. частота формы на *-у* составляла около 90%, то в послереволюционный период отношения резко сместились, частота формы на *-а* поднялась примерно до 50%. В 30-е годы частоты форм на *-у* составила 0,286 (т.е. 28%). В последующие десятилетия процесс вытеснения формы на *-у* продолжался более плавно, он не закончился и в наши дни.

Наблюдения над специальной речью в дальнейшем необходимо было бы продолжить. В сущности, мы имеем материал только по очень узкой разновидности специальной речи и по очень ограниченной группе слов. Но это следует рассматривать как специальную задачу, тесно связанную с конкретной работой по нормализации грамматических форм.

Вариантные флексии *-е* и *-у* в формах предложного падежа ед. числа. Их распределенность в различных типах речи

Речь в данном случае идет лишь о формах так называемого второго предложного (местного) падежа. Как формы этого особого падежа принято рассматривать формы с флексией *-у/-ю* (ударной) существительных м.р. и с флексией *-и* (тоже под ударением) существительных ж.р. на *-ь*, употребляемые с предлогами *в* и *на* при обозначении места: *в лесу*; *на балу*; *в, на носу*; *в пыли; на оси*; *в, на груди*. Второй предл. п. существительных м.р. может выражаться вариативно с помощью разных флексий (*в чаю* и *в чае*; *на дубу* и *на дубе*; *в, на стогу* и *в, на стоге*). Однако вариативность формам второго предл. п. на данном этапе развития русского литературного языка свойственна в незначитель-

ной степени. У существительных ж.р. различия касаются только ударения, что представляет особую проблему.

Тесная спаянность флексии с лексемой, что рассматривалось как характерная черта вариантных флексийных показателей на примере флексий *-а* и *-у* в род. п. ед. ч. существительных м.р. еще отчетливей выступает при анализе вариантных флексий *-е* и *-у* в местн. ед. ч. той же категории слов. Проблема употребления форм на *-у* и на *-е* для литературного языка нового времени, — подчеркивается в исследованиях, — это проблема лексико-грамматическая [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964, 201].

Процесс взаимодействия флексии *-е* и *-у* в ходе развития литературного языка подробно исследован в научной литературе. Не вдаваясь в рассмотрение деталей этого взаимодействия, подчеркнем некоторые моменты, существенные для предпринятого анализа.

Исследователи акцентируют параллелизм процесса распространения флексии *-у* в род. и предл. (местн.) падежах ед. ч. у категории существительных м.р. в начальном моменте формирования литературного языка, указывая на линии расхождения в дальнейшем развитии. Одним из существенных результатов этого рода изменений явилось резкое различие в степени распространенности флексии *-у* в род. и местн. п. В то время как в родительном падеже на общевеликорусской почве, — писал С.П. Обнорский [1927, 230—232], — произошло расширение употребления флексии *-у*, новая флексия в местном падеже в северновеликорусской области, как и в литературной речи, не вышла из тех рамок, какие определены были для нее в начальном моменте трактуемого морфологического явления (если не считать ее распространения в группах заимствованных слов).

Позднейший период развития литературного языка также не обнаруживает тенденции к какому бы то ни было расширению круга слов, принимающих в местн. п. флексию *-у*. В целом для него характерна, напротив, тенденция к сужению рамок употребительности этой флексии. Причиной в данном случае являются прежде всего те лексические и структурные ограничения, которые изначально налагались на слова, использующие флексию *-у* в местн. п. в то время как слова, использующие флексию *-у* в род. п. подобных ограничений не имели.

Флексия *-у* в местн. п., по правилам, сформулированным в грамматиках XVIII в., была приложима только к узкому кругу русских по происхождению слов. В Грамматике Ломоносова специально указывалось, что формы на *-у* не образуются от имен татарских и "других иностранных", поэтому должно быть: на караулѣ, на базарѣ, на пикетѣ, в кармазинѣ, на кипарисѣ [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964, 189]. И хотя некоторое число заимствований все же форму на *-у* в процессе развития языка приобретает, это явление не носит массового характера и не способствует ощутимому расширению состава слов, использующих флексию *-у* в местн. п.

Более резкие ограничения связаны со структурными особенностями

слов, принимающих флексию *-у*. Сюда принадлежат по преимуществу слова с односложной основой и подвижным или наоснóвным типом ударения. Анализ материалов разной временной соотнесенности показывает, что в ходе языкового развития "требования" к структуре слов, использующих флексию *-у*, не снижаются, напротив, они даже ужесточаются. Например, если еще в прошлом веке формы на *-у* довольно свободно образовывались от имен с неодносложной основой при подвижности ударения (*на острóву, на вечеру, на вороту, в терему, на холоду* и др.) и у ряда слов с вычленяемым суф. *-ок* и флективным ударением (*в уголку, на ветерку, на волоску* и др.), то теперь среди стилистически нейтральных подобные формы единичны: *на берегу, в отпуску, в уголку*. В большинстве своем они рассматриваются как просторечные (*в городу*), разговорные (*на холоду, в терему, в погребу* и др.), лишь с определенными целями используемые в художественной литературе.

Не менее существенную роль в процессе взаимодействия флексий *-е* и *-у* играли причины стилистического характера[30].

По литературным нормам, устанавливаемым для начального этапа развития литературного языка нóвого времени (рекомендации грамматистов XVIII в., практика писателей того времени), употребление флексий *-е* и *-у* четко разграничивалось, исходя из лексико-стилистических оснований. У слов высокого слога следовало использовать флексию *-е* (*ѣ*), у русских, принадлежащих к простому слогу, — *-у*. По отношению к словам, могущим иметь и флексию *-е*, и флексию *-у*, вводилось правило, предлагающее учитывать "стилистику" всего выражения, включающего форму предложного падежа: *очищенное в горнѣ злато*; *жить в домѣ Бога вышнаго*; *в потѣ лица труд совершать*; *скрыть в ровѣ зависти*; *ходить в свѣтѣ лица господя*; но: *медь в горну плавить*; *в поту домой прибежал*; *на рву жить*; *в свету стоять* [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964, 189].

В результате действия всех названных факторов (лексического, структурного, стилистического) сфера использования флексии *-у* определялась как достаточно узкая. Она ограничивалась еще более в результате активизирующегося процесса лексикализации отдельных форм на *-у* и *-е*, связанного с семантическим развитием слов и их стилистической оценкой.

Уже в литературном языке XVIII в., по данным словарей, был упот-

[30] В "Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в." на большом фактическом материале (преимущественно художественной литературы) прослежена история форм на *-у* в их взаимоотношениях с формами на *-е* в литературном языке второй половины XVIII, первой и второй половины XIX вв. Проведенный анализ вскрывает сам процесс складывания норм употреблений флексий *-у* и *-е*, поскольку формирование этих норм и происходило прежде всего в художественной литературе, в результате практической деятельности писателей и поэтов. Не повторяя всех выводов, к которым приходят авторы "Очерков", мы ссылаемся в дальнейшем лишь на отдельные положения, существенные для нашего анализа.

ребителен ряд таких лексикализовавшихся форм на *-у*, выступающих в функции наречий и предлогов, как: прытка *на бегу*; лежать *на боку*; неприятельский корабль был *в виду*; *в виду* все войско стоит; жить с кем *в ладу*; *в лом, в лому* "в тяжелую работу" и др. При действовавших в тот период стилистических разграничениях в использовании флексий *-е* и *-у* и строгих правилах употребления их в литературных произведениях разных жанров подобные лексикализовавшиеся формы находились вне стилистической дифференциации [там же, 190]. Реальная же сфера их употребления, как это очевидно, — обиходно-разговорная речь и те жанры художественной речи, которые на нее ориентированы.

В дальнейшем развитии языка процесс лексикализации отдельных форм, закрепление одной из вариантных форм за определенным значением продолжается. В "Очерках" в качестве типичных для литературного языка первой половины XIX в. отмечены следующие примеры дифференциации: форма *в веке*, закрепленная за существительным *век* в значении 'столетие', *на веку* — за значением 'время существования, жизнь кого-нибудь'; форма *в жару*, закрепленная за значением *жар* 'повышенная температура тела' и 'сильное душевное возбуждение, пыл, страсть'; форма *в поте*, закрепленная за сочетанием *в поте лица, в поту* — за значением 'покрытый потом, потный'. Точно так же форма *на шагу* закрепляется за сочетанием *на каждом шагу*, форма *в цвету* закрепляется за сочетанием со значением 'в состоянии цветения', *в цвете* — за сочетанием со значением 'в расцвете, в состоянии полного развития' [там же, 198].

Особо активное развитие этих процессов, по материалам "Очерков", характеризует вторую половину XIX в. В этот период колебания в употреблении форм предложного падежа на *-е* и *-у* от ряда имен существительных, возможные в первой половине века, сокращаются; дублетные формы дифференцируются по значению, закрепляются за определенными конструкциями, часто становясь при этом несвободными [там же, 201].

Современный язык в определенной степени наследует действовавшие в прошлом веке процессы и их результаты. Для современного состояния языка характерным является все большее ограничение свободного варьирования форм *-е* и *-у*, все большая степень закрепленности их за определенными лексемами и определенного рода контекстами. Возрастает число форм на *-у*, замкнутых в составе фразеологизмов, разного рода речений.

Показательны даже и самого общего рода сопоставления. Так, в грамматике Востокова [1859, § 29] приведено более 50 форм с устойчиво употребительной флексией *-у* и около 40 форм колеблющихся: допускающих флексию *-у* и *-е*. В.И. Чернышев в своей книге "Правильность и чистота русской речи" [1970, 500—501], ориентированной на широкий круг литературных источников, приводит около 70 форм с флексией *-у* и более 80 форм, принимающих обе флексии. В Орфоэпи-

ческом словаре русского языка отмечено 144 слова, имеющих форму второго предложного на *-у*. Из этого числа слов 72 имеют форму на *-у* в качестве формы безвариантной (*в аду, на балу, на берегу* и др.), у 45 слов использование этой формы связано с определенным фиксированным значением или же она известна только как составная часть речения, т.е. употребление формы на *-у* несвободно: *на дому* (дома), *в жару* (с повышенной температурой тела), *на жару* (на горячих угольях), *в мозгу* (по отношению к значению 'ум, сознание'). Ср. также: *в бреду* (в состоянии бреда), *на своем веку* (в течение жизни), *на ветру* (в ветреном месте) и т.д. Только у 27 слов формы на *-у* и *-е* свободно варьируются: *на дубу* и *на дубе*; *в, на зобу* и *в, на зобе*; *в клею* и *в клее, в, на грунте* и *грунту, в дыму* и *дыме* и др.

Исследуя распределенность вариантных флексий *-е* и *-у* в различных типах речи, следует разграничивать свободно варьирующиеся формы и формы, замкнутые в составе определенного рода речений. В последнем случае употребление одной из варьирующихся форм связано прежде всего с источником формирования данного речения. В большинстве своем это определяет и современную его отнесенность к сфере книжной, обиходно-разговорной или официально-деловой речи. Ср. сочетание *в поте лица* (работать, трудиться), что существует как некая "книжная цитата" и *весь в поту, прибежать в поту*; *в свете чего-либо* (ср. *в свете лица господня*) и *стоять на свету*; *в виде чего-либо* (в образе) и *иметь в виду* и т.д.

Если иметь целью максимально подробное рассмотрение всех случаев варьирования флексий *-е* и *-у* в зависимости от типа речи, в основу анализа следует положить распределенность слов, имеющих эту вариативность, по различным лексико-семантическим группам. И хотя в исследованиях отмечено, что семантика слова не играет решающей роли в обособлении группы слов, образующих формы на *-у* в предложном (в отличие от форм на *-у* в родительном) [Очерки по истории русского литературного языка XIX в. 1964, 201], семантический фактор все же необходимо принимать во внимание, поскольку формирование тех или иных речений, реализующих вариативность в форме предложного падежа, происходит в пределах групп слов, объединенных прежде всего семантически.

Опираясь на классификацию Грамматики русского языка [1952], среди анализируемых слов можно выделить 1) группу слов, обозначающих пространство, которое может быть вместилищем чего-либо или поверхность, на которой могут находиться те или другие предметы: *берег, бор, круг, лес, луг, мост, порт*; 2) слова, обозначающие вещество или массу: *жир, клей, лед, мед*; 3) слова, обозначающие собрания людей или предметов, среди которых могут находиться другие люди или предметы: *мир, полк, ряд, строй*; 4) имена существительные, служащие для обозначения действия, состояния или для определенного периода времени: *бег, бой, бред, век, год, долг, отпуск, пир, смотр, ход*.

Рассмотрим подробнее эти группы, обращая внимание на условия развития в них вариативности в оформлении местного падежа (или ее затухания) и особенности функционирования вариантов.

Первая группа слов (называющих пространство, поверхность и т.д.) является наиболее многочисленной. Следует отметить, что слова именно этой семантики и характеризуют прежде всего наличие местн. п. в его, так сказать, чистом виде.

Хотя различие в грамматическом оформлении предл. и местн. падежей свойственно не всему контингенту слов, входящих в эту группу, в том круге слов, где исторически это различие сложилось, действует устойчивая тенденция закрепления формы на *-у* в местн. п. как нормативной взамен имевшей место в прошлом веке и отчасти известной сейчас вариативности[31]. Это относится к словам *ад, берег, бор, борт, вал* (земляная насыпь и др.), *гай, гроб, лес, лог, луг, мол, мост, мыс, паз, плац, плот, под, пол, пруд, рай, сад, скит, сук, таз* (посуда), *ток* (место для молотьбы), *угол, форт, шкаф, яр*[32].

Лишь для небольшой группы слов названной семантики нормой допускается вариантность в оформлении местн. п. *дуб, крюк, стог, хлев* (форма на *-е* характеризуется как вариант допустимый), *цех* (отдел промышленного предприятия), *чан* (допустимой считается форма на *-у*), *шлях*. В словах *край* и *круг* вариантность связана с различием в значении (подробнее об этом ниже, в связи с оценкой вариантности в данной семантической группе слов).

Среди слов, закрепивших, напротив, флексию *-е* в местн. п., следует прежде всего назвать группу слов с неодносложной основой (структурные основания берут верх над семантическими), в том числе слова с выделяемым суф. *-ок*. В данном случае показательны не столько такие слова, как *ворот, город, обод, короб, погреб, пояс, потолок* и под., где формы на *-у* были редки (и они не развились дальше), сколько слова *остров, терем, уголок* и другие слова на *-ок*, образованные от существительных с устойчиво употребительной флексией *-у*: *бережок, лесок,*

---

[31] В качестве примера закрепленности в языковом сознании флексии *-у* за местным падежом можно привести данные о распределенности ответов на [Вопросник... 1963] по поводу употребительности формы *в снегу* (само слово отнесено к другой тематической группе и о нем дальше) в следующих контекстах: *Вороны ищут зимой корм в снегу (е); Художники ищут чего-то в снегу (е), но живописности в снегу(е) нет.* Употребительность формы в *снегу* в первом контексте составила 97,7%, во втором (с не совсем ясным значением) — 73,5%, в третьем (явно не местном) — 36,4% [Русский язык по данным массового обследования 1974, 176—177].

[32] У ряда из названных слов данной группы флексия *-е* не потеряла употребительности полностью, но отмечена она только в художественной (преимущественно поэтической) речи. Можно указать, например, на употребление формы *в аде* у В. Маяковского, *на береге* у Б. Слуцкого, *в гробе* у С. Маршака, *во гробе* у М. Цветаевой, А. Ахматовой, *на луге* у В. Инбер, *в пруде* у А. Дементьева, С. Городецкого, К. Симонова, *в рае* у В. Маяковского и т.д. См. также: [Русская грамматика 1980, 489]. Современная нормативная оценка дается на основе рекомендаций Орфоэпического словаря.

лужок и др. Форма *на острову*, широко употребительная в прошлом веке (в том числе и в составе официальных наименований — *на Васильевском острову, на Каменном острову*, подобно безвариантной форме *на мосту — на Кузнецком мосту*), совершенно выходит из употребления. Форма *в терему*, употребление которой в художественных произведениях XIX в. Булаховский [1954, 63] связывал с соответствующей установкой на народный колорит, еще достаточно хорошо известна у поэтов начала XX в. — Клюева, Бунина, Соллогуба, Блока и др. Форма *в уголку* сохраняет еще некоторую употребительность в разговорной речи, но преимущественное ее использование — художественная литература — проза и поэзия: Л. Леонов, А. Цветаева, В. Панова, М. Шагинян, Н. Тихонов и др. (Орфоэпический словарь оценивает эту форму как допустимую.) Из слов на *-ок* устойчивое употребление сохраняет только форма *на бережку*, в меньшей степени *на лужку*, другие — *в леску* и под. редки. Из числа слов с односложной основой и подвижным ударением (классический, так сказать, образец слов, принимающих форму на *-у*) форму на *-у* теряет слово *дом*: сочетание *на дому* переходит в состав наречных, *в дому* получает сниженную стилистическую окраску; широко используется в стихотворной речи (А. Блок, А. Ахматова, М. Цветаева и др.).

Следует выделить (из состава рассмотренной) группу слов, являющихся обозначением частей тела. В словах этой семантики в некоторых случаях грамматические законы преломляются иначе, чем в остальных. Здесь, однако, особых отличий нет. Большинство слов этой группы закрепляют флексию *-у*: *бок, глаз, лоб, нос, пах, рот*. Флексию *-е* закрепляют несколько односложных слов: *горб* (слово с флективным ударением; форма *на горбу* употребительна лишь в составе выражения "на своем горбу"), *зуб*. Двум словам свойственна вариативность: *зоб, мозг*, в последнем случае связанная с различием в значении: *в мозгу* (ум, сознание) и *в мозге* (мозговом веществе). Флексия *-у* выходит из употребления в словах с неодносложной основой: *зрачок, волосок, висок*.

Вторая группа слов (обозначающих вещество, массу и под.) не имеет однозначных контекстов, включающих форму на *-у*. Здесь можно выделить 5 видов контекстов, различающихся и степенью употребительности форм на *-у*:

1. Находящийся в ... (растворенный в...): *в чае(ю)*, *в меде* (*у*) и т.п.

2. Характеризующий данное вещество, массу с точки зрения определенных свойств: *в меде(у)* много целебных свойств; *в чае(ю)* содержатся такие-то витамины; живописности *в снеге(у)* нет и т.п.

3. Находящийся на поверхности, образуемом некоторым веществом, массой: *на снегу(е)*, *на льду* и т.п.

4. Приготовленный с помощью (с использованием) данного веще-

ства: лепешки *на меду*, обувь *на клею*, готовить *на газу, на пару* и т.д.

5. Покрытый, насыщенный частицами данного вещества (массы): весь *в снегу*, лицо *в поту*, дом *в дыму, в пару* и т.д.

Контексты 1 и 3 реализуют местное значение. Распределение форм на *-е* и *-у* представляет здесь ту же картину, что и в первой обследованной группе слов. В контекстах 3 (в данном случае они мало употребительны, т.е. свойственны небольшому числу слов) используется исключительно или преобладает флексия *-у*: *на снегу, на льду*; имеет место вариативность (контексты 1): *в клее* и *в клею, в меде* и *в меду, в мохе* и *во мху, в пухе* и *в пуху, в чае* и *в чаю*; в ряде случаев форма на *-у* нормативными справочниками признается только как допустимый вариант: *в жире, в грунте, в квасе* и (допустимое) *в жиру, в грунту, в квасу*; в слове *дым* как допустимый вариант признается форма *в дыме*.

Употребление контекстов 4 характеризует разговорную и профессионально-бытовую сферу речи. Для этих контекстов употребление формы на *-у* является решительно преобладающим. В нормативных справочниках подобные формы даются обычно за ромбом, как устойчивые речения: *на клею, на меду, на пуху, на пару, на шелку, на спирту*, так же: *на жару* (на горячих угольях), *на меху* (с меховой подкладкой), *на подножном корму*. Ряд профессиональных употреблений, естественно, шире усвоенных и узаконенных литературным языком: ср. *на ранту* (об обуви); *на торфу*; *на хмелю* (настоять) и др.

Контексты 5 тоже представляют собой речения, обычно они в словарях толкуются: *в поту* (*покрытый потом*), *в клею* (*испачканный клеем*), *в меду* (*испачканный медом*), *в пуху* (*покрытый пушинками*); так же: *в снегу, в мелу, в шелку* (в одежде из шелка). Форма на *-у* здесь единственно возможная.

Что же касается контекстов 2, то они имеют иной, чем рассмотренные, источник формирования — книжную речь, научные тексты. Преобладающим здесь является использование флексии *-е*. Употребление флексии *-у* возможно, но только в разговорной речи, художественной литературе.

Третья группа слов (обозначения собрания людей или предметов) численно небольшая, а состав ее различен, если иметь в виду семантику и преимущественные сферы употребления слов. Ср.: *мир* (земной шар, вселенная, общество), *свет* (земля, мир, вселенная), *полк* (воинская часть), *строй* (ряд людей, шеренга), *ряд* (линия ровно расположенных предметов) и т.д.

В данной группе слов трудно найти какие-то общие закономерности в использовании флексии *-е* и *-у*. Оно целиком зависит от "стилистики" слова. Книжные по происхождению слова устойчиво удерживают флексию *-е*: *в мире* (но *в миру* в особом значении: не в монастыре, в выра-

жении "на миру и смерть красна", источник которого не книжная речь), *на свете* и *в свете*. Слова, сюда не принадлежащие, имеют флексию *-у*: *в полку, в строю* (о воинском построении), *в ряду* (исключая значения слова *ряд*, связанные с количественной характеристикой: *в ряде случаев* и под.).

Четвертая группа (обозначения действий, состояний, временных отрезков) включает слова, формы на *-у* у которых представляют собой в той или иной степени несвободные сочетания, часто с индивидуализированными, требующими пояснения значениями. Выделяется группа сочетаний с наречным значением: *на бегу, на виду, на весу, на лету, на плаву, на скаку, на ходу* (ср. профессионализмы: *на следу* "в состоянии погони за зверем", *на гону* и др.); сочетания со значением, характеризующим некое состояние: *в бреду* (в состоянии бреда), *в жару* (с повышенной температурой тела), *в пылу* (в состоянии душевного подъема, горячности), *в цвету* (в состоянии цветения), *в тифу, в гриппу*; сочетания с рядом различных нетипизированных значений: *быть в долгу* (быть обязанным), *в ладу/не в ладу* (о согласии), *в посту* (во время поста), *на слуху* (известно, замечено, помнится), *быть на счету* (в ограниченном количестве), *на хорошем/плохом счету* (о репутации), *как на духу, в шагу, на каждом шагу, на таком-то ходу* и др. То же самое в сочетаниях с временным значением: *на своем веку* (в течение жизни), *на таком-то году* (жизни, пребывания где-либо), *в таком-то часу* (в такое-то время), *на таком-то часу* (полета) и т.д.

Вне подобных сочетаний (источник их формирования обиходно-бытовая речь) используются формы на *-е*: *в беге* ему не было равных, *на виде* это не сказалось, *в бреде* повторялись одни и те же сюжеты, *в жаре* опасности нет, *на слухе* болезнь не отразилась и т.п.

При многозначности слова и реальном существовании сочетаний с формами на *-е*, формирующихся в других сферах (научная речь, речь официально-деловая), имеет место (и это свойственно в значительной мере именно данной группе слов) стилистическая противопоставленность форм на *-у* и *-е*, но не самих по себе, а через оценку словосочетаний (подробней далее).

Существует достаточно много случаев употребления форм на *-у* вне отмеченных групп слов и за пределами определенных сложившихся сочетаний, выражений. Как правило, они характеризуют либо профессиональную речь (*на вольту, в басу* и др.), либо речь просторечную: *работать на крану, работать на прессу* и т.д.

В художественной литературе эти и подобные факты используются как средство имитации нелитературной речи, создания комического эффекта:

Ощутив, как вздрагивают веки, он склонил пониже голову над очередным письмом: "... после моей заметки от 20 июня с.г., что сено гибнет *на дождю*, я еще вам писал... Но

письмо на мое имя... перехватила Кланька Подорова, счетовод..." (А. Рекемчук. Тридцать шесть и шесть);

— Пойдем, земеля, осетринки покушаем. Погоди, забыл, тебя ж Лысогор *в штабу* ждет. (С. Каледин. Стройбат);

— Никак нет, двое в бегах, трое насчет туалета, чистят. Их сюда без бани нельзя, *в калу* все... (там же). Число подобных примеров можно было бы увеличить.

Проанализированный материал показывает, что сфера распространения форм на *-у* очень узка. Она ограничена определенным кругом лексем, а по отношению к значительной их части еще и определенным рядом сочетаний. Таков итог процессов, идущих в русском литературном языке с XVIII в. Поэтому трудно говорить о каких-то общих закономерностях распределения анализируемых вариантных морфологических средств в различных типах речи. Связь эта, если она и имеет место, осуществляется не непосредственно, а через соответствующие сочетания, за каждым из которых стоит своя история, свой источник формирования.

Больше всего таких стилистически противопоставленных сочетаний (речений) дает группа слов, являющихся обозначением действий, состояний, поскольку именно ей и свойственна наиболее разветвленная семантическая развитость. Ср. *на смотру* (торжественный официальный смотр войск), носящее оттенок профессиональности и разговорности, и *на смотре* (общественная проверка, публичный показ): *на войсковом смотру* и *на смотре художественной самодеятельности*; у слова *ход* (движение, перемещение, развитие, течение и др.) известны формы на *-у* (*в ходу, в большом ходу, на ходу, на полном ходу, на самом ходу*), источник формирования которых разговорная и профессиональная речь, и форма *в ходе* (*в ходе переговоров, в ходе языкового развития, сказаться на ходе работы*), связанная с книжной речью. В слове *счет*, как обозначении действия по глаголу, употребительны формы на *-у*: *быть на счету* (в ограниченном количестве), *быть на хорошем* (*или плохом*) *счету*; в слове *счет*, как обозначении денежных документов, финансовых операций, употребительны формы на *-е*: *в счете нет ошибок, в лицевом счете показано...* (в сочетании *на текущем счету* допускается, по данным словарей, вариативность). То же самое относится и к ряду слов, принадлежащих к другим семантическим группам. Ср. *в ряду* от *ряд* (линия) и *в ряде* от *ряд* с количественным значением (*в ряде случаев, в целом ряде*); *на краю* и *на крае* (отмечается как допустимый вариант) от край в значении 'предельная линия, грань', *в краю* и *в крае* от *край* 'страна, местность, территория', но только *в крае*, если имеется в виду административно-территориальная единица (*в Краснодарском крае*); *в кругу* от слова *круг* как обозначения совокупности людей, сферы, области чего-либо (*в кругу друзей, в привычном кругу представлений, в кругу обязанностей*) и *в круге*, если имеется в виду окружность, часть плоскости, ограниченная окружностью, что-либо, имеющее такую форму, круглый предмет,

замкнутая цепь событий: *в круге лунного света, на спасательном круге, в порочном круге, в заколдованном круге, в замкнутом круге*[33]. Число примеров можно увеличить, но существенна общая их квалификация и основная рекомендация по поводу выбора одной из параллельных форм в нормативных справочниках — учитывать лексический состав сочетаний, фразеологический характер выражения, употребление слова в прямом или переносном значении и др. [Розенталь 1974, 121]. Обращается внимание также на синтаксические условия специализации форм на *-у* и *-е*: изолированное употребление формы или наличие при ней определения; определения, выраженного формой прилагательного или существительного (*в быту*, но: *перемены в быте деревни*; *задыхаться в дыму*, но: *в дыме пожарищ; на краю, на самом краю*, но: *на переднем крае* и т.д.). Очевидно, однако, что эти факторы выступают всего лишь как "приметы", "опознавательные знаки" функционирования вариантных форм. В основе же лежат контекстные условия, источники формирования соответствующих сочетаний.

Свободная в определенной степени вариативность характеризует только формы на *-у* и *-е* в контекстах, реализующих местное значение (рассмотренные выше группа первая, группа вторая с подгруппами 1 и 3). Однако и в этом случае проблематично было бы пытаться вынести суждение о стилистической распределенности флексий *-у* и *-е*, основываясь на реально существующих фактах вариативности. Дело в том, что почти все слова, допускающие вариантное оформление местн. п., принадлежат к бытовой лексике, имеют ограниченную сферу употребления. Поэтому в сумме своей они вряд ли могли бы показать различие в степени употребительности вариантных флексий в различных типах речи, если бы такое исследование и было специально проведено. Здесь срабатывал бы скорее всего прагматический фактор — степень известности слова в данной речевой сфере.

Интерес представляют только некоторые отдельные слова, используемые в разных речевых сферах, например, слово *цех*. Имеющиеся материалы указывают на явное преобладание форм с флексией *-е* в деловых документах, газетных и журнальных статьях, посвященных так или иначе производственной тематике. В художественной литературе существует приблизительный паритет.

Показательно и различие в выборе флексии местн. п. в случае обычного (изолированного) употребления слова и употребления связанного (входящего в состав названия, официального наименования).

Судя по материалам, в практике прошлого века в этом смысле не

---

[33] В реальном употреблении в этих и подобных случаях отмечены многочисленные колебания. Дело нормативных справочников по возможности точно и детализированно охарактеризовать такого рода сочетания с разными формами местного. Разумеется, это не входит в задачу данной работы. Мы пользуемся здесь материалами уже существующих разработок, главным образом рекомендациями Орфоэпического словаря.

существовало узаконенных различий[34]. В современном языке в отношении ряда подобных слов действуют строгие правила. Например, при нормативной форме *на мысу* рекомендуется только форма *на мысе* в географических названиях: *на мысе Доброй Надежды, на Зеленом мысе* [Орфоэпический словарь русского языка 1983; Грамматика-80, § 1183].

В живой речи, однако, правила, установленные для официальных сфер, часто нарушаются. Говорят, например, в *Новом саду* (город в Югославии), *на мысу Челюскина* и под. Существует и ряд просто безвариантных форм: *на Кузнецком мосту, в Серебряном бору* и др.

Вариантные флексии *-ов*, *-ø* в формах родительного падежа мн. числа. Их распространенность в различных типах речи

Анализ развития соотношений форм род.п. мн.ч. с флексией *-ов* (*-ев*) и нулевой флексией в XVIII—XIX вв. позволил авторам книги "Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в." [1964, 247] прийти к выводу, что "форма родит. на *-ов* для существительных мужск.р. твердого различия сохранила свое ведущее положение", что "форма без окончания здесь была и осталась непродуктивной, сохраняющейся для некоторых разрядов существительных...", что "эта форма получила новую продуктивность в группе названий единиц измерения, в большинстве своем иноязычного происхождения". Эти линии развития вариантных флексий *-ов* и *ø*, выявившиеся к концу XIX в., продолжают действовать и в XX в.

Из всего объема материала, представляющего данный тип вариативности, необходимо выделить группу названий различных мер и единиц измерения. В "Очерках" эти наименования выделены в качестве одной из групп в общем ряду отмеченных колебаний: *граммов — грамм, амперов — ампер, ваттов — ватт, герцев — герц, эргов — эрг*, при преимущественном, как там указывается, употреблении форм без окончания [там же, 246].

Под влиянием экстралингвистических факторов, обусловливающих необходимость введения новых наименований единиц, данная группа слов в XX в. значительно увеличивается в своем объеме, одновременно происходит процесс закрепления у этих слов нулевой флексии в род.п. мн.ч.[35]

---

[34] Ср. примеры употребления формы *на острову* и в случае отдельного употребления слова и в составе названий (*на Васильевском острову, на Каменном острову*), колебания в употреблении разных форм у слова *край*, в том числе и в официальных названиях: *в Уфимском крае* и *Сибирском краю* [Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в., 1964 194, 280].

[35] Вопрос подробно изучен Л.К. Граудиной [1964]. С применением методов статистики выявлены данные об общем соотношении форм на *-ов* и нулевых форм во взятой для обследования группе слов по временным периодам (80-е годы, 90-е годы XIX в., первое десятилетие XX в.), а также по отношению к отдельным единицам измерения.

Постепенное накопление в языке рассматриваемого типа наименований, устойчивое употребление нулевой формы и постоянство синтаксического контекста, в котором эти формы выступают (всегда в сочетании с числительным: *5 вольт, 60 ватт*), обусловливают необходимость изменения грамматического статуса этих форм.

Их предлагают рассматривать как особый счетный падеж (счетную форму). Счетными формами признаются формы с нулевой флексией при указании количества: *5 вольт, 10 ампер, 100 ватт*. Формальным основанием для выделения этого падежа служит, как уже сказано, синтаксический контекст, противопоставленный контексту употребления обычного множественного [Орфоэпический словарь русского языка 1983, 689][36].

В Орфоэпическом словаре впервые в лексикографической практике последовательно приводится счетная форма. Она отнесена к единицам: *ампер* (*микро-, милли-*), *ангстрем, бит, бар* (*мего-, милли-*), *ватт* (*гекто-, кило-, мега-, микро-*), *вольт* (*микро-, милли-, кило-*), *гаусс, герц* (*мега-, кило-*), *грамм* (*милли-*), *гран, децибел, карат, килограмм, кулон* (*микро-*), *люмен, люкс, мегом, микрон* (*милли-*), *ньютон, ом, парсек* (*мега-, кило-*), *рад, рентген, эрг* (*мега-*), *эрстед*. Сфера употребления большинства этих слов узко специальная. Вариативность в использовании флексий большинству слов данной группы не свойственна. Исключение составляют несколько слов: *карат, кулон, люкс, микрон, ом, эрг* (*мега-*), нулевые формы родит. от которых оцениваются поразному.

Особое место занимают слова *грамм* и *килограмм* — единицы широкого бытования. Не входя в замкнутый круг лексики, они всегда подчинялись общим для литературного языка грамматическим правилам, расценивающим формы на *-ов* как единственно правильные. Авторы монографии "Русский язык и советское общество" [РЯСО 1968, 80] отмечают контрастность форм с нулевой и ненулевой флексиями в разных видах речи. В письменной форме употребляются исключительно формы *граммов* и *килограммов*. В стихах, в деловой речи, в объявлениях, на вывесках и этикетках, в меню — словом, в письменных жанрах, подверженных менее строгому редактированию,

---

[36] «Для выявления того, что в таких случаях употреблен не родительный падеж множественного числа, а другой падеж, нужно противопоставить их "несомненному" родительному множественного; надо проверить, как ведут себя слова типа *вольт, ампер, ватт* не при обозначении количества, а в иных контекстах, где выступают формы родительного множественного... Если подставить слова *вольт, ампер, ватт* в такие контексты: "отмена, введение...", "не досчитаться...", "не знаю никаких...", обнаруживается, что они употребляются в этих случаях в формах с флексией *-ов*, а не с нулевой флексией: "отмена, введение *вольтов, амперов, ваттов*" и т.д. Отсюда можно сделать вывод, что в случаях *5 вольт, 10 ампер, 100 ватт выступают* формы не родительного множественного, а другого падежа — особого счетного» [там же]. О роли диагностического контекста в процедуре выделения падежа см. также [Клобуков 1986, 17].

используются нулевые формы. Что касается устной речи, то, по приведенным данным, здесь нулевые формы характеризуются как значительно преобладающие [там же, 80]. Включение форм *грамм, килограмм* в сочетании с числительными в круг счетных форм узаконивает реально преобладающие в речи нулевые формы.

Кроме рассмотренной группы слов Орфоэпический словарь отмечает счетную форму с нулевой флексией у двух слов, которые можно квалифицировать как внесистемные единицы измерения: *алтын, аршин*. У слова *гектар* счетная форма с нулевой флексией (гектар) признается ненормативной: имеет помету "не рекомендуемое"[37].

Все остальные группы слов, представляющих рассматриваемый тип вариативности, – группа названий лиц по принадлежности к воинским соединениям (*драгуны, гренадеры, гусары* и др.), группа слов, являющихся обозначением парных предметов (*ботинки, ботформы, боты* и др.), обозначения овощей и плодов (*апельсины, бананы, гранаты*) — малочисленны и в большинстве своем характеризуются давно сложившимися нормами по отношению к каждой конкретной лексеме. Достаточно велика по объему только группа слов, являющихся наименованием лиц по принадлежности к той или иной национальности, народности. Судя по имеющимся материалам, мы являемся свидетелями широкого размаха конкуренции форм на *-ов* и нулевых форм в этой группе слов. Исследование, проведенное Л.К. Граудиной в 60-х годах на материале печатных источников с 1890 г. по 50-е годы нашего столетия, включающее 65 названий национальностей, показало очень слабо выраженную тенденцию к преобладанию нулевых форм: в процентном отношении нулевые формы в источниках 1890—1916 гг. составили 22,1% против 25,4% употребления форм на *-ов*, в источниках 1930—1950-х годов — 28,3% против 24,2%. Употребительность нулевых форм повысилась на 6,2%. "При всей отчетливости общего направления эволюции, — отмечает автор, — данные не столь уж контрастны, как можно было бы ожидать" [Граудина 1964_a, 203].

Материалы ответов на [Вопросник 1963], хотя они и не характеризуют непосредственную разговорную речь, но тем не менее представляют отличный от письменной речи материал, обнаруживает тоже близкую к рассмотренной картину. Так, по материалам взятых для

---

[37] Известно, что вопрос о выделении счетного падежа (счетной формы) принадлежит к числу спорных. Различен и объем включаемого сюда материала. Принятая А.А. Зализняком процедура выделения падежей дает ему основание признать существование 9-го (счетного) падежа. Этот падеж выступает в соединении с сегментом *два, две, оба, обе, полтора, полторы, три, четыре*. Выделение особого однопадежного ряда не зависит при этом от того, выступают ли в определяющем контексте "вот три..." уникальные сегменты (*рядá, следá, часá, шагá, шарá*) или сегменты с ударением на основе [Зализняк 1967, 47]. В Орфоэпическом словаре по отношению к этим случаям принимается иное решение, связанное с характеристикой ударения типа *два рядá* как аномального; все такие явления даются как обычно за ромбом: *два, три, четыре рядá; два, три, четыре часá; два, три, четыре шагá, полшагá, полчасá, четверть часá*. Обсуждение вопроса о счетной форме см. [Клобуков 1986, 17—18].

обследования шести лексем (*башкиры, буряты, грузины, киргизы, монголы, туркмены*),общие данные об употреблении нулевой флексии (а следовательно и флексии *-ов*) колеблются около отметки 50%. Например, в возрастных группах контраст между наибольшим и наименьшим употреблением нулевой флексии определяется в таком процентном соотношении: 55,8% и 46,4%; в группах по образованию — 50,5 и 48,5%; в социально-профессиональных группах 54,2% и 45,3%; в территориальных группах — 52,9% и 40,9%. Показательны и ответы на общий вопрос, заданный в [Вопросник 1963], "Как бы Вы отнеслись к введению правила, согласно которому существительные — названия национальностей: *башкир, абазин, бурят, туркмен, турок, цыган, мордвин, грузин, осетин* и т.д., а также слова типа *гренадер, гусар, драгун, кирасир, партизан* и т.д. — в родительном падеже множественного числа будут употребляться с окончанием *-ов*...". Мнения и здесь разделились примерно поровну, что свидетельствует о том, что для современных носителей литературного языка и те и другие формы лишены в целом каких-либо очевидных преимуществ. Сторонники введения такого правила видят в нем прежде всего эффект возможного единообразия. Реже *-ов* приветствуют как средство борьбы с падежной омонимией. В нулевых формах говорящие ценят, напротив, превосходство в звучании, удобство в произношении [Воронцова 1976, 132—133].

Таким образом, имеющийся материал не дает возможности поставить вопрос о преимущественном употреблении тех или других форм в данной категории слов в зависимости от типов речи даже в самом общем виде — как противопоставленность письменных (строгих) сфер и разговорной речи. Обнаруживается тесная спаянность в языковом сознании говорящих той или иной флексии с лексемой[38]. Единого грамматического правила тоже нет. Например, по рекомендациям Д.Э. Розенталя [1974, 128], следует употреблять формы: *англичан, армян, балкар, башкир, болгар, бурят, грузин, лезгин, мордвин, осетин, румын, сарацин, туркмен, турок, хазар, цыган*, но: *бедуинов, берберов, бушменов, негров, сванов, калмыков, киргизов, мегрелов, монголов, ойротов, таджиков, тунгусов, узбеков, хакасов, хорватов, якутов*.

Некоторые частные правила оспариваются. По разным словарным изданиям можно представить более обширные и несколько иные списки форм на *-ов* и *ø*. Например, Орфоэпический словарь к списку слов с нулевой флексией прибавляет: *абазин, имеретин, мадьяр*; у названий *буряты, карелы, картвелы, мегрелы* (*мингрелы*), *туркмены, тюрки, уйгуры* допускается вариативность. Значительно более широким представлен список форм с флексией *-ов*. Все это, однако, касается частных правил, рассмотрение которых не входит в задачи данной работы.

---

[38] Например, употребление формы *грузин*, по данным ответов, варьируется в пределах 89,2% — 71,5%; *бурят* 81,6 — 59,5%; *башкир* 77,5 — 60,5%; *туркмен* 56,8 — 38,0%; *монгол* 24,6 — 14.1%; *киргиз* 16,0 — 6,6% [Воронцова 1976, 132—133].

* * *

Рассмотренный материал показывает, что морфологические средства, при всей их нейтральности, обусловленной статусом морфологии как устойчивого, наименее подверженного изменениям яруса языковой структуры, обнаруживают в своем функционировании особенности, позволяющие рассматривать и их в качестве "языковых составляющих" того или иного типа речи. Эти особенности по-разному проявляют себя в различных морфологических категориях и охватывают разные по объему и семантике группы лексики. В словоизменении имен существительных обнаруживается тесная связь флексии, характерной для определенного типа речи преимущественно, с самой лексемой. Существенную роль в "типологии" использования словоизменительных средств играет синтаксический тип контекста.

ЛИТЕРАТУРА

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.

Вопросник по современной русской морфологии. М., 1963.

Воронцова В.Л. Варианты флексий -ов и ø в родительном падеже множественного числа существительных мужского рода // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Воронцова В.Л. Современное русское ударение в функционально-стилистическом аспекте // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.

Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб., 1859.

Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М., 1952.

Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Граудина Л.К. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

Граудина Л.К. Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., $1964_а$.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980.

Граудина Л.К. Современная норма склонения топонимов (в сочетании с географическим термином) // Ономастика и грамматика. М., 1981.

Граудина Л.К. Беседы о русской грамматике. М., 1983.

Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.

Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Нормативные основы унификации терминологии // Культура речи в технической документации. М., 1982.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.

Земская Е.А., Китайгородская М.В. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984.

Калакуцкая Л.П. Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. М., 1984.

Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986.

Красильникова Е.В. Семантика и функции форм числа имен осуществительных в разных типах речи // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.

Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Мучник И.П. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

Мучник И.П. Грамматические категории имени и глагола в современном русском литературном языке. М., 1971.

Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927. Вып. 1.

Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. М., 1983.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964.

Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

Грамматика-80 – Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

РРР – 1983 – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

РЯСО 1962 — Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.

РЯСО 1968 — Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.

Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики // Чернышев В.И. Избранные труды. Т. 1. М., 1970.

Глава четвертая

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

СТРУКТУРА КОМПЛЕКСНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ)

Порождающая способность слова в функционально-стилистическом аспекте не являлась ранее предметом специального исследования. Словообразовательный потенциал слова отражает его словообразовательная парадигма (далее – СП) – набор производных, непосредственно образованных от него и находящихся на одной ступени словопроизводства. Типовая СП (ТСП) – это набор словообразовательных значений, присущий определенной СП, в отвлечении от конкретных способов выражения; следовательно, единицами, составляющими ТСП, являются словообразовательные категории. Словообразовательные парадигмы, в свою очередь, являются составными частями словообразовательного гнезда. Минимальная комплексная единица системы словообразования – словообразовательная пара[1]. В работе рассматриваются СП и ТСП глагола; отглагольные словообразовательные гнезда, включающие исследуемые СП; словообразовательные пары "производящий глагол – образованное от него слово". В центре внимания находится проблема реализации тех или иных словообразовательных значений. Изучение словообразовательных средств выражения не входит в нашу задачу.

Глаголы, содержащиеся в словарях современного русского языка[2], были изучены нами с точки зрения того, к каким сферам речи относятся слова, образованные от этих глаголов. На настоящем этапе работы основным было противопоставление трех сфер: 1) нейтральная литературная речь, сфера общеупотребительной лексики – слов "всегдашних", слов любых ситуаций, по определению М.В. Панова [1963]; 2) официальная и специальная речь; 3) литературная разговорная речь (РР)[3]. В ходе анализа изучались тексты различных, в том числе и специальных, речевых сфер. Для наблюдения были избраны наиболее контрастные по отношению друг к другу терминологические системы: термины медицины и биологии, техники, искусствоведения, а также термины официально-деловой сферы. Отбирались отглагольные производные, типические для той или иной специальной сферы речи.

---

[1] Используются определения комплексных единиц системы словообразования, предложенные в [Земская 1978].

[2] Были обследованы словари: Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. 1950–1965; Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985–1988; *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

[3] В понимании РР следуем за авторами работ [РРР–1973; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981].

Изучаемые термины анализировались с точки зрения их словообразовательной структуры.

Для целей настоящей работы важно разграничивать два явления: 1) принципиальную невозможность появления производного с тем или иным словообразовательным значением на базе данного производящего глагола и 2) непредставленность производного слова в языке, что может объясняться целым комплексом причин: явления супплетивного словообразования, омонимии; формальные, словообразовательные, стилистические ограничения, см. об этом [Земская 1973]. Разграничение подобных явлений впервые было предложено М.В. Пановым на материале фонетики: некоторые сочетания звуков принципиально невозможны для языка (например, перед звонким согласным не может быть глухого); с другой стороны, имеется ряд сочетаний фонетически возможных, но не представленных общеупотребительной лексикой в пределах одной морфемы; см. об этом [Панов 1967, 99–100]. Возможность/невозможность образования производного слова регулируется общеязыковыми системными закономерностями, тогда как представленность задана узусом.

Реальная представленность отглагольных производных в разных сферах речи не одинакова. Выявить закономерности их употребления и составляет задачу настоящей работы.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

Исходя из системных общеязыковых закономерностей нами определяется возможная максимальная для данного глагола (для глаголов той или иной лексико-семантической группы) ТСП. В литературе установлена иерархия факторов, определяющих словообразовательный потенциал глагола[4]. Перечислим их.

1) Состав валентностей производящего глагола. Производные создаются как реализация валентностей производящего глагола[5]. ТСП глагола является структурой с закрытым числом элементов: не каждая валентность глагола обязательно реализуется в производном слове, но нет отглагольных производных, которые имели бы семантику отсутствующей у глагола валентности.

2) Способ выражения валентностей глагола в предложении: либо словами, обозначающими конкретный физический предмет; либо предложением или его номинализацией; либо наречиями. Существительные, образованные по моделям лексической деривации, соответствуют только предметным валентностям производящего глагола. Пропозитивные валентности глагола транспонируются в производные существительные, образованные по моделям синтаксической деривации: названия отвлеченного действия, субстантиваты прилагательных и причастий [Морозова 1984].

---

[4] Подробнее об этом см. [Морозова 1981, 1984].

[5] Эта закономерность отмечена рядом ученых. См. [Апресян 1972; 1974; Гинзбург 1972; 1979].

3) Семантические и лексические ограничения на реализацию валентностей производящего глагола в предложении. Чем меньше ограничений на реализацию той или иной валентности в предложении (т.е. чем шире сочетаемость глагола по этой валентности), тем больше возможность ее деривационного выражения [Морозова 1981, 165].

Какая сфера речи наиболее благоприятна для реализации словообразовательных возможностей глагола? В каких сферах речи возможная, "разрешаемая" системой словообразования для данных глаголов ТСП представлена наиболее полно? Оказывается, что это две сферы, далеко отстоящие друг от друга, противопоставленные по главным принципам языковой устроенности – сфера официальной специальной речи (преимущественно профессиональная терминология) и устная разговорная речь. В отличие от сферы общеупотребительной лексики, в терминологии и РР отглагольное словообразование наиболее активно. Это проявляется в следующем: ТСП глаголов в этих типах речи представлена наиболее полно (возможные максимальные ТСП глаголов и реально представленные их ТСП нередко совпадают); при этом те префиксальные глаголы, которые могут вообще не образовывать общеупотребительных производных слов, активно поставляют производные существительные и прилагательные в названные сферы речи.

Итак, повторим: ТСП глагола отражает его актантную структуру. Актантные значения "субъект действия", "объект действия", "орудие действия", "место действия" присущи всем языковым сферам. Существует несколько способов для того, чтобы выразить эти значения: 1) отглагольное производное существительное; 2) непроизводное существительное, неоднокоренное с глаголом, обозначающим соответствующее действие; 3) причастие; 4) предикативная конструкция, включающая исходный глагол. Оказывается, что для разных типов речи тот или иной способ предпочтителен не в одинаковой мере.

Использование отглагольного производного, которое является предметом нашего изучения, для обозначения производителя действия, орудия, места, объекта, объекта-результата действия наиболее характерно для официальной профессиональной речи, на втором месте – сфера РР. Поясним, что мы имеем в виду, когда отводим РР в этом случае не первое, а второе место. С одной стороны, возможности системы словообразования позволяют в РР свободно образовывать от глаголов с валентностями объекта, орудия, места существительные с соответствующими значениями (ср. *сосалка, жвачка, открывалка, забелка, читалка, раздевалка, забегаловка*). Вместе с тем для РР наиболее характерны не именные, а г л а г о л ь н ы е номинации типа *дай пожалуйста чем руки вытереть; чем писать/нет у тебя?* Высокая активность в РР глагольных номинаций отмечена в исследованиях: [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981]. Несколько огрубленно, схематично ситуацию можно представить таким образом. В нейтральной кодифицированной литературной речи и м я и г л а г о л в общем случае употребляются соответственно своим

первичным функциям: для обозначения субстанции используется имя существительное, а для обозначения действия или состояния – глагол. В РР – там, где можно было бы в соответствии с первичной функцией использовать для номинации имя существительное, предпочтение отдается глаголу – глагольным номинациям типа *кто огурцы продает* заходила; дай *во что завернуть*. В официально-деловой и специальной сферах речи, напротив, там, где в соответствии с первичной функцией следовало бы употребить глагол, используется имя существительное – название отвлеченного действия. См., например, всем известные фразы типа *производится ремонт железнодорожных путей; запрещается провоз воспламеняющихся веществ*. В этих сферах речи названия отвлеченного действия широко используются также и для выражения сирконстантных значений условия и времени, тогда как в РР эти значения выражаются с помощью предикативной конструкции. Ср.: *при проверке обнаружили – когда проверяли; при ожоге – если обжегся...; при входе – когда входишь...*

В сфере РР названия отвлеченного действия выполняют, как правило, функцию свертывания пропозиции предшествующего высказывания. Названия отвлеченного действия от одного и того же глагола в официальной специальной речи и РР нередко различны. Приведем ряд высказываний, типических для РР: *Его выступанья/просто раздражают//; Надоели опаздывания твои//; Приезжай без звоненья//*

Рассмотрим теперь поведение актантных существительных и производных прилагательных более подробно. Начнем с актантных существительных. Названия субъекта действия широко представлены во всех сферах речи. Однако названия субъекта действия, свойственные официальной терминологии, с одной стороны, и названия субъекта действия, присущие нейтральной литературной лексике и РР, с другой, существенно различаются по своей семантике и коммуникативной функции. В терминологии названия субъекта действия являются идентифицирующими словами[6]; это официальные номенклатурные названия профессий и названия предметов производителей действия (типа *бегунок* "подвижная деталь станка", *поглотитель нейторонов* – "вещество, поглощающее нейтроны в активной зоне атомного реактора"[7]); для официально-деловой сферы характерны наименования лица по актантно-ролевой функции типа *исполнитель, заказчик, получатель, отправитель, плательщик, неплательщик, вкладчик, заяви-*

[6] Существительные с предикатным, характеризующим значением имеют только сигнификативное содержание. Существительные с идентифицирующим значением служат знаковым заместителем предмета. Идентифицирующие слова стремятся к сохранению и уточнению своих возможностей референции. Их смысловое содержание, постепенно отдаляясь от внутренней формы слова (того признака, который дал повод к именованию предмета), создается общими свойствами обозначаемого класса, достаточными для его отождествления [Арутюнова 1973, 46–47].

[7] При подаче материала мы даем разъяснения наименее известных терминов и оставляем без комментариев очевидные или известные.

тель, предъявитель; защитник, ответчик (судебн.). Нейтральной литературной речи свойственны оба класса названий субъекта – и идентифицирующие, и предикатные, характеризующие. Типические названия субъекта действия, порождаемые в РР – это преимущественно слова с предикатным, характеризующим значением: *болтун, кутила, мазила, выступала, нытик* и подобные.

Рассмотрим семантику актантных существительных, образованных от стилистически нейтральных глаголов, в сфере терминологии, параллельно сопоставляя это с ситуацией в РР и общеупотребительной лексике. В сфере общелитературного языка соответствующие валентности исходных глаголов не имеют деривационного выражения. Так, глаголу *бить* присуща орудийная валентность – *бьют* чем-то. В общелитературном языке имеются слова *бич* и *бивни*, однако словообразовательные связи с глаголом *бить* у них ощущаются весьма слабо[8]. В то же время в терминологии используется несколько существительных, соответствующих орудийной валентности глагола *бить*: *било* – 'название ударных частей различных приспособлений и машин', *било маслобойки, било ткацкого станка; боёк* – 'ударная часть парового молота'; *боёк* – 'деталь огнестрельного оружия, которая бьет по капсюлю патрона, разбивая его'[9]. В сфере терминологии имеет словообразовательное выражение и объектная валентность глагола *бить* – используется существительное *бой*, имеющее значение 'объект-результат действия, названного производящим глаголом' – 'битое стекло, керамика, щебень, камень, а также разбитые яйца'. Например: *бой из посудного цеха; яйца-бой.*

Приведем еще ряд существительных, соответствующих орудийной валентности глаголов. Названия хирургических инструментов: *зажим, зажимы Микулича; иглодержатель, ватодержатель; ушиватель органов*, некоторые из составных частей этого инструмента – *ограничитель, толкатель; кусачки костные; выкусыватель циркулярный* – 'инструмент, используемый при операциях на сосудах'; *скребец* – 'инструмент, используемый при экстракции катаракты'. Рассмотрим несколько иллюстраций из области биологии: *вертлюг* (← *вертеть*) – 'бугор в верхней части бедренной кости, служащий местом прикрепления мышц, которые поворачивают – *вертят* – бедро'[10]; *дыхало*

---

[8] Необходимо отметить, что терминологические производные имена соотносимы с производящим глаголом с разной степенью ясности (ср., с одной стороны, *намазка* от *намазать* и с другой, *бич* от *бить* или *масло* от *мазать*).

[9] Помимо терминологии, орудийная валентность глагола *бить* словообразовательно реализуется в РР: *бита́, битка* 'предмет, которым *бьют* в некоторых играх (в бабки, городки, в лапту)'.

[10] Орудийная валентность глагола *вертеть* имеет деривационное выражение и в иных терминологических системах: *вертлюг* – 'соединительное звено двух частей механизма, позволяющее одной из них вращаться вокруг своей оси, т.е. то, с помощью чего *вертят*'. Слово *вертел*, являясь единицей специальной лексики, широко употребимо в РР.

– 'отверстие для дыхания у кита и сродных с ним морских животных'; *жвалы* – 'верхние передние челюсти у членистоногих животных (насекомых и ракообразных)'; *щупальца* – 'орган осязания и хватания у насекомых и некоторых животных'. Приведем также общеизвестные терминологические наименования по функции: *глотка, пищевод, резцы.* Отметим, что от глагола *резать* образуются и названия предметов, орудий действия: *резец* – 'инструмент скульптора; технические термины *токарный резец, резьбовой резец; резак* – 'режущая часть машины, орудия или инструмент для резки', например, *газовый резак.* В то же время в РР используется существительное *резак* в значении 'большой широкий нож'. Можно предположить, что это существительное вошло в РР из профессиональной речи. Обращает на себя внимание тот факт, что многие из приведенных терминов имеют нестандартные средства выражения словообразовательного значения, что может быть объяснено следующим. Эти слова относятся к старой традиционной терминологии, являются в ней давно созданными устойчивыми номинациями, а в профессиональной речи сохраняются многие явления, утраченные другими сферами речи. Это свойство терминологии отмечено Е.А. Земской [1991] касательно использования в этой сфере речи относительных прилагательных для выражения тех видов отношений, которые в общелитературном языке передаются косвенными падежами существительных.

Обратимся к отглагольным прилагательным. Наборы словообразовательных категорий, представленные в тех или иных сферах речи, обнаруживают существенные различия. Так, отглагольные прилагательные со значением 'такой, который предназначен для действия, названного производящим глаголом', для РР не типичны, тогда как в сфере официальной речи, в том числе терминологии, представлены чрезвычайно широко: *дыхательное горло, соединительная ткань, родильный дом, верительная грамота, разрешительный документ, разрешительный режим, воспитательные меры, запретительные меры, испытательный полет, испытательный полигон, испытательный срок, вычислительная техника, измерительные приборы, бродильный чан, заготовительная ванна* (для приготовления мороженого), *плавильная печь, давильная машина, стригальная машина, стригальные ножницы, очистные сооружения, кипятильный бак, холодильные установки, морозильная камера, отражательные призмы, отражательная печь, плавательный бассейн, купальный костюм, спальный мешок.* Подобные терминологические словосочетания многочисленны.

В то же время в РР для аналогичной номинации употребляется не словосочетание с прилагательным, а имя существительное типа *купальник, спальник, читалка, морозилка.* В РР подобные прилагательные используются очень редко, обычно лишь в том случае, если нет соответствующего специфически разговорного наименования: *стиральная машина, швейная машинка, стиральный порошок,* однако в

последнем случае наиболее употребительна в РР номинация *чем стирать*, например: *Не забудь купить чем стирать*. Отметим, что используемое словообразовательное средство (суф. *-тельн-*) не объясняет прикрепленности приведенных выше прилагательных к сфере терминологии. Ср. прилагательные *восхитительный, изумительный, обворожительный, ослепительный* с этим же суффиксом, но с иным словообразовательным значением ('такой, который производит действие, названное производящим глаголом'), которые не ограничены в употреблении сферой официальной специальной речи.

Прилагательные со значением характеризации действия типа *колебательное, глотательное, мигательное движение, мерцательная аритмия, мыслительный процесс, двигательный процесс, освободительное движение* присущи официальной специальной речи. А прилагательные со значением 'такой, который склонен к действию, названному производящим глаголом' (*понятливый, догадливый, скрытный, болтливый, молчаливый, задумчивый, бережливый, обидчивый, сговорчивый, ворчливый, пугливый, надоедливый, ревнивый*) напротив, в этой сфере не употребляются. Их стихия – РР.

В состав терминов разных областей наряду с прилагательными могут входить причастия, особенно часто действительные причастия настоящего времени: *несущие конструкции* – 'конструкции, воспринимающие основные нагрузки и обеспечивающие прочность, жесткость и устойчивость зданий и сооружений'; *потеющий материал* – 'металлический материал, способный из-за капиллярной пористой структуры пропускать жидкость, которая выделяется на поверхности в виде капель или паров'. Приведем еще несколько примеров, не давая толкований: *проводящая система сердца; запаздывающие потенциалы, незатухающие колебания, несущие колебания* (физ.); *поглощающая нагрузка* (радиотехническое устройство, физ.), а также общеизвестные терминологические наименования *моющие средства, красящие вещества* и т.д.

Широко употребляются в терминологии и страдательные причастия настоящего времени: *поражаемая площадь* (воен.); *управляемый снаряд* (воен.); *спускаемый аппарат* (косм.); *регулируемая скорость; управляемое существительное, склоняемое существительное* (линг.). Относительно адъективации причастий-терминов в русистике нет единого мнения, см. об этом [Калакуцкая 1971, 53–59]. Нам представляется убедительной точка зрения Л.П. Калакуцкой, в соответствии с которой следует разграничивать два случая: 1) в словосочетании типа *мнимая величина* причастие является адъективированным, однако причастие *мнимый* адъективировалось в общеупотребительном языке (*мнимый больной, мнимое величие*), а затем, уже адъективированным, попало в терминологию; 2) термины *множимое число, размножаемая бактерия* включают неадъективированное причастие. Ко второй группе относится большинство терминов. "Адъективация – это процесс живого

языка и не может протекать в такой искусственной, условной области языка, какой является терминология" [Калакуцкая 1971, 59]. По наблюдениям коллоквиалистов, неадъективированные причастия несвойственны РР [РРР–1973; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981].

Итак, мы рассмотрели два блока ТСП глаголов – блок существительных и блок прилагательных. В области терминологии ТСП глагола имеет специфическую промежуточную зону – между адъективным блоком и глагольным блоком, – включающую терминологические причастия.

Перейдем к глагольному блоку ТСП исходных глаголов. В области префиксального отглагольного словообразования действует та же тенденция, которая была отмечена по отношению к отглагольным существительным и прилагательным, а именно: префиксальное словопроизводство специфично в сфере терминологии и в сфере РР. Ср. сельхоз. *высеять* при общелитературн. *посеять*, хирургич. *ушивать рану, полость* и т.п. при общелитературн. *зашивать*, портновск. *пошить костюм* при общелитературн. *сшить костюм*, а также портновск. *закроить* при общелитературн. *скроить, выкроить*. Подобные примеры многочисленны. Префиксальный глагол отличается от исходного лишь стилистической окраской и, соответственно, сферой употребления. В современном языке действует тенденция словообразовательно маркировать специальные действия. Это явление отмечено Е.А. Земской [Земская 1992]. Префиксальные глаголы, свойственные специальной лексике, более подробно рассмотрим в последующих подразделах. Что касается РР, то для нее характерно свободное конструирование ситуативных глаголов с помощью продуктивных префиксов. В качестве иллюстрации приведем, например, такой диалог:

А. А билеты на третье заказали?
Б. Нет /на первое//
А. Давай на третье *перезакажем*//не успеваю // давай на третье/а?

Характеристика образования глаголов в РР дана [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981], [Земская 1992].

Итак, наиболее полно словообразовательные возможности глагола реализуются в двух сферах речи, очень несходных, противопоставленных друг другу, – РР и терминологии. Возможные ТСП и реально представленные ТСП глаголов в этих сферах часто совпадают. Однако полнота реализации словообразовательных возможностей в этих сферах принципиально различна. В сфере терминологии – это воспроизводимые узуальные единицы. В то время как для РР характерна широта и свобода неузуального словообразования, активность индивидуального творчества. Условия РР позволяют создавать слова на случай, по мере необходимости, свободно и часто. РР является сферой естественной реализации возможностей словообразовательной системы. Соотношение готового и творимого в акте речи таково, что творимое (производимые единицы) стремится вытеснить готовое (воспроизводимые лексические единицы) – легче создать новое, чем вспомнить

имеющееся в языке [РРР – 1973], [Капанадзе 1973, 441–442], [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, 71–175].

Вместе с тем наблюдается и такое явление: слова, порожденные в РР, со временем могут становиться узуальными. Так, в частности, слова *разрешники, отказники, подписант, неподписант, поддержант (вчерашние поддержанты сегодня перешли в оппозицию* – из газет) в последнее время употребляются в публицистике как единицы воспроизводимые. В связи с этим отметим, что в девяностые годы газета является наиболее полным отражением, средоточием этих двух сфер речи: с одной стороны специальная речь становится одним из полноправных компонентов газетного текста (ср. активизацию употребления слов *вкладчики, обналичивание, выплаты* и т.п.), с другой стороны, в тексте газеты в значительной степени представлена стихия РР.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО

Объект исследования этого подраздела – отглагольные словообразовательные гнезда. Глаголы рассматриваются в роли производящих единиц на разных ступенях деривации.

По предварительным наблюдениям, структура словообразовательного гнезда зависит от того, к какой сфере речи относится исходный глагол. Можно выделить словообразовательные гнезда, имеющие в вершине общеупотребительный глагол, и словообразовательные гнезда, имеющие в вершине глагол, ограниченный в употреблении той или иной сферой речи (специальной речью, РР или просторечием).

В настоящей работе исследуются словообразовательные гнезда, имеющие в вершине общеупотребительный глагол. Рассмотрим, какое влияние оказывает ступень деривации на словообразовательный потенциал глагола. Единицы разных ступеней гнезда различным образом работают на сферы речи.

В результате изучения гнезд, имеющих в вершине общеупотребительный глагол, установлена следующая тенденция, близкая к закономерности: отглагольные существительные и прилагательные, относящиеся к общеупотребительной лексике, образуются преимущественно от непроизводных глаголов, т.е. восходят к вершине гнезда. В то же время преобладающее количество отглагольных существительных и прилагательных, употребление которых ограничено той или иной сферой речи (преимущественно это термины), восходит не к исходному глаголу, а к производным от него префиксальным глаголам. Сравните: в специальной речи не *шитье брюк*, а *пошив брюк*, а также *забор крови на биохимический анализ, выплата пенсии, проплата контрактов; сберегательная касса, поваренная соль, выворочная соль*. Таким образом, порождение общеупотребительной лексики тяготеет к I ступени деривации, а специальной лексики – не к I ступени деривации.

Для образования слов, свойственных специальным сферам речи, ведущей является II ступень деривации, т.е. преобладающее большинство терминов относится к производным II ступени деривации.

Необходимо отметить, что вообще II ступени в словообразовательном гнезде принадлежит особая роль: если сопоставить различные ступени деривации по объему представленных конкретных модификаций исходного глагола гнезда, то оказывается, что самой богатой (самой объемной) является именно II ступень, см. подробнее об этом в работе [Морозова 1981]. Вместе с тем по количеству представленных словообразовательных категорий, составляющих ТСП глагола, всегда наиболее богата I ступень деривации. Эта закономерность согласуется с тем фактом, что в сфере общеупотребительной лексики ТСП глагола набор словообразовательных категорий отглагольных производных несколько шире, чем в речи специальной.

Проанализируем изучаемые термины с точки зрения того, к глаголам каких словообразовательных категорий они восходят. Постараемся выявить, какие словообразовательные категории глагола "работают" на специальные сферы речи.

Словообразовательные возможности отглагольного глагола, как и всякого отглагольного производного, определяются его словообразовательным значением [Морозова 1981].

СП глаголов со значением пространственной модификации

Среди отглагольных глаголов наибольшим словообразовательным потенциалом обладают глаголы, обозначающие пространственные модификации действия, такие например, как 'посредством действия, названного производящим глаголом, удалить с поверхности предмета' (*срезать, срубить*), 'отделить посредством действия, названного производящим глаголом, от объекта часть с краю, с конца' (*отрубить, отрезать*); 'посредством действия производящего глагола, направленного в глубь предмета, преодолеть какой-либо пространственный предел' (*прорубить, проколоть*).

Глаголы, обозначающие пространственные модификации действия, способны реализовать деривационно все свои семантические валентности. Основная масса названий профессий и орудий действия, свойственных официальной специальной речи (главным образом – это производственная терминология) образованы от глаголов, обозначающих пространственные модификации действия. Примеры очень многочисленны: *сбрасыватель, выбрасыватель, заливщик, наливщик, обливщик, разливщик, сливщик, отливщик, выливщик, разломщик (шпата), растирщик, протирщик, натирщик; подрубщик, порубщик, срубщик, вырубщик* – при наличии слова I ступени деривации *рубщик*, употребление которого не замкнуто узкой специальной сферой: *рубщики леса, рубщики торфяной массы, рубщики сахарного тростника; подносчик, относчик* – при наличии общеупотребительного *носильщик* – производного I ступени деривации; *пересыпщик, подсыпщик, ссыпщик, рассыпщик, насыпщик, пересыпщик, подборщик* (← подобрать; *подборщики-копнители*); *выгрузчик, погрузчик* – при

наличии общеупотр. *грузчик*); *подвозчик* – 'рабочий, подвозящий какие-либо материалы, сырье к месту их обработки (*подвозчик бревен, цемента*) при наличии общеупотребительного *возчик, возница. Разгребщик, отгребщик* – при наличии общеупотребительного *гребец. Продувальщик, надувальщик.*

Таким образом, в словообразовательном гнезде обнаруживается специализация, а именно: пространственные модификации поставляют названия субъекта и объекта действия для сферы официальной терминологии. В то же время отметим и тот факт, что типичные для РР названия лица по склонности к действию с суф. *-ун* и *-ак(а)* от пространственных модификаций не образуются.

Проиллюстрируем названия субъекта действия в сфере терминологии.

Существительные со значением 'живое существо – субъект действия'. *Прилипалы* (← *прилипать*) – 'семейство рыб отряда окунеобразных, которые с помощью присоски на голове прикрепляются (прилипают) к акулам, китам, днищам кораблей'. *Обрастания* (← *обрасти*) – 'водные организмы, обитающие на скалах, камнях, портовых сооружениях, а также внутри водозаборных труб', т.е. 'то, что растет на поверхности предмета со всех сторон'. *Ощупники* (← *ощупать*) – 'семейство жуков'. *Выползень* (← *выползти*) – 'насекомое, сбросившее с себя покров гусеницы или личинки'.

Существительные со значением 'предмет – субъект действия или состояния'. *Нáвис* (← *нависнуть*) – 'хвост и грива у лошади'. Используется в сфере коневодческой терминологии. *Наплывы* ('то, что наплывает') в искусствоведческой терминологии: "Наплывы *невыбранного грубого мрамора на поверхности оттеняют изящество фигур*" (Л. Латт. Скульптура Родена в Эрмитаже).

Названия мышц в медицине: *сгибатель, разгибатель, выпрямитель.*

Существительные со значением 'объект действия'. *Врубок* (← *врубить* 'вделать, вставить в отверстие, полученное в процессе действия "рубить"') – 'кусок дерева или металла, который врубают'. *Приклад* (← *приложить*) – 'вспомогательный материал для швейных изделий (пуговицы, крючки, тесьма и т.п., то есть 'то, что прикладывают к основному').

Существительные со значением 'объект – результат действия'. *Вклад* (денег в сберегательную кассу). *Обмотка* (← *обмотать* 'действие, названное исходным глаголом, направить вокруг объекта'): *Вторичная обмотка этого трансформатора не пропускает колебания высокой частоты.* Несколько иллюстраций из области медицины: *Вы́пот* (← *выпотевать* ← *потеть*) – 'жидкость, просачивающаяся из мелких кровеносных сосудов в ткани или полости тела при воспалении, отеках', например: *воспалительный выпот; невоспалительный выпот – 'результат пропотевания сыворотки крови'. Сердечный выброс –*

'кровь, выталкиваемая, "выбрасываемая сердечной мышцей при сокращении"'. *Высыпания*, например: *узелковые высыпания*. *Выворот* – 'положение, при котором орган или его часть вывернуты внутренней поверхностью наружу' (*выворот век*); Ср. также такие общеизвестные термины как *выкидыш, выделения*. Существительные со значением 'объект-результат действия', используемые в других областях терминологии: *выписка* (из истории болезни, из протокола); *вытяжка* – 'вещество, химически извлеченное "вытянутое" из органических тканей'; *выносы* (геогр.) – 'то, что выносится рекой'; *выхлоп* (техн.) – 'отработанные газы, вышедшие из цилиндра внутреннего сгорания'; *выбросы* (*промышленные выбросы, радиационные выбросы*). Слово *выбросы* относится к специальной лексике, однако в последние годы его употребление очень активизировалось в общелитературном языке, в частности в публицистике, например: *Вместо альтернативных технических решений, направленных на скорейшее сокращение вредных выбросов в атмосферу комиссия занималась поиском вины в действиях других* (из газет). Аналогичную семантику имеет слово *сбросы* (в водоем). *Выпороток* (← *выпороть* ← *пороть*) – 'шкурка недоношенного животного, вынутого ("выпоротого") из живота самки'. Архитектурный термин *обломы* (← *обломить*) – 'протяженные архитектурно-пластические детали характерной формы'. Семантика исходного глагола используется в производном метафорически.

Перейдем к валентности средства действия. Приведем существительные со значением 'материал, расходуемый в результате действия, названного производящим глаголом': *навивка* (текстильн.) – 'материал, который навивают, навит на деталь станка'; *навой* (техн.), *Струна с медным навоем*; *набел* – 'не первый слой при побелке, т.е. то, что *набелили* на первый слой'; *намазка* – 'вещество, специальный состав, намазываемый на что-либо', например, в спичечном производстве *фосфорная намазка*. Ср. слова, восходящие к исходному глаголу *мазать*, но утратившие с ним живую связь, *масло, мазут*. Слово *масло* общеупотребительно, *мазут* имеет гораздо более широкую сферу употребления, чем *намазка*.

В терминологической сфере употребительны также существительные, соответствующие орудийной валентности. *Рассев* (с/х.); *притир* (столярн.); *подборщик, подборщик-копнитель* (с/х.), *растушка* (живопись); *расщепитель фаз* (физич.), *растекатель потока* (гидротехн.).

В терминологической сфере реализуется и валентность м е с т а д е й с т в и я. Правда, слов с таким значением немного. Приведем примеры. *Выгреб* (с/х.) – 'открытый доступ у основания закрома, через который выгребают осыпанное в закром зерно'. Глагол *выгонять* словообразовательно реализует валентность 'конечный пункт движения' (*выгонять* куда), существительное *выгон* имеет словообразовательное значение 'место действия', лексическое значение – 'участок

с подножным кормом для пастьбы скота'. От глагола *выползти*, словообразовательно реализующего валентность 'исходный пункт движения' (*выползти*), откуда образуется существительное *выползок*, имеющее лексическое значение 'шкурка насекомого, гусеницы или змеи, сброшенная во время линяния, то есть то, из чего *выползли*'. Словообразовательное значение слова *выползок* – 'результат действия, названного производящим глаголом'. Отметим, что подобные производные малочисленны во всех сферах речи. Значение места и результата совмещено также в семантике слова *отруб*, имеющего лексическое значение 'место, по которому отрублено дерево по поперечному сечению'.

Помимо актантных существительных, глаголы, обозначающие пространственные модификации действия, образуют без ограничений названия отвлеченного действия, которые, как известно, используются чрезвычайно широко в официальной специальной речи. Названия отвлеченного действия в специальных текстах выполняют две функции – номинативную (используются как терминологическое наименование соответствующего действия, являясь воспроизводимыми единицами) и конструктивную функцию (активно используются при создании текста). Приведем иллюстрации из различных областей специальной речи. Вначале рассмотрим nomina actionis в номинативной функции. В живописи: *процарапка*, прорись, *растушевка, размывка*; в прикладных видах искусства – *прорезь* 'вид сквозной резьбы'; в археологии – *разрытия*. Отглагольные наименования действия или процесса многочисленны в медицине: сердечный *выброс* (кровь выбрасывается при сокращении мышцы); *выпадение* прямой кишки; *выпотевание; заворот кишок; прободение* – 'образование сквозного отверстия в стенке полого органа вследствие его заболевания или травмы'; *изгнание* плода, ("Роды – это сложный физиологический акт *изгнания* плода и последа из полости матки". Медицинская энциклопедия); *сдавливание* больного легкого и *спадение* каверны; *сдавливание* бронхов опухолью; Фрейдовская теория *вытеснения*; названия методов гидротерапии: *обливание; обтирание, обертывание* ('укутывание тела простыней, смоченной холодной водой и теплым одеялом'); *отхождение* мокроты (при влажном кашле для лучшего *отхождения* мокроты *дают отхаркивающую* микстуру); *поддувание* – 'искусственный пневмоторакс: введение воздуха или газа в полость плевры специальной иглой; применяется для лечения туберкулеза; вызывает *сдавливание* больного легкого и *спадение* каверны' (Медицинская энциклопедия). Производящий глагол *поддувать* имеет словообразовательное значение: 'приблизить, присоединить к чему-либо с помощью действия, названного мотивирующим глаголом'. Техническая терминология: (*выбежать* →) *выбег* машины 'движение (по инерции) машины до остановки после выключения двигателя за счет кинетической энергии движущихся частей'; *просечка* – 'получение в заготовке сквозного отверстия, операция ковки и листовой штам-

повки'; *обжиг; обжим, обжимка* – 'операция ковки и штамповки'; *выхлоп* – 'выход отработанных газов из цилиндра двигателя внутреннего сгорания после рабочего хода поршня'; *выброс радиоактивных веществ в атмосферу*. Физические термины: лавинный *пробой, преломление луча* (в физике), *прика́тывание* (в с/х.) – 'способ обработки предварительно вспаханной земли после посева', землю *прикатывают* специальными катками.

Очень частотны номинализации пространственных модификаций глаголов движения. Одной из основных сфер употребления таких производных является официальный информационный текст. Общеизвестны клишированные номинализации типа *отлет правительственной делегации, прилет, прибытие, отбытие тех или иных официальных лиц; отплытие лайнера назначено...; выезд в девятнадцать ноль ноль; отъезд, приезд туристической группы, день приезда, день отъезда* и подобные. Проиллюстрируем употребление терминологических номинализаций в газетно-информационном тексте. "Викторенко с Серебровым (космонавты) будут ждать *прилета* двух модулей." (Известия, 1989), «Норматив *доезда* "Скорой помощи" равен 15 минутам. Норма *доезда* явно нереальная. И опять главный врач "Скорой" Москвы А. Шматов требует дальнейшего сокращения сроков *доезда*» (Известия, 1989), "Не вспомнили про пленных во время *вывода* войск" (Известия, 1989), "Я посетил управление госбезопасности, ибо именно этим органом решается вопрос о *допуске* к определенным архивам" (Комсомольская правда, 1989). Слово *пропуск* в специальной речи используется в процессуальном значении: "Таможенным учреждениям дано право до 1 октября с.г. применять в отношении иностранных граждан, въехавших в СССР до 15 сентября с.г., ранее действовавшие положения *о пропуске* через границу товаров народного потребления". "Правила *ввоза* в СССР и *вывоза* за границу гражданами вещей, валюты и ценностей" (Известия, 1990). *Выдача преступников* – (в международном праве), *выдача заложников*. Приведем еще ряд терминологических номинализаций глаголов со значением пространственной модификации. *Привод* (юридич.) – 'принудительное доставление в органы дознания или в суд не явившегося по вызову лица'. *Отвод судей, отвод* кандидатуры депутата, *самоотвод* – термины, созданные на базе переносного значения производящего глагола. *Наезд* (юридич.) – квалификация действия водителя (*совершить наезд на пешехода или на другой автомобиль*). Целый ряд терминов образуется на базе пространственных модификаций глагола *бегать*. Приведем эти существительные: *выбег* машины (техн.) – 'движение машины по инерции до остановки после выключения двигателя'; *пробег* (транспорт.) – 1) 'нахождение в пути транспортных средств (*отремонтированный вагон в пробеге*), 2) 'расстояние, пройденное транспортным средством' (*суточный пробег тепловоза*), 3) 'состязание' в спортивной терминологии (*лыжный*

пробег, автомобильный пробег); *забег* (*забег на 500 метров*), *заплыв*.

Приведенные названия отвлеченного действия являются терминами – единицами воспроизводимыми в речи. Кроме этого, в специальных сферах речи, а также в официальной неспециальной речи – в газетно-информационном тексте – глагольные номинализации чрезвычайно широко используются в качестве производимых единиц при порождении официально-информационного текста; названия отвлеченного действия выполняют конструктивную функцию. Приведем несколько иллюстраций из газет.

Химкомбинат в Клину *сбрасывает* отходы в реку Сестра. Обычно *сбросы* в Клину происходят в феврале-марте, после чего происходит моментальное таяние льда;

Какое наказание несут фермерские хозяйства за *внесение* в землю минеральных удобрений сверх дозы?;

Потери картофеля есть и на поле, что под Фофановым. Не собирают здесь клубни после *прохода* по полю комбайна;

Выкопка картофеля началась с опозданием...;

Работали на разборке завалов (о ликвидации последствий землетрясения);

Приняли решение о *самороспуске* организации;

О свободном *выходе* теперь говорят открыто;

Второй предпосылкой катастрофы стало *отвлечение* от *слежения* за взлетом руководителя полетов и его помощника.

Несколько иллюстраций употребления nomina actionis в текстах по искусствоведению.

Врубелю была незнакома та трепетная система *накладыванья* мелких мазков, которой следовали импрессионисты (М. Алпатов. Врубель);

То, что для Микеланджело был необтесанный камень, мрамор, Врубель обретал в россыпях древней мозаики, выражал в *сплетении* линий в рисунке, в игре пятен и мазков, в масляной живописи (там же);

...при *обходе* храма, вторя этому основному впечатлению, взгляд посетителя приковывали живописные плафоны галерей (Е.С. Егорова. Вступит. статья к кн. Петер Пауль Рубенс. Письма. Документы. Суждения современников. М. 1977);

Леблон укрепил подвалы дворца, соорудив подземный акведук для *отвода* вод, затоплявших подвалы (Петродворец. Большой дворец. Каталог).

Приведем примеры номинализаций пространственных модификаций, семантика которых дематериализована:

Эта последняя ситуация уже сама по себе сигнализирует о начинающемся *отпадении* мифологии от собственно религиозной сферы, о тенденциях к секуляризации, не отделенных от процесса утраты целостного религиозного взгляда, от ориентации на частное и частичное; "*Прорывы* в духовные глубины возрастают и учащаются" (С. Аверинцев. Изобразительное искусство и мифология).

Обратимся теперь к рассмотрению прилагательных. От пространственных модификаций действия образуется также огромное количество прилагательных, свойственных официальной специальной речи. Особенно продуктивно образуются прилагательные, характеризующие о б ъ е к т действия. *Расплавные* источники тока; *разрывные* колебания 'такие, которые подвержены действию разрывать'; *переставной* подъемный кран, *переносной* трансформатор; *надставные, вшивные* рукава; *накладной* карман; *перекидной, отрывной* календарь; *навесной,*

например: "оборотный плуг – это *навесное* сельскохозяйственное орудие для вспашки почв"; *прорезной* узор (в архитектуре). *Намывной* берег; *выхлопные* газы; *разборный (разборная* мебель), *сборный, наборный* паркет.

Несколько иллюстраций из текстов по искусствоведению:

"Наличие наборных паркетов в некоторых жилых помещениях, например будуаре Александры Федоровны, можно объяснить как пережиток предыдущей классицистической эпохи. *Наборные* цветные полы, а не просто дубовые" (Т.П. Пакшва. Интерьеры А.П. Брюллова во втором этаже Зимнего дворца).

Причастия, характеризующие объект действия. В искусствоведении: "Прием контраста *обработанного* и *необработанного* камня Роден усвоил у Микеланджело, но использовал по-своему. Здесь *невыбранный* камень выполняет роль символа" (Л. Латт. Скульптура Родена в Эрмитаже). Ср. медицинские термины *обработанный, необработанный* (рана, инструмент, руки хирурга).

Продолжим примеры прилагательных, восходящих к пространственным модификациям действия: *наносный, выносной; подливная кладка* (← *подлить раствор извести для скрепления кирпичной кладки); свальный, развальный* (в с/х.): вспашка почв без *свальных* гребней и развальных борозд; *выпечные* изделия; *выдувная* посуда – 'посуда, изготовленная выдуванием'; *набросная* плотина ('сооруженная в результате действия, названного производящим глаголом'); *задвижная* дверь; *нависной* замок; *наварное* лезвие серпа (← *наварить*).

Широко встречаются также прилагательные, характеризующие средства действия ('предназначенный для действия, названного производящим глаголом'): *выпарной* аппарат (← *выпаривать*), *выхлопная* труба, *вдувное* отверстие, *продувное* отверстие, *вытяжная* труба, *растяжная* машина, *проездные* башни Кремля, *проездной документ, входной* билет, *впускной, выпускной* клапан, *приводной* ремень, *выбивальная* машина, *навивальный* станок; *подрезной* резец, *подпорный* брус; *разбросная* сеялка; *набивная* машина, *набивочная* машина, *набивочный* материал; *врубовая машина, впускное* отверстие, *впускной* шлюз; *выпускной* клапан, *выпускная* труба; *вырубной* штамп (в металлообработке); *обрубной* станок, *отсосное* приспособление; *проточная* часть турбины ('служащая для протекания воды, прохождения пара'); *протяжной* станок, пресс; *обивочные* материалы; *разрыхлительный* агрегат; (*возить* → *подвозить* →) *подвозные* пути; *бить* → *подбить* → *подбивать* → *подбойное* шило, *подбойные* гвозди. В медицине: группа *выдыхательных* мышц; *выделительная* система; *отхаркивающая* микстура; *перевязочный* пакет.

Менее продуктивно от пространственных модификаций в специальной речи образуются прилагательные, характеризующие субъект действия (типа *разрывная пуля; разрывной заряд*). Их функцию очень часто выполняют причастия типа *подводящие* провода; *передающая* антенна (технич.); длительная *поддерживающая* терапия; *проводящая* система; *проводящие* пути, ткани (мед.); *пришлые* растения (ботан.); *входящая, исходящая* корреспонденция (в официально-деловой сфере).

Прилагательные, характеризующие само действие. *Погрузочные, разгрузочные* работы: Только в сентябре к *разгрузочным* работам привлекался каждый пятый военнослужащий (из газет). *Пробивная* сила снаряда; *разбросной* сев; *настильный* (воен.) ← *настелить* ← *стелить* (*настильный* огонь морских орудий) (о полете пуль, снарядов); *настильный* (спорт.) – *настильный* прыжок на лошади. *Раздельная* выемка угля и породы; (течь → натечь →) *натечный* абцесс (ограниченное скопление гноя без острой воспалительной реакции); *навальный* способ хранения картофеля, *отвальная* обработка почвы.

СП глаголов,
обозначающих количественные модификации

Количественные модификации характеризуют действия по степени интенсивности и полноты совершения.

В отличие от пространственных модификаций количественные модификации действия обладают значительно меньшей словообразовательной активностью, актантные существительные, образуемые ими, менее многочисленны. Показательно, что среди них почти нет слов нейтрального литературного языка.

Среди существительных, восходящих к количественным модификациям, выделяется два класса: 1) слова, присущие официальной специальной речи; 2) слова РР, порождаемые в момент речи по продуктивным словообразовательным моделям.

Приведем примеры из специальной речи. Глагол *перегреть* в технической терминологии означает: 'нагреть до температуры, превышающей температуру кипения жидкости'; словообразовательное значение: 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом, с нежелательно большой длительностью и интенсивностью'. От этого глагола образуется название прибора *перегреватель*. В искусствоведческой терминологии глагол *подмалевать* обозначает 'провести подготовительную работу над картиной, при которой в одном тоне прорабатывается светотень, объем изображаемых предметов'. Словообразовательное значение 'совершать действие, названное производящим глаголом, не в значительной степени'. Существительное *подмалевок* имеет словообразовательное значение 'результата действия', проиллюстрируем употребление этого существительного: "Портрет был написан

в один-два сеанса: краски положены легко, без *подмалевка*, кое-где просвечивает холст" (М. Алпатов. Врубель). *Порезать* (слабо, слегка совершить действие) → *порезки* (искусствоведческий термин): "В бриллиантовой окрашенные серой краской стены венчал карниз с лепными *порезками* и фриз с живописью, имитирующий лепку" (Т.П. Пакшва. Интерьеры А.П. Брюллова во втором этаже Зимнего дворца).

Приведем еще существительные, образованные от глаголов этой же словообразовательной категории: *Подкуривать* мех → *подкурщик* меха, *подранить* → *подранок; подвывихнуть* → *подвывих; надрезать* → *надрезь; надпил, надруб; подрасти* → *подрост* – молодые деревья основной для данного леса породы. *Подлет* (авиац.) – 'кратковременный полет не на большой высоте'. *Подсушка* (металлург.).

Названия объекта действия, восходящие к глаголам со значением 'совершить действие, названное производящим глаголом, в незначительной степени, дополнительно к совершенному': *подкос* (← *подкосить*); подкорм – 'добавочный корм для сельскохозяйственных животных'.

Производные, восходящие к глаголам со значением 'совершить действие не в полной мере, не довести его до необходимой нормы': *недокиснуть* → *недокись* (хим.); *недожог* – 'недостаточно обожженный металл'. Существительные со значением 'недовыпущенное количество продукции': *недопек, недожин, недоплав, недомол*. Названия объекта-результата действия с префиксом *недо-* типа *недоделка, недоработка* активны в РР. Научный сотрудник – коллеге, автору недоработанной, не готовой к печати статьи: "Что ты мне принес какие-то *нededумки, недописки*".

Приведем производные (также используемые в специальной речи) восходящие к глаголам, в словообразовательной семантике которых квантитативное значение совмещено с пространственным. *Нарезки, нарезной (нарезки ствола орудия, нарезная часть ствола)*. Лексическое значение мотивирующего глагола *нарезать* 'сделать винтовые канавки на цилиндре, конусе или в каком-либо отверстии'. Что касается словообразовательного значения этого глагола, то следует признать, что в его семантике совмещены следующие словообразовательные значения: 'действие, названное производящим глаголом, распространить на поверхности объекта' и 'действие, названное производящим глаголом, совершить не в значительной степени'.

СП глаголов со значением 'довести до результата действие, названное производящим глаголом'

Значительное количество отглагольных существительных и прилагательных, употребление которых ограничено той или иной сферой речи, восходит к глаголам, имеющим словообразовательное значение результатива.

Субстантивный блок ТСП результативов представлен преимущественно двумя значениями – "название отвлеченного действия" "название результата действия", при этом в СП одного глагола обычно эти значения формально не дифференцированы, название результата действия является вторичным значением синтаксического деривата.

Несколько иллюстраций из различных областей специальной речи. *Лить → налить* → налив: нет цистерн под *налив; лить* изготовлять из расплавленного вещества → *отлить* → *отливка:* "Скульптору И. Герману предложили срочно сделать *отливку* с одной из скульптур, производимых для концертного зала" (Т.П. Пакшва. Интерьеры А.П. Брюллова во втором этаже Зимнего дворца). *Бить → обить* (семантика фразеологична) → *обивка:* "За исключением *обивки* стен первоначальный декор сохранялся до середины 1870 года". "Выделяющийся по роскоши и богатству *отделки* Малахитовый зал обставлен мебелью с малиновой обивкой" (там же) *лепить → слепить → слепок; селить → поселить → поселение:* Особое разрешение на *поселение* в гостиницу. *Отвести землю подо что-нибудь → отвод* земель: "Подсчитано, что мы спасли от вырубки 36 гектаров леса, не дав разрешения на *отвод* земель под дачно-садовые участки" (газ.). *Брать → забрать → забор: забор* воды из реки; *водозабор; забор* крови на сахар; *заборная* трубка; *накопить → накопление:* "Что послужило причиной *накопления* курами вируса? Медикам это известно?" (газ.); приведем ряд прилагательных, восходящих к результативам: дуть → *надуть – надувочный* компрессор; *валить → повалить → повальный; повальное воспаление легких* – 'инфекционная болезнь крупного рогатого скота, характеризуемая высокой летальностью'. *Чистить → очистить → очистно́й: очистные работы.*

Многие из глаголов со словообразовательным значением р е з у л ь т а т и в н о с т и имеют фразеологическую семантику – приставка, выражая значение результативности действия, сигнализирует, что сфера функционирования глагола – специальная: *шить → пошить – пошив; стрелять → отстрелять → отстрел, отстрельщик; ладить – отладить → отладка программ для компьютеров; сыпать → засыпать → засыпка картофеля в закрома; платить → выплатить → выплата; выплатная ведомость; выплатной день.* В медицине: *выслушивать → выслушивание; выстукивать →* выстукивание.

В словообразовательном гнезде действует общая закономерность – чем дальше отстоит слово от вершины гнезда, тем меньше слов от него образуется[11]. Оказывается, действие этой закономерности имеет ограничения – она охватывает только порождение общеупотребительных слов. Те ступени гнезда, которые не поставляют производных

[11] См. работы П.А. Соболевой, А.Н. Тихонова, Е.Л. Гинзбурга по теории словообразовательного гнезда, в частности [Соболева 1970; Гинзбург 1972, 1979; Тихонов 1974].

в сферу общеупотребительной лексики (II, III ступени и далее), поставляют их – и очень активно – в сферу терминологии. При этом научные термины ближе к вершине гнезда, чем производственные термины. Кроме этого, последние ступени гнезда поставляют производные в РР. Это – потенциальные слова типа *переделыватель, переспрашиватель,* образуемые в момент речи по продуктивным моделям практически без ограничений.

На III, IV и далее ступенях деривации общеупотребительные узуальные производные не представлены.

Таким образом, специфика специальной речи прослеживается и на уровне словообразовательного гнезда. Это наблюдение представляется весьма важным для теории функционального словообразования.

Чем же объясняется тот факт, что основная масса отглагольных производных, свойственных терминологии, образуется не от исходных глаголов (вершин гнезда), а от производных глаголов – различных модификаций действия? В основе этого явления, конечно, лежит стремление специальной речи к точности и дифференцированности обозначения. Однако существует ряд производных существительных, свойственных специальной речи, которые по семантике соотнесены не только с непосредственным производящим приставочным глаголом, но и в равной степени – с соответствующим исходным, непроизводным глаголом. Приставка в данном случае семантически опустошена, ее назначение – сигнализировать, что слово перешло в иную, специальную сферу речи[12]. Например, в специальной речи: *пошить* брюки → *пошив* брюк (ср. в нейтральной речи: *сшить* брюки, *шитье* брюк); *забор* крови на *сахар*. Словообразовательная структура существительных *пошив*, забор (← забрать) служит приметой их принадлежности к специальной речи. Такое явление характерно и для глаголов типа *заслушать, запросить, замерить, выпечь, захоронить,* в которых функция приставки – перевести слова в иную (в официальную, специальную) сферу речи. *Завесить* (в торговле); *отснять* столько-то кадров (в кино); *зреть* → *вызреть* → *вызревание. Разные сорта картофеля и вызревать будут в разное время* (ср. общеупотребительное *созреть*). Военная терминология: *Затребовали* в штаб (ср. общеупотребительное *потребовали*); *Затонул* в Балтийском море советский траулер "Ладушкино" (Известия, 1989); *Огласить* приговор; *проплатить* контракты.

[12] Подробнее об этом см. [Земская 1992].

Семантические отношения между производящим глаголом и производным от него словом в разных типах речи

Семантические отношения между производящим глаголом и его производными несколько различны в разных сферах языка, в частности, с точки зрения фразеологичности их семантики.

Среди производных слов с точки зрения семантики различаются две группы слов: 1) слова, значение которых полностью складывается из значения составных частей: основатель (чего-либо) – 'тот, кто основал что-либо' (значение суффикса – производитель действия, значение основы – название самого действия), а также: спаситель, победитель; 2) слова, значение которых не в полной мере определяется значением его частей, не является простой их суммой, а имеет нечто добавочное, индивидуальное, что нельзя узнать из модели, а необходимо знать заранее. Таково слово *выключатель*. Исходя из морфем, составляющих слово, невозможно узнать, что это название не предмета, а человека, что *выключатель* не только *выключает*, но и *включает*. Аналогично: *причал* – 'место, к которому п р`и ч а л и в а ю т и о т ч а л и в а ю т суда'; специального *отчала* не существует.

Свойство слова выражать нечто, не содержащееся в значении составляющих его морфем, называют ф р а з е о л о г и ч н о с т ь ю с е м а н т и к и производного слова [Панов 1956; Ермакова 1984].

В сфере нейтральной литературной речи отглагольные существительные-лексические дериваты, как правило, имеют фразеологическую семантику, тогда как префиксальные глаголы, обозначающие конкретное физическое действие, напротив, в большинстве своем имеют нефразеологическую семантику. Рассмотрим, как обстоит дело в других сферах речи.

Возникает вопрос, существует ли связь между наличием фразеологичности семантики у производного и отнесенностью производного и производящего к разным сферам речи. Нами замечено следующее: если производящий глагол прикреплен только к одной сфере речи, то производные от него (если они принадлежат этой же сфере речи) обычно имеют нефразеологическую семантику.

Рассмотрим словообразовательные пары слов, свойственных специальной речи. В горном деле: *кайлить* – 'откалывать куски ломких пород с помощью специального инструмента'; *кайло* – 'орудие действия, названного производящим глаголом'. Лексическое значение этого существительного равно его словообразовательному, никакой "семантической добавки" нет. В рыболовстве: *ботáть* – 'ударять по воде специальным шестом, загоняя рыбу в сеть'. *Ботало* – название орудия действия. В охотничьем деле:*вабить* – 'подманивать птицу или зверя подражанием их голосу с помощью определенного инструмента (дудочка, трещотка)'. *Вабик* – название инструмента (то, чем...).

Вабильщик – 'тот, кто вабит'. В столярном деле: *калевать* – 'выстругивать доски и планки с фигурными краями'. *Калёвка* – название орудия действия. *Калевка* – результат действия. *Осциллировать, аккумулировать – осциллятор, аккумулятор; модулировать – модулятор* (название субъекта действия-предмета).

Таким образом, если производящий глагол принадлежит сфере специальной лексики и производное от него существительное принадлежит этой же сфере речи, то его лексическое значение равно его словообразовательному значению, т.е. семантика такого производного нефразеологична. Непредсказуемость в ряде случаев касается лишь выбора словообразовательного значения (ср. *калевка* – 'орудие', *калевка* – 'результат действия').

Другая сфера речи, для которой характерны отглагольные производные с нефразеологической семантикой, – это РР.

В РР высок процент потенциальных слов – слов, производимых в момент речи по высокопродуктивным словообразовательным моделям: типа *спрашиватель, опаздыватель, срывальщик, выступальщик.* Лексическое значение таких слов целиком складывается из значения составляющих их морфем.

Сказанное не означает, что для РР не типичны существительные с фразеологической семантикой. Для РР свойственны производные слова, семантика которых в высшей степени фразеологична вследствие их конситуативной обусловленности. Подробнее об этом несколько позже. Сейчас для нас важно отметить, что стихия потенциальных слов – слов, лишенных фразеологичности – это РР.

Если же производное "перешагивает" в иную сферу речи, ту сферу, которая чужда для производящего его глагола, его семантика фразеологична. См., например, термин *замор* (рыб.) – 'массовая гибель рыбы вследствие недостатка кислорода или появления в воде ядовитых веществ'. *Навой* (в ткацкой промышленности) – 'большая катушка в станке, на которую навивают нити основы'. В горном деле: *откатка* – 'вывоз добытых ископаемых из забоев и шахт'. В значении этого производного – конкретизирован объект и исходная точка действия.

В сфере общеупотребительной лексики префиксальные глаголы конкретного физического действия имеют, как правило, нефразеологическую семантику: лексическое значение префиксального глагола целиком складывается из значения производящего глагола и префикса. В специальной речи префиксальные глаголы фразеологичны: лексическое значение таких глаголов невозможно вывести из значения составляющих их морфем. Несколько примеров: В военной терминологии: *накатать* – 'катя, вернуть орудие на прежнее место после произведенного выстрела'. *Накатать* – 'нанести с помощью специального вращающегося валика (т.е. валика, который катают) на поверхность рисунок, резьбу'. *Провесить* (официальный термин торговли) – 'свешать неполным весом'; *Провесить* – 'прове-

рить прямизну чего-л. (поверхности, линии) с помощью специального инструмента, важнейшая деталь которого подвешена, в и с и т'; *Провесить* – 'просушить на воздухе, провялить какой-либо продукт (объект в процессе данного действия в и с и т)'. *Намывать* – 'промывая водой золотоносную породу, песок, добыть, получить (золото) в каком-л. количестве'.

Итак, если слово, образованное от общеупотребительного глагола, используется в специальной сфере речи, то его семантика отдаляется от семантики исходного глагола; признак, положенный в основу номинации, обрастает множеством конкретизирующих деталей. Семантика производного в этом случае фразеологична.

Фразеологичность семантики производного слова в РР обнаруживается своеобразно. "Если в кодифицированном литературном языке семантическая фразеологичность того или иного слова известна всем говорящим на данном языке из общего языкового опыта (*наборщик* – работник типографии, *водитель* – в транспорте), то в РР фразеологичность семантики находит опору в данном коммуникативном акте, что позволяет говорящему свободно строить производные слова. Вследствие этого одна и та же по форме единица может в разных условиях получать разное осмысление: производное связано с производящим подвижной, переменчивой связью" [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981, 77–78]. Для словообразования РР (так же, как и для других участков системы РР) характерна тесная связь с конситуацией. В РР высоко продуктивны такие производные, в которых со словообразовательным элементом связано лишь какое-то общее значение (например, лица, предмета или действия, а конкретизация этого значения задается конситуацией и контекстом. (Подробнее об этом см. [там же, 77–80].)

Сочетаемость производящего глагола и производного от него слова в разных типах речи

Семантическая общность производных и производящих слов проявляется и в том, что они имеют однотипные синтаксические связи. Глагол обладает наибольшей способностью оказывать влияние на создание однотипных словосочетаний у своих производных [Колшанский 1819, 95; Виноградов 1954, 17]. Однако сочетаемость производного и производящего совпадает не всегда. Выделяются три основных типа такого несовпадения.

1. Какая-либо семантическая валентность является синтаксически о б я з а т е л ь н о й как для производящего глагола, так и для производного существительного, но у последнего эта валентность выражается значительно м е н ь ш и м ч и с л о м с л о в. Глагол имеет более широкую сочетаемость, чем образованное от него существительное. Так, например, для слова *составитель* невозможна сочетаемость типа "составитель фразы", "составитель списка вещей", "составитель расписания уроков", "составитель предложения", тогда как глагол *составить* свободно сочетается с приведенными словами: У

слова *составитель* объектная валентность может быть выражена лишь словами, которые обозначают к н и г у: *составитель задачника, составитель словаря, составитель хрестоматии.* Исключением является фразеологическое сращение *составитель поездов* (название профессии).

2. Какая-либо семантическая валентность у производящего глагола является с и н т а к с и ч е с к и о б я з а т е л ь н о й, а у производного от него существительного – ф а к у л ь т а т и в н о й (т.е. может быть выражена в предложении, а может быть и не выражена). Так, у глагола *посетить* семантическая валентность объекта (к о г о, ч т о) синтаксически о б я з а т е л ь н а, абсолютивно он не употребляется, тогда как слово *посетитель* может быть употреблено и абсолютивно. При этом действует такая закономерность. У глагола объектная валентность выражается словами, обозначающими л и ц о или м е с т о (*посетить больного в клинике, посетить музей, выставку, библиотеку*), у существительного она выражается словами со значением м е с т а (но не л и ц а!) – *посетитель музея, посетитель выставки,* но не "посетитель больного". Если речь идет о посещении кого-либо, то слово *посетитель* употребляется абсолютивно.

3. Производящий глагол абсолютивно не употребляется, производное существительное употребляется только абсолютивно. Таковы, например, слова *оскорбитель, мучитель, подстрекатель, мститель, повествователь.*

Сочетаемость производящего и сочетаемость производного значительно чаще не совпадают, если объект действия о д у ш е в л е н н ы й. Слова, образованные от глаголов, обозначающих действия, направленные на человека, "склонны" к абсолютивному употреблению.

Синтагматическая (т.е. сочетаемостная) фразеологизация по-разному обнаруживается у слов с предметным и личным значением. Выше были рассмотрены только слова с личным значением. Производные со значением предмета зависят от контекста минимально. Среди них нет таких слов, которые бы полностью повторяли сочетаемость своих производящих. Большинство предметных производных обычно употребляется абсолютивно.

Термины зависят от контекста минимально[13]. Слова с предметным значением употребляются в большинстве своем абсолютивно. Сочетаемость названий лица – терминов строго фиксирована, обычно это фразеологические сращения типа *составитель поездов.*

В РР сочетаемость отглагольного существительного наиболее свободна по сравнению с сочетаемостью отглагольных существительных нейтрального литературного языка.

[13] Как установлено Д.Н. Шмелевым, "чем определеннее место слова (в данном значении) в лексико-семантической парадигме, тем менее оно связано синтагматически. И наоборот" [Шмелев 1973, 190].

* * *

Система отглагольного словопроизводства используется во всех сферах современного русского языка. Структура рассмотренных комплексных единиц словообразования подтверждает реальность языковой дифференциации изучаемых коммуникативных сфер.

В заключение наметим перспективы дальнейшего изучения комплексных единиц системы словообразования. В настоящей работе в центре внимания была возможность реализации тех или иных словообразовательных значений. Изучение средств выражения не входило в нашу задачу. На следующем этапе исследования необходимо специально рассмотреть словообразовательные средства, выявить наиболее продуктивные модели в различных областях терминологии, традиционной и новой.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РАССЛОЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ГНЕЗДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Лексика русского языка носит ярко выраженный гнездовой характер. Слова в ней живут семьями – гнездами. Под лексическим гнездом понимается совокупность однокоренных слов, имеющих в современном русском языке живые смысловые связи, т.е. находящихся в лексических отношениях, связанных между собой лексико-семантически, на уровне своих лексических значений. Ср.:

работать и *работа* 'действие по знач. глаг. работать'; *работник* 'тот, кто работает, трудится', 'тот, кто может, в состоянии работать, трудиться', 'тот, кто занимается какой-л. работой как профессией, постоянно работает где-л'; *работяга* 'способный к работе, хорошо и усердно работающий человек (говорится в похвалу)'; работящий 'усердно, охотно работающий'; *рабочий*[2], относящийся к рабочим[1], принадлежащий рабочим[1], находящийся в руках рабочих[1], выражающий интересы рабочих[1], состоящий из рабочих[1], населенный рабочими[1]', 'работающий, живущий своим трудом', 'работающий, производящий работу (о животных)', 'производящий полезную работу, полезное действие (о механизмах, частях механизмов)', 'отведенный, предназначенный для работы', 'необходимый для работы'; *выработать* 'добыть, работая'; *доработать* 'кончить работать'; *доработаться* 'чрезмерной работой довести себя до каких-л. неприятных последствий'; *заработать*[1] 'приобрести работой, получить за работу'; *заработать*[2] 'начать работать'; *заработаться* 'проработать слишком долго; устать от работы'; *наработать* 'работая, произвести в каком-л. количестве'; *недоработать* 'поработать, проработать меньше, чем следует, требуется', ' не вполне, недостаточно обработать, отработать'; *отработать* 'кончить, перестать работать'; *поработать* 'работать некоторое время'; *проработать* 'провести какое-л. время, работая где-л.' и т.п.

По нашим наблюдениям, гнездовые слова в современном русском языке составляют 96%, а слова-одиночки, т.е. слова, не имеющие родственников, – около 6%[14]. Негнездовая лексика отражает преимущественно пассивную часть словарного состава русского языка[15].

---

[14] Эти данные опираются на материалы нашего "Словообразовательного словаря русского языка" в двух томах, где зафиксировано около 145000 слов [Тихонов 1985].

[15] См. раздел "Одиночные слова" в [Тихонов 1985, т. 2].

Лексические гнезда состоят из слов, и, будучи совокупностью слов, они обладают всеми свойствами, характерными для слова. Слова в них взаимодействуют на базе своих лексических значений. Все однокоренные слова во всех своих ЛСВ образуют лексическую структуру гнезда. Гнездо входит в систему лексических единиц языка и участвует в системной организации лексики, являясь частью семантического поля. В лексике оно выступает также как средство, упорядочивающее системные отношения производных слов – антонимические, синонимические, омонимические и др. В гнездах сосредоточена вся отраженная антонимия, синонимия, омонимия русского языка[16].

2. Как и другие единицы языка, гнезда однокоренных слов имеют свою стилистическую характеристику, которая определяется стилистическими свойствами входящих в них слов[17]. Ср.:

буква (нейтр.) – *буковка* (уменьш.), *буковочка* (уменьш.-ласкат.), *букварь* (нейтр.), *букварик* (уменьш.), *букварчик* (уменьш.), *букварный* (нейтр.), *добукварный* (нейтр.), *безбукварный* (нейтр.), *буквальный* (нейтр.), *буквально* (нейтр.), *буквальность* (нейтр.), *буквализм* (нейтр.), *буквалист* (ирон.), *буквалистика* (ирон.), *буквалистский* (ирон.), *буквалистски* (ирон.), *буквоед* (ирон.), *буквоедка* (ирон.), *буквоедский* (ирон.), *буквоедски* (ирон.), *по-буквоедски* (ирон.);

буйный (1. нейтр. 2. народно-поэт.) – *буйно* (нейтр.), *буйность* (нейтр.), *буйство* (нейтр.), *буйствовать* (нейтр.), *буян* (нейтр.), *буянить* (нейтр.), *буянство* (нейтр.), *добуяниться* (разг.), *забуянить* (разг.), *набуянить* (прост.), *набуяниться* (прост.), *отбуянить* (разг.), *побуянить* (разг.), *пробуянить* (разг.), *разбуяниться* (разг.);

будить (нейтр.) – *будильник* (нейтр.), *электробудильник* (нейтр.), *возбудить/возбуждать* (1–4. нейтр. 5. физ.), *возбудиться/возбуждаться* (нейтр.), *возбуждаемость* (нейтр.), *возбуждающий* (нейтр.), *возбуждение* (1–5. нейтр. 6. биол.), *возбудитель* (1. биол. 2. нейтр. 3. тех.), *возбудимость* (1. нейтр. 2. физиол.), *возбуждённый* (нейтр.), *возбуждённо* (нейтр.), *возбуждённость* (нейтр.), *возбудительный* (нейтр.), *добудиться* (разг.), *перебудить* (нейтр.), *перебуживать* (разг.), *побудить*[1] 'разбудить' (1. разг. 2. разг. 3. прост. 4. охот.), *побудка* (1. воен. 2. прост.), *побудить/побуждать(ся)* (нейтр.), *побуждение* (нейтр.), *побудитель* (нейтр.), *побуживать* (разг.), *подбудить/подбуживать* (охотн.), *подбуживание* (охотн.), *пробудить/пробуждать(ся)* (1. устар. 2–3 нейтр.), *пробуждение* (нейтр.), *разбудить* (нейтр.), *разбудиться* (прост.), *сбудить* (прост.), *убудить* (устар.) и т.п.

Как видим, в гнезде обычно сложно переплетаются различные типы стилистических ограничений однокоренных слов, несмотря на то, что исходное слово выступает как стилистически немаркированная лексема (буква, будить). Это касается гнезд всех частей речи – имен существительных, имен прилагательных, глаголов, наречий, числительных и др.

3. Однако не все гнезда являются стилистически отмеченными. С точки зрения стилистической отмеченности/неотмеченности лексические гнезда делятся на два типа – стилистически немаркированные и стилистически маркированные. К стилистически немаркированным относятся гнезда, в составе которых нет слов, имеющих стилистические ограничения. Например:

---

[16] Об этом см. [Тихонов, Пардаев 1989].

[17] Стилистические пометы даются по Словарю русского языка. М., 1981–1984. В необходимых случаях они уточняются по материалам других словарей.

1) **конспект** – *конспективный, конспективно, конспективность, конспектировать, конспектироваться, конспектирование, законспектировать, проконспектировать;* **консервы** – *консервщик, консервщица, консервный, консервировать, консервироваться, консервирование, консервировка, консервация, консервант, консервированный, законсервировать, законсервироваться, расконсервировать, расконсервация, крабоконсервный, молочноконсервный, мясоконсервный, овощеконсервный* и др.; **градус** – *градусник, градусный, восемнадцатиградусный, двадцатиградусный, девятиградусный, стоградусный* и т.п.; **кролик** – *крольчиха, крольчонок, крольчатина, крольчатник, кроличий, кроликовый, кролиться, окролиться, окрол, кроликовод, кролиководческий, кролиководство* и т.п.; **государство** – *государственный, государственность, антигосударственный, по-государственному, внутригосударственный, межгосударственный, противогосударственный, огосударствить, огосударствление, государствоведение, государствовед, общегосударственный, госаппарат, госарбитраж, госбанк, госбюджет, госзаем, госконтроль, госплан* и т.п.; **гитара** – *гитарист, гитаристка, гитарщик, гитарный, электрогитара;* **балалайка** – *балалаечник, балалаечница, балалайщик, балалаечный;* **кашель** – *кашлевый, кашлять, кашлянуть, выкашлянуть, выкашливать, откашлянуть, откашливать, подкашлянуть, прикашлянуть, прокашлянуть, выкашлять, закашлять, закашляться, закашливаться, откашлять, откашливать, откашливание, откашляться, откашливаться, покашлять, покашливать, покашливание, подкашливать, подкашливание, прокашлять, прокашляться, раскашляться* и др.; **керамика** – *керамик, керамит, керамист, керамичист, керамический, керамиковый, металлокерамика, стеклокерамика* и др.; **качество** – *качественный, качественно, качественность, некачественный, высококачественный, доброкачественный, доброкачественно, злокачественный, низкокачественный* и др.; **дисциплина** – *дисциплинарный, дисциплинировать, дисциплинироваться, дисциплинированный, дисциплинированно, недисциплинированный, самодисциплина* и т.п.; **клуб** – *клубный, автоклуб, аэроклуб, мотоклуб, одноклубник, радиоклуб, спортклуб, яхт-клуб, яхтклубовский* и др.; **мотоцикл** – *мотоциклист, мотоциклистка, мотобол, мотодром, мотоклуб, мототурист, мотошлем, мотоциклет, мотоциклетка, мотоциклетный, мотогонка, мотосани, автомотоклуб* и др.; **оптимизм** – *оптимист, оптимистка, оптимистический, оптимистически, оптимистичный, оптимистично, оптимистичность;* **ориентир** – *ориентирный, ориентировать, ориентироваться, ориентирование, ориентировка, ориентировочный, ориентировочно, ориентация, ориентированный, ориентированность, дезориентировать, дезориентироваться, дезориентирование, дезориентация, дезориентировка, переориентировать, переориентироваться, переориентировка, переориентация, сориентировать, сориентироваться;*

2) **локальный** – *локально, локальность, локализировать, локализироваться, локализация, локализовать, локализоваться, локализованный, нелокализованный, слокализовать;* **изысканный** – *изысканно, изысканность, неизысканный, неизысканно, неизысканность, сверхизысканный;* **интенсивный** – *интенсивно, интенсивность, неинтенсивный, неинтенсивно, неинтенсивность, интенсифицировать, интенсифицироваться, интенсификация* и др.; **искренний** – *искренне, искренно, искренность, неискренний, неискренне, неискренно, неискренность;* **прозрачный** – *прозрачно, прозрачность, непрозрачный, непрозрачность, прозрачно-чистый, полупрозрачный* и др.;

3) **вербовать** – *вербоваться, вербовка, вербование, вербовщик, вербовщица, вербованный* (сущ.), *завербовать, завербоваться, завербовывать, завербовываться, завербование, завербованный* (сущ.), *навербовать* и др.; **воспитать** – *воспитывать, воспитываться, воспитаться, воспитание, самовоспитание, воспитатель, воспитательница, воспитательский, воспитанный, воспитанность, невоспитанный, невоспитанность, воспитанник, воспитанница, благовоспитанный, благовоспитанно, благовоспитанность, неблаговоспитанный, неблаговоспитанность, воспитательный, культурно-воспитательный, политико-воспитательный, учебно-воспитательный, перевоспитать, перевоспитаться, перевоспитывать, перевоспитываться, перевоспитание, трудновоспитуемый, трудновоспитуемость* и др.; **иллюстрировать** – *иллюстрироваться, иллюстрирование, иллюстрация, иллюстрационный, иллюстративный, иллюстративность, фотоиллюстрация, фотоиллюстративный, книжно-иллюстративный, иллюстратор, иллюстраторство, иллюстраторский, иллюстрированный, иллюстрированность, проиллюстрировать;* **выполнить** – *выполниться, выполнять, выполняться,*

выполнение, невыполнение, выполненный, выполнимый, выполнимость, невыполнимый, невыполнимость, довыполнить, довыполнять, довыполняться, довыполнение, недовыполнить, недовыполнять, недовыполняться, недовыполнение, перевыполнить, перевыполнять, перевыполняться, перевыполнение и др.; **дирижировать** – *дирижирование, дирижер, дирижерство, дирижерский, отдирижировать, подирижировать, продирижировать;* **консультировать** – *консультироваться, консультирование, консультация, консультационный, консультативный, консультант, консультантка, консультантский, проконсультировать, проконсультироваться, юрисконсульт, консультационно-справочный, учебно-консультационный* и др.; **комментировать** – *комментироваться, комментирование, комментарий, радиокомментарий, комментатор, комментаторский, радиокомментатор, телекомментатор, прокомментировать;* **истребить** – *истребиться, истреблять, истребляться, истребляемый, неистребляемый, неистребляемость, истребление, самоистребление, истребитель, истребительница, истребительский, истребительный, истребительно, истребительность, неистребимый, неистребимо, неистребимость* и др.

Такие гнезда, как правило, компактны, имеют сравнительно небольшой состав производных. В системе гнезд они занимают не более одной трети всего гнездующегося массива русской лексики.

Стилистически нейтральные гнезда противопоставлены стилистически маркированным. Среди последних выделяется два типа гнезд. К первому типу относятся гнезда, в которых стилистически отмеченными являются не все однокоренные слова. Одна часть гнезда состоит из нейтральных слов, а другая – из стилистически маркированных слов. Так, больше половины производных слов в гнезде *бежать* (всего 158 слов) имеет различные стилистические ограничения, которые носят очень пестрый характер. Ср.:

бежать (1 нейтр., разг., спорт. 2–5 нейтр. 6. нейтр., устар. 7. нейтр., разг.) – *бегать* (1. нейтр., разг. 2. нейтр., прост. 3. нейтр. 4. нейтр., прост.), *беготня* (разг.), *бег* (1–3. нейтр. 4. устар.), *бегунок* (1. тех. 2. устар. 3. разг.), *бегун* (1. нейтр. 2. устар. 3. нейтр.), *забег* (1. разг. 2. спорт.), *выбегаться* (прост.), *добегаться* (разг.), *забегаться* (разг.), *избегать* (разг.), *избегаться* (1. разг. 2. перен. прост.), *набегать* (1. разг. 2. охот. 3. спец.), *набегаться* (разг.), *оббегать* (разг.), *отбегать* (разг.), *перебегать* (разг.), *побегушки* (прост.), *пробегать* (1. нейтр. 2. перен. разг.), *забежать* (1. нейтр., разг. 2–4. нейтр.), *набежать* (1. нейтр., 2. нейтр., разг. 3. разг.), *набегать* (1. разг. 2. охот. 3. спец.), *обежать* (1–2. нейтр. 3. разг. 4. нейтр.), *оббежать* (разг.), *перебежать* (1–2 нейтр. 3 разг.), *перебежка* (1. нейтр. 2. разг. 3–4 спорт.), *перебег* (разг.), *побежалый* (хим., тех.), *побежка* (нейтр., спец., разг.), *пробежать* (1–5. нейтр. 6 перен. разг. 7. разг.), *пробег* (1–2. нейтр. 3. спец. 4. спец.), *разбежаться* (1. нейтр., разг. 2. нейтр. 3. нейтр., перен. разг.), *разбежка* (разг.), *сбежать* (1–2. нейтр. 3. разг. 4. нейтр., перен. разг.), *сбег* (1. спец. 2. нейтр.), *сбежаться* (1. нейтр. 2. устар. 3 нейтр.), *убежать* (1. нейтр., разг. 2. нейтр. 3. разг.), *убег* (устар. прост.) и др. Не имеют стилистических окрасок *беженец, беженка, беженский, беганье, беглый, бегло, беглость, беглец, беглянка, беговой, бегом, бегство, бегучий, забегать, обегать, побегать, сбегать, вбежать (вбегать), взбежать (взбегать), выбежать (выбегать), повыбегать, добежать (добегать), набег, набегом, набеговый, перебежчик, перебежчица, побежать, подбежать (подбегать), прибежать (прибегать), прибежище, убежище, автопробег, велопробег, конькобежец, конькобежный* и т.п.

Сложную стилистическую структуру имеют также глагольные гнезда *катить, лететь, бить, лить, кидать, киснуть, колоть* ('раздроблять'), *лежать, сидеть* и т.п.

Немало таких гнезд среди имен существительных (*земля, тьма, зло, кровь* и т.п.), имен прилагательных (*зеленый, черный, мокрый, легкий, белый* и т.п.). Ср., например:

белый (1–3 и 5–7. нейтр. 6. устар. и обл.) и *беленький* (ласк.), *белёнький* (прост.), *белёшенький* (прост.), *белёхонько* (прост.), *белешенько* (прост.), *беляночка* (ласк.), *белок* (1. нейтр. 2. биол., хим.), *бельмо* (1. нейтр. 2. груб. прост.), *белеться* (разг.), *забелить* (1. нейтр. 2. прост.), *забелка* (1. разг. 2. прост.), *обелить* (1. нейтр. 2. разг. 3. ист.), *обелиться* (1. нейтр. 2. разг.), *отбелить* (1. нейтр. 2. разг.), *отбелка* (разг., спец.), *отбелочный* (спец.), *отбельный* (спец.), *побелка* (1. нейтр. 2. разг.), *подбелить* (1. нейтр. 2. прост.), *подбелка* (1. разг. 2. прост.), *пробелить* (спец.), *пробелиться* (спец.), *пробелка* (спец.), *пробелочный* (спец.), *разбелить/разбеливать/разбелять* (спец.), *разбелиться/разбеливаться* (1. разг. 2. спец.), *разбелка* (спец.), *разбел* (спец.) и др.

Не имеют помет в словарях: *беленький, белёсый, белесоватый, белесоватость, беловатый, беловатость, беловой, беловик, белизна, белеть, белить, белила, белиться, забелеть, побелеть, беление, белильня, белильный, беленый, выбелить/выбеливать, добелить/добеливать, добеливание, набелить/набеливать, перебелить/перебеливать, перебелка, побелить, побелка, белоармейский, белобокий, белобородый, белобровый, беловолосый, белоголовый* и т.п.

Значительное количество гнезд, состоящих в целом из нейтральных слов, включает лишь отдельные стилистически маркированные образования. Так, в гнезде **кукуруза** 12 производных слов: *кукурузник, кукурузный, кукурузовый, кукурузовод, кукурузоводство, кукурузоводческий, кукурузодробилка, кукурузосажалка* и др. И только существительное *кукурузник* во втором своем значении 'один из видов легкого учебно-тренировочного самолета' имеет помету *разг. шутл.* В первом своем значении 'кукурузное поле' оно стилистически не маркировано.

В гнездах **кристалл** (*кристальный, кристально, кристальность, кристаллический, кристаллически, кристалличный, кристаллоид, псевдокристалл, кристаллизовать, кристаллизоваться, скристаллизоваться, кристаллизация, кристаллография, кристаллографический* и т.д.; всего 63 слова), **инструмент** (*инструментарий, инструментальный, инструменталист, инструментальщик, инструментотека, электроинструмент, ремонтно-инструментальный, электроинструмент* и др.) к стилистически отмеченным относятся: *кристаллик* (уменьш.-ласк), *кристалличность* (спец.), *кристаллизировать* (устар.), *кристаллизироваться* (устар.), *кристаллизатор* (спец.) и некоторые другие производные из области специальной лексики; *инструментик* (уменьш.-ласк.), *инструменталка* (разг.), *инструментовать* (муз., лит.), *инструментовка* (муз., лит.), *наинструментовать* (муз.), *переинструментовать* (муз.) и др.

В гнезде **газета** (*газетчик, газетчица, газетный, радиогазета, стенгазета, стенгазетчик, стенгазетный, фотогазета, газетно-журнальный, журнально-газетный*) стилистически маркированы: *газетка* (уменьш.), *газетёнка* (уничиж.), *газетчик* (разг. во втором значении 'сотрудник газеты').

Гнездо **инженер** включает 23 производных слова: *инженерия, инженерство, инженерский, инженерный, инженерно-строительный, инженерно-физический, инженер-капитан, инженер-механик, бортинженер* и др. Стилистически отмечены в нем только *инженерик* (уменьш.-уничиж.), *инженерша* 'жена инженера' (прост.), *инженеров* (прост.).

В гнезде **бригада** 21 производное слово: *бригадир, бригадирство, бригадирский, бригадно, внутрибригадный, побригадный, побригадно, агитбригада* и др. Оттенок разговорного стиля имеют *бригадирствовать, бригадник, бригадница*, а слово *бригадирша* ('женск. к бригадир', 'жена бригадира') относится к просторечию.

Такая же картина наблюдается в гнездах имен прилагательных *вежливый, благополучный, знакомый, известный* и др. В гнезде **вежливый** немного слов: *вежливо, вежливость, невежливый, невежливо, невежливость, вежливенько*. Из них только наречие *вежливенько* может употребляться иронически. В гнезде **благополучный** (*благополучно, благополучность, благополучие, неблагополучный, неблагополучно, неблагополучность, неблагополучие*) оттенок разговорности имеют слова *преблагополучный, преблагополучно*. В гнезде **знакомый** 40 производных: *знакомить, знакомиться, познакомить, познакомиться, знакомство, ознакомить, ознакомиться, перезнакомить, перезнакомиться* и др. Стилистически отмеченными являются: *знакомец* (разг.), *знакомка* (разг.), *обзнакомиться* (прост.), *раззнакомить* (разг.), *раззнакомиться* (разг.) и некоторые др. В гнезде **известный** 19 слов: *известное, известно, известность, неизвестный, неизвестно, неизвестность, небезызвестный, небезызвестно, безызвестный, малоизвестный, общеизвестный* и др. Оттенком разговорности обладают лишь слова *переизвестный, переизвестное*.

Реже это явление наблюдается в глагольных гнездах. Так, в гнездо **ваять** входят *ваяние, ваятель, ваятельный, ваяльный, изваять, изваяться, изваяние*. В словарях стилистической пометой снабжено только слово *ваятель* (высок.).

4. Лексические гнезда могут иметь стилистически однородную и неоднородную структуру. К гнездам с однородной стилистической структурой относятся такие, в которых все слова одного гнезда (исходные и производные) относятся или к нейтральной лексике или к одной и той же стилистической сфере. Эти образования можно назвать стилистически гомогенными лексическими гнездами. К гнездам с неоднородной стилистической структурой относятся такие, в которых представлены слова, имеющие разные стилистические характеристики. Это стилистически гетерогенные лексические гнезда.

Выше уже приводились примеры гомогенных гнезд, относящихся к нейтральной лексике: 1) *конспект, консервы* и т.п.; 2) *локальный, изысканный* и др.; 3) *вербовать, воспитать* и др. К ним примыкают гнезда:

информировать – информироваться, информирование, информация, информатика, информационный, информационность, информативный, информативность, информатор,

информант, информантка, информированный, информированность, дезинформировать, дезинформироваться, дезинформация, дезинформационный, проинформировать, информбюро, биоинформация, политинформация, радиоинформация, телеинформация, фотоинформация, экспресс-информация, информационно-рекламный, справочно-информационный;

оборудовать – оборудоваться, оборудование, дооборудовать, дооборудоваться, дооборудование, недооборудовать, переоборудовать, переоборудоваться, переоборудование, газооборудование, киноборудование, нефтеоборудование, радиооборудование, спортоборудование, электрооборудование, энергооборудование;

полировать – полироваться, полирование, полировка, полировочный, полировщик, полировщица, полировальщик, полировальщица, полировальник, полировальный, выполировать, выполироваться, выполировывать, выполировываться, выполирование, выполировка, заполировать, заполироваться, наполировать, наполировывать, наполировываться, отполировать, отполироваться, отполировываться, отполировывать;

переключить – переключать, переключиться, переключаться, переключаемость, переключатель, переключательный (ср. также гнезда **включить, выключить, отключить** и др.);

параллель – параллелизм, параллельный, параллельно, параллельность, параллелью, параллелепипед, параллелограмма и др.;

парафин – парафиновый, парафинистый, парафинировать, парафинироваться, парафинирование, парафинировка, парафинировочный, запарафинировать, парафинолечение, парафинотерапия и др.;

крахмал – крахмальщик, крахмальщица, крахмальный, крахмалистый, крахмалистость, крахмалить, крахмалиться, крахмаление, крахмаленый, выкрахмалить, выкрахмаливать, выкрахмаливание, выкрахмалиться, выкрахмаливаться, накрахмалить, накрахмаливать, накрахмаливание, накрахмаленный, открахмалить, открахмаливать, открахмаливание, перекрахмалить, перекрахмаливать, перекрахмаливаться, перекрахмаливание, покрахмалить, подкрахмалить, подкрахмалиться, подкрахмаливаться, подкрахмаливать, подкрахмаливание, прокрахмалить, прокрахмаливать, прокрахмаливаться и др.

Стилистически гомогенным является гнездо **будоражить,** в котором как исходное, так и все производные относятся к разговорной лексике: *будоражиться, взбудоражить, взбудораживать, взбудоражиться, взбудораживаться, перебудоражить, перебудоражиться.* Сюда же относятся: *бубнить – забубнить, побубнить, пробубнить;* **бедокурить** – *бедокур, бедокурка, бедокурный, набедокурить, сбедокурить;* **балагурить** – *балагурство, балагур, балагурка, балагурный, набалагурить, набалагуриться, побалагурить, пробалагурить, сбалагурить;* **баламутить** – *баламутиться, баламутица, баламутник, баламутница, баламутничать, баламутчик, баламутчица, баламут, баламутка, взбаламутить, взбаламутиться, забаламутить, набаламутить, перебаламутить, побаламутить, сбаламутить.* Последнее гнездо в словарях преимущественно квалифицируется как разговорное. На наш взгляд, оно явно тяготеет к просторечной лексике.

К просторечию относятся гнезда: **булгачить** – *взбулгачить, перебулгачить, сбулгачить;* **дрыхнуть** – *дрыхня, задрыхнуть, надрыхнуться, подрыхнуть, продрыхнуть, дрыхать, задрыхать;* **барахло** – *барахлишко, барахольщик, бараholка, барахольный, барахлить, набарахлить;* **буза** – *бузить, бузила, бузильщик, бузливый, забузить, набузить, побузить, бузовать, отбузовать, побузовать;* **бузотёр** (прост. неодобр.) – *бузотёрка, бузотёрство, бузотёрский, бузотёрить, побузотёрить;* **кураж** – *куражить* (устар.), *куражиться, куражный* (устар.), *куражливый* (устар.), *куражливо* (устар.), *закуражиться, наку-*

ражиться, покуражиться, раскуражиться[1], *подкуражить, подкураживать, раскуражить, раскураживать, раскуражиться*[2]; **похабный** – *похабно, похабность, похабство, похабщина, похабник, похабница, похабничать, похабить, испохабить, испохабиться, спохабничать;* **кумекать** – *покумекать, покумекивать, раскумекать, скумекать* и др.

Гнездуется также книжная лексика. Так, гнездо **ригоризм** состоит полностью из слов с оттенком книжности: *ригорист, ригористка, ригористский, ригористический, ригористичный, ригористичность.*

Среди гомогенных структур большое место занимают терминологические гнезда, целиком состоящие из терминов. Это объясняется тем, что терминология играет исключительно важную роль в развитии номинативных средств языка, в обогащении его лексики. Исследователями установлено, что термины являются наиболее подвижной и наиболее активной частью словарного состава современных развитых языков. В русском языке новообразования составляют около 90% всей его неологической лексики.

Терминология тесно взаимодействует с литературным языком. Значительная часть ее сравнительно быстро входит в общее употребление. Поэтому по сложившейся лексикографической традиции наиболее важная и употребительная терминологическая лексика достаточно широко представлена в толковых словарях общего пользования. Так, по подсчетам Т.Я. Санаевой [1987, 40], в нашем двухтомном "Словообразовательном словаре русского языка" (М., 1985) зафиксировано 4431 терминологическое гнездо. В словаре всего 12.542 гнезда. Значит, терминологическими являются более третей части словообразовательных гнезд.

Среди них явно преобладают гомогенные структуры. Это чисто терминологические гнезда, в которых как исходные непроизводные слова, так и все производные относятся к терминам. Например:

верстать (типогр.) – верстаться, верстание, вёрстка, фотовёрстка, верстальщик, верстальщица, верстатка, вверстать, вверстывать, вверстываться, вверстывание, ввёрстка, доверстать, довёрстывать, довёрстываться, довёрстывание, довёрстка, заверстать, завёрстывать, заверстаться, завёрстываться, завёрстывание, завёрстка, наверстать, навёрстывать, наверстываться, переверстать, перевёрстывать, перевёрстаться, перевёрстываться, перевёрстывание, перевёрстка, подверстать, подвёрстывать, подверстаться, подверстываться, подвёрстывание, подвёрстка, приверстать, привёрстывать, привёрстываться, разверстать, развёрстывать, развёрстываться, развёрстывание, развёрстка, разверстание, сверстать, свёрстывать, свёрстываться, свёрстывание, свёрстка, уверстать, уверстаться, увёрстываться, увёрстывать, увёрстывание, увёрстка.

Ср. по лексическому значению: **верстать** 'соединять отдельные части набора и разбивать их на равные полосы (страницы) определенного формата в той последовательности, в какой они должны быть даны в книге, газете, журнале'; *верстаться* 'страд. к верстать'; *вёрстка* 'заключительная стадия наборного процесса, состоящая в придании определенного размера полосам набора в гранках, имеющим произвольное число строк', 'сверстанный набор'; *верстальщик* 'наборщик, занимающийся версткой'; *верстальщица* 'женск. к верстальщик'; *верстатка*

'прибор для производства ручного типографского набора'; *вверстать* 'сделать вставку (нового набора или клише) в сделанный набор или вёрстку'; *подверстать* 'верстая, добавлять, подгонять к ранее свёрстанному; *переверстать* 'верстать снова и иначе'; *приверстать* 'дополнительно верстать' и др.

Интересно частеречное распределение таких гнезд в современном русском языке. Самое большое количество гнезд образуют имена существительные – 3200. К ним, например, относятся:

сперма (физиол.) – спермации, спермий, спермин, аспермия, сперматогенез, сперматогоний, спермогоний, сперматозоид, сперматорея, сперматофоры, азооспермид, азооспермия, ангиоспермы, панспермизм, перисперм, пиоспермия, полиспермия, эндосперм, эндосперма и др.;

гидравлика (спец.) – гидравлик, гидравлический, гидроавтомат, гидроагрегат, гидроаппаратура, гидробур, гидробурение, гидровскрыша, гидровскрышный, гидрогенератор, гидрокомпрессор, гидротурбина, гидротурбинщик, гидротурбинный, взрывогидравлический, парогидравлический и др.;

радий (спец.) – радон, радоновый, радиация, радиант, радиационный, противорадиационный, радиоустойчивый, радиоустойчивость, радиевый, радиоактивизационный, радиоактивный, рад, радиобиология, радиобиолог, радиобиологический, радиогалактика, радиогеология, радиогидрология, радиография, радиозащитный и др.;

вольт (спец.) – вольтаж, вольтаметр, вольт-ампер, вольтамперный, вольтамперметр, вольтамперомметр, вольтметр, вольтомметр, высоковольтный, высоковольтник, высоковольтка, сверхвысоковольтный, киловольт, киловольт-ампер, микровольт, милливольт, низковольтный, электрон-вольт и др.

На втором месте глаголы. Они образуют 285 гомогенных гнезд. Например:

рекогносцировать (воен., геодез.) – рекогносцироваться, рекогносцирование, рекогносцировка, рекогносцировочный, рекогносцировщик;

ректифицировать (спец.) – ректифицироваться, ректификация, ректификационный, ректификатор, ректификат, спирт-ректификат, ректифицировать, ректифицироваться, ректифицирование;

сенсибилизировать (спец.) – сенсибилизироваться, сенсибилизация, радиосенсибилизация, сенсибилизатор, сенсибилизированный, десенсибилизировать, десенсибилизироваться, десенсибилизация, десенсибилизационный;

капотировать (спец.) – капотирование, капотаж, капотажный, капот, скапотировать;

каптировать (спец.) – каптироваться, каптирование, каптаж, каптажный;

мелиорировать (спец.) – мелиорация, мелиорационный, мелиоративный, водомелиоративный, почвенно-мелиоративный, агромелиорация, агромелиоратор, агромелиоративный, гидромелиорация, гидромелиоратор, гидромелиоративный, мелиоратор, лесомелиоратор, лугомелиоратор и др.

На третьем месте имена прилагательные. Они образуют 146 гнезд. Примеры:

сенсуальный (спец.) – сенсуальность, сенсуализм, сенсуалист, сенсуалистка, сенсуалистический, сенсуалистичный, сенсуалистичность; **легитимный** (спец.) – легитимно, легитимность, легитимизм, легитимист, легитимистка, легитимистский, легитимировать, легитимация, легитимизовать, легитимизоваться, легитимизационный; **ретикулярный** (спец.) – ретикулосаркома, ретикулоэндотелий, ретикулоэндотелиоз, ретикулоэндотелиома, ретикулоэндотелиальный; **эндокринный** (спец.) – эндокринология, эндокринолог, эндокринологический, эндокринопатия; **эгалитарный** (спец.) – эгалитаризм, эгалитарист; **ригидный** (спец.) – ригидность, ригидно-акинетический, акинетико-ригидный и др.

Наречных гнезд всего 6:

апостериорн, априори (философские термины); аллегро, ларго, пиано, пиццикато (музыкальные термины).

Говоря о стилистической гомогенности/гетерогенности терминологических гнезд, необходимо иметь в виду, что целый ряд таких гнезд включает в свой состав слова, которые относятся к разным терминологическим подсистемам. Нередко это объясняется тем, что гнездо возглавляет многозначное слово, разные лексико-семантические варианты которого формируют разные терминологические подгнезда. Так, в гнездо **интерферировать** входят *интерференция, интерференционный, интерферометрия, интерферометр, радиоинтерферометр, интерферометрический, интерферон, интерфероногеи, интерферограмма, интерференционно-поляризационный.* Кроме слов *интерферон, интерфероногеи*, употребляющихся в биологии, все остальные слова относятся к физической терминологии. Слова *интерферировать, интерференция, интерференционный* употребляются также в биологической и лингвистической терминологии. В гнезде **агглютинировать** объединены термины лингвистические и биологические: *агглютинироваться, агглютинирование, агглютинация, агглютинативный, агглютинативность, гемагглютинация, агглютинин, агглютинирующий.*

В таких случаях гомогенность терминологических гнезд вряд ли нарушается. Дело в том, что каждая терминологическая подсистема формируется и функционирует вполне автономно.

Иное дело смешанные терминологические гнезда. Их возглавляют непроизводные многозначные слова, которые в одном или в нескольких из своих значений выступают в функции термина. "Гнезда, возглавляемые полифункциональными словами, выступают как смешанные словообразовательные гнезда. К их числу относятся гнезда с исходными словами *вода, воздух, земля, дерево, газ, пар, телевизионный, лечить, плавить, течь* и другие, имеющие десятки и сотни производных слов, среди которых представлены как термины различных подсистем, так и общеупотребительные слова, бытовая лексика [Санаева 1987, 38]. Сюда же: *автомобиль, адвокат, банк, биология, колос, крыло, машина, медь; активный, выпуклый, солидарный, стабильный; аккомпанировать, вещать, дубить, оперировать, паять* и т.п.

Такие гнезда, безусловно, являются гетерогенными.

Различна степень стилистической гетерогенности лексических гнезд. Она зависит от различных факторов. Большую роль здесь играет семантический объём, смысловая разветвленность исходного слова, словообразовательная активность его различных ЛСВ. Не менее важным является лексический объём гнезда (количество производных), семантическая разветвленность производных слов. В этом свете интересным является стилистическое устройство гнезда **бить** (нейтр.; имеет 11 знач. и 7 оттенков знач.)

– *биться* (1–8. нейтр., 4 // разг.), *бивать* (разг.), *биение* (1. нейтр. 2. мн. физ.), *битьё* (1. нейтр. 2. нейтр.), *битва* (нейтр.), *бой* (1. нейтр. // прост. 2, 4–8. нейтр. 3. прост.),

боевой (нейтр.), *боевик* (нейтр.), *боевитый* (нейтр.), *боевитость* (нейтр.), *по-боевому* (разг.), *било* (нейтр.), *бивень* (нейтр.), *бойня* (нейтр.), *бойница* (нейтр.), *боец* (нейтр.), *боек* (нейтр.), *битый* (нейтр.), *бита* (разг.), *битком* (нейтр.), *биточки* (уменьш.), *вбить* (нейтр.), *взбить* (нейтр.), *выбить* (1–2, 4–7. нейтр. 3. разг. 8–9. прост.), *выбойка* (устар. и прост.), *выбойчатый* (устар. и прост.), *добить* (нейтр.), *забить*1 (глубоко вбить) (1–5. нейтр., 6. прост. 7. спец. и обл.), *забить*^{2} (начать бить) (нейтр.), *забивка* (1–5. нейтр. 6. прост. 7. спец. и обл. 8. прост.), *забой*^{1} (забой скота) (спец. и обл.), *забойный*^{1} (спец. и обл.), *забой*^{2} (горн.), *забойный*^{2} (горн.), *забойщик* (горн.), *забойщицкий* (горн. разг.), *забитый* (нейтр.), *забитость* (нейтр.), *избить* (1. нейтр. 2. книжн. устар. 3. разг. // прост.), *избиться* (разг.), *избиение* (1. нейтр. 2. книжн. устар.), *избоина* (с.-х. и обл.), *набить* (1. нейтр. // разг. 2–4. нейтр. 6, 8–11. разг. 12. прост.), *понабиться* (разг.), *набиться* (1–2. нейтр. 3. разг.), *набойка* (1–3. нейтр. 4. тех.), *набойный* (1. нейтр. 2. разг. устар.), *набойчатый* (разг. устар.), *набойщик* (нейтр.), *набойщица* (нейтр.), *понабить* (разг.), *обить* (1. нейтр. // разг. 2, 4. нейтр. 3. разг.), *обиться* (1–2. нейтр. 3. разг.), *обойка* (1–2. нейтр.), *обойки* (с.-х.), *обоечный* (спец.), *оббить* (разг.), *оббиться* (разг.), *отбить* (1–2, 6–9, 12. нейтр. 3. нейтр. // разг. 4–5. разг. 10. спец. 11. устар.), *отбиться* (1, 3. нейтр.2. нейтр. // разг. 4. разг. // устар.), *отбивка* (разг. и спец.), *отбивной* (нейтр.), *отбой* (1–3. спец. 4. нейтр.), *отбойка* (горн.), *отбойный* (горн.), *перебить* (1–4, 6–9. нейтр., 5, 10. разг.), *перебиться* (1. нейтр. 2–3. разг.), *перебой* (нейтр.), *перебойный* (разг.), *перебиваться* (1. нейтр. 2–4. разг.), *вперебой* (разг.), *побить* (1–2, 4, 6. нейтр. 3–5. разг.), *побиться* (разг. во всех знач.), *побоище* (1. устар. // нейтр. 2. разг.), *побои* (нейтр. // прост.), *подбить* (1, 4. нейтр. 2, 5–7. разг. 3, 8. прост.), *подбиться* (1. разг. 2. прост.), *подбой* (1. нейтр. 2–3. разг. 4. спец. 5–6. спец. и разг. 7. горн.), *подбойка* (спец. и разг. в 6 знач.), *подбойный* (спец.), *прибить* (1–3. нейтр. 4. прост.), *прибиться* (1–3. нейтр. 4. прост.), *прибой* (1–2. нейтр. 3. тех. 4 спец.), *прибойный* (нейтр.), *пробить* (1. нейтр. // горн. 5–7. нейтр. 2–3. разг. 4. спец. 8. разг. устар.), *пробиться* (1–3. нейтр. 4–5. разг.), *пробоина* (нейтр.), *пробой* (1. нейтр. // спец. 2. нейтр.), *пробойка* (1–4. нейтр.), *пробойник* (нейтр.), *пробойный* (1. нейтр. 2. прост.), *разбить* (1. нейтр. // разг. устар. 2, 7, 8, 11. нейтр. 3, 6. разг. 4. нейтр. // разг. 5. нейтр. // прост. 9. типогр. 10. прост. и спец.), *разбиться* (1–2. нейтр. 3. разг. 4. нейтр. // разг.), *разбитие* (устар.), *разбитной* (разг.), *разбитый* (нейтр. во всех 8), *разбитость* (нейтр.), *разбойный* (устар.), *сбить* (1, 3, 4, 6–8, 10. нейтр. 2. нейтр. // разг. 5, 9. разг.), *сбиться* (1–5, 7. нейтр. 6. нейтр. // разг. 8. разг.), *сбивка* (нейтр. в 4 знач.), *сбивной* (нейтр. в 2 знач.), *сбивчивый* (нейтр. в 2 знач.), *сбивчиво* (нейтр.), *сбивчивость* (нейтр.), *сбой* (1–4. нейтр. 2–3. спец. и разг.), *сбойка* (нейтр.–нейтр., нейтр.–разг., нейтр.–прост., разг.–разг., разг.–прост. и др.).Сюда же: *болтать* (разг.). Ср.:

бранить, нейтр.
браниться, нейтр.
бранивать, разг.
брань, нейтр.
бранливый, прост.
бранчивый, прост.
бранчливый, прост.
возбранить, устар.
выбранить, разг.
забранить, разг.
избранить, прост.
набранить, разг.
набраниться, разг.
отбранить, разг.
перебранить, разг.
побранить, нейтр. (сов. к *бранить*)
побранивать, разг.
прибранить, прост.
разбранить, разг.
разбраниться, разг.

брюзжать, нейтр.
брюзжание, нейтр.
брюзга, нейтр.
брюзгливый, нейтр.
забрюзжать, разг.
забрюзжаться, разг.
избрюзжаться, разг.
набрюзжать, разг.
набрюзжаться, разг.
пробрюзжать, разг.
разбрюзжаться, разг.
бормотать, нейтр.
бормотанье, нейтр.
бормотня, прост.
бормотун, разг.
забормотать,нейтр.

набормотать, прост.
набормотаться, прост.
побормотать, нейтр.
пробормотать, нейтр.

болтать, разг.
болтовня, разг.
болтун, разг.
болтливый, разг.
выболтать, прост.
доболтать, разг.
доболтаться, разг.
заболтать, разг.
заболтаться, разг.
изболтаться, прост.
наболтать; разг.
наболтаться, разг.
отболтаться, разг.
переболтать, разг.
поболтать, разг.
проболтать, разг.

проболтаться, разг.
разболтать, разг.
разболтаться, разг.
болтология, шуточн.

Эта закономерность четко прослеживается и в словообразовательных цепочках. Ср.:

белый (нейтр.) – *белить* (нейтр.)–*пробелить* (спец.)–*пробелка*(спец.)–*пробелочный* (спец.)
белый (нейтр.)–*белить* (нейтр.)–*отбелить* (нейтр.)–*отбелка* (спец.)–*отбелочный* (спец.)
белый (нейтр.) – *бельмо* (груб. прост.)–*бельмастый* (груб. прост.) (1–2 горн.) и др.

Таким образом, гнездо **бить**, включающее около 500 производных слов (аффиксальных и сложных), значительная часть которых относится к многозначным образованиям, имеет обширные внешние связи, обслуживает разнообразные сферы общения, обладает сложной стилистической структурой.

5. Стилистические свойства однокоренных слов оказывают определенное влияние не только на их употребление, но и на их взаимоотношения в структуре лексического гнезда. Наиболее ярко это проявляется во взаимоотношениях базовых единиц словообразовательного гнезда – членов словообразовательных пар (производящих и производных слов). На базе нейтральных слов могут быть образованы не только нейтральные слова, но и слова любой стилистической окраски – разговорные, просторечные, грубопросторечные, вульгарные, книжные, высокие, специальные и т.п. На базе же стилистически маркированных слов, как правило, не образуются нейтральные слова. Например, от просторечных слов не могут быть созданы производные, не имеющие стилистической окраски.

Легко уживаются в словообразовательной паре слова одинаковой стилистической окраски: разговорное и разговорное, просторечное и просторечное, специальное и специальное и т.п.

Если учесть, что гнездо – это совокупность словообразовательных пар, то такие стилистические взаимоотношения однокоренных слов распространяются и на более сложные его структурные компоненты – словообразовательные парадигмы и словообразовательные цепочки. Продемонстрируем это на примере конкретных гнезд. Так, непосредственно на базе нейтральных глаголов *бранить, брюзжать, бормотать* образованы разговорные и просторечные производные, т.е. словообразовательные парадигмы их состоят целиком из стилистически сниженных слов. Члены словообразовательных пар в них связаны по схемам:

баба (разг. презрит.)–*бабник* (разг. презрит.)–*бабничать* (прост.)
мир(нейтр.)–*мирить* (нейтр.)–*помирить* (нейтр)–*помириться* (нейтр.)
огонь (нейтр.)–*огонёк* (уменьш.)–*огонечек* (уменьш.-ласк.)
корзина (нейтр.)–*корзинка* (уменьш.)–*корзиночка* (уменьш.-ласк.)
брошюра (нейтр.)–*брошюрка* (уменьш.)–*брошюрочка* (уменьш.-ласк.)
кроль (спорт.)–*кролист* (спорт.)–*кролистка* (спорт.)
брасс (спорт.)–*брассист* (спорт.)–*брассистка* (спорт.)
воздвигнуть (высок.)–*воздвигать* (высок.)–*воздвигаться* (высок.)
вода (нейтр.)–*водяной* (нейтр.)–*водянистый* (нейтр.)–*водянистость* (нейтр.)
вода (нейтр.)–*водица* (разг. ласк.)–*водичка* (разг. ласк.)
анестезия (мед.)–*анестезировать* (мед.)–*анестезироваться* (мед.)
отец (нейтр.)–*отчий* (трад.-поэт. и высок.) и др.

Все это свидетельствует о том, что стилистические свойства играют определенную роль в упорядочении взаимоотношений однокоренных слов в гнезде (несмотря на то, что в основном они определяются, конечно, их формально-семантическими свойствами). Поэтому стилистические показатели можно использовать при определении направления производности в парах однокоренных слов, когда формальные и семантические признаки их не позволяют установить, какой из членов пары является производящим и какой из них выступает как производное. Они могут сослужить важную службу нашей лексикографии. Сопоставление стилистических характеристик родственных слов на фоне всего гнезда поможет уточнить их при лексикографической разработке.

* * *

Итак, лексические гнезда, как и слова, могут быть стилистически нейтральными и стилистически маркированными. Стилистические ограничения или охватывают все гнездо или распространяются только на часть однокоренных слов. В современном русском языке преобладают стилистически отмеченные слова, слова разных функциональных стилей, слова, имеющие разнообразную эмоционально-экспрессивную окраску.

Гнездо является стилистически многослойной единицей языка. Различные стилистические слои в структуре гнезда живут не автономно, а тесно взаимосвязаны. В гнезде не только сосуществуют, но и взаимодействуют стилистически разнородные массивы слов. Гнездо имеет свою стилистическую структуру.

К сожалению, стилистическое устройство гнезда до сих пор не изучалось. Не исследовано, как формируется стилистическая структура гнезда, как изменяются стилистические свойства однокоренных слов в гнезде, как стилистически развивается гнездо, как функционируют гнезда в стилистическом механизме языка. Решение этих проблем – актуальная задача стилистики русского языка. Стилистика гнезда – сложный и интересный объект научного поиска.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Современная лексическая семантика. II. Синонимические средства языка и правила перефразирования // Русский язык в национальной школе. 1972. № 3.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Арутюнова Н.Д. Коммуникативная функция и значения слов. Филологические науки. 1973. № 3.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

Виноградов В.В. Введение в "Синтаксис" // Грамматика русского языка. М., 1954. Т. 2. Ч. 1.

Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского ин-та истории, философии и литературы. Т. 5: Сб. ст. по языковедению. М., 1939.

Гинзбург Е.Л. Синтаксическая и лексическая деривация // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972.

Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
Голанова Е.И. Словообразовательные средства, выражающие категорию отвлеченности в разных типах речи // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.
Земская Е.А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.
Земская Е.А. Относительные прилагательные как конструктивный элемент номинативной системы современного языка // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.
Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971.
Капанадзе Л.А. Отглагольные существительные // Русская разговорная речь. М., 1973.
Капанадзе Л.А. О понятиях термин и терминология // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.
Капанадзе Л.А. Взаимодействие терминологической лексики с общелитературной // Там же.
Колшанский Н.О. О русском синтаксисе // Труды Общества любителей российской словесности. М., 1819. Ч. 15.
Морозова Т.С. Структура словообразовательных парадигм природных деструктивных глаголов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.
Морозова Т.С. Структура словообразовательных парадигм глагола и ступенчатый характер русского словообразования // Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981.
Морозова Т.С. Синтаксические свойства глагола и его словообразовательный потенциал // Проблемы структурной лингвистики 1982. М., 1984.
Панов М.В. О стилях произношения в связи с общими проблемами стилистики // Развитие современного русского языка. М.: 1963.
Панов М.В. О слове как единице языка // Учен. зап. МГПИ им. Потемкина. М., 1956.
Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.
РРР–1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.
Санаева Т.Я. Словообразовательные гнезда в русской терминологии (частеречная типология). Ташкент, 1987.
Соболева П.А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. Дис. докт. филол. наук. М., 1970.
Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения в словообразовательном гнезде. Дис. докт. филол. наук. М., 1974.
Тихонов А.Н., Пардаев А.С. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отраженная антонимия. Ташкент, 1989.
Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
Ярулина Т.С. Словообразовательные возможности русских непроизводных глаголов (к проблеме взаимодействия грамматики и словообразования). Дис. канд. филол. наук. М., 1980.

Глава пятая

СИНТАКСИС

ОСНОВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Общая задача монографии — исследование современного русского языка в его функционировании — получает свою конкретизацию по отношению к каждому языковому уровню. Синтаксис в этом отношении не исключение. Цель синтаксического раздела в следующем: исследовать те закономерности в семантико-синтаксической структуре простого и сложного предложения, которые определяют его функционирование в разных языковых сферах. В простом предложении к числу таких закономерностей принадлежат следующие.

(1) Закономерности выбора семантико-синтаксических структур предложения для грамматической интерпретации "положения дел". Действие этой закономерности наглядно проявляется в том случае, когда одно и то же "положение дел" может быть грамматически интерпретировано разными структурами, ср.: строгое *Этот больной страдает хроническим гастритом* и менее строгое *У этого больного хронический гастрит*. Первостепенное значение при выборе семантико-синтаксической структуры имеет то, как осуществляется именование "положения дел": прямым или косвенным образом. Заслуживает внимания то понятие прямой и косвенной номинации, которая предложена В.Г. Гаком. В.Г. Гак исходит из анализа глубинных и поверхностных структур. В глубинной структуре выделяются 7 реальных актантов: субъект (отправитель), объект, адресат, субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина), пространственный конкретизатор (местопребывание, исходная или конечная точка движения), временной конкретизатор, субстанция, которой принадлежит либо часть которой составляет субъект или объект. В поверхностной синтаксической структуре выделяются соответственно члены предложения: подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, орудийное дополнение или обстоятельство причины, обстоятельство места, обстоятельство времени, дополнение к имени. При прямой номинации реальный актант соответствует члену предложения: субъект — подлежащему, объект — прямому дополнению и т.п. При косвенной номинации такого соответствия нет [Гак, 1969, 80—81]. Исходя из этого предложение *Они ушли со стадиона из-за непогоды* содержит прямую номинацию, а предложение *Непогода заставила их уйти со стадиона* — косвенную, поскольку обстоятельство причины в нем соответствует подлежащему (*непогода*).

(2) Закономерности использования синтаксических структур с неявно выраженным смыслом. Понятие неявно выраженного смысла широко и, вероятно, еще не до конца четко очерчено (см. об этом [Проблемы семантики предложения, 1986]). Выделяется неявно выраженный смысл, который обнаруживается на основе незамещенных синтаксических позиций. Незамещенная синтаксическая позиция — это значимое отсутствие компонента в позиционной структуре предложения. Утверждение о наличии в предложении незамещенной синтаксической позиции означает следующее: существует собственный языковой сигнал незамещенности позиции; в свою очередь, незамещенность — это также сигнал, требующий извлечь для разных незамещенных синтаксических позиций из разных источников необходимую семантику.К проблеме функционирования синтаксических структур имеют отношение те незамещенные синтаксические позиции, для которых языковым сигналом незамещенности являются лексико-синтаксические валентности вербализованных компонентов, а смысл, передаваемый незамещенными синтаксическими позициями имеет конкретный лексико-семантический (не грамматический) характер[1]. Традиционно предложения с такими незамещенными синтаксическими позициями характеризуются как неполные. Для понимания функционирования неполных предложений первостепенное значение имеет характер источника смысла, передаваемого незамещенной синтаксической позицией. Источником смысла в неполных предложениях может быть:

— внешний контекст: *Он читает книгу, а я газету* (а я читаю газету);

— конситуация — любые невербальные визуально-чувственные компоненты, в условиях которых употребляется предложение: (**А.** показывает **Б.** книгу) *Ты видел?* (ты видел эту книгу);

— внутренний контекст — семантическое окружение незамещенной синтаксической позиции внутри предложения: *Тут надо просто молотком* // (ударить молотком);

— частно-апперцепционная база участников данного коммуникативного акта — их прошлый совместный опыт, их прошлые совместные знания: (**А.** знает, что **Б.** должен сдавать зачет) **А.** *Ну?* **Б.** *Не было /заболел//* (не было зачета, заболел преподаватель).

(3) Закономерности использования лексики в нетипичных для нее синтаксических позициях. Например, только в нестрогих сферах языка можно субстантивировать наречие, поставив его в синтаксическую позицию, которая характерна для существительного, ср.: *Надоели мне твои завтра*, только в нестрогих сферах можно использовать конкретную лексику в нестандартном для нее "событийном" прочтении с

[1] Этим данные незамещенные синтаксические позиции отличаются от нулевых компонентов, которые сигнализируются на парадигматической основе и передают чисто грамматические значения. Типичным примером нулевого компонента является нулевая связка в предложениях типа *Он веселый*. Подробнее об этом см. [Ширяев 1984, 11—20].

множеством осмыслений, нужное из которых определяется знанием конситуации, ср.: *Опять я полдня из-за этой машины потеряю//*, что может означать 'опять я полдня потеряю, потому что должен съездить заправить машину бензином (а это долго)', 'потому что должен взять машину из гаража, а гараж далеко', 'потому что должен ремонтировать машину' и т.п.

(4) Закономерности, регулирующие степень синтаксической оформленности высказывания. В нестрогих сферах языка, прежде всего в РР, связи между компонентами высказывания могут не иметь соответствующей синтаксической поддержки, определяясь лексико-семантическими ассоциативными потенциями компонентов [Гаспаров 1978, 79]; ср. синтаксически слабо оформленное разговорное высказывание (**А.** к **Б.**, проходя мимо обувного магазина) *Этот магазин / сапожки зимние / Петька / бывают //* и его более синтаксически оформленный эквивалент: *В этом магазине бывают зимние сапожки для Петьки* (сына **А.**).

(5) Закономерности актуализации предложений, определяющие разные типы порядка слов и другие особенности структуры высказывания. В строгих сферах языка преобладает нейтральный тип актуального членения с последовательностью тема — рема, для нестрогих сфер характерно актуальное членение, осуществляемое с помощью так называемого непроективного порядка слов (дистантное расположение непосредственно синтаксически между собой связанных компонентов) — (из поэзии) *Угощу под заветнейшим кленом / Я беседой тебя непростой* (А. Ахматова) (Я угощу тебя непростой беседой); (из РР) *Тетради купи мне общие //* (Купи мне общие тетради).

(6) Закономерности свертывания предложения в структуре текста, ср.: (из научного текста) *Считалось, что кварки — весьма тяжелые объекты, связанные в адронах огромными силами, которые, с одной стороны, обусловливают большой "дефект" масс кварков в адронах, а с другой — препятствуют вылету наружу. Невылетание кварков здесь не является безусловным, и в принципе кварки могли бы быть высвобождены при сообщении адроном достаточно большой энергии* (из РР на научную тему) *И понимаешь / у меня этих предложений с такой вот кажется совсем нелогичной связью много собралось // Тут есть над чем подумать //* (в строгом научном изложении было бы, вероятно, что-нибудь вроде следующего: Эта частотность требует своей интерпретации).

(7) Закономерности выбора между простыми и соответствующими им сложными предложениями: *Победа революции обнажила суть многих противоречий в обществе — Революция победила, и обнажилась суть многих противоречий в обществе; Суть многих противоречий в обществе обнажилась, потому что победила революция.* Первое предложение характерно для строгих языковых сфер, последующие в этом плане более нейтральны.

Закономерности (6) и (7), как легко увидеть, касаются не только простых, но и сложных предложений. И, как будет показано в соответствующей части работы, именно в этих областях, то есть в распределении по сферам языка простых высказываний и соотнесенных с ними сложных, лежит основная специфика функционирования сложных предложений в разных языковых сферах. Кроме того, по отношению к сложному предложению должны исследоваться следующие закономерности:

(8) Закономерности распределения по сферам языка бессоюзных сложных предложений как структур с неявно выраженным смыслом и союзных как структур с явно выраженным смыслом. В союзном типе союз (или союзное слово) своей семантикой определяют соответствующие отношения между предикативными конструкциями: *Они ушли со стадиона, потому что пошел дождь* (причинные отношения). В бессоюзном сложном предложении подобного рода отношения также возможны: *Они ушли со стадиона: пошел дождь*, но явного средства для их выражения нет: семантические связи между предикативными конструкциями устанавливаются на основе конкретной неформальной семантики соединяемых предикативных конструкций: здравый смысл "подсказывает", что дождь и уход со стадиона находятся в причинных отношениях.

(9) Закономерности выбора среди бессоюзных сложных предложений. На выбор для разных сфер языка бессоюзных сложных предложений существенное влияние оказывают две следующие его семантические характеристики: дифференцированные / недифференцированные отношения между предикативными конструкциями, непосредственные / опосредованные отношения между предикативными конструкциями. Дифференцированными называем такие отношения, которые в точности соответствуют союзным, ср.: *Он сказал: придет поздно* и *Он сказал, что придет поздно*. Недифференцированными называем отношения, которые включают семантику ряда союзных отношений и, следовательно, не соответствуют ни одному из них, ср.: *Кончу работу / поеду отдыхать* // (если кончу работу, то поеду отдыхать; когда кончу работу, то поеду отдыхать; кончу работу, так что поеду отдыхать; так как кончу работу, то поеду отдыхать). Для бессоюзного сложного предложения характерна такая смысловая структура, при которой между содержанием предикативных конструкций нет непосредственных связей, эти связи опосредованы некоторым невербализованным смыслом, ср.: *Будет дождь / не пойду гулять* // и *Будет дождь / поработаю я еще* //. В первом предложении отношения непосредственные: дождь обычно рассматривается как прямая причина нежелания идти на улицу. Во втором предложении отношения опосредует смысл 'не пойду гулять': 'будет дождь — (поэтому не пойду гулять) — поэтому (взамен гуляния) поработаю еще'[2].

---

[2] О синтаксическом статусе бессоюзных сложных предложений и его семантических характеристиках подробнее см. [Ширяев 1986, 41—114].

(10) Закономерности функционирования определенных семантических типов сложных предложений. Среди сложных предложений выделяется ограниченная в своем функционировании группа сложноподчиненных предложений, построенных "на образе". К ним в первую очередь принадлежат сравнительные предложения: *Дуня сидела на ручке кресла, как наездница на своем английском седле* (А. Пушкин), *Под ним Казбек, как грань алмаза, снегами вечными сиял* (М. Лермонтов). Образ заложен и в предложениях степени типа *Плоский берег тянулся так близко, что, казалось, до него ничего не стоит дойти вброд* (В. Катаев). Также ограничены в своем употреблении предложения так называемой несвободной структуры, несущие в себе сильную экспрессию, ср.: *Приди он раньше, беды могло бы и не быть.*

Такие синтаксические характеристики предложения, как прямое именование "положения дел", явное выражение смысла, использование лексики в типичных для нее позициях, последовательная синтаксическая оформленность предложения, оформление сложных предложений на основе союзной связи, отсутствие "образа" и экспрессии в сложных предложениях, можно назвать стандартными характеристиками. Соответственно, к нестандартным характеристикам тогда должны быть отнесены такие: косвенное именование "положения дел", неявное выражение смысла, использование лексики в нетипичных синтаксических позициях, ослабленная синтаксическая оформленность предложения, использование "образа" и экспрессии в сложных предложениях.

Функциональные стили языка существуют в двух формах: письменной и устной. Нет сомнения в том, что письменная и устная формы реализации стиля имеют свои особенности, которые должны исследоваться. Однако изучение устной формы функциональных стилей — особая большая самостоятельная задача, еще далекая от своего решения[3], и поэтому сейчас показать в системе устные особенности функциональных стилей не представляется возможным. Семантико-синтаксические характеристики функциональных стилей представлены только для их письменной реализации, вероятно, все же основной для каждого из стилей.

Естественно, что РР анализируется в своей основной, а скорее всего, и единственной устной форме. Материалы языка художественной литературы привлекаются, разумеется, в письменной форме.

Принимается, как и в других разделах этой книги, система языковых сфер и функциональных стилей, разработанная Д.Н. Шмелевым [1977]. Далее будут показаны только основополагающие характеристики сфер языка[4] и тех семантико-синтаксических особенностей, которые предо-

---

[3] Начато изучение научной устной речи, см. [Современная русская устная научная речь 1985; Современная русская устная научная речь 1994].

[4] Коммуникативные запросы разных языковых сфер исследованы в такой степени, что они сейчас излагаются даже в многочисленных учебных пособиях по стилистике. Далее будут названы только те исследования, которые в этом плане сыграли, как кажется, наибольшую роль.

пределены этими сферами. В специальных частях некоторые из этих особенностей будут проанализированы более подробно.

2. Приведенный список закономерностей, регулирующих функционирование простых и сложных предложений в разных сферах языка, есть в сущности программа исследования синтаксиса в его функционировании. Следует подчеркнуть, что эта программа разработана на основе того, какие требования к языку предъявляет та или иная его сфера в соответствии с теми экстралингвистическими задачами, которые должны решаться в этой сфере. Кажется достаточно очевидным, что именно эти требования играют решающую роль в формировании синтаксических и, надо полагать, многих других особенностей разных языковых сфер. В самом деле, большая потребность, например, научной сферы в выражении отношений логической обусловленности (причинных, следственных, условных и т.п.) приводит к тому, что научный стиль мобилизует для этого как простые предложения, так и сложные: *Углом наклона реакций в высших парах можно пренебречь ввиду их несущественного влияния на коэффициент полезного действия передачи. — Углом наклона реакций в высших парах можно пренебречь, поскольку они несущественно влияют на коэффициент полезного действия в высших парах; Получение препарата в больших количествах позволило найти ему новое применение. — Препарат получил новое применение, поскольку был получен в больших количествах.* Другие сферы языка используют гораздо меньше способов выражения отношений логической обусловленности[5].

Кажется полезным сформулировать основные релевантные для функционального синтаксиса коммуникативные запросы разных языковых сфер и последовательно проследить, как эти запросы определяют выбор семантико-синтаксических структур по всем сформулированным закономерностям их строения.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ

Научный стиль

Научное изложение требует точности и логичности мысли, ее последовательной экспликации и объективизации [Кожина 1972, 123—138]. Закономерности выбора семантико-синтаксических структур проявляют себя в научном стиле следующим образом.

Научный стиль стремится к использованию только стандартных семантико-синтаксических структур. Поэтому в нем, безусловно, преобладают структуры с прямой номинацией "положения дел". Например, в научном тексте предложение *В практике были зарегистрированы случаи хирургического удаления обоих надпочечников у больных злока-*

[5] Способы выражения отношений логической обусловленности и их распределение по сферам языка детально описаны в соответствующем разделе книги [Грамматические исследования 1991, 165—239].

чественной гипертонией явно более предпочтительно, чем предложение *В практике позволили себя зарегистрировать случаи удаления обоих надпочечников...* Не терпит научный стиль семантико-синтаксических структур типа *Дети есть дети*, о чем пойдет речь в специальном разделе. В особом же разделе предстоит разговор об особой приверженности научного стиля к определенным структурам, которые не поддаются оценке по шкале стандартность / нестандартность, в частности предстоит определить, как ведет себя научный стиль по отношению к таким парам предложений, отражающим одно "положение дел", как *Этот препарат имеет одно особое качество* и *У этого препарата есть одно особое качество.*

Характерны для научного стиля структуры, в которых мысль подается для целей объективизации изложения как независимая от автора[6]: *Есть основания полагать* / вместо *У меня есть основания полагать* /, *Можно думать...* / вместо *Я думаю*/. Впрочем, *Мы думаем* вместо *Я думаю* часто оценивается как некоторый гипертрофированный уход от собственного "я".

Научный стиль явно стремится к эксплицитности выражения мысли. Из всех типов незамещенных синтаксических позиций для него характерны только такие, которые опираются на внешний контекст монологического (не диалогического) характера:

В Европе складываются литературы кельтов, германцев, славян, на Ближнем Востоке – арабов, в Закавказье — армян, грузин и азербайджанцев, в Центральной и Средней Азии — тибетцев, тюрок и монголов, в Восточной Азии — корейцев и японцев; Античный гуманистический идеал был передан Средневековью через школу, через чтение латинских языческих авторов; христианский — через церковь, через чтение Священного писания.

Стремление к стандартности изложения делает для научного стиля совершенно неприемлемым употребление лексики в нестандартных для нее синтаксических позициях. Невозможность в научном тексте синтаксически слабооформленных высказываний также вполне очевидна.

Стремление к стандартности в использовании синтаксических структур определяет как безусловно ведущий в научном изложении нейтральный тип актуального членения высказывания с последовательностью тема — рема и фразовым ударением на реме [Пумпянский 1977, 87—97]:

Опыты с применением новейших средств исследования / позволили установить ритмичность в потреблении, трансформации, транспорте и выделении растениями азота, калия, кальция, серы и других элементов питания. Причем, по нашим данным, специфика поглотительно-выделительной деятельности корней различных видов и сортов растений / является генетически закрепленной.

Научные тексты насыщены отглагольными существительными и другими словами с так называемой событийной семантикой. Это объясняется, во-первых, тем, что логика развертывания научного текста требует постоянной опоры на уже высказанное, и поэтому необходимо

[6] Об авторском "я" в научном стиле см. [Лаптева 1977, 123—138].

свертывание предложений в виде событийных существительных для того, чтобы ввести смысл этих предложений в последующий текст, во-вторых, наука чаще оперирует не с конкретными предметами как таковыми, а с ситуациями (событиями), в которых эти предметы принимают участие, ср.:

Таким образом, установленный факт суточной и сезонной миграции различных ионов в почве является результатом суммарного взаимодействия физико-химических и биологических процессов в почве, имеющих также свою ритмику. Познание закономерностей и взаимосвязи этих процессов требует разработки новых методов диагностики ионного режима различных почв и приемов управления ими.

Многие простые предложения с событийными существительными могут быть развернуты в сложные, ср. возможность преобразования последнего из приведенного текста: *Если ставится цель познать закономерности и взаимосвязи этих процессов, то это потребует того, чтобы были разработаны новые методы диагности ионного режима различных почв, и того, как ими управлять.* Ясно, что научное изложение просто не может позволить себе по разным причинам, в том числе и из-за экономии места, таких громоздких, многословных развертываний. Информационная насыщенность простого предложения за счет слов с событийной семантикой — характернейшая черта научного стиля.

Поскольку союзные сложные предложения принадлежат к тому типу сложного предложения, в котором, в отличие от бессоюзного сложного предложения, смысловые отношения между предикативными конструкциями выражены явным образом, именно союзный тип сложного предложения является безусловно господствующим в научном стиле. Из бессоюзных сложных предложений достаточно регулярны только предложения с дифференцированными смысловыми отношениями, ничем не опосредованными, ср.: *Стоит заметить: в этой аналогии величина пропорциональна массе покоя; Таким образом установлено: люцерна в хлопковом севообороте при описанных условиях лишь восстанавливает утраченные почвой плодородие и не может обеспечить прогрессивное повышение плодородия орошаемых почв.*

И, наконец, отметим, что сложные предложения, построенные на образе, для научного стиля нехарактерны.

Официально-деловой стиль

Коммуникативные требования, предъявляемые к официально-деловым текстам, во многом сходны с теми, которые определяют синтаксис научного стиля. Официально-деловое изложение должно быть непротиворечивым, отличаться точной экспликацией содержания. Основные синтаксические характеристики официально-делового стиля те же, что и научного: официально-деловой стиль избегает косвенной номинации "положения дел", в нем возможны только незамещенные позиции с опорой на внешний монологический контекст, лексика используется в стандартных для нее синтаксических позициях, исключены синтаксиче-

чески слабооформленные высказывания, господствует нейтральный тип актуального членения, широко представлены простые предложения со словами событийной семантики, в том числе и такие предложения, которые способны разворачиваться в сложные, крайне редки бессоюзные сложные предложения, нетерпимы сложные предложения, построенные на образе.

К числу собственных признаков официально-делового стиля относятся следующие. В официально-деловых текстах обилие разного рода устойчивых оборотов, формулировок, не допускающих варьирования [Логинова 1968, 186—189]: так, заявление о командировке можно начать словами *Прошу командировать меня* или *Прошу разрешить командировку* и исключены такие начала, как *Я просил бы, Есть необходимость командировки* и т.п.

Важная особенность официально-делового стиля — большая информационная насыщенность предложения и, шире, текста: документы обязаны максимально полно излагать суть дела, полностью исключать двусмысленность толкования. Поэтому официально-деловые тексты, как правило, не рассчитаны на осмысление с первого прочтения. Эта особенность официально-делового стиля не может не сказаться на его синтаксисе: так, например, именно в официально-деловом стиле (наряду с научным) широко представлены простые предложения, способные разворачиваться в сложные, и это позволяет заключить в одном предложении достаточно большую информацию, ср.: (из кодекса законов)

Если гибель предмета подряда или невозможность окончания работы произошли вследствие недостатков материала, доставленного заказчиком, или его распоряжений о способе выполнения работы, либо произошли после наступления просрочки в принятии заказчиком выполненной работы, причем подрядчиком были соблюдены правила статей 358 и 359 настоящего Кодекса, подрядчик сохраняет право на получение вознаграждения за работу.

Вероятно, для научных текстов, также стремящихся заключить в одно предложение как можно больше информации, такие перенасыщенные информацией предложения все же нежелательны.

Авторство в официально-деловых документах имеет обычно специфический характер. Такие документы, как указы, законы, в том числе и конституция, написаны от имени государства, а, естественно, не от имени их реальных составителей. Если документ пишется от 1 л., то это лицо всегда выступает как официальный представитель государства, ведомства, учреждения и т.п.

Публицистический стиль

Если типичным проявлением публицистического стиля считать язык средств массой информации, прежде всего газеты, то его суть с большой ясностью определена В.Г. Костомаровым [1977, 91]. Она заключается в единстве двух противонаправленных тенденций: тенденций к стандартности и экспрессивности. Тенденция к тому, что В.Г. Костомаров называет стандартизацией, означает стремление пуб-

лицистики к строгости и информативности научного и официально-делового стилей, тенденция к экспрессивности означает стремление публицистики к доступности и яркости формы выражения, характерных для языка художественной литературы и РР. Публицистика, следовательно, это такая сфера языка, где могут своеобразно переплетаться и вступать во взаимодействие многие особенности научного и официально-делового стилей, с одной стороны, и РР и языка художественной литературы, с другой.

С одной стороны, в публицистике без труда можно обнаружить все, без исключения, семантико-синтаксические характеристики научного стиля. С другой стороны, рядом с ними столь же легко обнаружить те синтаксические характеристики, которые для научного стиля нехарактерны.

В публицистике вполне обычны предложения с косвенными номинациями, ср.: *Жизнь порой устраивает такие парадоксальные ситуации; время навсегда отнимает несыгранные роли.*

Широко используются в публицистике предложения с разными типами незамещенных синтаксических позиций. Это могут быть, как и в научном стиле, незамещенные синтаксические позиции, опирающиеся на внешний контекст, но, в отличие от научного стиля, этот контекст может быть не только монологический, но и диалогический:

Несколько десятилетий назад появился стереотип: литература отстает от жизни. И до сих пор мы продолжаем играть этими опасными словами: Поэзия отстает от прозы, роман — от публицистики, критика — от литературы, литература — от жизни;

В конце спектакля героиня Дорониной кричит о бесцельности и пустоте нынешней жизни.

Вопль. Крик боли.
К кому?
К нам? К себе самой?
Или к нам, и к себе самой?
Изгнание бесов;

В публицистике могут быть и нехарактерные для научного текста предложения с незамещенными синтаксическими позициями, опирающимися на внутренний контекст:

Вот те на! Человек на смертном одре. Неужели предотвратить несчастье нельзя?... В дорогу!; Так спорить очень легко, если не сказать глупо: я про одно, а мне совсем про другое, хорошо, я готов и о другом, а мне уже про третье.

Возможны в публицистике и незамещенные синтаксические позиции, опирающиеся на описанную в тексте конситуацию (конситуация как таковая, в письменных текстах, естественно, представлена быть не может):

И вот мы на теперь уже "знаменитом" Рижском рынке. Вареники, дубленки. Модно. Дорого. А качество? Неизвестно.

Не характерны для публицистики только предложения с незамещенными синтаксическими позициями, опирающимися на частно-апперцепционную базу, воспроизведение которой в специальном описании трудно осуществимо.

Возможно в публицистике использование лексики в нестандартном употреблении:

На улице гололед, а у дворника нет песка. Человек шел на работу и сломал ногу. Нога — прямой убыток государству. А виноват только песок, которого нет; Было много планов, они обещали безоблачное завтра, а нам хочется хоть сколько-нибудь сносного сегодня.

Как кажется, в публицистике, во всяком случае, в ее письменной, а не устной форме, нет синтаксически слабооформленных высказываний, однако если явления парцелляции и сегментации высказывания[7] считать ослаблением синтаксической оформленности высказывания, то следует сказать, что парцеллированные и сегментированные конструкции в публицистике не только возможны, но и составляют ее характерную черту:

Действительно, а нельзя ли сделать так, чтобы наша гласность была улыбающейся? Светлой, радостной, ласкающей слух...; Театр вправе и способен уйти с проторенного пути согласований и увязок, нажима, запретительства и мелочной опеки. Уйти к продуманным самостоятельным решениям.

Вполне обычно для публицистики не только нейтральное актуальное членение высказывания, но и актуальное членение, осуществляемое с помощью инверсионного порядка слов:

Трудные времена переживает небольшое островное государство Шри Ланка; с особой надеждой встречены у нас поэтому решения состоявшейся на днях в Тунисе чрезвычайной сессии Совета Лиги арабских государств на уровне министров иностранных дел; Никакого вреда экономике не приносит эта идея.

Что касается употребления в публицистике простых предложений с существительными с событийной семантикой, то они достаточно активны, но насыщенность предложений этими существительными в публицистике заметно меньшая, чем в научных и официально-деловых текстах:

Произошло, конечно, важное событие, но не сбросишь со счета и тревогу людей. Необходимо ускорить строительство очистных сооружений, строго соблюдать технологические режимы. Как показывает практика, в обеспечении чистоты окружающей среды важны не только вклад ученого и инженера, но и дисциплина рабочего.

Как и в научном стиле, в публицистике ведущим типом сложного предложения является союзное, но, в сравнении с научным стилем, резко возрастает процент бессоюзных сложных предложений. Если в научном стиле употребляются только бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями, то в публицистике возможны бессоюзные сложные предложения с самыми разными смысловыми отношениями между предикативными конструкциями:

— изъяснительными: *Причем сразу же, в первые, самые тяжелые месяцы отступления наших войск широкое применение получила отсрочка исполнения приговоров с направлением не за колючую проволоку, а на фронт. Согласен — сурово. Но — не унизительно для сол-*

[7] О понятиях парцелляции и сегментации см. [РЯСО 1968, 277—321].

датской чести;

— причинными: *И лишь примерно через месяц поборола болезнь: она должна была встать;*

— пояснительными: *В одном сходились все — преподаватель не имел права, ни юридического, ни морального передавать управление несовершеннолетнему и необученному.*

Приведенные примеры — не более чем иллюстрация многообразия смысловых типов бессоюзного сложного предложения в публицистике, их легко можно умножить. Возможны в публицистике вообще редкие в письменных текстах бессоюзные сложные предложения с определительными отношениями: *Было время — даже жители столицы ездили в глубинку, чтобы в местном сельпо купить что-нибудь дефицитное.*

Ведущим типом бессоюзного сложного предложения в публицистике являются бессоюзные сложные предложения с дифференцированными непосредственными отношениями. Однако не являются исключением и бессоюзные сложные предложения с недифференцированными отношениями, и бессоюзные сложные предложения с опосредованными отношениями, ср. недифференцированные причинно-объяснительные отношения: *А директор Клименко на следствии упорно отрицал свою вину, утверждая, что действовал правильно: хотел приблизить учебную практику к производству, к жизни, чтобы учащиеся собственными глазами видели результат* (действовал правильно, а именно: хотел приблизить..., действовал правильно, потому что хотел приблизить); опосредованные отношения: *У подъезда толпились люди, и когда она вышла из машины, что-то случилось: одни смотрели на нее во все глаза, другие, напротив, старательно не смотрели* (что-то случилось — она поняла это — потому что одни смотрели...) [Ширяев 1986, 162—166].

Вполне обычны в публицистических текстах, в отличие от научных и официально-деловых, сложные предложения, построенные на образе, сложные предложения несвободной структуры с экспрессией:

Налоги на кооперативы запланированы такие, что их хоть сейчас закрывай; Четыре года мы бьемся, как рыба об лед, чтобы издать этот интересный материал; Были бы авторы "Взгляда" всегда столь нерасторопны, не было бы программы, которую приняли десятки миллионов телезрителей.

Все эти закономерности функционирования синтаксиса в публицистике, отличающие ее от научной речи — непосредственное воздействие на публицистику РР и языка художественной литературы.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Большое своеобразие этой языковой сферы вообще, и в области синтаксиса особенно, сомнений не вызывает. Эти особенности, как уже неоднократно было показано, обусловлены тремя экстралингвистическими особенностями реализации РР: разговорная речь протекает

спонтанно при неофициальности отношений между говорящими и при непосредственном участии говорящих в акте коммуникации[8]. Особенности строения РР настолько значительны, что позволяли выдвинуть гипотезу о РР как особой языковой системе. Эта гипотеза принимается далеко не всеми. Здесь нет необходимости продолжать полемику по этому поводу. Важно подчеркнуть другое. При любом подходе к РР ее полезно рассматривать среди других языковых сфер. Заранее ясно, что РР не является и не может являться чем-то изолированным в ряду языковых сфер. С одной стороны, РР достаточно контрастно противопоставлена научному и официально-деловому стилям. С другой стороны, несомненно ее влияние на язык публицистики[9] и язык художественной литературы.

Синтаксические особенности РР описаны достаточно полно[10], однако их, по необходимости кратная, систематизация по общему для всех сфер языка плану исследования семантико-синтаксической структуры простого и сложного предложения представляет определенный интерес, несмотря на неизбежные в этом случае повторения, именно потому, что позволяет увидеть место РР среди всех других сфер языка.

В РР существуют свои излюбленные семантико-синтаксические схемы предложения. Так, в отличие от научного стиля, в РР редко используются структуры с глаголами обладания типа *Он имеет дачу*, для выражения данного "положения дел" господствующим является бытийный тип — *У него есть дача*. Не чужда РР косвенных номинаций, ср.: *Эта его новая работа как-то все отодвинула с отпуском*// (Как-то все отодвинулось с отпуском из-за его новой работы). Однако такие структуры с косвенной номинацией в незначительной степени определяют синтаксическое лицо РР. Как кажется, основная особенность в области выбора и функционирования семантико-синтаксических схем предложений в РР состоит в том, что многие схемы предложений в РР способны выражать более широкий круг значений, чем в других сферах. Так, для схемы N_1 сор N_1 в РР наряду с обычными для всех сфер значениями типа *Он инженер* имеет и совершенно не встречающиеся в других сферах значения типа *Шкаф / карельская береза* // (шкаф из карельской березы); *Она уже второй курс* // (Она уже учится на втором курсе).

Разговорный коммуникативный акт по своей сути таков, что в нем активную роль играет конситуация и частно-апперцепционная база говорящих, что создает благоприятные условия для широкого функционирования высказываний с незамещенными синтаксическими позици-

---

[8] Назовем здесь только одну из последних обобщающих работ по РР [Земская, Ширяев 1987]. В этой работе можно найти основную библиографию по РР.

[9] Об этом уже давно и убедительно писала Н.Ю. Шведова — см. ее работы [Шведова 1964; 1966].

[10] Назовем только монографические исследования по синтаксису РР последних лет [РРР – 1973, 217—402; Лаптева 1976; Земская 1981, 191—273].

ями. Высказывания с незамещенными синтаксическими позициями — характернейшая черта РР. В РР широко и своеобразно представлены все типы незамещенных синтаксических позиций. Активно употребляются в РР незамещенные синтаксические позиции с опорой на внешний контекст, как диалогический, так и монологический: **А.** *Ну/ едешь ты в Польшу?* **Б.** *Теперь точно еду//*; *Они вчера полдня были в нашем лесу// И Машку взяли* // (с собой гулять в лес). Столь же активно используются в РР незамещенные синтаксические позиции, опирающиеся на внутренний контекст. В публицистике и языке художественной литературы такие незамещенные синтаксические позиции передают ограниченный круг значений: это чаще всего значения движения *Татьяна в лес* и говорения *Я не про это*, в РР практически нет никаких ограничений на передаваемые значения. Незамещенная синтаксическая позиция может в РР передавать любые значения, естественным образом вытекающие из соответствующего внутреннего контекста, ср.: *Не надо тушью / давай лучше карандашом этим толстым* // (напишем объявление); *Ковер лучше пылесосом* // (вычистить). Вполне обычны незамещенные синтаксические позиции в условиях материального окружения (необычны здесь как раз полные предложения): (у овощной палатки) *Два небольших* // (огурца); (проходя мимо церкви) *Отреставрировали все же//*. Если перечисленные типы незамещенных синтаксических позиций возможны и в других сферах языка, хотя и в гораздо более умеренных количествах, то незамещенные синтаксические позиции, опирающиеся на частно-апперцепционную базу принадлежат только РР и очень в ней активны, ср.: **А.** по пятницам ходит читать лекции. **Б.** (накануне) *Тебе из университета звонили / отменили завтра* // (отменили лекцию); (**А.** ходил в магазин, возвратившись) *Все кроме яблок* // (купил все, о чем просила **Б.**, кроме яблок). Ясно, что частно-апперцепционная база может объединять только узкий круг людей (иногда это вообще только говорящий и слушающий). И это объясняет, почему незамещенные синтаксические позиции с опорой на частно-апперцепционную базу представлены исключительно в РР: высказывания в других сферах имеют такой широкий круг адресатов, учесть прошлый опыт и знания которых в той мере, чтобы использовать незамещенные позиции, просто невозможно.

Для научного и официально-делового стилей, как уже было сказано, характерны простые предложения с большой информационной насыщенностью, свидетельством чего является возможность развернуть эти простые предложения в сложные. Информационная насыщенность таких предложений достигается за счет слов с событийной семантикой, в основном за счет событийных существительных. В РР нет необходимости в большой информационной насыщенности предложения. Поэтому простые предложения, наполненные событийными существительными в разных синтаксических позициях, для РР нехарактерны. Из этого не следует, что в РР вообще нет потребности в достаточно сложных по содержанию текстах. Такая потребность удовлетворяется

однако, иначе, чем в научных и официально-деловых текстах. Во-первых, РР предпочитает использовать именно сложные предложения, а не их свертки в простые, ср. подлинное высказывание из РР: *Когда идут в армию а кончили только два курса в институте / то потом уже вообще учатся хуже / когда возвращаются / как-то уже разучиваются думать* // и его потенциальное свертывание: *Служба в армии после окончания только двух курсов в институте снижает интеллектуальные возможности студента, вернувшегося из армии.* Такое свернутое предложение несет явную печать книжности, оно невозможно в РР. Во-вторых, для свертывания предложения в процессе развития текста в РР чаще используются не событийные существительные, а разного рода местоимения типа *это* или наречия типа *здесь: Она немецкий неплохо знала со школы // Это ей помогло потом с работой //; Их заставляли все это конспектировать даже// Но здесь уж ничего не поделаешь* // И, наконец, в третьих, РР на законном месте событийных существительных и предикативных конструкций регулярно используются слова с конкретной семантикой. Такие слова, попадая в необычную для них позицию, с точки зрения их лексического статуса, получают, как говорят, событийное прочтение, ср.: *Она из-за Ирки дома сидит* // (из-за болезни Ирки).

Использование лексики в позициях, не отвечающих их лексическому статусу, вообще характерная черта синтаксиса РР, ср. еще примеры: *Меня часы подвели* // (неточный ход часов); *Он из-за машины лодку совсем забросил* // (из-за поездок на машине совсем забросил поездки на лодке).

Еще одной характерной особенностью РР является возможность употребления синтаксически слабооформленных высказываний. В таких высказываниях их составляющие компоненты обычно выделяются в синтагмы, в которых слова со словоизменительной парадигмой употребляются часто в исходных морфологических формах, в результате чего на связь этих компонентов указывает только их контактное местоположение, смысловые отношения между этими компонентами устанавливаются на ассоциативной лексико-семантической основе, ср.: *Машина /это ж / ну дачи не надо / лес / хоть каждый день/ грибы там / купание загорание / озеро пять минут//*, что приблизительно означает следующее: 'машина способна заменить дачу: можно хоть каждый день ездить в лес собирать там грибы, а также за пять минут можно съездить на озеро, где можно купаться и загорать'. Следует заметить, что синтаксически слабооформленные высказывания — вполне нормативные в спонтанной разговорной коммуникации — все же употребляются не часто. Вероятно, такие высказывания — это особый случай проявления достаточно определенной тенденции разговорного синтаксиса к аналитизму, который на общем фоне синтетического принципа организации синтаксиса современного русского языка, неизбежно предстает как ослабление синтаксической организации высказывания. К числу других регулярных проявлений аналитизма в разговорном

синтаксисе принадлежат следующие явления: (а) употребление именительного падежа существительного в таких позициях, где в других сферах обязательно употребляемое существительное в косвенном падеже: *Как доехать универмаг / не скажете?; А записывать будем / этот новый магнитофон / да?* (на этом новом магнитофоне); *"Овощи" мы заходили / купили вот картошка и лук //* (заходили в магазин "Овощи" и купили там картошки и лука); (б) употребление инфинитива в присубстантивной позиции там, где в других сферах употребления управляемые существительные: *Линеечку подчеркивать дать?* (линейку для подчеркивания); (в) употребление инфинитивных и предикативных блоков там, где в других сферах языка происходит оформление по моделям сложных предложений с соотносительными словами: *Дай чем писать //* (дай что-нибудь из того, чем писать); *Почту носит вечером / совсем молодой парень //* (тот, кто почту носит вечером, совсем молодой парень).

В области актуального членения предложения характерной чертой РР является подчеркнутое выделение ремы высказывания или, если рема неоднословная, ее наиболее важного компонента. Для этой цели в РР так же, как в публицистике и языке художественной литературы, широко используется инверсионный порядок слов. Собственно разговорной особенностью является то, что он может выступать в такой своей разновидности, которая получила название непроективного порядка слов. При проективном порядке слов два непосредственно связанных между собой слова могут быть разделены только членами, зависимыми от этих слов или вводными компонентами. При непроективном порядке слов эти ограничения снимаются[11]: *Черным лучше здесь подчеркивать стержнем* (ср.: *Здесь лучше подчеркивать черным стержнем*); *Кожаную ему очень хочется купить эту моднейшую сумку //* Большую активность в РР проявляют и другие способы подчеркнутой актуализации ремы. Среди них назовем: употребление специальных слов-актуализаторов, которые предвосхищают рему: *Он что/ в МГУ будет поступать?*; *Он живет где-то там / новостройки эти //*; выделение ремы с помощью актуализаторов *да/нет: Покрепче / да? тебе чай//; Ну ты идешь / нет со мной?;* выделение ремы (или ее части) в особую инициальную или конечную синтагму, с дублированием ремы в основной части высказывания: *В конце / в конце марта эта конференция планируется//; Там всегда очень народу много // Очень//.*

Остается определить общие особенности функционирования в РР сложного предложения. В РР, в отличие от всех других сфер языка, господствующим типом сложного предложения является бессоюзное. В бессоюзном сложном предложении между предикативными конструкциями могут выражаться такие отношения, которые в других сферах

[11] Непроективный порядок слов в РР детально исследован Е.А. Земской в [РРР — 1973, 383—393].

языка оформляются только союзами или союзными словами. К числу таких отношений относятся, например, определительные: *Часы наши / я купил недавно / очень точные //*. Тот факт, что РР не слишком дорожит союзом, подтверждается еще тем, что подчинительные союзы в высказываниях РР могут занимать в придаточной части любое место, в том числе и последнее, которое, с точки зрения актуального членения в этом случае является самым слабым, в других же сферах языка положение союза строго фиксировано, он располагается обычно на первом месте, занимая сильную, с точки зрения актуального членения, позицию, ср. разговорное высказывание: *Он говорил сегодня поздно придет что //; Я не приду / в командировку еду потому что//*.

Что же касается основного типа сложных предложений РР — бессоюзного сложного предложения, — то оно в РР, в отличие от других сфер языка, регулярно реализуется с недифференцированными или опосредованными отношениями: *Издадут твою книгу / можешь докторскую защищать* // (когда издадут, можешь,.., если издадут, можешь..., издадут, так что можешь..., так как издадут, то можешь...); *Завтра они все на машине приедут / доставай раскладушку* // (завтра они приедут — (им надо на чем-то спать) — так что доставай раскладушку)[12].

Образные сложные предложения в РР употребляются достаточно регулярно, как союзные, так и бессоюзные. Однако сами "образы" не отличаются большой изысканностью, поскольку спонтанность РР часто просто не оставляет времени найти яркий и свежий образ, ср.: *У них район / хуже не бывает //*

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Язык художественной речи — категория эстетическая. И это определяет его особое место среди всех других сфер языка. Эстетическая функция языка художественной литературы многообразна по своему характеру и по средствам выражения. Могут быть особые, чисто художественные средства выражения, в том числе, конечно, и синтаксические; ср., например, художественную интерпретацию "положения дел" в таком предложении: *Исчезнул он / Веселый сон / И одинокий / Во тьме глубокой / Я пробужден /... Кругом постели Немая ночь* (А. Пушкин) (ср. с обыденным *Я проснулся. Была еще ночь*). Важно, однако, вслед за Д.Н. Шмелевым подчеркнуть и другое. В языке художественной литературы для достижения определенного эстетического эффекта могут использоваться структуры всех других сфер, ср., например, возможность пародирования официального-делового стиля, имитация РР в языковом поведении персонажей и мн. др. [Шмелев 1977, 17—41; Кожевникова 1971, 222—300].

Ясно, таким образом, что фиксация того, какие из семантико-

[12] Детальное исследование сложного предложения в РР представлено в кн. [Земская 1981, 227—272; Ширяев 1986, 118—128].

синтаксических структур возможны в языке художественной литературы, а какие в ней не употребляются, мало что может дать для уяснения специфики синтаксиса языка художественной литературы. Ясно и то, что показать все те эстетические функции, которые получают синтаксические явления в языке художественой литературы — задача для нашего исследования нереальная. Особенно, если учесть, что использование синтаксических средств в художественной литературе может быть весьма индивидуальным и включаться в число характерных черт идиостиля писателя, примеров чему известно множество[13]. Тем не менее кажется неверным вообще отказываться от анализа языка художественной литературы. Чтобы выявить системные закономерности, целесообразным представляется показать, как используются в языке художественной литературы те синтаксические структуры, которые составляют специфику того или иного функционального стиля или разговорной речи.

3. Проведенный обзорный анализ семантико-синтаксических особенностей разных языковых разновидностей показывает, что многие семантико-синтаксические особенности локализуются не по одной, а по нескольким разновидностям. Очевидна, например, малая контрастность научного и официально-делового стиля по многим семантико-синтаксическим закономерностям строения высказывания. Другим примером могут служить незамещенные синтаксические позиции, опирающиеся на внутренний контекст (высказывания типа *Я не об этом*), которые одинаково характерны и для РР, и для публицистики. Поэтому есть основания выделить две наиболее контрастно противопоставленные группы, внутри членов которых, напротив, много сходства. Эти две группы можно назвать строгими и нестрогими сферами языка. В строгую сферу языка включаются научный и официально-деловой стили. В нестрогую сферу входят разговорная речь, публицистический стиль и язык художественной литературы. Выделение строгих и нестрогих языковых сфер коррелирует с дифференциацией стандартных и нестандартных синтаксических характеристик. Если первые характерны как для строгих, так и нестрогих сфер, то вторые составляют специфику только нестандартных сфер.

4. Ориентированность предложенной программы анализа синтаксического своеобразия разных сфер языка на коммуникативные запросы этих сфер имеет принципиальный характер. Функциональными синтаксическими особенностями определенной сферы языка можно, вероятно, считать только такие, которые предопределены коммуникативными условиями реализации языка в данной сфере. Подобное понимание функционально-синтаксических особенностей, как кажется, позволяет провести достаточно четкую границу между функциональными и иными особенностями, например, такими, которые порождены требованиями

[13] О.Г. Ревзина [1979, 89—106] отмечает, например, у М. Цветаевой употребление некоторых частей речи в несвойственных им синтаксических позициях: "Здесь" на "там" */Променявший и "дай" на "дам"; В завтра путь держу/ — В край без праотцев.* См. также [Иванчикова 1979; Ковтунова 1986] и мн. др.

реализовать определенное содержание в данной сфере. В официально-деловом стиле, реализованном, например, в законодательных актах, практически не встречаются сложные предложения с уступительными отношениями, в то время как для публицистики, языка художественной литературы, РР — это более чем обычная структура. Однако это не означает, что официально-деловой стиль "не приспособлен" для уступительных отношений, просто при формулировании законодательных актов в них нет потребности. Если же такая потребность появилась бы, то ничто не мешало бы употребить, например, сложноподчиненное предложение с союзом *несмотря на*, нейтральным в стилистическом плане. Следовательно, отсутствие в официально-деловом стиле уступительных сложноподчиненных предложений не является функционально-синтаксическим признаком этого стиля. С другой стороны, например, в научном стиле в отличие от РР явно невозможны высказывания с конкретной лексикой в событийном осмыслении: *Нога* (болезнь ноги) *не позволила ему опять поехать в отпуск в горы* // Поскольку в научном стиле потенциальных возможностей для употребления конкретной лексики в событийном осмыслении вполне достаточно, но эти возможности не используются, есть все основания говорить о том, что научный стиль не прибегает к такому способу формирования семантико-синтаксической структуры высказывания именно в силу коммуникативных условий своего функционирования. И, следовательно, отсутствие / наличие высказываний с конкретной лексикой в событийном осмыслении в научной / разговорной сферах языка является их синтаксическими функциональными характеристиками.

5. Следует подчеркнуть в связи с этим еще одну важную особенность выявления функциональных синтаксических особенностей определенных языковых сфер: для функциональной характеристики важны, так сказать, и положительные, и отрицательные показатели. Другими словами важно отметить и то, что позволяют и поощряют коммуникативные условия определенных сфер, и то, что они запрещают. Поэтому предложенная программа исследования функциональных синтаксических особеностей языковых сфер разработана с учетом того, чтобы каждая выявленная закономерность была последовательно проведена по всем языковым сферам с констатацией того, где она себя проявляет и где, напротив, не проявляет.

6. При исследовании функциональных особенностей вообще и синтаксических, в частности, необходимо считаться с таким явлением, как каноническое следование установкам сферы и нарушение канона. Вероятно, только официально-деловой стиль не терпит нарушения канона. В других сферах языка отступления от канона, оправданные или не слишком оправданные, всегда возможны. Только один пример. В сугубо научном труде смысл "много" по отношению к существительному выражен в особой конструкции при опоре на специфическое интонирование: *Наконец Вавилонская башня плюрализма вся достроена: и фонемы, и чередования, и члены чередования получили свой порядковый номер и соотношение друг с другом, но какой ценой!*

(А.А. Реформатский). Ясно, что синтаксические структуры типа *Какой ценой!* ('большой ценой') для научного стиля нехарактерны, неканоничны; сравните их безусловную каноничность в РР: *Какой ужас!; Какая радость!; Какая прелесть!; Сколько воды!; Сколько цветов!* Существование определенного канона подтверждается именно тем, что в текстах той или иной сферы всегда легко различимы неканонические "иносферные" компоненты. Неканонические явления, как правило, индивидуальны, хотя не исключено, что в их использовании есть свои закономерности. Изучение неканонических явлений не входит в задачу данного синтаксического раздела. Эти явления будут привлекаться к исследованию только для того, чтобы лучше выявить канон.

7. Было бы наивно думать, что синтаксис в его функционировании никогда не был предметом исследования. Разумеется, был. Только исследования такого рода выступали не под функциональным флагом, а под флагом стилистики. Дать здесь хотя бы беглый обзор стилистико-синтаксических исследований — дело не слишком полезное, да и невозможное: таких исследований множество. Чтобы определить место синтаксического раздела монографии в общем контексте стилистико-синтаксических работ, достаточным кажется определить те общие направления, в русле которых следуют эти работы.

Направление (1): от коммуникативных запросов сферы к ее языковым особенностям. Существуют исследования синтаксиса (и не только синтаксиса) отдельных языковых сфер, прямо ориентированные на коммуникативные запросы этих сфер. Такие исследования с разной степенью полноты и детализации, выполнены практически для всех языковых сфер. В особую область лингвистики, прежде всего благодаря многочисленным трудам В.В. Виноградова, выделилось изучение языка художественной литературы (см., например, ранние работы В.В. Виноградова [1926; 1930; 1941; 1941а] и мн. др., а также обобщающие поздние работы [1959; 1963] и др.). В последнее двадцатилетие широкое развитие получили исследования РР (как уже было сказано, основную библиографию по РР можно найти в [Земская, Ширяев, 1987]. Есть обобщающие исследования по функциональным стилям (см., уже упомянутые книги [Кожина, 1972; Костомаров, 1971], а также [Развитие функциональных стилей... 1968; Функциональные стили 1985]).

Направление (2): сопоставительный анализ функционирования разных языковых средств, сопровождающийся статистическими подсчетами. Это направление представлено, главным образом, работами лингвистов Саратовского университета, возглавляемых О.Б. Сиротининой. Следует отметить, что сопоставительный анализ в саратовских исследованиях, если можно так сказать, неравномерен. В центре внимания стоит РР, и сопоставление ее с другими языковыми сферами направлено, главным образом, на выявление особенностей именно РР. Полученные в результате сопоставления данные интерпретируются с точки зрения коммуникативных запросов сфер языка. В отличие от направления (1) учет коммуникативных запросов сферы языка в

направлении (2) как бы завершает исследование, не являясь, как в (1), исходной точкой анализа (назовем некоторые характерные для этого направления работы: [Богданова 1986; Мякшева 1986]).

Направление (3): от синтаксической структуры к определению тех особенностей, которые регулируют употребление данной структуры в определенных языковых сферах. Функционально-стилистические комментарии есть в описательных грамматиках (см. [Русская грамматика 1980]). Существуют работы, специально посвященные функционально-стилистическим характеристикам отдельных конструкций (см. например [Иванова 1976; Леоненко 1976]). Наибольшую же значимость в русле данного направления представляют такие исследования, в которых традиционные синтаксические разделы, в частности раздел о сложном предложении, разрабатываются с учетом функционального компонента [Формановская 1978].

Все три направления не исключают друг друга: это разные пути решения одной задачи — описания языка в его функционировании. Описания отдельных сфер языка — направление (1) — могут быть сопоставлены друг с другом — направление (2). С другой стороны, выделенные на сопоставительной основе функционально-стилистические черты разных сфер — направление (2) — могут быть сведены в одно целое и интерпретированы с точки зрения коммуникативных запросов определенной сферы языка — направление (1). В свою очередь описания стилистико-синтаксических особенностей отдельных структур — направление (3) могут быть сведены в единое описание и интерпретированы с точки зрения коммуникативных потребностей определенной сферы языка — направление (1).

8. Полезно, по-видимому, сразу же определить место нашего исследования среди названных функционально-стилистических направлений. Следует обсудить такое предположение. Нельзя ли представить с достаточной полнотой синтаксис в его функционировании, если просто обобщить имеющиеся на этот счет наблюдения? Положительный ответ на этот вопрос едва ли возможен. Разные сферы языка, функциональные особенности различных синтаксических конструкций исследовались в разное время, на основе различных методических принципов и для разных целей. Никакой единой программы в этих исследованиях нет. Кроме того, далеко не все участки синтаксиса исследованы в функциональном плане с одинаковой степенью подробности. Из этого, однако, не следует, что предложенная программа функционального исследования синтаксиса никак не опирается на предшествующие исследования. Связь с этими исследованиями самая простая. Богатый материал, накопленный в стилистико-синтаксических работах, позволил сформулировать как априорно данную систему закономерностей, регулирующих функционирование синтаксических конструкций. На основе этих же работ принята также как априорная система коммуникативных требований каждой сферы, на которую ориентировано исследование закономерностей функционирования синтаксиса. Важно подчеркнуть, что существующие стилистико-синтаксические исследова-

ния позволили разработать нашу программу именно априори. И, следовательно, эта программа, по замыслу, должна обеспечить дальнейшее развитие функционально-синтаксических исследований.

Главная отличительная особенность предлагаемого подхода в ряду других направлений — его системность. Это означает, что программа исследования требует провести все признаки, формирующие любую из выделенных закономерностей функционирования синтаксических конструкций, по всем языковым сферам. Одинаково важно констатировать то, что, например, для РР характерен неявно выраженный смысл, и то, что в официально-деловом стиле способы такого неявного выражения смысла невозможны. Такой подход — от единой программы — позволит осуществить последовательное сопоставление функционирования синтаксиса во всех сферах языка.

9. Отсутствие единой программы в исследовании функционирования синтаксиса, с одной стороны, и необходимость ее, с другой, ясно показывают синтаксические разделы учебных пособий по стилистике, сам жанр которых требует последовательного и полного изложения соответствующего материала. Авторы стилистических пособий — не по своей вине, а из-за неразработанности вопроса — вынуждены приводить в целом весьма немногочисленные и систематически слабо упорядоченные факты, на основе которых невозможно дать сколько-нибудь полный функционально-стилистический анализ синтаксиса реальных текстов. Так М.Н. Кожина [1977, 139—192] в своем учебном пособии, несомненно, одном из лучших в этой области, приводит такой список функционально-стилистических средств: особые разговорные глагольные формы (типа *И делать не делает, а время тянет*), синонимические функционально распределенные ряды связочных глаголов, широкое использование в книжно-письменном языке однородных рядов и обособленных членов, функционально-распределенные пары из области согласования и управления (типа *принес брату — принес для брата*), стилистически маркированные типы порядка слов, стилистически маркированные типы предложения (инфинитивные, номинативные и под.); книжный характер сложноподчиненных предложений, разговорное использование частиц при формулировании вопроса (типа *Что, написал?*) Недостаточность такого набора функционально-синтаксических средств доказать очень просто. Вот совершенно рядовая маленькая газетная заметка, в которой немало таких особенностей публицистического стиля, которые подтверждают, что этот стиль использует для оживления изложения разговорные компоненты, ср. выделенные нами курсивом предложения с неявно (без союзов) выраженными связями, с конкретной лексикой в событийном осмыслении:

Забота о ветеранах

Калуга, 18. (Внештатный корр. "Правды" И. Шедвиговский). Трудно стало жить ветерану совхоза "Дашинский" Евдокии Алексеевне Старостиной, когда осталась одна. *Предложили переехать в интернат для престарелых — отказалась: как покину родные места...*

Не одна она такая в совхозе. И решил коллектив построить дом для ветеранов, взять

на себя значительную часть расходов на их содержание. На центральной усадьбе в деревне Дашино выросло построенное здание на пять отдельных комнат, с водяным отоплением, с газовыми плитами. Тут будут жить те, кто годами добросовестного труда на полях и фермах заслужил уважение людей. Один из самых заслуженных ветеранов — участник гражданской войны Федор Александрович Кузнецов живет в деревне Лосево, что в трех километрах от центральной усадьбы. Ему скоро 90 лет. Трудновато ходить в Дашино на партийные собрания или в магазин. Поговорили с ним о переезде. Он не против, только *без русской* печи, говорит, не могу. Обещали и это уладить.

Показательно, что в этой заметке почти нет тех функционально-стилистических особенностей, которые перечислены М.Н. Кожиной. И таких текстов из всех сфер языка можно привести большое множество, что здесь не делается только по соображениям экономии места. Уже это ясно показывает, как далеки от завершения функционально-синтаксические исследования.

Цель следующего раздела заключается в том, чтобы продемонстрировать на достаточно большом и представительном материале действие одной из синтаксических характеристик функциональных разновидностей современного русского языка — закономерностей выбора семантико-синтаксических структур предложения для грамматической интерпретации "положения дел".

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЫБОРА СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Раздел о закономерностях функционирования семантико-синтаксических структур простого предложения является одним из основных для понимания функционирования простого предложения вообще.

В самом общем виде понятие семантико-синтаксической структуры можно определить как некоторое осуществленное в научных целях обобщение синтаксических и связанных с ним семантических особенностей всего множества конкретных предложений. В современном синтаксисе такое обобщение достигается при помощи понятия структурной схемы предложения. Понятие структурной схемы предложения имеет разные толкования. Структурная схема может пониматься как максимально абстрагированный от лексико-семантической структуры образец. Именно такое понимание структурной схемы положено в основу синтаксической концепции Русской грамматики [1980]. Могут в структурной схеме учитываться и некоторые поддающиеся высокой степени обобщения лексико-семантические компоненты. Если в Русской грамматике АН СССР [1980, 92–98] выделяется, например, схема N_1–Vf, то в Русской грамматике [1979, 681] Чехословацкой АН выделяются схемы N_1–Vf–N_4 (*Я узнал тебя*), N_1–Vf–N_2 (*Он стыдится своей славы*), N_1–Vf–N_5 (Я не дорожу наградой) и т.п. Ясно, что выбор компонента N_4, N_2, N_5 зависит от лексической семантики глагола. В связи с этими двумя определениями различают, соответственно, минимальные и расширенные структурные схемы [Современный русский язык 1981, 437–441]. Как бы ни толковать структурные схемы, их роль

развивается от субъекта (характеризуемый компонент) к предикату (характеризующий компонент). В типичном случае субъект представлен именем с конкретной референцией, а предикат имеет понятийную референцию: *Это здание – памятник архитектуры.* Во всех случаях референция субъекта всегда более конкретна, чем референция предиката [Падучева, Успенский 1979, 349–360]: *Ель – вечнозеленое растение.* Для сравнения скажем, что в бытийных предложениях пропозиция развивается от локализатора, выраженного именем с конкретной референцией, к понятийному имени бытующего предиката, обязательным компонентом таких предложений является экзистенциальный глагол быть (в том числе и в нулевой форме): *В этом саду есть яблони; У них дача.*

В пределах каждого логико-синтаксического типа могут реализоваться разнообразные по формальной и неформальной семантике предложения. Другими словами, предложения, принадлежащие к одному логико-синтаксическому типу могут отражать различные "положения дел" и могут быть построены на основе разных структурных схем. Предложения вневременной характеризации – это одна из разновидностей предложений характеризации. В функциональном плане они интересны для анализа по трем причинам: предложения вневременной характеризации широко распространены во всех сферах; эти отношения могут реализоваться с помощью достаточно широкой и развитой системы структурных схем, воплощающих, как уже было сказано, разные синтаксические формы; в пределах одной структурной схемы возможны такие модификации, которые оказываются значимыми в функциональном плане.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВНЕВРЕМЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ И ИХ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО РАЗНЫМ ЯЗЫКОВЫМ СФЕРАМ

Общие замечания

1. Чтобы определить семантико-синтаксический статус предложений вневременной характеризации, целесообразно определить их место в общей системе семантических разновидностей предложений характеризации вообще. Среди предложений характеризации различают: (1) реляционные предложения, в которых устанавливаются отношения (в самом широком смысле этого слова) субъекта к другим компонентам семантической структуры: *Он прочитал в этом журнале только один рассказ;* (2) обстоятельственные (местоположение субъекта, время, причина и т.п. субъекта-события): *Он сейчас в институте; Собрание – в пять часов; Его ошибки исключительно из-за невнимательности;* (3) определительные.

В определительных предложениях в связь с субъектом ставятся его признаки – отдельные или объединенные в понятие: *Этот строящийся дом будет высотным; Он учитель.*

Определительные предложения разделяются на два больших класса на основании вневременности/эпизодичности признака, ср.: *Он больной человек* и *Он сейчас болен*. Оппозиция вневременность/временная локализованность (эпизодичность) детально рассматривается Т.В. Булыгиной [Семантические типы предикатов 1987, 12–22]. Показано, что при классификации предикатов их разбиение на классы на первом, самом высоком уровне должно осуществляться именно на основе данной оппозиции.

2. Понятие вневременной характеризации требует некоторых уточнений. Вероятно, в большинстве случаев вневременность относительна. Кажется, только в предложениях типа *Земля вращается вокруг Солнца* или *Ничто не вечно под Луной* имеет место действительно вневременная характеризация. В других случаях эпизодичность характеризации противопоставляется достаточно длительной и устойчивой (но все же, конечно, не абсолютно вневременной) характеризации. Совершенно очевидно, что в предложении *Он инженер* не сообщается, что инженерный статус был всегда у данного лица. Из предложений *Она ослепительная красавица, Эти часы абсолютно точные* было бы неправомерно заключить, что она до конца своих дней будет красивой, а часы никогда не потеряют точность хода. Поэтому необходимо определить собственно-языковые признаки, прогнозирующие вневременность/эпизодичность характеризации.

В этом плане все предложения определительной характеризации должны быть разделены на две большие группы: (1) предложения, в которых вневременная характеризация не имеет явного эпизодического соответствия – *Он инженер* и (2) предложения, способные давать явные соответствия по признаку вневременность/эпизодичность характеризации. Предложение эпизодической характеризации *Часы сегодня идут точно* предполагает как следствие предложение вневременной характеризации – *Это часы не отличаются точностью хода* (но сегодня идут точно).

Признаком, прогнозирующим отнесенность предложений (1) к вневременным может служить невозможность употребления в них наречий или сочетаний с временным значением, которые на временной оси носители языка представляют как точку или как весьма непротяженный во времени период. Можно сказать *Вчера он был зрителем Большого театра* (предложение с эпизодической характеризацией), но нельзя сказать **Вчера он был физиком*, и поэтому предложение *Он физик* является предложением вневременной характеризации.

Не разрушают вневременную характеризацию только наречия и наречные сочетания, обозначающие начальную или конечную временную точку существования характеризующего признака. И, вполне понятно, не разрушают вневременной характеризации наречия и наречные сочетания, обозначающие на временной оси достаточно протяженный для характеризующего признака данного субъекта отрезок времени: *После окончания института он стал инженером; До*

глубокой старости она оставалась непревзойденной актрисой; *С 41-ого по 45-ый он был солдатом.*

Интересно отметить, что наречие *сейчас*, вроде бы предназначенное для обозначения временной точки, тем не менее может регулярно обозначать некоторый период, употребляясь таким образом в предложениях вневременной характеризации: *Два года он был студентом, а сейчас солдат; Он сейчас учитель в спецшколе.*

В отличие от предложений (1) в предложениях (2) всякое ограничительное временное наречие или наречное сочетание сигнализирует эпизодичность характеризации. Предложение *Эти часы абсолютно точные* – вневременное, а характеризующее предложение *Эти часы неделю* (год) *идут точно* – эпизодическое, поскольку предполагает соответствующее вневременное характеризующее предложение: *Эти часы неделю идут точно; хотя вообще-то они не отличаются точностью хода*[14]. Сама возможность/невозможность противительных и уступительных конструкций может рассматриваться как прогнозирующий признак эпизодической/вневременной характеризации, ср. *Она ослепительная красавица* (вневременная характеризация) и *Сегодня она была ослепительно красива* (эпизодическая характеризация), поскольку возможно: *Сегодня она была ослепительно красива, но вообще-то она не такая уж и красавица.*

3. Предложения вневременной определительной характеризации в зависимости от вида референции субъекта и "объема" предиката делятся на 3 группы:

(1) Субъект (характеризуемое имя) имеет конкретную референцию (обозначает вполне точно определенные предметы, лица, события и т.п.), а предикат называет единичный признак: *Наш дом очень старый.* Назовем такие предложения предложениями характеризации по признаку.

(2) Субъект имеет, как и в (1) конкретную референцию, а предикат называет понятие (обобщение совокупности некоторых признаков): *Он ученый.* Назовем такие предложения квалифицирующими.

(3) Субъект и предикат имеют понятийную референцию. При этом понятие-субъект уже, чем понятие-предикат: *Ель – вечнозеленое растение.* Назовем такие предложения классифицирующими.

. 4. Когда в предложениях характеризации по признаку (1) и в квалифицирующих предложениях (2) субъект обозначает определенный предмет (или предметы), определенное лицо (или лица), то конкретность референции таких субъектов-имен сомнений не вызывает. Несколько сложнее обстоит дело с субъектами, обозначающими события (революция) и абстрактные сущности (скупость). О конкретности референции таких субъектов-имен сигнализирует возможность упот-

[14] Предложение типа *Эти часы уже пять лет идут абсолютно точно* может иметь и иное "семантическое прочтение": ожидалось, что часы неточные, но вопреки ожиданиям они оказались точными.

ребить при них местоимение *это*, ср. *Скупость – отвратительное свойство* (предложение классифицирующее, невозможно **Эта скупость – отвратительное свойство*) и *Скупость Пети не знает границ* (предложение квалифицирующее, возможно *Петя скуп.* Эта его *скупость не знает границ*). Как правило, при таких субъектах есть индентифицирующие компоненты, которые и обеспечивают конкретность референции, ср.: классифицирующее предложение *Революция – переломный этап в жизни общества* и квалифицирующее *Великая Октябрьская социалистическая революция – потрясающее событие в мировой истории.*

5. Каждый из выделяемых типов предложения может выражаться с помощью различных структурных схем. Как чаще всего бывает, при разнообразии способов выражения определенного смысла можно выделить по некоторым критериям первичные и вторичные способы. Первичные способы в большей степени приспособлены к выражению данного смысла. Различие первичных и вторичных способов, как будет показано, имеет первостепенное значение для понимания их функционирования.

В основу выделения первичных и вторичных типов предложений определительной характеризации может быть положен морфологический критерий. Следует принять во внимание, что, с одной стороны, существительное – это такое имя, на основе которого может быть легко осуществлена необходимая конкретная референция (дом – наш дом, дом с балконами, дом у реки и т.д.), а, с другой стороны, в каждом нарицательном имени существительном заложено понятие. Совершенно очевидно и то, что роль прилагательного в языке – именование отдельного признака. Поэтому для классифицирующих предложений первичной является схема N_1 Cop $N_{1/5}$ – с понятийной референцией имен, для квалифицирующих – N_1 Cop $N_{1/5}$ с конкретной референцией первого имени-субъекта и понятийной референцией второго имени-предиката, для предложений характеризации по признаку – N_1 Cop $Adjf_{/1/5}$ с конкретной референцией имени субъекта.

6. Характеризующий определительный статус предложений, построенных по первичным схемам достаточно очевиден и не требует специальных доказательств. Менее очевиден характеризующий определительный статус предложений, построенных по вторичным схемам. Чтобы доказать этот статус, можно воспользоваться двумя способами.

Один из них – это способ Р.И. Аванесова [1936, 58]–М.В. Панова [1966, 105]. Его суть в том, что сочинительные отношения объединяют компоненты с одинаковыми функциями [Санников 1989], и, следовательно, если некоторый бесспорный по своему семантико-синтаксическому статусу компонент сочиняется с компонентом, семантико-синтаксический статус которого требует определить, то сам факт сочинительной сочетаемости позволяет отождествлять семантико-синтаксический статус искомого компонента с тем, семантико-синтаксический

статус которого известен. Этот способ был применен Р.И. Аванесовым и затем М.В. Пановым для идентификации второстепенных членов предложения[15]. В предложении *Он пишет чисто и без ошибок* компонент *без ошибок* квалифицируется как обстоятельственный потому, что он сочинен с бесспорным обстоятельством *чисто*. Вполне применим этот способ для идентификации схем, выражающих одно значение. Данный способ по отношению к структурным схемам предложений вневременной определительной характеризации работает так: если первичный, или морфологизованный, предикат сочиняется с вторичным предикатом, то оба предиката и, следовательно, структурные схемы, их включающие, выражают одно значение, ср.: *Она интеллигентна* (первичная схема для выражения характеризации по признаку), предложения *Она любит математику, Она ходит в бассейн* являются построенными по вторичным схемам предложениями определительной характеризации потому, что возможно предложение с сочиненными с помощью сочинительной (перечислительной) интонации предикатами: *Она интеллигентна, любит математику, ходит в бассейн.* Соответственно предложения **Она интеллигентна, пошла сейчас в бассейн* или **Она любит математику, пошла сейчас в бассейн* невозможны именно из-за различия в функции предикатов (один из них вневременной, другой – эпизодический). Корректность данного способа подтверждается многочисленными образцовыми литературными примерами:

Его Семёныч был высокого роста, широк в плечах, с большим животом и страдал одышкой (А. Чехов); Вы были такая тощая, длинноногая, простоволосая, носили короткие платьица (А. Чехов).

Второй способ можно рассматривать как модификацию первого. Его суть в следующем. Всякий вторичный предикат при выражении определительной вневременной характеризации может быть адъективирован или субстантивирован по формулам *X таков, что... и X – это такой предмет* (*событие, явление* и т.п.), *который...* Тем самым вторичный способ как бы сводится к первичному, ср. *Она любит математику – Она такова, что любит математику; Тайфуны всегда приносят неисчислимые бедствия – Тайфуны – это такие природные явления, которые всегда приносят неисчислимые бедствия.*

7. Самая общая закономерность функционирования предложений вневременной определительной характеризации состоит в том, что, как это часто бывает при выражении определенного значения первичными и вторичными способами, первичные стандартные структурные схемы распространены во всех сферах. Ограничения на функционирование касаются либо вторичных схем, либо нестандартных модификаций предложений, построенных по первичным схемам. Под нестандартными понимаем такие модификации, нормальное функционирование которых

[15] Об опыте применения этого способа к идентификации однофункциональных придаточных предикативных конструкций в сложноподчиненном предложении см. [Ширяев 1986, 24–28].

требует особых условий, сверх тех, которые необходимы для функционирования обычных стандартных структур.

Итак, рассмотрим в функциональном плане каждый из выделенных типов предложений вневременной определительной характеризации.

Классифицирующие предложения

1. Первичная схема классифицирующего предложения N_1 (понятийное) Сор $N_{1/5}$ (понятийное) наиболее широко представлена в научном стиле, но это объясняется только тем, что научное изложение в большей степени, чем другие сферы языка, испытывает потребность в выражении классифицирующих отношений. Никаких ограничений на стандартные реализации этой первичной схемы во всех других сферах нет.

2. Нестандартные модификации. Существуют, однако, такие нестандартные модификации предложений, построенные по первичной схеме, которые функционируют только в нестрогих сферах языка. К числу таких модификаций принадлежат следующие.

2.1. Неоднократно обсуждались с точки зрения логико-грамматического устройства предложения со схемой $N_{1(x)}$ есть $N_{1(x)}$, где символом X обозначено одно и то же существительное (тип *Дети есть дети*). Показано, что тавтологичность таких предложений мнимая, поскольку референция одного и того же имени в разных позициях разная: *дети* – субъект означает 'люди до 14 лет', *дети* – предикат означает примерно следующее – 'люди непосредственные, склонные к шалостям, непоседливые и т.п.' Е.В. Падучева, анализируя такие предложения, подчеркивает необходимость для их нормального функционирования особых условий, позволяющих отнести данные предложения к тому классу, который здесь назван нестандартными модификациями и который сама Е.В. Падучева [1985, 42] называет импликатурами: "...Импликатуры – это заключения, которые делает С, принимая во внимание не только само содержание предложения S, но и то обстоятельство, что Г вообще привнес S в данной ситуации, и то, что Г не сделал вместо высказывания S некоторого другого высказывания S^1. При этом используется интуитивно ясное, но не поддающееся точному определению понятие "усилие": S^1 – это высказывание, которое требует меньшего усилия, чем S. Иными словами, импликатуры дискурса подтверждаются не структурой конкретных языков и ее конвенциональными свойствами, а вытекают из общих условий успешности коммуникации" (Г – говорящий, С – слушащий).

Интересно отметить, что различная референция одного и того же имени часто эксплицируется в контексте, ср. такие разговорные тексты:

А. Он (сын) у меня секунды спокойно посидеть не может // Б. Что же ты хочешь? Дети есть дети //; А. В лесу очень погулять хорошо // Я даже в дождь хожу если несильный // Б. Конечно // Лес есть лес //; Белые грибы в любом виде вкусные // Белые / они и есть белые //; Главное для меня сейчас / это книга // (работа над книгой) Что ни говори / книга есть книга//

Как показывают приведенные примеры, предложения со схемой $N_{1(x)}$ есть $N_{1(x)}$ широко используются в РР. Реже встречается схема $N_{1(x)}$ это $N_{1(x)}$:

А. Очень люблю море // Б. Ну море / это конечно море //

Регулярны эти схемы и в других нестрогих сферах языка: в публицистике, в языке художественной литературы, прежде всего, в речи персонажей:

В некоторых фильмах война представлена чуть ли не как романтическая прогулка. Между тем война есть война (из газет). А дальше – тундра, – продолжал Семен Ильич. – Ну, тундра – это тундра, сам понимаешь, гладко, как стол под белой скатертью, все чисто, все мертво (А. Рекемчук).

Возможно употребление в подобного рода предложениях фазисного глагола оставаться ($N_{1(x)}$ оставаться $N_{5(x)}$)[16].

Горы остаются, их не обойдешь, не переборешь. Горы остаются горами. А люди меняются (из газет).

2.2. Существует особая нестандартная модификация классифицирующих предложений с первичной схемой, в которой как бы разрушаются привычные представления о субъекте, то есть разрушается при некоторой доле усилий со стороны слушающего привычная референция: (из РР) *А что / доктор наук обязательно ученый?* Доктор наук в обычном понимании – это, конечно, ученый. Эта обычность понимания и ставится в предложении под вопрос. Предложения подобного типа употребительны в нестрогих сферах языка, прежде всего в РР:

Разве дождь это плохая погода? Я люблю дождь //; А отличник это что / всегда знания что ли // Отличник очень часто даже бывает тупицей // Хорошие вузы с большим подозрением говорят смотрят на медалистов //

Интересен следующий пример из публицистики, в котором нужное осмысление достигается графически (заглавная буква вопреки правилам):

А кто сказал, что актер это всегда Актер? (из газет).

2.3. Для всех сфер языка обычны классифицирующие предложения, построенные по схеме N_1 Cop N_1 с событийными существительными: *Поездка по Волге на теплоходе – увлекательное путешествие.* Как и в любом классифицирующем предложении понятие-субъект (поездка на теплоходе по Волге) классифицируется через более широкое понятие (увлекательное путешествие). В нестрогих сферах языка, чаще всего в РР, такие предложения могут иметь следующую нестандартную модификацию: классификация осуществляется в них не прямым образом, а на ассоциативной основе. Именование одного события сополагается с именованием другого, и адресат речи сам выводит из этого соположения классифицирующие отношения – *Теплоход / города/ купанье /*

[16] Напомним, что в русской синтаксической традиции фазисные и модальные глаголы рассматривались в составе сказуемого как связочные, а в [Русская грамматика 1980, 119–123] предложения с такими глаголами трактуются как модификации соответствующих схем.

все // ('поездка на теплоходе – это возможность увидеть города, купаться'). Такого рода разговорные ассоциативно-классифицирующие предложения имеют собственно языковой отличительный признак: у них нет, в отличие от обычных классифицирующих предложений, модально-временной парадигмы, для них невозможны реализации с фазисными и модальными глаголами. Возможно сказать *Поездка на теплоходе по Волге была* (будет, может быть, продолжает оставаться) *увлекательным путешествием* и невозможно **Теплоход был* (будет, может быть) *купаньем, городом, всем.*

Есть и еще одна интересная собственно разговорная особенность ассоциативно-классифицирующих предложений. В этих предложениях один или, реже, оба компонента схемы могут быть выражены не событийными, а конкретно-предметными существительными в событийном осмыслении, что вообще характерно для РР.

Маленький ребенок / вечные заботы //; Юг / это только бесконечный пляж // ('быть на юге – это бесконечно находиться на пляже'); Дача / это яблони / ягоды / все //; Курорты / санатории / это вечные прогулки / кино / телевизоры // Это не для меня //; Спецшколы / все же это знания //

3. Абсолютное отсутствие нестандартных модификаций предложений, построенных по первичным схемам, в строгих языковых сферах имеет, как кажется, свое объяснение. "Семантическое прочтение" таких предложений не отличается точностью. Так, событийное прочтение конкретного существительного в предложении *Теплоход / города / купанье / все* // может быть осуществлено по-разному: 'поездка на теплоходе', 'отдых на теплоходе'. Ассоциативные отношения вообще по природе своей не принадлежат к точным. Интересно в этом плане отметить, что при использовании нестандартной модификации $N_{1(x)}$ есть $N_{1(x)}$ возможны конфликтные ситуации, порожденные именно неточностью семантики. Показателен такой диалог:

А. Кино и театр / это же совсем разное // Кино есть кино / а театр есть театр //. Б. Что это значит / кино есть кино, а театр есть театр? А. А то и значит // Кино по сути своей / для многих / для всех / это / как говорят / массовое зрелище // А театр может иметь свою публику / и не прогорит / в Москве или там Ленинграде-Киеве / я не знаю / ну в больших городах // Б. Ну это...

Подобного рода семантическая неточность не только не противопоказана нестрогим сферам языка, а, напротив, находится в соответствии с коммуникативными запросами этих сфер: слушающий должен приложить некоторые усилия для того, чтобы верно осуществить референцию, верно сориентироваться в ассоциативных отношениях, тем самым слушающий становится активным партнером в коммуникации, а прямой контакт со слушающим для нестрогих сфер языка весьма важен. В строгих же сферах языка заведомая неточность категорически исключается.

4. Классифицирующие предложения с вторичными структурными схемами.

4.1. Ведущее место среди вторичных структурных схем, лежащих в

основе классифицирующих предложений, принадлежит глагольным схемам. Речь идет о предложениях типа *Всякий звуковой сигнал так или иначе передается на расстояние* (из научн. текстов). Классифицирующий статус этих предложений подтверждается возможностью таких преобразований: *Всякий звуковой сигнал по своей сути таков, что он так или иначе передается на расстояние* или *Всякий звуковой сигнал – это сигнал, который так или иначе передается на расстояние*. Отличительной языковой особенностью таких предложений является то, что глагол в них непременно должен иметь форму несовершенного вида с особым вневременным значением, которое в аспектологии получило название потенциального [Гловинская 1982, 54–59].

Глагольные классифицирующие предложения широко представлены в строгих сферах языка:

– **в научном стиле:** *Надо, однако, отметить, что лишь очень небольшая часть передаваемой органами чувств информация сознательно усваивается человеческим мозгом; ... Каждый "элементарный сигнал" (т.е. мельчайший элемент изображения – "точка") принимает лишь одно из двух значений – является либо "белым" или "черным".*

– **в официально-деловом стиле:** *Государственная организация не отвечает по обязательствам подчиненного ей предприятия, являющегося юридическим лицом, а это предприятие не отвечает по обязательствам организации, которой оно подчинено* (ср. *Государственная организация по своему статусу такова, что...*).

Часто в научном и официально-деловом стилях употребляется в классифицирующих предложениях данного типа модальный глагол *может*:

Однако фототелеграф *может* использоваться и для передачи ряда других типов черно-белых сообщений; Земля, ее недра, воды и леса, являясь исключительной собственностью государства, *могут* предоставляться только в пользование.

В официально-деловом стиле, прежде всего в таком жанре, как кодекс законов, глагол со своими распространителями может быть в позиции при моральных словах *должен, вправе*:

Обязательства *должны* исполняться надлежащим образом и в установленный срок в соответствии с указаниями закона, акта планирования, договора, а при отсутствии таких условий – в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями; Несовершеннолетние в возрасте до пятнадцати лет *вправе* самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки.

Следует отметить, что, как правило, классифицирующие предложения с модальными словами легко и без особого изменения смысла преобразуются в предложения без модальных слов, ср. реальный текст из кодекса законов, в котором весьма сходные, в том числе и по лексическому составу, предложения оформлены без модального слова *вправе* и с этим словом:

Несовершеннолетние в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет совершают сделки с согласия родителей, усыновителей или попечителей. Однако они *вправе* самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки, распоряжаться своим заработком или стипендией, осуществлять свои авторские и изобретательские права.

В большинстве случаев семантика глагольных классифицирующих предложений такова, что за модальными словами в них не стоит какой-то определенной альтернативы (может – не может). В самом деле, предложение *Любое изображение может передаваться по точкам* (из научн. текстов) не означает, что есть изображения, которые не могут передаваться по точкам (такому осмыслению явно противодействует квантор всеобщности *любое*), и поэтому данному предложению адекватно по значению такое, как *Любое изображение передается по точкам*.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что классифицирующие глагольные предложения и их разновидности с модальными компонентами представлены в научном и официально-деловом стилях весьма широко. Без специальных подсчетов ясно, что этих построенных по вторичной для данного типа предложений схеме не меньше или, во всяком случае, незначительно меньше, чем первичных именных классифицирующих предложений. Факт примерно равного представительства первичной и вторичной схемы в какой-то сфере языка не вполне обычен. Как правило, всегда преобладает первичная схема. Поэтому такой факт требует своего объяснения. Дело, вероятно, в том, что официально-деловое и особенно, конечно, научное изложение имеют по своей экстралингвистической сути особую потребность в классификации. Классификация, как показано, осуществляется на понятийной основе. Число понятий, зафиксированных в именах существительных, выступающих в роли предикатов классифицирующих предложений, вероятно, меньше, чем это реально требуется для научного и официально-делового изложения. Это утверждение, можно думать, верно даже в том случае, если учесть всю понятийную терминологическую систему этих сфер языка. Поэтому, так сказать, не остается ничего другого, как формулировать понятия описательно на основе глагольных структурных схем, ср. классифицирующее предложение *Вентилятор может развивать разное полное давление в зависимости от сопротивления сети трубопроводов или циркуляторного кольца, на которое он работает*. Если бы существовало словопонятие X со значением 'устройство, способное развивать разное полное давление в зависимости от сопротивления сети трубопроводов или циркулярного кольца, на которое он работает', то та же мысль могла бы быть выражена в форме первичной именной структуры. Вентилятор является X-ом. Но такого понятия нет.

Нестрогие сферы языка редко используют вторичную глагольную классифицирующую схему, поскольку, вероятно, эта схема осознается как принадлежность строгих сфер. Характерно, например, то, что в "Войне и мире" Л. Толстого число вторичных глагольных классифицирующих предложений заметно увеличивается в его так называемых философских отступлениях.

Через разум человек наблюдает сам себя, но знает он сам себя только через сознание: Когда совершается какое-нибудь событие, люди выражают свои мнения, желания о событии; Все древние историки употребляли один и тот же прием для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа.

В публицистике такие предложения чаще всего также встречаются в текстах, посвященных философскому осмыслению социальных явлений и подобных случаях. Если иметь в виду разнонаправленную тенденцию публицистики ориентироваться и на строгие сферы, и на РР, то надо заметить, что классифицирующие глагольные предложения явно сближают публицистику со строгими сферами:

(из газет) Посредственность может выбиться только благодаря лести, а выбившись, она начинает тормозить, придерживать, подгонять к своему шаблону, своему уровню все, чего ни коснется; ...Следователи охотно берут обвинительный крен.

В РР глагольные классифицирующие предложения регулярно только в одном случае: при обощении некоторых "модальных" человеческих качеств. Для таких предложений существует достаточно устойчивая не только в собственно синтаксическом, но и в лексическом плане схема: *Каждый, любой, всякий человек* + модальный глагол *любит, хочет, умеет* + инфинитив глагола (не ограниченный в лексическом плане) или придаточная предикативная конструкция с союзами *когда, чтобы* и под.:

А. Ну и спать же он горазд // Б. Брось! Все любят поспать //; А. (о ребенке) Ты его почаще хвали // Дети любят когда их хвалят // Б. Дети! Все любят когда их гладят по головке //; Все хотят чтобы их любили //?

Ср. также из художественной литературы:

Русский актер не умеет шалить. Он и в водевиле играет глубокомысленно (А. Чехов).

В других случаях РР стремится определенным образом конкретизировать абстрактные по своей логической сути классифицирующие предложения[17]. Это выражается в том, что класс предметов (понятие) в РР стремится быть представленным одним из своих представителей. Как кажется, небезынтересны результаты такого простого эксперимента: информантам (не лингвистам) было предложено объяснить ребенку следующее классифицирующее предложение из кодекса законов: *Несовершеннолетние совершают сделки только с согласия родителей.* Вот некоторые характерные ответы информантов:

Несовершеннолетний / маленький в общем / он только с согласия родителей что-то там покупает или продает //; Если ты несовершеннолетний / ну лет мало / то только родители могут тебе разрешить там что-то продать-купить/ потратить много денег в общем //; Ну / если восемнадцати еще нет / не имеешь право там покупать менять / только взрослые //

4.2. Из менее активных вторичных схем, служащих выражению классифицирующих отношений, должны быть отмечены такие, как Inf Cop Inf и Nom Cop Inf. Схема Inf Cop Inf служит, как правило, для оформления разного рода афористичных обобщений, свидетельством чему активность этой схемы в пословицах:

(из "Пословиц русского народа" В.И. Даля) Жить – богу служить; Нищего убить – не спасенье нажить; Убого жить – добычи не добыть; Жалеть коня – истомить себя; Гостей

[17] О конкретности мышления при использовании РР см. [Земская, Ширяев 1988].

разжалобить – не самому заплакать; В баню идти – пару не бояться; Жарко топить – не бояться чаду; Поругаться – душу отвести; Подраться – сердце вытрясти.

Возможны предложения такого рода и в языке художественной литературы, где они также получают характер сентенций – афоризмов:

Не любить – погубить значит жизнь молодую (А. Чехов).

Из других сфер языка эти предложения употребляются в публицистике, особенно в газетном жанре, где они воспринимаются как афоризмы-лозунги:

Выйти на уровень мировых стандартов – значит выйти на мировой рынок; выйти на мировой рынок – значит обеспечить валютные поступления, а обеспечить валютные поступления – значит создать условия для того, чтобы постоянно удерживать уровень мировых стандартов. Короче, необходим прорыв к мировому стандарту. Это очевидно.

Русская грамматика [1980, 314] как разновидность данной схемы – с эллипсисом инфинитива в предикате или субъекте – отмечает такие предложения как *Отдыхать по-настоящему – это рюкзак за спину и в лес. Рюкзак за спину и в лес – это значит отдыхать по-настоящему*. Основная сфера распространения таких предложений – РР, ср. наши примеры:

Даже десять часов за столом / это еще не значит уметь работать //; С двумя детьми / дикарями / в Крым / это же с ума сойти //

Классифицирующие предложения, построенные по схеме Inf Cop N_1 функционируют, как и классифицирующие предложения со схемой Inf Cop Inf, но в отличие от этих последних они довольно редки:

Гневаться – дело человеческое, а зло помнить – диавольское (из "Пословиц русского народа" В.И. Даля); Действовать, трудиться, а не сидеть сложа руки – изначальная потребность человека (из очерка).

4.3. Еще одной вторичной схемой, по которой строятся классифицирующие предложения, является схема Inf Cop Adv: *Каждый день гулять – это хорошо*. Характеризующий предикат в этих предложениях выражает оценку понятия – события, обозначенного инфинитивом. Предложения такого типа характерны для публицистики и РР. Вероятно, в публицистике такие предложения употребляются в соответствии с тенденцией оживления повествования за счет сближения с РР:

(из РР) Прокатиться на теплоходе до Астрахани / это замечательно //; Много зарабатывать / это всегда хорошо//; Читать основной курс студентам / это трудно и это очень ответственно //; (из газет) Собрать урожай без потерь – хорошо, но этого мало, сохранить его – вот что важно; Не бояться говорить то, что думаешь – это замечательно.

Для РР характерно варьирование порядка следования компонентов конструкции, часто отсутствует компонент это, что в других сферах не наблюдается:

Здорово это / поехать на юг //; Полезно это очень / гулять каждый день //; Бегать / хорошо //. Только все это надо в свое удовольствие / не сверх так сказать //

4.4. Близки по своему семантико-синтаксическому устройству к предложениям, построенным по схеме Inf Cop Adv, предложения со схемой

N_1 Cop Adv. В них субъект N_1, всегда представляет событийную семантику, и во многих случаях субъект-существительное может быть преобразован в субъект-инфинитив: *Путешествие по Волге – это хорошо – Путешествовать по Волге – это хорошо.* И функционирует этот тип так же, как предложения с инфинитивным субъектом:

Увлеченность своим делом – это всегда хорошо (из газет); Коллекционирование марок – увлекательно и познавательно (из журнала); Ремонт квартиры / это ужасно совершенно (из РР).

Важной отличительной чертой фунционирования таких конструкций в РР является то, что субъект регулярно выражается конкретным именем существительным, которое в данной конструкции получает "событийное прочтение".

Отдельная / пусть маленькая но все же отдельная квартира / это куда лучше чем коммуналка // ('жить в отдельной квартире – это лучше, чем в коммунальной'); Участок / это хорошо / но это и хлопотно все же //; Горы / это хорошо //

Отметим еще одну разговорную особенность классифицирующих предложений со схемами N_1 Cop Adv и Inf Cop Adv. В них на месте компонента Adv может с оценочной функцией выступать компонент *да*, способный сопровождаться оценочным наречием:

Съездить в Прибалтику / это да! Поступить в МГУ / это да / это здорово // Дача / особенно близко / это да / это хорошо //

Квалифицирующие предложения и предложения характеризации по признаку

1. Эти два обозначенных в подзаголовке типа предложений определительной характеризации целесообразно рассмотреть в одном разделе по следующим причинам: (а) субъект в обоих типах имеет конкретную референцию; (б) первичная для квалифицирующего предложения схема N_1 Cop $N_{1/5}$ может использоваться как вторичная для предложений характеризации по признаку, ср. *Наш директор – умный человек* – ясно, что данное предложение построено не для того, чтобы квалифицировать директора как человека, а для того, чтобы сообщить о признаке директора (умный); (в) при построении данных типов предложений по вторичным для них глагольных схемам, как кажется, уже нет основания противопоставлять квалифицирующие предложения и предложения характеризации по признаку. Если сравнить предложения *Мой сын уже читает* и *Мой сын делает сложные операции на сердце*, то можно, вероятно, говорить о меньшем или большем объеме информации, заключенном в характеризующем предикате, но не об отнесении предиката к предикату-понятию или предикату-признаку. Именно это третье обстоятельство (в) и является решающим для того, чтобы рассматривать данные типы совместно, в одном разделе.

Квалификация и характеризация по признаку характерны для всех языковых сфер. И поэтому, подобно классифицирующим предложениям, предложения квалификации и характеризации по признаку

построенные на основе первичных сфер, функционируют во всех сферах. Если классифицирующих предложений больше в строгих сферах языка, то квалифицирующих предложений и, особенно, предложений характеризации по признаку больше в нестрогих сферах. Вероятно, именно потому, что нестрогие сферы языка больше нуждаются в выражении квалификации и характеризации по признаку, в них первичные схемы развивают свои особые нестандартные модификации, которых совсем нет в строгих сферах или которые для строгих сфер совершенно нехарактерны. Рассмотрим эти нестандартные модификации.

2. Нестандартные модификации квалифицирующих предложений и предложений характеризации по признаку, построенных на основе первичных структурных схем. В публицистике часто используется квалифицирующий предикат с отрицанием. За таким предикатом стоит достаточно широкий и не вполне точный смысл, проникновение в который требует определенных усилий со стороны адресата речи. Часто такой "отрицательный" предикат уточняется затем обычным квалифицирующим предикатом:

(из газет) Сейчас нам посчастливилось познакомиться с единственным и неповторимым виртуозом подкрутки, который умеет послать мяч по самой замысловатой траектории, лучше всех пасовать и, пожалуй, побил все рекорды в искусстве подачи. Оказывается, это не волшебник изумрудного города, а президент.

Нельзя не вспомнить в этой связи уже неоднократно привлекавшие внимание лингвистов такие квалификации:

Если дипломат говорит "да", это означает "может быть". Если дипломат говорит "может быть", это означает "нет". Если дипломат говорит "нет", он не дипломат. Если женщина говорит "нет", это означает "может быть". Если женщина говорит "может быть", это означает "да". Если женщина говорит "да", она не женщина.

Возможны такие многоотрицательные предикаты и в художественной литературе:

...Она была в том милом возрасте, когда девочка уже не ребенок, а ребенок еще не девушка (Л. Толстой).

Как и классификация, квалификация в РР может осуществляться на основе достаточно широких и не строго заданных ассоциативных связей, часто осознаваемых в определенном микроколлективе:

Отпуск для меня / работа спокойная / без дерганья // В общем отпуск это не отпуск / в общем //; Ну это мое лето / Сашка // ('основным событием этого лета было поступление в институт сына Сашки ').

3. Об одной особенности выражения квалифицирующего предиката в РР. Для полноты картины следует отметить одну уже хорошо известную особенность квалифицирующих предложений РР: оформление в РР предиката с помощью именительного падежа существительного там, где во всех других сферах выступает существительное в косвенном падеже. Так дается в РР квалификация предмета по составляющим его частям, по сорту, по материалу:

Новые холодильники / две камеры // (новые холодильники состоят из двух камер); (о симфоническом оркестре) Состав у нас / очень маленькая струнная группа //; А. А какой

кофе? Б. Арабика в смеси с Камеруном //; Эти чайные ложки у тебя мельхиор? [РРР 1973, 249].

4. Следует отметить, наконец, еще одну особенность функционирования построенных по первичным схемам предложений квалификации и характеризации по признаку. Эта особенность относится целиком к плану выражения. Ее суть в том, что предложение может состоять только из предиката, а "субъектом" служит предшествующий текст. Такие предложения-предикаты характерны для публицистики:

Как нам воспринимать сделанную пересадку? Удача или неудача? Закономерное следствие многолетнего отставания в этой области или катастрофа, указывающая на ненужность дальнейших усилий?

Возможны такие предложения и в разговорной речи:

Ну там же двадцать пять градусов / зеленое все / купаются еще там // Лето //; Лунная ночь / и идешь по этим горам / кажется что это какой-то марсианский или лунный пейзаж // В лунном ярком свете / камни такие / утесы / очень красиво //

В строгих сферах языка в подобных случаях обязателен субъект-местоимение *это*, кореферентное соответствующему тексту:

Таким образом, появляется возможность сопоставить друг с другом уродства однозначных органов, встречающихся у растений из систематических групп с различной степенью эволюционного родства. Это чрезвычайно важно (из научн. текстов).

В нестрогих сферах языка субъект *это*, естественно, также не запрещен:

...Обычно у Булгакова / вот я "Бег" смотрела в Ермоловском театре / ты знаешь / я умерла от восторга // То есть это такая вообще великолепная вещь! (из РР). Много родни, много друзей и знакомцев – это хорошо (В. Астафьев).

5. Квалифицирующие предложения, построенные по вторичным структурным схемам. Выделяется класс квалифицирующих предложений с вторичными схемами, один или оба компонента которых представлены инфинитивом. Отличительная функциональная особенность таких предложений в том, что они характеризуют в первую очередь публицистический стиль.

В схеме N_1 Cop Inf субъект-существительное и публицистике обычно бывает представлено ограниченным кругом лексем: цель, задача, решение, вывод и т.п., предикат-инфинитив не имеет каких-либо лексико-семантических ограничений:

Первоочередная задача сейчас – не просто улучшить качество продукции, а довести его до уровня мировых стандартов; Не справляется человек с работой. Вывод – уволить. Но не так-то это оказывается просто; Одно дело – понять ошибку, другое – научиться действовать грамотно.

В строгих жанрах публицистического стиля близких к официально-деловому, предикаты-инфинитивы могут составлять большой перечислительный ряд, разбиваемый точками на отдельные сегменты и даже на абзацы:

В постановлении указывается, что важнейшая задача областной партийной организации – вывести в кратчайшие сроки народное хозяйство области по техническому уровню и эффективности на передовые рубежи, обеспечить безусловное выполнение

заданий пятилетки по всем показателям. Обратить особое внимание на повышение производительности труда, укрепление договорной дисциплины, добиться, чтобы вся основная продукция с пермской маркой отвечала высшему отечественному и мировому уровню...

Быстрее преодолеть затянувшееся отставание по выпуску минеральных удобрений, крупных электромашин, товаров массового спроса, вывозке древесины. В целях ликвидации несбалансированности в развитии ряда отраслей усилить темпы ввода мощностей Пермской ГРЭС, объектов транспорта, предприятий перерабатывающей промышленности, строительной базы.

Принять меры по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах... (из газет).

Возможны такого рода предложения и в РР, где они часто имеют очевидные соответствия с такой разновидностью ассоциативно-квалифицирующих предложений, в которых ассоциативное поле создается за счет того, что конкретное существительное в позиции предиката требует "событийного прочтения", ср.:

Ее забота/устроить дочь в спецшколу//Она как-то мало думает что надо/как ... Одно/престижность//Вот и забота/спец//

Субъективная семантика, 'дело, задача' в РР может выражаться косвенным образом – через указание на лицо, которое делает это дело. Вот весьма показательный в этом плане пример:

(о ребенке) Нет/у нас все точно распределено//Мое дело/кормить//Бабушка/ гулять//Все вместе мыть//Папа/спать укладывать//(ср. шутливое того же информанта – *Папа у нас главный спать-укладыватель*).

Возможны квалифицирующие предложения с предикатом-инфинитивом и при имитации РР в художественной литературе:

Курослепов: Брось ты ее! Вот охота! Не понимаю... Уж самое это последнее занятие с бабой разговаривать (А. Островский).

В схеме Inf Cop N_1 предикат-существительное может иметь ту же семантику ('дело, задача'), что субъект-существительное в схеме N_1 Cop Inf Помимо этого для предиката-существительного обычна оценочная семантика:

Перестроить коренным образом механизм управления всеми отраслями промышленности – это веление времени; Содействовать повышению роли и активности народных заседателей – прямая обязанность судов; Работать по-новому – дело нелегкое; Иметь дело с живым человеком – это главное (из газет).

В квалифицирующих предложениях РР, построенных по схеме N_1 Cop Inf употребляются, как правило, только оценочные предикаты:

Обсуждать все это/ерунда какая-то/кому это нужно//Собраться/это дело//('собраться старой компанией'); Устроить бы где-нибудь на юге/вот это хорошее дело//('устроить конференцию').

Подобного рода оценочные предложения как имитация РР представлены и в языке художественной литературы:

Глумов: Прозевать такой случай грех непростительный (А. Островский); Глумов: Сблизиться с Мамаевым для меня первое дело – это первый шаг на моем поприще (А. Островский).

Широко представлены в публицистике и квалифицирующие предложения со схемой Inf Cop Inf:

"Отказаться от СОИ – означало бы убить курицу, которая несет золотые яйца, – возвестил недавно директор американского агентства по контролю над вооружениями и разоружению К. Эделман; Укрепить договорную дисциплину в нашей сфере – значит обеспечить и качество продукции.

6. В предложениях характеризации с конкретным субъектом, как и в классифицирующих, для оценочной характеризации в РР и публицистике употребительны предложения со схемой Inf Cop Adv:

Собраться там в Смоленске всем выпуском/это здорово/это да/только ведь где кто/как найдешь//(из РР); Заявить, что ты незаменим, это, по крайней мере, нескромно, работать так, чтобы тебя считали незаменимым, – вот это хорошо (из газет).

Употребительны в этих же сферах и близкие к только что рассмотренным предложения, построенные по схеме N_1 Cop Adv:

Это собрание/вот когда там все выступали/это хорошо//; Гласность, перестройка – это хорошо, это веление времени (из газет).

Субъект в этих предложениях имеет событийное значение. В РР, как и часто в таких случаях, широко используются в роли субъекта конкретные существительные, получающие в данной позиции "событийное" прочтение:

Этот шкаф/замечательно//('хранить вещи в этом шкафе' или: 'пользоваться этим шкафом'); Твои эти зимние югославские (сапоги)/практично/да?; Этот фломастер/хорошо//Для редакции особенно//; Этот их двухкамерный холодильник/ну одинаковый/ очень здорово//('холодильник с двумя большими одинаковыми камерами').

Следует заметить, что если предложения с компонентами Inf и N_1 характерны для многих публицистических жанров, в том числе и достаточно строгих (передовая статья, отчет о правительственных решениях), то предложения с компонентом Adv воспринимаются как не слишком строгие, как влияние РР.

7. Обратимся теперь к построенным по вторичным схемам предложениям характеризации по признаку, функционирование которых ограничено определенными сферами.

Одним из вторичных способов характеризации по признаку является такой. Используется схема N_1 Cop N_1 или Inf Cop N_1

В этой схеме предикат N_1 выражается существительным с широким обобщенным значением, типа *дело, вещь, человек* и т.п. Этим существительные-предикаты нужны в предложениях характеризации по признаку не сами по себе, а для того чтобы ввести предикатные признаки, названные соответствующими определениями при опорном обобщенном существительном. Существительное в составе такого предиката часто дублирует те компоненты значения, которые есть у субъекта, что ясно показывает их вспомогательную роль, ср. *Он видный мужчина. Она сварливая женщина.* Такие предложения достаточно широко представлены во всех сферах языка. Однако каждая сфера имеет свой набор существительных, с которыми соединяются определения-предикаты.

Для научного стиля характерны существительные *факт, черта, тема, величина* и т.п.:

Мотив борьбы Тора с мировым змеем – излюбленная тема изобразительного искусства; Большая роль женщин и их активность в ирландском эпосе – черта весьма архаическая; Создание специальных поселений на востоке – факт исторически прогрессивный; X здесь величина постоянная.

Для РР характерны существительные вещь, дело, штука, история[18].

Холодильники с такой большой морозилкой/камерой специальной/хорошее дело//; Экзамены в физтех/трудная штука//; А поехать по Волге всем летом/это очень хорошее дело//; А все эти ее "полюбила" (разлюбила) старая история//; Окно заклеить/не хитрая штука//

В несколько сниженной РР последних десятилетий развивается употребление существительных *вещь, дело* с оценочным значением без прилагательного. Вероятно, такие конструкции можно рассматривать как редукцию конструкций с прилагательными при данном существительном. Может быть отмечена следующая закономерность: если с прилагательным может употребляться с равным успехом несколько существительных, лишенных определенного вещественного значения, то без прилагательного с оценочным значением функционирует одно из них, ср.:

Новые цветные телевизоры/хорошая вещь (штука, дело) – Новые цветые телевизоры/вещь! (но уже не *штука* или *дело*); Жигули/вещь! Собраться всем на празднике/дело!

Наиболее широкий набор существительных, способных иметь при себе оценочное прилагательное, свойствен языку художественной литературы и публицистике. Возможны, особенно в языке художественной литературы, большие ряды определений-предикатов при одном существительном:

Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувеселой, полурассеянной улыбкой (И. Тургенев); Это был чиновник среднего роста, довольно полный, пухлый, очень сытый, с длинными бакенами без усов (А. Чехов); (из газет) СОИ – это любимое детище Рейгана, опаснейшее для дела мира; То, что военно-промышленные гиганты все больше "поворачиваются лицом" к СОИ, – факт, разумеется, не случайный.

Существительные типа *вещь, дело* функционируют в роли основы для введения в структуру предложения предиката-определения вне зависимости от конституации. В определенных контекстных условиях в этой роли в принципе может выступить любое существительное. Эти условия такие: сначала существительное выполняет полноценную предикативную функцию, а затем служит основой для введения предиката-определения. Такое двойное использование существительного характерно для языка художественной литературы и публицистики:

---

[18] Существительные подобного рода в РР Л.А. Кацнадзе относит к словам-указателям, "не содержащим в своей семантике сведений о соотнесенности с тем или другим понятием или предметом, не обладающим ... вещественным значением" [РРР – 1973, 448].

Бойе был труженик и труженик безответный (В. Астафьев); Сарычев – это директор. Это директор умный, практичный, понимающий все (из газет).

Возможен, хотя и более редок, как бы обратный приведенному контекст: сначала выступает предикат-существительное с определениями, а затем предикат-существительное освобождается от определений, чем подчеркивается его квалифицирующая функция:

Переброска стока северных рек в южные моря – это совершенно непредсказуемый по своим последствиям проект. К счастью, это-таки проект. И, кажется, проектом и останется (из журнала).

В РР существуют особые вторичные для предложений характеризации по признаку схемы, общей отличительной особенностью которых является то, что в роли субъекта выступает определенный компонент предшествующего высказывания, причем этот компонент сохраняет свою первоначальную форму. Возможно, но совсем не обязательно дублирование такого субъекта местоимением это:

А. Я решил поездом поехать там/море посмотреть//Б. Поездом/утомительное дело//(ср. возможное: Поездом/это утомительное дело//); А. Ну/дорога все время зигзагами/этим серпантином//Б. Серпантином/шикарно//; А. А я ее все-таки уговорила в пед//(поступать в пединститут),Б. Уговорила/плохо//Не надо уговаривать//; А. Я ему красную куртку купил//Б. Красную/немодно теперь//А. Вы уже в каком поколении петербуржец? Б. Я думаю что в пятом поколении//А. В пятом/потрясающе//; А. Он лихо водит машину/прямо всех обгоняет//Б. Всех/это плохо//А. Ну почему/он же по правилам//Б. *Все равно риск* //

Аналогичные по функции предложения в публицистическом стиле оформляются с субъектом–инфинитивом и обязательным компонентом это: *Ехать поездом – это утомительное дело; Уговаривать поступать в пединститут – это плохо.* Дадим реальные примеры из публицистики:

Разработку предложений по организации нового типа кооперативов мы начали сразу после принятия правительством первых постановлений о кооперативной деятельности в сфере быта и производства товаров народного потребления. Начать сразу – это, конечно, хорошо. Только не очень хорошо мы знали, как надо; Сегодня женщина ухаживает за ребенком до года с оплатой, с сохранением трудового стажа и занимаемой должности. Ухаживать до года – это хорошо, ведь было много меньше, но все же надо бы до двух, а то и до трех лет.

Интересно отметить, что в РР могут характеризоваться не только компоненты, отражающие "положение дел", но и сам способ выражения, то есть, то, что А. Вежбицкая [1978, 402–421] называет метатекстом в тексте.

А. (о ребенке) Он летом прямо дикий делается/прямо хоть на цепь сажай//Б. На цепь/хорошо// ('хорошо сказано'); А. (о научной работе) Господи/ну что это за статистика//Это же просто арифметика/сложил/поделил//Б. Арифметика/это точно сказано//; А. Его не надо уговаривать/ему надо открыть его возможности//Б. Открыть возможности/это точное выражение.

Особую вторичную структуру для выражения характеризации по признаку представляют такие разговорные предложения, в которых характеризующий признак представлен неявным образом: он выводится из содержания предикативной конструкции, которая как бы занимает место предиката, ср.:

Эта книга/я до половины не дочитал//('книга скучная'); А. Цветные какие телевизоры надежные/не знаешь? Б. А все они/как повезет//; А. Это хороший холодильник? Б. Ну это/работает/а так нет/не гоняются//; У них эта постановка/плачут там все во втором действии//

Если неявный предикативный смысл сделать явным, то предикативная конструкция будет выполнять функцию обоснования выбора данного предиката, ср. *Это книга скучная: я до половины не дочитал.* Именно в таком виде выступают эти конструкции в других сферах языка, ср. реальный пример:

Дорога адская: ручьи, снег, грязь, водомоины (И. Тургенев) (ср. вполне возможное в РР: Дорога/ручьи, снег, грязь, водомоины).

8. И, наконец, для полноты картины должны быть названы особые разговорные способы выражения характеризующего признака с помощью таких компонентов, как *ничего, так себе* и под. [РРР – 1983, 87–91].

Фильм этот вчера по телевизору все-таки ничего//А. Ну и как она? Б. Нет она ничего//; Эти лекции так себе//

Интересен следующий пример: сначала дается оценка наречием совсем, а затем в специальной синтагме эта оценка конкретизируется прилагательным:

Ну первое отделение у них уж совсем/загробное такое//Скучное//

9. Обратимся теперь к анализу функционирования предложений квалификации и характеризации по признаку, построенных на вторичной для этих предложений глагольной схеме. Это предложения типа *Мальчик уже читает.* Для строгих сфер языка эти предложения нехарактерны. В нестрогих же сферах, прежде всего в РР и в языке художественной литературы, причем как в авторском повествовании, так и при имитации РР в речи персонажей, такие предложения распространены очень широко. С лексико-семантической точки зрения глагол тогда может выполнить функцию определительной характеризации, если называют не абсолютно постоянный признак, а признак, не строго выражаясь, "благоприобретенный": предложение **Он слышит* является семантически ущербным, потому что любой человек должен слышать от рождения до смерти, предложение же *Он уже не слышит*, или *Он плохо слышит*, или (о человеке после болезни) *Он снова слышит* являются вполне нормальными. Точно так же нельзя сказать о человеке *Он уже видит*, в то время как по отношению к котенку, который, как известно, рождается слепым, это предложение нормативно.

Реальное положение дел регулирует употребление отрицания при глаголах в предложениях определительной характеризации с конкретным субъектом. Например, в мире курит большое количество людей. Потому не только курение, но и некурение воспринимается как некоторая отличительная характеризующая черта личности, что делает одинаково возможными предложения определительной характеризации *Он курит* и *Он не курит*. С другой стороны, способность к решению

сложных математических задач отличает только одну небольшую часть человечества и ничего не говорит о той несоизмеримо большей части, которая делать этого не умеет, а поэтому возможно определительное характеризующее предложение *Он решает сложные задачи* и невозможно **Он не решает сложных задач*.

По своему морфологическому статусу глаголы в предложениях определительной характеризации с конкретным субъектом относятся, как и в классифицирующих предложениях к глаголам несовершенного вида с особым потенциальным значением.

Глагол в рассматриваемых предложениях может употребляться без распространителей, в так называемом абсолютивном значении: *Он курит*. Чаще же имеет распространители. Эти распространители бывают трех видов: (а) наречия типа *плохо, хорошо, много, немного, слегка: Он плохо слышит; Она неплохо поет;* (б) распространители из модели управления глагола[19] *Он решает сложные задачи по математике;* (в) частицы типа *уже, пока, еще* и под.: *Он уже читает; Ребенок пока еще не ходит*.

Следует заметить, что распространители из модели управления глагола, обычные для характеризующих реляционных предложений (типа *Я читал вчера твою статью*), не разрушают в анализируемых предложениях определительной характеризации. Они просто сужают объем признака-действия, выполняя в принципе ту же функцию, что и определения при существительном в бесспорно квалифицирующих предложениях с первичной схемой, ср.: *Он уже учится – Он уже учится кататься на коньках* и *Он спортсмен – Он спортсмен-фигурист*. Ясным доказательством определительного характеризующего статуса предложений типа *Он уже читает специальную литературу по математике* является возможность развернуть их по определительно-характеризующей формуле с *таков, что: Он уже таков* (по своему образовательному статусу), *что уже читает специальную литературу по математике*.

Глагольные предложения определительной характеризации с конкретным субъектом регулярно реализуются с модальными словами типа *может, умеет, способен* и под.: *Ребенок уже ходит – Ребенок уже умеет (может) ходить; Он читает и говорит по-французски – Он способен читать и говорить по-французски*.

Субъект в предложениях определительной характеризации, построенных по глагольной схеме, чаще всего обозначает лицо. Покажем на материале РР наиболее регулярные семантические виды характеризации лица:

физические и интеллектуальные навыки (чаще всего о детях): Мишка уже держит головенку//; Миша уже с пяти лет свободно читает//; Он у меня уже пишет//; Он умеет

[19] Модель управления глагола понимается здесь так, как это предложено Ю.Д. Апресяном [1974, 133–156], включившего в модель управления глагола все те его распространители, без которых невозможно толкование лексического значения глагола.

считать до ста//; (о фигуристке) Она уже свободно в два оборота делает//(прыжки в два оборота); Он уже пятнадцать раз отжимается//;
привычки: Она курит//; Он пьет//; Анна Петровна вообще-то встает не раньше одиннадцати//;
работа, занятия, увлечения: Петька у меня еще учится//; Ира уже работает//; Кирилл с трех лет марки собирает//; А. Она после педа редактором что ли//('она после окончания педагогического института работает редактором') Б. Ну почему/она учительствует//А. Да/редкий случай//; Она недурно поет//; Он даже немного пишет//('сочинительствует'); А Калягин (актер) по-моему еще и читает//('не только играет в спектаклях, но и читает рассказы со сцены').

Широко используются глагольные предложения определительной характеризации всех трех названных семантических разновидностей в языке художественной литературы и публицистики:

Овсянников всегда спал после обеда, ходил в баню по субботам, читал одни духовные книги, вставал и ложился рано. Бороду, однако же, он брил и волосы носил по-немецки. Гостей он принимал весьма ласково и радушно, но не кланялся им в пояс, не суетился, не подчевал всяким сушеным и соленым (И. Тургенев); Он (Редька) красил, вставлял стекла, оклеивал стены обоями и даже принимал на себя кровельные работы (А. Чехов); Софья Ильинична Китаева из тех милосердных ивановских женщин, которые живут тем, что творят добро. По месту работы – методист областной станции юных туристов, по должности души – давний друг детского дома № 1. Она изучает с ребятами историю и географию родного края, ходит с ними в туристские походы, встречает рассветы и поет у костра, учит ребят дружбе и верности, спортивному ориентированию, топографии.

Предложения глагольной определительной характеризации с конкретным субъектом имеют такие семантические особенности, которые, как кажется, во многом объясняют их распространенность в нестрогих языковых сферах.

Ср. (1) *Он поет*, (2) *Он певец*. Эти предложения, несмотря на их явное сходство по значению имеют и существенные отличия: (2) вполне может обозначать профессию человека, (1) обозначает скорее увлечение, даже предложение *Он поет профессионально* не означает профессии, это просто указание на уровень владения навыками – увлечением. Нужны особые семантические условия, чтобы предложение (1) стало обозначать профессию: это становится возможным тогда, когда употребляется функциональное обстоятельство, то есть такое обстоятельство, которое называет место осуществления профессионального действия: предложение *Он поет в Большом театре*, вероятно, равно по смыслу предложению *Он певец Большого театра*.

Сравним два предложения (3) *Он коллекционирует марки* (4) *Он коллекционер марок*. Вероятно, нужно признать, что не каждый, кто коллекционирует марки, является коллекционером марок (филателистом). Чтобы стать филателистом, нужно обладать определенными навыками коллекционирования, коллекционирование должно быть долговременным. Один старый опытный филателист сказал: "Я думаю, что из ста тех, кто начал в детстве коллекционировать (лучше сказать, собирать) марки, коллекционером стал только один".

Сравним еще два предложения: (5) *Он пьет* (6) *Он пьяница*. Вероятно, было бы несправедливым каждого, кто пусть и достаточно часто употребляет спиртные напитки, называть пьяницей. Известно,

что многие итальянцы, французы едва ли не ежедневно потребляют легкие сухие вина, и ни кому в голову не приходит считать их пьяницами. Чтобы "заслужить" статус пьяницы надо выйти на определенный стабильный уровень потребления алкоголя.

Можно ли найти что-то общее в семантике предложений (1), (3), (5), с одной стороны, и (2), (4), (6), с другой, что позволило бы дифференцировать эти предложения? Вероятно, можно. Так, предложения (1), (3), (5) называют признак, хотя и не эпизодический, но такой, который не стабилизировался для субъекта в той мере, чтобы стать обобщением, закрепленным в особом понятии, в то время как предложения (2), (4), (6) показывают как раз стабильность признака, что и позволяет представить этот признак в форме особого существительного понятия.

Если потребность характеризации конкретного субъекта через понятие характерно для всех сфер языка, то определительная характеризация, не достигшая того уровня, чтобы кристаллизоваться в понятии, для строгих сфер нехарактерна, и, напротив, тонкие различия, которые противопоставляют предложения с существительными-понятиями и глаголами-признаками, существенны для нестрогих сфер языка[20].

Глагольные предложения определительной характеризации конкретного субъекта имеют еще одно важное для нестрогих сфер языка качество: названная глаголом характеризация может измеряться по степени своего проявления и может определяться по фазам: *Он курит. – Он немного курит. – Он много курит. – Он покуривает. – Он иногда курит. – Он начал курить. – Он совсем бросил курить.*

Некоторые немногочисленные, но активные в своем употреблении глаголы, могут в рассматриваемых предложениях получать форму совершенного вида, обозначая начало постоянного для субъекта действия-признака: *Он уже закурил//; Машка уже пошла//; Васька у меня уже заговорил//*

Ср. омонимичные предложения: *Выйдя из метро, он закурил; Машка уже пошла на работу; Он заговорил о своих планах.*

Несовершенный вид глагола является, как уже было сказано, основным для выражения определительной характеризации субъекта. Возможен в этой же функции и совершенный вид, но в отличие от несовершенного, совершенный вид требует для выполнения функции характеризации конкретного субъекта особых условий. Обычно в предложениях с совершенным видом глагола определительную характеризацию получает субъект–лицо. Часто совершаемое лицом какое-то действие свидетельствует об определенном уровне способностей, возможностей лица. Если контекст таков, что он выдвигает на первый

[20] Н.Д. Арутюнова показала, как тонко чувствуют эти различия большие художники слова, процитировав следующий отрывок из "Былого и дум" А.И. Герцена: "Названия страшная вещь. Ж.-П. Рихтер говорит с чрезвычайное верностью: если дитя солжет, испугайте его дурным действием, скажите, что он солгал, но не говорите ему, что он лгун. Вы разрушаете его нравственное доверие к себе, определяя его как лгуна" [Языковая номинация, 1977, 333–334].

коммуникативный план именно это свидетельство, предложение приобретает функцию определительной характеризации. Простейшим и наиболее сильным для данного значения контекстом является диалог с инициальным вопросом о том или ином статусе лица и ответной репликой – предложением определительной характеризации:

А. Ну как Анька-то по-французски? ('в какой степени Аня, ученица, освоила французский язык') Б. Анька на днях первую книжечку прочла/маленькую такую/сказка какая-то//Вот уже как//; А. (об аспиранте) Ну и как у тебя? ('какого научного уровня достиг аспирант'). Б. Ну как? Иванову (известный ученый) он прочел и в общем-то понял/так/основу/не в деталях//

Предложения определительной характеризации с совершенным видом глагола не обязательно касаются лица, и необходимый для этих предложений контекст не обязательно должен быть диалогическим:

Девица была образованная, умная, начитанная, а я даже латынь-то свою позабыл, можно сказать, совершенно (И. Тургенев); ...От кормы до носа "Игарец" пропах рыбой, лебедка, якорь, труба, кнехты, каждая доска непобедимо воняла рыбой (В. Астафьев).

Вне соответствующих контекстных условий приведенные предложения будут осмысляться как обычные реляционные предложения.

10. Предикативные ряды в предложениях квалификации и характеризации по признаку. Характерной чертой языка художественной литературы являют многочисленные характеризующие предикатные ряды, в формировании которых есть определенные закономерности. Наиболее развиты ряды, состоящие из глагольных предикатов определительной характеризации. И это, конечно, неслучайно, поскольку именно глагол дает наиболее широкие возможности для характеритизации субъекта. Круг признаков, который может быть обозначен первичным средством характеризации по признаку – прилагательным – намного уже, чем круг признаков, обозначенных глаголом:

Калиныч каждый день ходил с барином на охоту, носил его сумку, иногда и ружье, замечал, где садится птица, доставал воды, набирал земляники, устраивал шалаш, бегал за дрожками (И. Тургенев); Аня так же, как мать, могла из старого платья сделать новое, мыть в бензине перчатки, принимать красивые позы, приходить, когда нужно, в восторг, глядеть печально и загадочно (А. Чехов). Бойе (собака) ласки не терпел, подачек за работу не требовал, питался отбросами со стола, спал круглый год на улице, в снегу (В. Астафьев).

Характеризация с помощью глагола может помещаться в один ряд с первичными средствами характеризации по признаку – прилагательными или с первичными средствами квалифицирующей характеризации – существительными. Как правило, такой ряд открывается первичными именными компонентами и завершается глагольными компонентами:

Калиныч был человек самого веселого, самого кроткого нрава, беспрестанно попевал вполголоса, беззаботно поглядывал во все стороны, говорил немного в нос, улыбаясь, прищуривал свои светло-голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бородку (И. Тургенев); Редька был непрактичен и плохо умел соображать (А. Чехов).

Если предикативный ряд открывается первичным средством квали-

фикации – существительным, то и все непервичные средства осознаются, по-видимому, как квалифицирующие:

Он был вольноотпущенный дворовой человек, в нежной юности обучался музыке, потом служил камердинером, знал грамоте, почитывал, сколько я мог заметить, кое-какие книжонки и, живя теперь, как многие живут на Руси, без гроша наличного, без постоянного занятия, питался только что не манной небесной (И. Тургенев).

Если первичный ряд открывается первичным средством характеризации по признаку – прилагательным, то и все непервичные средства осознаются как определительная характеризация по признаку:

Я ... был смирен, услужлив, работал, кормил себя, чаще и мачеху с ребятишками (В. Астафьев).

Сочетание явной квалификации и характеризации по признаку встречается редко, ср.:

Нина была прекрасна, обычная женщина, врач и, безусловно, заслужила, как и все, свое право на личное счастье (Т. Толстая).

Отметим еще один возможный в художественной литературе способ определительной характеризации конкретного субъекта: характеризация начинается первичными способами, а затем развивается на основе предикативных конструкций, которая включается как бы в один ряд с предикатами:

Матвей Терехов был еще не стар, лет сорока пяти, но выражение у него было болезненное, лицо в морщинах, и жидкая прозрачная бороденка совсем уже поседела (А. Чехов) (ср. Матвей Терехов был человек с морщинистым лицом, с жидкой поседевшей бороденкой).

В заключение части о функционировании предложений вневременной определительной характеризации приведем те выводы, которые представляются значительными и для исследований других семантико-синтаксических типов предложения. К числу таких выводов принадлежат, как кажется, следующие.

1. Первичные для данного типа предложения структурные схемы не знают функциональных ограничений.

2. Разного рода нестандартные модификации первичных схем локализуются, как правило, в нестрогих сферах языка. Особенно справедлив этот вывод в отношении таких нестандартных модификаций, какими являются импликатуры или близкие к ним по своему семантико-синтаксическому статусу структуры.

3. Функционирование предложений, построенных по вторичным для данного типа структурным схемам во многом определяется коммуникативными запросами сфер языка. Строгие сферы языка, явно тяготеющие к первичным и стандартным схемам, используют вторичные схемы тогда, когда их коммуникативные потребности не могут быть удовлетворены предложениями, построенными на основе первичных схем. Типичный пример: развитие вторичных глагольных классифицирующих предложений в строгих сферах происходит ввиду недостаточности необходимых для этих сфер понятийных существительных. Не

менее типичный пример: развитие вторичных глагольных предложений с конкретным субъектом в нестрогих сферах языка происходит ввиду возможности показать в таких предложениях не вполне стабильное, проявляемое в разной степени свойство субъекта, в чем нестрогие сферы языка испытывают большую потребность.

4. Проведенный анализ предложений вневременной определительной характеризации полностью подтверждает тезис о том, что язык художественной литературы может использовать для своих эстетических целей все или почти все структуры. Должно быть отмечено, что в языке художественной литературы эти структуры могут получать заложенное в системе языка развитие. Показательны в этом плане свойственные в основном только авторскому художественному произведению развитые ряды, состоящие из предикатов характеризации.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. 1936. № 4.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М., 1983.

Богданова В.А. Варианты предикативных конструкций в научном стиле и разговорной речи // Вопросы стилистики. Межстилевая и внутристилевая вариантность языковой системы. Саратов, 1986.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте / Пер. с польского // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.

Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя. Л., 1926.

Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л., 1930.

Виноградов В.В. Стиль прозы М.Ю. Лермонтова // Литературное наследство. Т. 33–34: М.Ю. Лермонтов. I. М., 1941.

Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941а.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация глубинных и поверхностных структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семантика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика. I. Тарту, 1978.

Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы изучения // Русистика сегодня. М., 1987. Вып. 1.

Иванова В.Ф. Спорные вопросы грамматики и стилистики количественных предложений // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.

Кожевникова Н.А. Отражение функциональных стилей в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.

Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с другими. Пермь, 1972.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977.
Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
Лаптева О.А. Способы выражения авторского "я" в русской научной речи // Язык и стиль научной речи. М., 1977.
Леоненко М.А. Конструкции с сопоставительно-выделительными предложениями // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
Логинова К.А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
Мякшева О.В. Варианты номинаций места в разговорной речи, художественном и научном стилях // Вопросы стилистики. Межстилевая и внутристилевая вариантность языковой системы. Саратов, 1986.
Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
Падучева Е.В., Успенский В.А. Подлежащее или сказуемое? Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. 1979. № 4.
Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1: Индоевропейские языки. М., 1966.
Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986.
Пумпянский А.Л. Функциональный стиль научной и технической литературы // ВЯ. 1977. № 2.
Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
Ревзина О.Г. Некоторые особенности синтаксиса поэтического языка М. Цветаевой // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1979. Вып. 481: Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика.
Русская грамматика. Прага, 1979. Т. 2.
Русская грамматика. М., 1980. Т. II.
РРР – 1973: Русская разговорная речь. М., 1973.
РРР – 1983: Русская разговорная речь. М., 1983.
Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.
Санников В.З. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). М., 1989.
Семантические типы предикатов. М., 1982.
Современная русская устная научная речь. Т. 1: Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985.
Современная русская устная научная речь. Т. 2: Синтаксические особенности. М., 1994.
Современный русский язык. М., 1981.
Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.
Шведова Н.Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (Наблюдения над языком газеты) // ВЯ. 1964. № 2.
Ширяев Е.Н. Основы системного описания незамещенных синтаксических позиций // Синтаксические структуры. Красноярск, 1984.
Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.

Глава шестая

ЛЕКСИКА

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РЕГИСТРЫ

> ...отец часто утверждал, что нет такого ругательства, от величественной и потрясающей божбы Вильгельма Завоевателя (блеском божиим) до самой низкой ругани мусорщика (лопни твои глаза), которого нельзя было бы найти у Эрнульфа. – – – Словом, – прибавлял он, – желал бы я видеть человека, который переругал бы его.
>
> Гипотеза эта, подобно большинству гипотез моего отца, своеобразна, а также остроумна; – – единственное мое возражение против нее то, что она опрокидывает мою собственную гипотезу.
>
> *Лоренс Стерн*, 1760

К ОСНОВАНИЯМ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЯЗЫКА

> Хиггинс (*высокомерно*). Простите, миссис Пирс, я не помню, чтобы я когда-нибудь произносил это слово.
>
> *(Миссис Пирс смотрит на него в упор.)*
>
> *(Он добавляет, пряча нечистую совесть под маской судейского беспристрастия)* Разве только в редкие минуты крайнего и справедливого раздражения.
>
> *Бернард Шоу*, 1912.

Тип сублексикона

Каждая функциональная разновидность языка использует не весь словарь данного языка, а лишь некоторую его часть. Назовем ее с у б л е к с и к о н о м.

Своеобразие и единство сублексикона, связанного с данной функциональной разновидностью языка, обеспечивается прежде всего набором входящих в него конкретных лексем (слов), качественная характерность которых состоит в первую очередь в их тематической отнесенности и специфике их индивидуальных лексических значений.

Однако обусловливаемые тематическим фактором лексические различия между двумя текстами, относимыми к одной функциональной разновидности языка (скажем, между текстом статьи об инструментовке Четвертой симфонии Шостаковича и текстом работы, анализирующей влияние катетеризации аорты на состояние регионарного кровотока у детей при лечении бактериальных деструктивных пневмоний, представляющих в принципе один и тот же функциональный стиль научной письменной речи), могут быть настолько значительными, а доля "общей", "общеупотребительной", "универсальной" или же, например, в пределах научного стиля, "общенаучной", "междисципли-

нарной" и тому подобной лексики в них – столь малой (могущей иногда, при сравнении относительно небольших по объему текстов, сводиться практически к ограниченному кругу служебных и полузнаменательных лексем; значимость такой лексики для постулирования единства функциональной разновидности языка не следует преувеличивать), что этими обстоятельствами обессмысливается само намерение исследователя изучать лексический уровень данных текстов "впрямую", без обращения к тому, что можно было бы назвать типом сублексикона.

Для того чтобы обрисовать специфику сублексикона, связанного с какою-либо функциональной разновидностью языка, вряд ли кто сочтет разумным воспользоваться самым простым и точным способом – перечислить полностью составляющие его единицы: заранее ясно, что этот путь обречен на неуспех, потому что границы любого сублексикона нечетки, и даже differentia specifica данного сублексикона, его "непересекающаяся" с другими лексическими функциональными сферами часть должна образовать неопределимо большой список. Рано или поздно всякие попытки перечислений будут прерваны неизбежными "ну и так далее", "и тому подобное" – спасительными формулами, уже содержащими в себе зерно типологического подхода, подразумевающими наличие в перечисленных единицах некоторых общих для них качеств, которые и позволяют отделить данную функциональную область языка с ее лексиконом от иных функциональных регистров и для указания на которые (качества) данного списка достаточно.

В сущности, всякий раз когда мы встречаемся с указанием "такой", открыто или, обычно, неявно противопоставляемым подходу, принцип которого составляет указание "этот", мы имеем дело по крайней мере с зачатками типологического подхода. Ибо всякое "такой" означает не исчерпанность, а лишь р е п р е з е н т а т и в н о с т ь примеров (и их д о с т а т о ч н о с т ь для о б о б щ е н н о г о представления обнаруженного качества), а кроме того подразумевает с р а в н е н и е, то есть возможность существования "нетаких" объектов. И поскольку лексикографических трудов, исчерпывающим образом описывающих сублексикон какой-либо функциональной разновидности живого, развивающегося языка, нет и, надо полагать, быть не может, постольку все описания сублексиконов в той или иной мере типологичны. При этом типологические моменты в описании лексикона тем более заметны, чем менее оно содержит в себе жанровые приметы словаря, особенно "полного".

И все же испытывается определенная потребность в экспликации неявно используемого представления о типе лексикона (или, как в нашем случае, применительно к функциональным разновидностям языка, – сублексикона). Исходя из задач межъязыкового сравнения, А.Е. Супрун [1983, 5], например, делает это следующим образом: "Среди... понятий типологической лингвистики, полезных для изучения славянских языков, следует отметить понятие типа лексикона... Тип лексикона характеризуется качественно разнообразием составляющей его лексики в семантическом, стилистическом, грамматическом отно-

шениях, количественно в отношении объема и статистической стратификации словаря, а также морфемной структурой и словообразовательными потенциями лексики, ее сочетаемостью и некоторыми другими факторами... Для комплексного сопоставительно-типологического анализа славянской лексики могут быть применены методики дистрибутивные, компонентные, квантитативные, психолингвистические, причем существенно соотнесение получаемых результатов. Специфика лексикона одного из языков определяется пересечением различных показателей, а сравнение комплекса показателей позволит лучше выявить типологические взаимоотношения лексиконов..."[1] Кажется, ничто в этом определении принципиально не препятствует его применению (разумеется, с заменой некоторых терминов) к функциональным разновидностям одного языка.

Количество типов сублексиконов, как и число и состав функциональных разновидностей языка, не является заданным однажды и навсегда, а устанавливается в зависимости от целей исследования и возможностей исследователя. Для одних потребностей вполне достаточно разграничения только "строгих" и "нестрогих" функционально-стилистических сфер, для других разбиение, допустим, научного стиля на "подстили" собственно научный, научно-популярный и дидактический ("учебный") может оказаться слишком общим и неточным, а вычленение в пределах типа официально-деловой речи "подтипов" законодательного, административно-канцелярского и дипломатического – чересчур ограничительным, поскольку "неоприходованным" остается, скажем, язык рекламы и т.п. (впрочем, сейчас, с ослаблением государственного контроля за рекламой и становлением ее языка как самостоятельного функционального регистра, последний все дальше и дальше отходит от идеалов чиновничье-канцелярской словесности).

Членение разновидностей языка, а вместе с ним и дробление типов сублексиконов на все более и более мелкие, вплоть до "подтипов", связываемых с различными жанрами речевых произведений, возможны, по-видимому, до весьма внушительных по объему реестров, но не беспредельны. Существенно лишь, чтобы это членение не превращалось в самоцельное и не доводилось до необозримого, а классификационные построения исследователя стремились быть адекватными реальности.

Тип сублексикона, как было сказано, определяется пересечением различных значений некоторого множества параметров, отбор которых хотя и не вполне произволен, но также во многом зависит от опыта и интуиции исследователя. Не все такие параметры являются равноценными для строящейся лексической типологии сублексиконов; некоторые из них могут быть функцией ("следствием", "частью" и т.п.) других параметров или, видимо, чаще нескольких других параметров, носящих более общий характер.

В качестве таких параметров, с помощью которых может строиться

[1] Ср. развитие этих соображений в его же работе [Супрун 1988, 26–31].

лексическая типология функциональных разновидностей языка, могут быть предложены: относительный объем (богатство) словаря; относительный объем дифференциальной ("непересекающейся") части сублексикона как мера его материальной автономности; своеобразие в построении лексических и лексико-семантических парадигм; преобладающие типы значений; развитие и своеобразие средств синонимии и роль лексического отбора при построении текста; характер дейксиса и преобладающие разновидности дейктических знаков; пропорции в соотношении различных частей речи в грамматическом структурировании словаря и текста; преобладающие способы номинации (в том числе тенденции в использовании мотивированных/немотивированных знаков и в характере мотивированности): материальная деривация, семантическое словообразование, словосочетание, лексическое заимствование и их конкретные типы; мера конструктивной сложности слова, уровень синтеза; различия в характере лексической сочетаемости; уровень клишированности сверхсловных единиц и характер фразеологии; стилистическое расслоение внутри сублексикона (по шкале "высокое–нейтральное–сниженное"); роль экспрессивного фактора и наличие системы оценок в различных типах речи; проницаемость границ сублексикона "чуждыми" лексическими элементами; консервативность/подвижность периферийных и центральных участков лексического и фразеологического состава в диахронии и, вероятно, иные особенности сублексиконов.

С нашей точки зрения, и это заметно уже из самого перечня предлагаемых измерений, существенным представляется разграничение статического и динамического аспектов строящейся типологии сублексиконов. Имеется в виду обнаружение различий как, с одной стороны, в коде – самóм наборе резервируемых сублексиконом лексических и сверхсловных единиц, – так, с другой стороны, и в характере реализации данного кода при построении текста.

Близость по некоторым параметрам между сублексиконами в статике, то есть рассматриваемыми как тезаурус, потенциальное "сырье" для создания текстов, может исчезать при конкретном воплощении единиц этого тезауруса в реальных речевых произведениях. Так, например, набор основных лексических знаков с квантитативной семантикой (т.е., попросту говоря, имен числительных) замкнут и в принципе одинаков для всех видов сублексиконов, но в одних типах речи ("собственно" публицистической, поэтической и др.) их роль в организации текста минимальна, в других (некоторых подтипах специальной – научной, деловой, газетно-информационной и др. – речи) может быть весьма значительной. Сублексикон поэтической (художественной) речи принципиально не является замкнутым и объем ее тезауруса неопределимо велик, но при построении конкретного художественного текста может быть сознательно реализована особая установка на его резкое ограничение (в частности, как прием имитации, пародии и т.п. или за счет нагнетания тавтологии как особого средства эмоционального воздействия). Яркой приметой поэтического лексикона в его динамике

считается широкое применение тропеических номинационных формул, в частности, неузуальной метафоры, однако хорошо известны образцы высокой лирики, полностью лишенные метафорики, целиком автологичные по своему лексико-семантическому строю ("Подъезжая под Ижоры...", "Наедине с тобою, брат..." и мн. др.).

Строго говоря, понятие л е к с и к о н а опирается лишь на статические, кодовые аспекты, но в практических описаниях сублексиконов обращение к динамике словаря, к сфере текстуальной реализации различных его компонентов обычно составляет очень важный момент, и это представляется вполне оправданным и закономерным.

Параметры типа сублексикона

Рассмотрим некоторые из перечисленных выше параметров, предложенных для построения лексической типологии функциональных разновидностей современного русского языка, несколько подробнее.

О т н о с и т е л ь н ы й о б ъ е м (б о г а т с т в о) с л о в а р я. В конкретных показателях может быть определен словарный (лексемный) объем лишь отдельных конечных текстов или их групп. Что же касается объема тезауруса, или потенциального словаря, функциональных разновидностей языка, какою бы – крупномасштабной либо, напротив, очень детализованной – ни была их классификация (например, сублексикон всей научной письменной речи или же, скажем, только текстов, относящихся лишь к одной научной дисциплине, либо к одному жанру научной прозы; официально-деловой речи в целом или только текстов законодательных актов), то судить о нем можно лишь весьма приближенно.

О б ъ е м п о т е н ц и а л ь н о г о с л о в а р я (т е з а у р у с а) некоторой функциональной разновидности языка определяется, видимо, не столько позитивно – возможностями привлечения при создании текста тех или иных лексем, сколько негативно – ограничениями, накладывающимися на область словоупотребления. Наибольшим ограничениям подвержены строгие сферы языка и прежде всего официально-деловая речь. Ее потенциальный словарь, по всей вероятности, самый "лимитированный" среди тезаурусов письменных разновидностей языка. Ограничения, налагаемые на область словоупотребления в научной речи, также достаточно велики, хотя и не столь жестки, но их влияние на общую величину сублексикона подавляется чудовищным объемом отраслевых терминологических систем, которые к тому же, с развитием науки, разрастаются лавинообразно. Поэтому позволительно думать, что научная речь как целостное лингвофункциональное образование характеризуется наибольшим по своему объему тезаурусом, оставляя все другие функциональные разновидности языка далеко позади.

Сублексиконы, связанные с нестрогими языковыми сферами, где ограничения в области словоупотребления сравнительно незначительны, носят существенно более открытый характер. В лексическом

корпусе беллетристических и публицистических сочинений, текстов обиходно-разговорной литературной речи может встретиться в принципе все что угодно, вплоть до весьма низкоупотребительных узкоспециальных терминов или редких диалектных слов. Восприимчивость нестрогих функциональных сфер к "чуждым" лексическим элементам, которые здесь способны преодолевать характер инородных вкраплений ("инкрустаций", как принято выражаться в некоторых исследованиях по стилистике) и адаптироваться к новым условиям существования, превращаясь в органичные составляющие, заметно сказывается на объеме их словарей. Эти аннексии сильно размывают границы сублексиконов нестрогих функциональных регистров языка и делают гипотетические суждения об их объемах в численном выражении, хотя бы и приблизительном, крайне зыбкими и даже безответственными.

Ориентировочное определение относительных объемов потенциальных словарей (тезаурусов) функциональных разновидностей языка – это лишь один из аспектов оценки их лексического богатства, аспект статический. Сравнение сублексиконов в динамике может быть осуществлено путем выявления лексического разнообразия текстов, принадлежащим разным функциональным подсистемам, и их лексической селективности ("тривиальности" versus "нетривиальности" лексики данного текста или группы текстов по отношению к статистической модели "среднего" русскоязычного текста).

Лексическое разнообразие определяется отношением числа разных лексем, составляющих текст, к его объему. Функциональные разновидности русского языка различаются между собою по этому параметру достаточно значительно. Наибольшим лексическим разнообразием характеризуются тексты, принадлежащие функциональной сфере письменной художественной речи: устранение лексических повторов, выражение одного и того же содержания ("понятия" и т.п.) разными способами составляет специальную заботу автора художественного текста (если исключить сравнительно редкие случаи сознательного нагнетания тавтологии, имеющего особые эстетические задания). Весьма характерно стремление к лексическому варьированию в пределах данного текста и для авторов публицистических сочинений.

Из основных письменных функциональных разновидностей языка наименьшим разнообразием лексики отличаются тексты официально-деловой разновидности, для многих жанров которой (особенно юридических) синонимия, в том числе и так называемая "контекстная", является нежелательной, поскольку может порождать разночтения, что находится в явном противоречии с требованиями жанра официального документа. В научной речи ярко выражены обе эти крайние тенденции, иной раз сталкивающиеся в остром конфликте[2]. Можно,

[2] Эти суждения основаны на наблюдениях и подсчетах, отчасти изложенных в работе [Журавлев 1988, 134–136]. Они несколько отличны от результатов саратовских исследователей [Сиротинина и др. 1969, 38], установивших низкие уровни лексического разнообразия письменной научной речи. Впрочем, подсчеты делались на выборках различающегося объема, что очень существенно для данного индекса.

пожалуй, отметить, что текстам научных работ в области гуманитарного знания присуща тенденция к высокому уровню лексического разнообразия в заметно большей мере, чем текстам работ в "точных" и естественнонаучных областях.

Текстам, принадлежащим спонтанной, неподготовленной устной речи, в особенности диалогическим, свойственны очень низкие показатели лексического разнообразия, и при этом литературная обиходно-разговорная речь не имеет сколько-нибудь заметного преимущества перед нелитературной (просторечной и диалектной) спонтанной речью. Последнее самым недвусмысленным образом свидетельствует о том, что внешние условия реализации языка в сфере устной коммуникации являются более сильным фактором организации текста, чем внутренние языковые потенции говорящего.

Лексическая селективность текстов, принадлежащих разным функциональным разновидностям языка, – величина, зависящая от соотношения редкой (по отношению к общеязыковому стандарту) и высокоупотребительной лексики, составляющей эти тексты. (Процедура установления уровня лексической селективности или обратной ему величины – уровня "лексической тривиальности" текста предложена в уже упомянутой работе [Журавлев 1988, 138–140].)

Наименее тривиальными в лексическом отношении являются тексты научной письменной речи, прежде всего за счет насыщенности низкочастотной терминологической лексикой. За ними следуют тексты официально-деловой речи, каждый отдельный жанр которой, как правило, тематически ориентирован на весьма узкую внелингвистическую сферу, чем и вызывается низкая употребительность связанной с этой сферой лексики (часто также терминологической) на общеязыковом фоне. Чрезвычайно тривиальной лексикой отличается спонтанная устная речь, особенно нелитературная (просторечная и диалектная речь). Средние значения индекса лексической тривиальности дают художественная речь, публицистические жанры и подготовленная устная публичная речь. Монологические жанры устной речи несколько менее тривиальны в лексическом отношении, чем диалогические формы.

Материальная автономность сублексикона.

Установление уровня лексической тривиальности versus нетривиальности тех или иных текстов и их групп – это способ определения материального своеобразия сублексикона в динамике. Однако и сами тезаурусы как статические величины отличаются известным своеобразием, с чем связываются прежде всего представления о существовании неких пластов лексики, "закрепленных" за теми или иными функциональными разновидностями языка (ср.: *архетип, асимптота, гидроксильный, инвариантность, квантор, покрытосеменные, феноменология, частноотрицательный, экспоненциальный, эргатив...; взяткодатель, воспрещаться, выбытие, истец, освидетельствование, расштыбовщик, смывщик, строчевышитый...; боевитость, военщина,*

вояж, пособник...; безуханный, взлелеять, вотще, златокудрый, невзгодье, ниспослать, прелестница, хладный...; баской, дойнуха, здымать, кукорешки, нахвостаться, порато, солодяжный, хрыповица...). Это не означает, что подобные острохарактерные лексические элементы не могут проникать в другие функциональные регистры, однако их "инородность" там, как правило, отчетливо ощущается.

Объемы таких дифференциальных ("непересекающихся") лексических зон для каждого сублексикона различны и могут, следовательно, служить мерой материальной автономности тезаурусов.

Полярно противоположны в отношении объемов дифференциальных лексиконов такие функциональные системы, как научный и публицистический стили. Бóльшую часть тезауруса научной речи составляют именно дифференциальные единицы – терминология, в подавляющей массе своей замыкающаяся в рамках одной более или менее узкой сферы знания и суммарно определяемая десятками и сотнями тысяч лексических знаков[3]. Напротив, существование собственных

---

[3] Тем любопытнее образцы научной прозы, обходящейся практически без использования узкоспециализированной терминологии. Ср. следующий довольно пространный фрагмент из научного сочинения в очень узкой области знания: «...Если мы сравним эту схему со схемой отражений первой вариации, то мы увидим также большую плотность серийного материала в разработочном разделе. В первой вариации (шесть серий по сравнению с четырьмя в крайних разделах), частичное совпадение количества серий в разработочных участках формы (ш е с т ь серий в центральном разделе первой вариации и ш е с т ь серий в участках B и C третьей вариации), а также – тенденцию к распадению этих участков на 3 + 3, но разным способом организованных*. (*Сноска:* *Достаточно сравнить участки B первой и третьей вариации).

Наибольшее нарушение логики опять наблюдается в заключительном участке F, в котором происходит своего рода суммирование направлений развертки**. (*Сноска:* **Если D, впервые вводя симметричную структуру c, дополняет ее "избытым" в C Ь, то F, возвращая cc, с одной стороны, перенимает чередование ab из E, а с другой – симметрично возвращает к началу (A)).

Вспомним также, что участки A и A первой и второй вариации были ч е т ы р е х э л е м е н т н ы м и. Тем самым F в третьей вариации выполняет еще одну суммирующую функцию – в о з в р а щ е н и е ч е т ы р е х э л е м е н т н о с т и с т р о е н и я.

Рассмотрим теперь второе – распределение видов серии. Схема распределения такова: (*Следует буквенная схема.*)

Логика распределения видов по участкам вполне самостоятельна, но, как и в предыдущих вариациях, взаимосвязана с логикой развертки. Более стабильные в отношении разработочности участки A, D и F организованы следующим образом: в A на два O приходится одно R, но схема симметрична, в D – взаимоотношение обратное, но схема асимметрична. F устанавливает утраченное равновесие (на два O приходится два R, и порядок чередования их строго закономерен). Если сравнить распределение видов в этих участках с распределением способов развертки, то в A при асимметричности разверток наблюдается симметрия видов, в D схемы совпадают полностью (ccЬ – RRo), в F обе они суммируются, но различными способами. Особенно последовательное совпадение мы наблюдаем в участке E.

Для наглядности выпишем рядом обе приведенные выше схемы: (*Следует еще одна буквенная схема.*)

Вспомним теперь распределение видов серии в первой вариации. Участок F третьей вариации воспроизводит в точности схему...»

Данный фрагмент был предложен более чем двум десяткам лингвистов на предмет

лексических элементов у публицистического стиля нередко подвергается сомнению. Думается, что этот скептицизм напрасен, ср. такие слова как *наступательность, застрельщик, запретительство, ставленник, военщина, ястреб, клика, эскалация, рейганомика, уотергейт, ирангейт*... И все же материальная автономность публицистического стиля обеспечивается в основном не лексикой, а фразеологией (ср.: *болевые точки, новое мышление, звездные войны, дипломатия канонерок, набирать темпы, голубые артерии, труженики полей, перед лицом растущей угрозы, социализм с человеческим лицом, телефонное право*...). Обладая обширным тезаурусом, публицистический функциональный стиль современного русского языка характеризуется в то же время весьма незначительным дифференциальным словарем.

Другая сторона, определяющая ту или иную меру материальной автономности сублексиконов, – их п р о н и ц а е м о с т ь "чужеродными" стилистическими элементами.

Наиболее восприимчивы к "чужому" слову устно-разговорные формы речи, а среди письменных разновидностей – художественная речь и публицистический стиль. Официально-деловая речь, в противоположность им, является сферой с труднопроницаемыми границами. Появление в текстах, относящихся к официально-деловому речеупотреблению, признаков, свойственных другим функционально-стилистическим типам, возможно либо в пограничных жанрах официальной словесности (например, элементы "поэтического" толка в рекламных объявлениях), либо при невладении говорящим (пишущим) ее нормами (например, лексические элементы обиходно-разговорной окраски, сниженного стилистического характера в заведомо казенных жанрах заявления, жалобы, объяснительной записки, рукописного объявления и т.д.). Единственный, пожалуй, пласт лексики, формирующийся за пределами собственно официально-деловой речи, но активно вовлекающийся в построение деловых текстов, это специальная терминология, преимущественно из области техники и социальных наук (экономики, социологии и др.).

Вообще говоря, негативная характеристика сублексикона ("что не допустимо в лексическом составе данного функционального типа") не менее важна, чем позитивная ("что в нем допустимо и специфично").

Наконец, материальное несходство сублексиконов, значительное

его дисциплинарной атрибуции. Чаще всего этот текст относили к математике, логике, кибернетике, один испытуемый даже рискнул назвать кристаллографию; ни один информант не дал правильного ответа – музыковедение (был приведен фрагмент из статьи Э. Денисова "Вариации ор. 27 для фортепиано А. Веберна", см. в кн. *Денисов Э.* Современная музыка и проблемы эволюции композиторской техники. М., 1986. С. 182–183). На протяжении полутора страниц автор почти ни разу не прибег к терминологии, специфической для музыковедения (лексемы *вариация, серия, развертка* используются не только в музыкальной терминологии). Единственное исключение – термин *разработочность*, насколько нам известно, за пределами музыковедения не встречающийся, однако его внутренняя форма, будучи весьма прозрачной, никак не указывает на сферу применения термина человеку, недостаточно владеющему лексиконом и понятиями данной научной области.

само по себе, в статике, усугубляется и различной динамикой совпадающих компонентов этих сублексиконов, т.е. различной степенью их активизации в конкретных речевых проявлениях: одно и то же слово в текстах, принадлежащих одной функциональной разновидности, является высокоупотребительным, в текстах же другой разновидности характеризуется, напротив, низким удельным весом (подробнее см. ниже).

Преобладающие типы значений.

Этот параметр, вернее, целая серия параметров, дает возможность сопоставить отдельные функциональные разновидности языка с целью установления различий между ними с множества точек зрения – вследствие широты и многоаспектности самого понятия значения.

От регистра к регистру меняется, например, относительная представленность лексики с категориальными значениями предметности (субстанциальные значения, выражаемые именами существительными и местоименными существительными), признаковости (атрибутивные значения, выражаемые именами прилагательными, наречиями, местоимениями прилагательными и наречиями, атрибутивными формами глагола – причастиями и деепричастиями), процессуальности (значения, носителями которых являются глаголы, включая также и их атрибутивные формы). Во всех функциональных разновидностях выражаемые отдельными словами значения субстанциальности количественно преобладают над атрибутивными, а последние в свою очередь – над процессуальными. Однако их соотношения различны.

В наибольшей мере субстанциальная семантика присуща элементам текстов, относящихся к строгим функциональным сферам – в первую очередь официально-деловому стилю, в несколько меньшей степени к научной речи. Разновидности устной речи, независимо от их характеристики с точки зрения литературности/нелитературности, отличаются низкими показателями по этому признаку.

Пик показателей значимости атрибутивной семантики в тексте приходится на научный стиль письменной речи, минимальные его значения характеризуют нелитературную устную речь. Монологическая устная речь устойчиво дает более высокие показатели доли атрибутивных слов, чем речь диалогическая.

В соответствии с "именным" характером строгих стилей слова с категориальным значением процессуальности занимают в текстах научной и официально-деловой функциональных разновидностей незначительную долю их пространства по сравнению с нестрогими разновидностями (и при этом чрезвычайно активное здесь по сравнению с другими типами речи причастие одновременно входит в зону атрибутивной семантики!). Наибольшую активность процессуальной категориальной семантики демонстрируют повествовательные формы художественной речи и – среди устных разновидностей – просторечно-диалектная формация (как в монологическом, то есть в повествовании по преимуществу, так и в диалогическом изводах).

Неодинаково отражение в текстах, относящихся к разным функциональным сферам языка, слов, принадлежащих разным семиологическим классам имен: характеризующим, идентифицирующим, дейктическим, квантитативным.

Обиходная речь, например, испытывает гораздо большее тяготение к употреблению имен собственных (идентифицирующих знаков), при этом их ведущая функция в диалогической речи, можно думать, – функция обращения, а не чисто ("гипертрофированно") номинативная, как иногда считают. Напротив, минимальной употребительностью отличаются идентифицирующие имена в официально-деловой речи, многие жанры которой могут вообще не включать проприативов. В научной речи в этом отношении заметен контраст между различными отраслями: в текстах сочинений в области гуманитарных наук (особенно таких, как история, литературоведение, искусствоведение) употребительность имен собственных высокая, точных наук – несравненно ниже.

Различия между функциональными разновидностями языка, обусловленные назначением текстов, создаваемых в рамках этих разновидностей, и, с другой стороны, внешними обстоятельствами и способами реализации речи, ярко проявляются в характере функционирования в них дейктических лексических элементов.

Координация речевого акта относительно субъекта речи, пространства и времени, в которых осуществляется речевой акт, оказывается намного более актуальной для нефиксируемой (устной) речи. При этом можно заметить, что диалогические формы речи, независимо от их принадлежности литературной или нелитературной формации, обнаруживают несколько более низкий уровень дейктичности (или "собственно дейктичности", выражаемой лексически – местоимениями), чем монологические формы. То же следует сказать и о роли личных местоимений как частного класса слов с дейктической семантикой, ориентированной относительно субъекта речи: в монологе роль слов с семантикой "личного" дейксиса (личных местоимений) значительнее, чем в диалоге. Объяснение этому факту находится, по-видимому, в том, что диалогическая речь в большей степени, чем монолог, в особенности повествовательный, привязан к "данной" ситуации, которая и восполняет некоторую ослабленность дейксиса в тексте.

Различаясь по общему уровню дейктичности, функциональные разновидности языка могут вырабатывать и специфические лексические элементы с дейктической семантикой. Так, в официально-деловой и, несколько меньше, в научной письменной речи (т.е. в "строгих" функциональных областях) распространены такие характерные указательные слова, осуществляющие ориентацию внутри данного текста или тесной группы текстов, как *выше, ниже, предыдущий, следующий, перечисленные, указанный, упомянутый, цитированный, вышеизложенный, отмеченный, данный, настоящий, последний* и под., т.е. местоимения с явным преобладанием анафорической функции (вообще можно заметить, что анафорические местоимения в

большей мере актуальны для письменной речи, нежели для устной). Из функциональных сфер, относимых к разряду нестрогих, некоторые из этих дейктических знаков употребительны без пародийных интенций или оттенка "цитатности" только в отдельных публицистических жанрах; устной неофициальной речи они совершенно чужды, если, конечно, не принимать в расчет случаев патологической "функционально-стилистической" глухоты (ср. описанный в литературе по коллоквиалистике "феномен невладения разговорной речью" [PPP–1973, 23]).

Основные лексические знаки с к в а н т и т а т и в н о й с е м а н т и к о й, прежде всего имена числительные, универсальны для всех функциональных регистров языка. Однако это не мешает им быть определенного рода приметой того или иного стиля, той или иной сферы. Если тезаурусы отдельных разновидностей языка по этому параметру весьма близки друг к другу, то, как было уже отмечено, при конкретных воплощениях единиц этих тезаурусов в реальных речевых произведениях это сходство может исчезать.

Тексты художественных произведений чрезвычайно (в целом) бедны квантитативными знаками, в то время как многие жанры официально-деловой и научной речи существуют именно для передачи информации, выражаемой числом. К официально-деловым текстам (ср. статистический отчет) в этом отношении приближаются некоторые газетно-информационные жанры (тот же статистический отчет, в жанровом отношении приноровленный к нуждам "массового потребления"), – в отличие от сочинений собственно публицистического стиля с преобладающей функцией воздействия. Что касается обиходной речи, то употребительность квантитативных знаков в ней довольно высока; по всей вероятности это – приобретение последних этапов эволюции устно-разговорной сферы: сомнительно, чтобы речь крестьянина, да и горожанина, прошлого века так пестрела численными характеристиками времени, расстояния, веса, стоимости, температуры воздуха, номерами транспортных маршрутов и т.д., как речь нашего современника. Повышение роли квантитативных знаков в устной речи связано и с расширением каналов точной ("научной") информации, и с усилением регламентирующего влияния на личность надличностных институций.

Так же, как и в случае с дейктическими словами, здесь имеются знаки, являющиеся принадлежностью определенных функциональных регистров, не проникающих в иные. Так, в официально-деловых текстах вряд ли возможно употребление квантитативных знаков *пара, пяток, десяток, дюжина, полсотни, полста, пол-двенадцатого*, конструкций типа *без четверти одиннадцать* (ср. *двадцать два часа сорок пять минут*), *полста четвертый*, не говоря уже о "числительных" *тридевять, тридесятый, чертова дюжина* и под., которые в академических грамматиках даже не упоминаются, а в толковых словарях решительно выводятся за пределы соответствующего разряда знаменательных слов (в отличие от "Грамматического словаря русского языка" А.А. Зализняка, где *тридевять, тридесятый, двунадесятый* и под. отнесены к числительным).

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ МЕТОДИКАХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЙ

Довольно эффективным и полезным средством изучения специфики сублексиконов, связанных с различными функциональными сферами языка, являются частотные словари.

Однако прямое сравнение данных частотных словарей разных "подъязыков" несколько затруднительно. Во-первых, количественные сведения в них как правило даются в абсолютном численном выражении, а объемы генеральных выборок, на которых основываются подсчеты, обычно не совпадают. Во-вторых, значительную часть частотных списков составляют лексемы, общие для всех или большинства разновидностей речи, прежде всего служебные слова, что особенно заметно для начальных участков словарей. Например, из первых сорока словоформ, входящих в частотный словарь языка электроники [Калинина 1968, 144][4] и охватывающих около четверти объема текста (*в, и, при, на, для, с, от, по, что, рис.*[унок], *из, как, не, к, а, тока, можно, ток, напряжения, так, электронов, случаев, до, или, поля, может, между, если, через, времени, этом, напряжении, это, то, же, катода, время, где, области, разряда*...) только семь или восемь (отдельные грамматические формы слов *ток, напряжение, электрон, поле, катод* и, по-видимому, *разряд*) относятся к словоформам терминов, т.е. к единицам, специфическим для языковой сферы, описываемой этим словарем. Остальные словоформы являются по преимуществу синсемантическими и дейктическими элементами. Их функционирование в текстах, принадлежащих специальным вариантам языка, в большинстве случаев сравнительно незначительно отличается от картины, которая наблюдается в языке в целом; во всяком случае пределы колебаний в их употребительности несравнимо у́же разбросов в употребительности, характерных для полнознаменательной лексики.

Нужна процедура, которая позволила бы отделить лексику специфическую, существенно повышающую свой удельный вес в структуре текстов данного специального "подъязыка", от лексики, которая меняет свой удельный вес по сравнению с общеязыковой ситуацией незначительно. Для этого необходимо определить соотношение между относительными частотами конкретных слов в данном "подъязыке" с аналогичными величинами, характеризующими употребительность этих же слов в языке в целом.

Слова, входящие в состав некоего сублексикона, могут быть упорядочены по убыванию коэффициента возрастания относительной частоты слова в данном сублексиконе сравнительно с общеязыковым словарем.

Этот коэффициент определяется отношением $f_a : f_{общ}$, где $f_{общ}$ – общеязыковая частотность (относительная частота, которая в свою очередь определяется отношением абсолютной частоты $F_{общ}$ слова к

[4] Подобные "словари" точнее было бы называть частотными инфлексариями.

объему выборки, на которой сделан словарь), а f_a – частотность слова в данном "подъязыке" (при возрастании удельного веса слова в "подъязыке" по сравнению с общеязыковой картиной коэффициент принимает значения, большие, чем 1; при падении – значения в интервале от 1 до 0). В результате возникает репрезентативный список лексем, в котором материальная специфика данного сублексикона на фоне общеязыковой ситуации выявляется гораздо ярче, чем это достигается с помощью обычных частотных словарей: единицы лексикона, ведущие себя в данном "подъязыке" так же, как и в языке в целом, или снижающие в нем свой удельный вес, отходят на задний план (даже если они характеризуются весьма высокими рангами в "простом" частотном словаре), в то время как в начало списка перемещается активизирующаяся в данной разновидности языка лексика, даже если она не относится в ней к самым употребительным единицам словарного состава. Наибольший интерес здесь представляет, конечно, именно эта активизирующаяся лексика, что, однако, не означает, что и "пассивизирующийся" словарь не может стать объектом содержательного анализа.

Для примера приведем здесь начальные участки двух таких репрезентативных списков, составленных на материалах частотных словарей языка газеты [Полякова, Солганик 1971][5] и общенаучной лексики [Частотный словарь общенаучной лексики 1970]. В качестве источника сведений об общеязыковой частотности слов использовался [Частотный словарь русского языка 1977].

Язык газеты (цифра после лексемы соответствует коэффициенту возрастания относительной частоты в данном "подъязыке"; список включает слова с коэффициентом не ниже 4,00):

пятидесятилетие 105,64, *интернационализм* 76,59, *войско* 37,73, *металлург* 33,01, *москвич* 26,89, *норматив* 24,65, *заказчик* 23,77, *политбюро* 20,07, *хозяйствование* 15,85, *эстетика* 15,85, *федерация* 14,89, *марксизм-ленинизм* 14,86, *сессия* 14,26, *требовательность* 13,73, *очко* 13,66, *созыв* 12,96, *секция* 12,15, *удобрение* 12,07, *вуз* 11,73, *усовершенствование* 11,56, *плечо* 11,44, *поощрение* 11,44, *делегация* 11,34, *королева* 11,22, *подразделение* 11,22, *металлургия* 10,19, *хозрасчет* 9,68, *годовщина* 9,51, *математика* 9,31, *новатор* 9,24, *повестка* 9,24, *эксперимент* 9,24, *заместитель* 9,07, *выпускник* 9,05, *здравоохранение* 9,05, *резерв* 9,01, *усиление* 8,96, *реализация* 8,94, *сотрудничество* 8,80, *устранение* 8,58, *соревнование* 8,46, *нарушение* 8,42, *съезд* 8,34,

[5] "Язык газеты", конечно, не является единым в функциональном отношении. В газете могут быть реализованы типы информационной, "собственно" публицистической, официально-деловой, научной (чаще в ее "популярном" изводе), поэтической речи. Здесь отмечаются развлекательные жанры, вообще не вписывающиеся в прокрустово ложе канонизированных ("основных") речевых типов. С равным успехом (удачнее сказать – неуспехом) кроссворд, ребус, шарада – жанры, не столь уж редкие даже в центральной прессе, ср. газеты "Неделя", "Собеседник", "Сельская жизнь"... – могут быть отнесены к реализациям художественного ("игра" как наиболее бескорыстная форма эстетического), научно-популярного ("познавательная функция", что, впрочем, довольно сомнительно) и даже делового (ср. "инструкции" к задаче) типов речи. Это, однако, периферия языкового употребления. В целом же "язык газеты" можно понимать как агрегат главным образом информационного и публицистического стилей, и в этом смысле говорить о "языке" газеты допустимо. Ср.: [Костомаров 1971; Шмелев 1977].

оплата 8,22, *машиностроение* 8,16, *фонд* 8,07, *наследие* 7,92, *президиум* 7,84, *затрата* 7,83, *переработка* 7,63, *обслуживание* 7,47, *пленум* 7,44, *директива* 7,31, *эффективность* 7,26, *горком* 7,15, *единство* 7,07, *стратегия* 7,04, *рекорд* 6,96, *волнение* 6,91, *комплекс* 6,88, *министр* 6,78, *расширение* 6,75, *реформа* 6,70, *планирование* 6,64, *содружество* 6,60, *экономист* 6,56, *комбинат* 6,34, *земледелец* 6,30, *участник* 6,26, *центнер* 6,25, *заинтересованность* 6,24, *зрелость* 6,24, *механизация* 6,13, *роль* 6,12, *зона* 6,04, *освоение* 5,96, *рекомендация* 5,94, *совершенствование* 5,92, *бюджет* 5,87, *марка* 5,85, *компартия* 5,81, *подготовка* 5,81, *команда* 5,75, *урожай* 5,73, *обучение* 5,72, *внедрение* 5,70, *кандидат* 5,67, *прирост* 5,66, *соответствие* 5,66, *доход* 5,62, *коллектив* 5,62, *вклад* 5,61, *перевозка* 5,61, *килограмм* 5,59, *устав* 5,59, *разработка* 5,58, *прибыль* 5,49, *район* 5,49, *мощность* 5,36, *авангард* 5,28, *отдача* 5,28, *повышение* 5,28, *посев* 5,28, *современность* 5,28, *электроэнергия* 5,28, *партия* 5,24, *ферма* 5,16, *орган* 5,12, *ноябрь* 5,09, *специалист* 5,06, *завершение* 5,03, *преподаватель* 5,03, *выпуск* 5,01, *оборудование* 4,99, *спорт* 4,99, *обязательство* 4,98, *прогресс* 4,95, *совет(ы)* 4,93, *председатель* 4,92, *заявление* 4,90, *постановка* 4,90, *производительность* 4,88, *кризис* 4,86, *проверка* 4,80, *показатель* 4,78, *выборы* 4,73, *сезон* 4,73, *использование* 4,65, *министерство* 4,65, *встреча* 4,64, *проведение* 4,64, *животноводство* 4,60, *картофель* 4,59, *комитет* 4,59, *продукция* 4,59, *ввод* 4,58, *галерея* 4,58, *учет* 4,55, *соблюдение* 4,53, *специализация* 4,53, *стимулирование* 4,53, *звено* 4,48, *заготовка* 4,47, *механизатор* 4,45, *парторганизация* 4,45, *результат* 4,45, *колхозник* 4,44, *предприятие* 4,40, *закономерность* 4,38, *активность* 4,36, *зритель* 4,34, *мастерство* 4,32, *пропагандист* 4,28, *победитель* 4,27, *трудящийся* 4,25, *труженик* 4,25, *пятилетка* 4,23, *исследование* 4,22, *март* 4,19, *совещание* 4,18, *создание* 4,17, *спрос* 4,17, *обмен* 4,15, *тонна* 4,15, *ответственность* 4,14, *поставка* 4,11, *хоккеист* 4,11, *хранение* 4,11, *комиссия* 4,08, *благодарность* 4,06, *член* 4,03, *формирование* 4,01.

Общенаучная лексика (использовавшийся для составления данного списка словарь базируется на текстах шести естественнонаучных отраслей – математики, физики и ее технического применения, химии, биологии, медицины и геологии с географией; в список входят только лексемы, отмеченные во всех шести отраслях; коэффициент возрастания относительной частоты – не менее 10,00; лексемы, не сопровожденные коэффициентами, в контрольном "Частотном словаре русского языка" под ред. Л.Н. Засориной отсутствуют):

ближайший, взаимосвязь, выпадение, классификация, неоднородный, обратимый, подвергнуться, производный;

уравнение 1060,78, *отрезок* 181,57, *функция* 145,64, *произвольный* 100,88, *плоскость* 82,09, *кинетический* 68,66, *параллельная* 66,02, *позднее* 66,02, *формула* 60,02, *потенциал* 55,02, *уменьшение* 54,93, *обусловить* 54,14, *обозначаться* 51,50, *коэффициент* 51,00, *определение* 49,59, *радиоактивный* 49,59, *соотношение* 48,35, *наименьший* 48,20, *отклонение* 48,07, *преобразование* 45,12, *обусловливать* 43,58, *фаза* 41,54, *единичный* 40,93, *молекулярный* 38,95, *компонент* 36,97, *дуга* 35,65, *переходный* 33,67, *потенциальный* 33,45, *изолированный* 33,01, *регулировать* 33,01, *ось* 31,92, *фиксировать* 31,69, *измерение* 31,54, *характеризоваться* 31,43, *величина* 31,39, *однородный* 31,25, *обозначать* 31,16, *множество* 31,05, *присоединять* 29,05, *продолжительность* 29,05, *равномерный* 28,61, *обозначение* 27,92, *ток* 27,29, *схема* 26,41, *полость* 25,84, *повторение* 25,75, *выделение* 25,19, *рассмотреть* 25,13, *ограничить* 24,82, *единица* 23,11, *относительный* 22,93, *организм* 22,83, *соответственно* 22,26, *минимальный* 22,12, *характеристика* 22,07, *упростить* 22,01, *соответствовать* 21,51, *последовательность* 21,27, *интенсивность* 20,83, *элементарный* 20,57, *исходный* 20,47, *определяться* 20,41, *раствор* 20,12, *взаимодействие* 20,03, *аналогичный* 19,24, *протекать* 19,24, *поверхностный* 19,21, *элемент* 18,99, *число* 18,93, *определить* 18,80, *добавление* 18,49, *положительный* 18,34, *дальнейшее (в дальнейшем)* 18,05, *выполняться* 17,90, *точка* 17,64, *параллельно* 17,17, *прохождение* 17,17, *кислота* 16,93, *наибольший* 16,51, *посвященный* 16,51, *ядро* 16,47, *устойчивость* 16,41, *сумма* 16,27, *согласно* 16,19, *наблюдаться* 15,85, *совпадать* 15,72, *изменение* 15,44, *изменяться* 15,32, *возникновение*

15,15, *называться* 14,74, *вторичный* 14,63, *равновесие* 14,29, *отрицательный* 14,26, *распад* 14,14, *интенсивно* 14,09, *совокупность* 14,09, *приводиться* 13,96, *содержаться* 13,96, *стадия* 13,80, *система* 13,77, *частично* 13,50, *исследовать* 13,33, *непрерывный* 13,25, *водород* 13,20, *данный* 13,20, *целесообразно* 13,20, *зависимость* 13,11, *больший* 12,98, *рассматриваться* 12,93, *удаление* 12,91, *молекула* 12,60, *напряжение* 12,54, *уменьшаться* 12,54, *воздействие* 12,53, *значение* 12,50, *максимальный* 12,48, *равный* 12,46, *отсутствовать* 12,39, *прямой* 12,37, *невелик(ий)* 12,32, *комплекс* 12,24, *делиться* 12,09, *электронный* 12,06, *развитый* 12,03, *относительно* 11,91, *жидкость* 11,88, *перемещение* 11,88, *кристаллический* 11,83, *определять* 11,83, *уменьшать* 11,70, *равномерно* 11,58, *перенос* 11,55, *полюс* 11,52, *выражение* 11,28, *образовать* 11,21, *экспериментальный* 11,04, *конечный* 10,73, *различать* 10,71, *ускорение* 10,70, *пространство* 10,69, *усиление* 10,68, *таблица* 10,67, *располагаться* 10,56, *наличие* 10,28, *осуществляться* 10,19, *осадок* 10,16, *частица* 10,14, *оболочка* 10,08, *доказательство* 10,06.

Разумеется, в этих двух лексических списках немало случайного. Не вписываются в общий семантический "колорит" репрезентативной газетной лексики слова *эстетика, галерея*. Частотный словарь "языка газеты" [Полякова, Солганик 1971], который мы взяли в качестве источника материала, составлялся в конце 60-х годов. Именно поэтому в репрезентативном списке на первое место всплыло слово *пятидесятилетие*, чрезвычайно ходовое в тот период (и не только в газетах; оно проникло даже в такой, довольно консервативный, пласт лексики, как топонимия: помнится, этим словом была названа одна из центральных площадей Москвы). Создавайся словарь на десять лет раньше или позже, состав "идеологической" лексики был бы в нем немного иной (в 1988 г., в нем первые места занимали бы слова *перестройка* и *гласность;* кстати, по Частотному словарю [1977] употребительность существительного *перестройка* (14 на 1 млн. слов текста) такая же, как у слов *лягушка, самодержавие, смуглый, хлестать...*, а слова *гласность* (5 на тот же объем выборки) – такая же, как у слов *дяденька, недруг, полуразрушенный, соблазн, четвереньки...;* в Частотный словарь языка газеты [Полякова, Солганик 1971], где частотный порог для включения в лексикон принят за 7 на 200 000 словоупотреблений, эти лексемы вообще не попали)[6]. Замени авторы словаря несколько номеров газет, которые расписывались для его составления, другими – непременно сместились бы ранги многих слов списка. Но все это, так сказать, обязательные случайности: общий характер этих списков остался бы таким же. А для нас важна именно характерность списка, а не конкретные лексемы: существенно не наличие слов *ноябрь* и *март* как названий соответственно одиннадцатого и третьего месяцев в году, а высокая употребительность в языке газеты т а к и х темпоральных обозначений.

Несходство двух репрезентативных списков, как в формальном, так и в содержательном отношениях, очевидно и весьма многозначительно. Ограничимся беглым комментарием.

Прежде всего бросается в глаза чрезвычайно малое число лекси-

[6] Кстати, повторение этого опыта с интервалом в 20–25 лет было бы очень полезным и, несомненно, могло бы стать базой солидного социолингвистического исследования.

ческих совпадений: общими для обоих реестров являются только две лексемы – *комплекс* и *усиление*.

В данных списках проявляется такая важная особенность сублексикона научной речи, как его существенно бо́льшая материальная автономность по сравнению с сублексиконом газетного языка. Если ограничить нижний предел коэффициента возрастания относительной частоты слова для языка газеты величиной 10,00 (как это сделано в отношении научной лексики), то нетрудно обнаружить, что список слов языка газеты, удовлетворяющий этому условию, почти в шесть раз меньше по объему, чем соответствующий список общенаучной лексики, и, следовательно, сублексикон научной речи значительно в большей мере удален от некоего общеязыкового лексико-статистического "стандарта".

Полученный нами репрезентативный список лексики, активизирующейся в языке газеты, вмещает в себя исключительно имена существительные, в то время как список активизирующейся общенаучной лексики составляется словами, принадлежащими всем основным частям речи, включая даже непервообразные (наречные) предлоги (*согласно* и, может быть, *относительно* и *соответственно*).

"На газетной полосе" больший удельный вес занимали в свое время аббревиатуры и сложносокращенные слова, являвшиеся яркой приметой лексикона советского периода (*политбюро, вуз, хозрасчет, компартия, горком, парторганизация*), в репрезентативный список языка науки такие образования не попали. Выше в газетном тексте и доля заимствований и слов, включающих в свой морфемный состав интернациональные корневые элементы; очевидно, что при обращении к научной лексике, отмеченной в текстах не в с е х привлеченных к анализу шести крупных отраслей естественнонаучного знания (это было условием составления нашего реестра о б щ е н а у ч н о й лексики), значительно повысится доля заимствованных слов в репрезентативном списке, однако пока можно констатировать существенность в общенаучном лексическом фонде "автохтонного" лексемного и корневого материала, служащего для выражения наиболее общих и отвлеченных понятий.

Еще одним очень ярким семантическим различием между репрезентативными лексическими списками для языка газеты и науки является высокая доля nomina personae и nomina collectivae в первом при полном их отсутствии во втором.

И в том и в другом списках представлено значительное число отглагольных имен существительных, составляющих в обоих случаях около трети всех субстантивных образований, что, несомненно, свидетельствует о большой общности в семантическом и словообразовательном (и, далее, морфологическом и синтаксическом) строении соответствующих подсистем. Однако и здесь обнаруживаются заметные расхождения. Репрезентативный список общенаучной лексики включает только существительные девербативы с суф. *-ние* и небольшое количество образований с нулевым суффиксом (из которых два –

т.е. половина, – *ток* и *раствор*, не относятся к именам действия). В то же время репрезентативный список лексики языка газеты демонстрирует гораздо более высокую активность иных моделей девербативного именного словообразования (*перевозка, подготовка, разработка..., отдача...* и др.), среди которых нулевая суффиксация занимает весьма важное место (*созыв, вклад, посев, ввод, учет, спрос, обмен..., оплата, затрата*).

Наблюдения подобного рода можно продолжить, но уже и этого, как нам кажется, достаточно, чтобы показать полезность обращения к частотным словарям для характеристики некоторых особенностей различных функциональных разновидностей языка и их лексиконов в динамике, то есть в текстуальном воплощении. То обстоятельство, что репрезентативные списки активизирующейся лексики легко поддаются структурированию, выделению различных группировок слов – по лексическим значениям (в лексико-семантические группы, ср. в списке слов языка газеты: *королева, министр, председатель...; металлург, земледелец, преподаватель...; металлургия, машиностроение, здравоохранение...; усовершенствование, расширение, повышение, усиление...; съезд, пленум, совещание...; центнер, килограмм, тонна...* и т.п.), по частям речи, по словообразовательным типам и формантам (*требовательность, эффективность, заинтересованность...; заместитель, зритель, победитель...*) и т.д., – говорит о неслучайности этих списков: устойчивое повторение тех или иных признаков в наборе объектов, полученном в результате эксперимента, свидетельствует о важности этих признаков в организации всего множества объектов и содержательности экспериментальных данных.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО СТРОЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

> Бумага лишь символ жизни, но она и тень истины, а не хамская выдумка чиновника.
>
> Бумага, изложенная по существу и надлежаще оформленная, есть продукт высочайшей цивилизации. Она предучитывает порочную породу людей и фактирует их действия в интересах общества.
>
> *Андрей Платонов*, 1926

Принято считать, что конститутивные особенности официально-деловой речи определяются функцией волеизъявления [Ушаков 1967; Логинова 1975, 6].

Пожалуй, это справедливо, но по отношению лишь к части жанров, в которых реализуется официально-деловой функциональный стиль. Для множества деловых жанров (ср. листок по учету кадров, объяснительную записку, автобиографию, анкету, статистический отчет, заключение медицинской комиссии, телефонный справочник и мн. др.)

прямая волеизъявительная прагматика не характерна, но между тем никто не станет на этом основании отрицать их принадлежность официально-деловой речи. Конечно, при остром желании можно усмотреть выражение воли и в "глубинной структуре" строки из телефонной книги: 'для соединения с Ивановым Н.Н. набери номер такой-то' или же '(сим) предписывается Иванову Н.Н. пользоваться абонентским номером таким-то', однако это ощущается все же некоторым насилием над прагматической и семантической реальностью.

С другой стороны, информационная функция, характерная для указанных выше и аналогичных им жанров, наряду с функцией волеизъявления, свойственной жанрам устава, закона, приказа, инструкции, рецепта, жалобы, заявления с просьбой о командировании или предоставлении отпуска и т.д., может быть включена в более широкий контекст социально-организующего употребления языка. Социальная регламентация не сводится к одному лишь императиву, равно как и императивность не является в свою очередь исключительной принадлежностью круга отношений, которые отражаются официально-деловой речью, поскольку свойственна и иным функциональным сферам (например, публицистической речи).

Функция социальной регламентации как преимущественная для официально-деловой речи выдвигает перед текстами этого функционального регистра и составляющими их единицами безапелляционное требование однозначности прочтения. По существу, с какими бы словесными произведениями официально-делового характера мы ни имели дело — конституцией или объявлением о конкурсе на замещение вакантных должностей, протоколом профсоюзного собрания или заявкой на поставку оборудования, уголовным кодексом или инструкцией к применению электрической кофемолки — для всех них характерна установочная ориентация на безальтернативную рецепцию, осознанное или почти осознанное бегство от двусмысленности[7].

Установкой на избежание инотолкования определяются многие, если не все, собственно лингвистические черты официально-деловой речи, как в области грамматики, так и особенно в области лексики. Вообще, может быть, в наиболее отвлеченной квалификации официально-делового стиля, в характеристике движущих сил его формирования должны подчеркиваться прежде всего негативные моменты. Своеобразие этого функционального стиля в конце концов определили не столько жажда адекватности отображения и понимания, сколько уклонение от неоднозначности, не столько тяготение к объективности,

---

[7] Не совсем то же в науке, хотя обычно ее языку охотно приписывают аналогичные тенденции. Неоднозначность и зыбкость вновь вводимых терминов и понятий здесь могут оказаться даже эвристически полезными. Во всяком случае, не слишком большая редкость, когда равно благопристойные конкурирующие научные теории, особенно в гуманитарных областях, вырастают из разночтений. Ср. мнение Реформатского: «Заслуга Бодуэна именно в том, что он дал исходный плацдарм, из которого смогли развиться и Ленинградская школа ("школа Щербы") и Пражская школа, и Московская фонологическая школа. Тем-то и велик Бодуэн, что он оставил такое наследие, в котором "сам да понимает себя"!» [Реформатский 1970, 17].

сколько боязнь субъективного, не столько тенденция к унифицированности, сколько отталкивание от нестандартного: не так притягательна расчисленность светил, как отпугивает беззаконие комет.

Источником особенностей официально-деловой речи В.А. Звегинцев считает "н е д о в е р и е" к языку: «Если национальный язык в целом представляет собой "открытую" систему в том отношении, что он находится в постоянном видоизменении, и сама эта "открытость" представляет необходимую предпосылку выполнения им своих функций в меняющемся мире, то отдельные субъязыки, составляющие его иерархию, могут носить "закрытый" характер или во всяком случае практически рассматриваться как "закрытые" системы. Такая закрытость образуется в результате "недоверия" к языку или, точнее, в связи с очень осторожным отношением к нему, когда всякая двусмысленность или неточность может послужить причиной больших бедствий. "Закрытость" системы в свою очередь обусловливает ее стабильность. В качестве примера субъязыков, обладающих качествами "закрытости" и стабильности, можно привести язык военных уставов и команд или язык железнодорожных эксплуатационных правил» [Звегинцев 1968, 195].

Словарь официально-деловой речи обладает своим неповторимым лицом, но этот ни с чем не сравнимый облик складывался не благодаря некоей в той или иной мере сознательной ориентации на обогащение актуального словаря, на выработку лексической специфики, а в первую очередь как следствие резких и жестких ограничений, наложенных на область формирования лексикона, ограничений, единственная "цель" которых — исключить возможность разночтений.

Это утверждение не следует понимать таким образом, что сублексикон официально-деловой функциональной разновидности языка както вычленяется из "общего" словаря и не имеет ничего специфического. Это отнюдь не так, "дифференциальная часть" сублексикона официально-деловой речи достаточно велика и без труда опознаваема (каждый, кому приходится говорить о ней, тут же вспоминает сакраментальные *вышеизложенное* и *нижеподписавшиеся*), но гротескное своеобразие официально-делового стиля определяется прежде всего чрезвычайно узким кругом морфологических, словообразовательных и семантических средств, применяемых как в построении словаря, так и при создании текстов, интенсивной эксплуатацией жестко лимитированных языковых ресурсов. "Метод интенсивной технологии", используемый в сублексиконе официально-делового варианта языка, делает его прямой противоположностью исповедующим "экстенсивный способ хозяйствования" публицистическому стилю и в еще большей степени художественной речи, вольготно чувствующим себя на необъятных просторах родного языка с его огромными выразительными потенциями.

В официально-деловом стиле наблюдается отчетливая тенденция к с о к р а щ е н и ю ч и с л а з н а ч е н и й с л о в, упрощению их

семантической структуры, к однозначности лексических и сверхсловных обозначений, вплоть до узкой терминологизации. Это часто находит свое выражение в прямых указаниях на семантический объем применяемых слов и понятий в текстах официального характера.

Для примера можно сослаться на текст "Строевого устава Вооруженных сил Союза ССР", где в главе 1 "Общие положения" дается строгая дефиниция слов *строй, шеренга, фланг, фронт, интервал, дистанция, ряд* (вместе с терминологическими словосочетаниями *линия машин, тыльная сторона строя, ширина строя, глубина строя, двухшереножный строй* и др.): "*Строй* — установленное Уставом размещение военнослужащих подразделений и частей для их совместных действий", "*Фронт* — сторона строя, в которую военнослужащие обращены лицом (машины — лобовой частью)" (слово *фронт* в нетерминологическом употреблении — ср. *на фронте* — в общевоинских уставах Вооруженных сил не отмечено ни разу!), "*Ряд* — военнослужащие, стоящие в двухшереножном строю в затылок один другому", и т.п., — или на определение понятий *соучастие, ссылка, штраф* и др. в Уголовном кодексе.

В официально-деловой речи в пределах данного конечного текста как правило тщательно избегается обнаружение полисемии, столкновение разных значений одного и того же слова. Весьма существенным представляется то обстоятельство, что в рассматриваемом языковом регистре оказывается предельно суженной семантическая перспектива слова: речевая метафоризация в официально-деловом стиле в норме сводится к нулю, употребление слов в переносных значениях, не освященное устойчивой традицией, сделавшей такое употребление фактом языка, здесь исключено, в отличие от всех остальных типов речи. Метафоры с еще сохраняющейся "внутренней формой" (впрочем, стремительно теряющие свою образность), которые проникают в официально-деловые тексты, имеют явный привкус "публицистичности" и подчеркивают пограничный, смешанный характер соответствующих жанров; ср. *перестройка, ускорение, коренной, механизм, рычаг, перевооружение...*

В связи с тенденцией к терминологизации номинативных единиц в официально-деловом стиле наблюдается тенденция к сокращению возможностей выражения одного и того же содержания разными лексическими и сверхсловными обозначениями, хотя неверно было бы утверждать, что явление синонимии вообще чуждо ему, ср.: *износ = амортизация, некачественный = низкокачественный = низкого качества = недоброкачественный = нестандартный = некондиционный = несортный..., платежеспособность = кредитоспособность, снабжение = обеспечение = поставка..., разрешать = допускать = санкционировать...*, возможные семантические нейтрализации в группе "энгионимов" *капиталовложение, финансирование, кредитование, инвестиция, инвестирование, ассигнование, субсидирование...* и т.п., не

говоря уже о неспециализированной лексике типа *быть = являться = иметь место* и т.п.

Упрощение семантической структуры слов, снижение общего уровня их полисемичности, ослабление возможностей синонимического выражения и избегание омонимии приводят в целом к значительному увеличению симметричности лексических знаков, выравниванию соотношений между элементами означаемого и означающего. Если разделить номинативные единицы на имена-ярлыки с неявным и необязательным членением на семы и соотнесением семантического членения с формальным, с одной стороны, и имена-описания с прозрачным морфемным строением и четкой корреляцией между семантическими и формальными элементами, то официально-деловая речь испытывает откровенное тяготение к последним.

Следствием подобных тенденций является очень высокий общий уровень мотивированности слов: основным путем формирования лексического состава официально-деловой речи являются деривационные процессы. В ней преобладают четко членящиеся на морфемы образования с однозначно определяемой семантикой формальных составляющих: *жилищный, сдатчик, запрос, субподрядный, выбытие, сокрытие, раскрываемость, отсрочка, высвобождение, недвижимость, исправительный, поквартально, беззатратно,* часто с весьма длинными морфемными цепями: *взяточничество, переосвидетельствование, невоспрепятствование, разукомплектованный* и т.п.

Индексы синтеза (общей сложности слова — отношение числа морфем к числу слов в тексте), деривации, префиксации и суффиксации, предложенные Дж. Гринбергом [1963] как параметры морфологической типологии языков разного строя, будучи примененными к разным функциональным вариантам современного русского языка, демонстрируют очень высокие численные значения для официально-деловых текстов, уступающих в этом отношении только научным [Журавлев 1988, 98—107]. Существенно при этом отметить, что нещадно эксплуатируя аффиксацию для создания номинативных единиц, монтируя свои sesquipedalia verba, деловая речь располагает весьма ограниченным репертуаром аффиксальных средств. Стилистический облик деловых текстов во многом вызывается монотонностью аффиксов.

Чрезвычайно характерными для официальной речи являются способы композитивного словообразования — осново- и словосложение, сращение, в результате чего в лексиконе делового языка дву- (и более) -корневые образования представлены очень пространной коллекцией:

бракосочетание, правонарушение, налогообложение, пожаротушение, землепользование, ценообразование, самогововарение, мероприятие, пассажироперевозки, товарооборот, бракоразвод, делопроизводство, нетрудоспособность, несовершеннолетие, квартиронаниматель, квартиросдатчик, дачевладелец, бумагодержатель, самовозгорание, идейно-воспитательный, культурно-зрелищный, законодательный, гражданско-правовой, материально-технический, ремонтно-строительный, учетно-регистрационный, хозяйственно-административный, хлебобулочный, осенне-зимний, патрульно-

постовой, квартирнопосреднический, наукоемкий, транспортонасыщенный, водообеспеченный, низкооплачиваемый, высокозатратный, малообеспеченный, вышестоящий, вышеуказанный, нижепоименованный, человеко-рубль, судо-сутки, пассажиро-место-миля и мн. др.

Индекс словосложения, приложенный к функциональным разновидностям современного русского языка, дает наибольшие значения именно в текстах официально-деловой речи [Журавлев 1988, 101]. Пристрастие делового стиля к сложным словам легко объяснимо. Испытывая потребность в прозрачных по строению образованиях с однозначной корреляцией между элементами формального и смыслового плана, их почти идеальное воплощение он находит как раз в сложных словах с минимальными семантическими "приращениями" и идиоматическими эффектами.

В еще большей мере этой потребности отвечает словосочетание. В соответствии с тенденцией к максимальной мотивированности номинаций официально-деловая речь обнаруживает страстную приверженность к неидиоматичным словосочетаниям. Неоднословная номинация, наряду с аффиксацией, принадлежит к самым нагруженным в официальном стиле способам именования[8].

Число созданных этим способом наименований, "закрепленных" за рассматриваемой функциональной разновидностью русского языка, насчитывает многие тысячи единиц:

транспортные средства, материальное обеспечение, пусковой объект, заработная плата, личный состав, должностное лицо, кондитерские изделия, спиртные напитки, социальное обеспечение, пропускная способность, ценные бумаги, медицинская помощь, казначейский билет, объяснительная записка, проездной документ, жилой массив, санитарный надзор, врачебно-трудовая экспертиза, трудовой коллектив, паспортный режим, культурно-массовое мероприятие, приемный пункт, календарный день, нетрудовые доходы, безналичный расчет, ратификационная грамота, исполнительный комитет, лечебно-воспитательное учреждение, среднее специальное учебное заведение, младший медицинский персонал, временная нетрудоспособность, трудовое увечье, общее заболевание, профессиональное заболевание, телесное повреждение, караульное помещение, боевая техника, воинская часть, компрометирующий материал, отягчающее обстоятельство, насильственные действия, предварительное заключение, общественные места; места общего пользования, работники транспорта, пункт назначения, удостоверение личности, органы дознания, состояние невменяемости, места заключения, конфискация имущества, лишение свободы, акт гражданского состояния, знаки почтовой оплаты, мера воздействия, предприятие общественного питания, товары повышенного спроса; обучение без отрыва от производства, увольнение от должности, понижение в должности, поражение в правах, предупреждение о неполном служебном соответствии, право на отдых, посягательство на жизнь, ордер на обыск, издание с неопределенной периодичностью, выпуск в свет, издание в оригинале...

"Аналитические" модели номинации, по которым создаются расчлененные наименования (и в особенности такие, как имя существительное с атрибутом — прилагательным или другим существительным в родительном падеже) хороши для официальной речи тем, что дают

---

[8] Ср. примечательную формулировку в повести об армейской службе "Сто дней до приказа" Ю. Полякова: " — А что случилось? — совсем по-цивильному спрашиваю я, потому что часть мозга, ведающая уставными словосочетаниями, еще не проснулась" (Юность. 1987. № 11. С. 47).

возможность выделить в виде самостоятельной текстовой единицы семантическую тему — родовое понятие, обособив его от видовых конкретизаторов, также получающих самостоятельное лексическое выражение, и тем самым позволяют оголить структуру номинационной парадигмы и явственнее определить место целого означаемого в понятийной иерархии. Прецедентность, вписываемость в ряд, — весьма ценное качество составных номинаций, лежащее в русле центральных тенденций в формировании сублексикона официально-деловой речи.

С особой наглядностью удобство "аналитических" моделей выражено в составляющей гигантский пласт официальных наименований номенклатуре учреждений, профессий, должностей и т.п.:

главный научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, старший научный сотрудник...; заместитель командира полка по политической части, заместитель командира полка по инженерной службе, заместитель командира полка по тылу...; начальник вещевого снабжения полка, начальник финансового довольствия полка...; Московский государственный университет, Ленинградский государственный университет, Ужгородский государственный университет...[9]*; Юго-Западная железная дорога, Приволжская железная дорога, Закавказская железная дорога...; Камышинский стеклотарный завод, Сочинский консервный завод, Волынский завод бытовой химии, Гаспринский завод железобетонных изделий...; майский (1977 г.) Пленум ЦК КПСС, июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС..., седьмая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, внеочередная седьмая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва...*

Однотипность "аналитических" наименований и их высокая повторяемость сообщают текстам официально-деловой речи механический, рутинный характер. Высокая клишированность деловых текстов отражается, как уже было отмечено, в низком показателе лексического разнообразия, наименьшим среди письменных функциональных типов языка [Журавлев 1988, 136].

Существование официально-делового стиля в качестве средства вербализации общественных отношений (политика, управление, право) и выражения прежде всего надындивидуального опыта не может не отразиться в характере семантики используемой с этими целями лексики. Официально-деловая речь обнаруживает тяготение к предельно обобщенной в семантическом отношении лексике, где устранено все острosвоеобразное, конкретное, неповторимое, а на передний план выдвинуто типичное, удобно вписывающееся в рубрику. Для официального документа важна не живая плоть данного явления, а его "юридическая" сущность, и лексический отбор, осуществляемый составителем делового текста, целиком определяется указанной особенностью документа.

---

[9] При большой стандартизованности подобных названий здесь возможны случаи иррегулярности: в бывшем СССР обычно единственный в союзной или автономной республике университет назывался по республике (*Таджикский, Мордовский* и т.д.), а неединственный — по городу, в котором он расположен, однако неединственный в Белоруссии университет в Минске носит название *Белорусский*, а единственные эстонский и армянский университеты — *Тартуский* и *Ереванский* соответственно.

Официально-деловая речь отдает предпочтение родовым обозначениям с широкой и бедной семантикой, с ограниченным числом семантических признаков:

помещение (ср.: *квартира, цех, ангар, вестибюль, кров, обитель, апартаменты...*), *лицо* (ср.: *индивид, персона, мужчина, девушка, парень, малый, хозяин, жилец, прохожий...*), *родитель* (ср.: *мать, отец, папаша, матушка, предок...*), *военнослужащий* (ср.: *солдат, генерал-лейтенант, артиллерист, новобранец, вояка, служивый, морячок...*), *взыскание* (ср.: *выговор, штраф, арест, нагоняй, выволочка...*), *прибыть* (ср.: *прийти, приехать, приплыть, прискакать, ввалиться, нагрянуть, припожаловать...*), *коллектив* (ср.: *бригада, команда, смена, компания, кодло, тусовка...*), *предприятие* (ср.: *фабрика, фирма, маслобойня, заводишко, "Серп и Молот", "Шарик"...*), *руководитель* (ср.: *директор, начальник, заведующий, шеф, старшой, патрон, фюрер...*).

В еще большей мере семантическая выхолощенность присуща составным названиям-гиперонимам, которые, прямо указывая на место понятия в идеографической рубрикации, часто одновременно восполняют отсутствие в "неофициальном" языке гиперонима, выраженного одной лексемой:

населенный пункт (ср.: *город, деревня, хутор, столица, райцентр, Архангельск, Весьегонск, Северная Пальмира...*), *транспортное средство* (ср.: *самолет, мотоцикл, дрезина, автокар, двуколка, шлюпка, "запорожец", "козел", посудина, рыдван...*), *домашнее животное* (ср.: *корова, собака, поросенок, жеребец, скотина, хавронья, цуцык...*), *нежилое помещение* (ср.: *фойе, чердак, контора, ателье, кинотеатр, хлев, вокзал, клозет...*), *судовое помещение* (ср.: *каюта, трюм, рубка, камбуз, гальюн...*), *стихийное бедствие* (ср.: *катаклизм, землетрясение, оползень, цунами, великая сушь...*).

Если воспользоваться образом "лексического конуса" в идеографической схеме универсума по М. Молинер ([Moliner 1966], ср. также [Караулов 1976, 248—251]), то можно сказать, что официально-деловая речь испытывает неудержимое влечение к вершине этого конуса.

В соответствии с общим характером официально-деловой речи слово в ее текстах (и словаре) испытывает резкое сужение диапазона грамматических и словообразовательных значений, получающих в языке специальное формальное выражение, — "ноэтического пространства"[10].

Так, система русских имен существительных располагает морфологическими и словообразовательными средствами для дифференциации ономасиологических признаков 'мужской' и 'женский' в nomina personae (*супруг : супруга, внук : внучка, преподаватель : преподавательница, комсомолец : комсомолка* и т.п.). Официально-деловая речь во многих

[10] "Ноэтическое пространство определяется набором тех общих значений, которые находят в данном языке специальную форму своего выражения и которые регулярно передаются и могут быть переданы и новыми названиями с помощью особых материальных средств. В свою очередь ноэтическое пространство определяет, названия каких сущностей находят или могут найти в данном языке специальное выражение внутри данной части речи. Ноэтическое пространство отдельных частей речи выявляет членение единого языкового содержания по определенным сферам и помогает установить принципы классификации наименований в данном языке" [Кубрякова 1978, 95].

случаях (при обозначении специальностей, должностей, званий, ролей в юридических ситуациях и проч.) отказывается от проведения такой дифференциации: *преподаватель Иванова А.А., студент Петрова Б.Б., врач Сидорова В.В., коммунист Васильева Г.Г., летчик-космонавт С.Е. Савицкая, председатель Комитета советских женщин В.В. Терешкова, истец Трифонова Д.Д., заявитель Тимофеева Е.Е., гражданин Куёлдина Прасковья Савельевна, в дальнейшем именуемый "съемщик"* (ср.: *преподавательница, студентка, врачиха, коммунистка, летчица, председательница, истица, заявительница, гражданка, съемщица*) и т.п. (с нередкими, впрочем, "противоречиями" — грамматической несогласованностью имени и атрибута: *"Пассажир Матвеенко, прибывшая* из Семипалатинска, вас ожидают у справочного бюро аэропорта"). Как кажется, формы женского рода при наличии формальных возможностей употребления "бесполых" наименований лица (в немаркированных формах мужского рода) обязательны лишь в случаях, когда пол обозначаемого юридически существен и использование форм мужского рода может породить нежелательный семантический эффект (например, субстантивированные причастие *потерпевшая* и прилагательное *несовершеннолетняя* в статьях уголовного кодекса об изнасиловании и незаконном производстве аборта).

Пересчет в немаркированный "мужской род" в случаях юридической незначимости половых различий может происходить в официально-деловой речи не только на грамматическом (морфологическом и словообразовательном), но и на лексическом уровне, при этом не только в обозначениях, но и с "метастазами" в смежные зоны "ноэтического пространства", ср. функционирование в текстах общего характера, касающихся семейно-правовых отношений, слова *усыновление* (и однокоренных) как родового термина по отношению к слову *удочерение* (и однокоренных): "*Усыновлением* называется юридический акт, в силу которого между *усыновленным* (и его потомством) и *усыновителем* (и его родственниками) возникают такие же права и обязанности, как и между родственниками по происхождению".

Сужение "ноэтического пространства" имен существительных вполне очевидно в такой лексико-грамматической зоне, как образование уменьшительных, увеличительных и гипокористических имен. Ограничивающий свои обязанности передачей юридической сути официально-деловой стиль в своем лексическом и грамматическом аскетизме подобной роскоши чуждается.

Употребление имен существительных с получающей формальное выражение семой уменьшительности возможно, пожалуй, лишь в области конкретной лексики — почти лексикализованных форм для обозначения предметов малого размера:

Сдаваемое жилое помещение квартиросдатчик обеспечивает: индивидуальными кроватями, матрацами, подушками, ...прикроватными *ковриками...;*

Перпендикулярно к фронту лагерь разделяется поперечными *линейками.* Поперечные

линейки прокладываются между батальонами и специальными подразделениями полка. Участок лагеря между поперечными *линейками* от передней *линейки* до тыловой дороги получает наименование того батальона (подразделения), который расположен в первой полосе участка;

...крайние по ширине спереди и сзади точки груза должны быть обозначены днем сигнальными *щитками* или *флажками* размером 400×400 мм... Для обозначения гибкого связующего звена при буксировке используются аналогичные *флажки* размером 200×200 мм;

Чистка *головки* этой конструкции производится прилагаемой *щеточкой* и т.п.

Употребление уменьшительных и ласкательных имен отмечается в деловой разновидности языка крайне редко и лишь в периферийных для данной функциональной разновидности языка жанрах, например, в "заигрывающих" с публикой рекламных объявлениях:

В предпраздничные дни приглашаем родителей и ребят в детский магазин "Игрушки", который расположен в сквере имени Некрасова. Здесь сейчас в продаже разнообразные игрушки для детей разных возрастов. *Малышей* ждут забавные пластмассовые *зверюшки, флажки*, надувные *шарики*, пестрые куклы. *Дошколятам* и младшим школьникам понравятся электромеханические игрушки...

Что же касается аугментативов (типа *домище, темнотища*), то их употребительность в деловом стиле, как представляется, является нулевой.

Ограничение ноэтических возможностей слова в официально-деловой речи обнаруживается и в иных областях образования имен существительных с модификационными значениями. Например, в деловой речи избегаются имена с семантикой собирательности для выражения значения 'группа лиц' и под., при этом не только существительные с суф. *-j-* (орфографически *-ье*), *-н'- (-ня)* и др., вносящими уничижительную окраску (*офицерье, солдатня, татарва...*), или мертворожденные искусственные слова вроде *пионерия, комсомолия*, помимо семантики собирательности обладающие псевдоромантической, казенной стилистической приподнятостью, но и вполне нейтральные по окраске образования с суф. *-ур(а), -итет* типа *профессура* (ср. принятое официальное выражение *профессорско-преподавательский состав*) или *генералитет* (ср. *высший командный состав армии* и под.). Нехарактерны для официально-деловых текстов и существительные со значениями единичности, типа *штакетина, виноградина, редиска, карамелька*.

В области словообразования имен прилагательных официально-деловая речь практически не реализует значений притяжательности в производных от наименований лица; в ее сублексиконе образования типа *ньютонов, председателев, соседкин, братнин* не встречаются, им предпочитаются конструкции с формами родительного падежа в субъектном значении. Из набора модификационных значений, выражаемых производными прилагательными, в рассматриваемой функциональной разновидности языка реализуется, пожалуй, лишь семантика отрицания или противоположности (именами прилагательными с преф. *не-, без-, анти-* и др.). Официально-деловой стиль чуждается проявле-

ния в прилагательных ласкательной экспрессии (*синенький, новенький, аккуратненький, косоглазенький* и т.п.), отрицательной субъективной оценки (*высоченный, толстенный, худущий, длиннющий* и т.п.), а также выражения градационных значений (*синеватый, холодноватый, небесполезный* и т.п., компаративы типа *покрепче*, суперлативы *тончайший, претяжелый, наисвежайший* и т.п.).

Последнее самым прямым образом связано с безоговорочным преобладанием в официально-деловой речи относительных прилагательных над качественными. Число качественных прилагательных здесь составляет в среднем 10—20% от общего количества прилагательных в тексте (в то время как в научной речи оно может приближаться к половине всех имен прилагательных, а в беллетристических произведениях их количество в среднем больше половины всех прилагательных [Кожина 1972, 304, Барлас 1978, 83], а в некоторых случаях достигает 80%).

Более того, кроме низкой употребительности в официальных текстах качественных прилагательных вообще, здесь они нередко могут употребляться в значениях, близких относительным прилагательным (впрочем, эта релятивизация качественных прилагательных не является исключительной принадлежностью официально-деловой разновидности языка, она может быть отмечена и для иных сфер специальной речи, в том числе профессиональной и научной). Релятивизованные имена прилагательные представляют качество предмета не как градуируемое и тем самым способное быть выраженным "формами степеней сравнения", а как целостную семантическую зону, не расчленяемую на условные "участки" по различной интенсивности обнаружения этого качества (ср. терминологизованные сочетания типа *белое вино, красная рыба, холодные закуски*, к прилагательным в составе которых неприложимы наречия степени вроде *едва, чрезвычайно, сравнительно*). Помимо невозможности образования от таких прилагательных форм степеней сравнения (как в парах противоставлений терминологических словосочетаний в "Правилах дорожного движения" *ближний/дальний свет фар, светлое/темное время суток, гибкая/жесткая сцепка* и под.), об их релятивизованности могут свидетельствовать включенность в лексико-семантические парадигмы, формируемые главным образом относительными прилагательными (*легкая промышленность* — ср. *кожевенная, текстильная, обувная, горнодобывающая, металлообрабатывающая промышленность; товары широкого потребления* — ср. *товары народного потребления; прямая линия родства* — ср. *боковая, нисходящая, восходящая линия родства* и т.п.) и во многих случаях невозможность "нормальных" трансформаций путем замены "бывшего" качественного прилагательного его антонимом (вовлеченность имени прилагательного в антонимические отношения часто признается критерием его качественности [Максимов 1958; Новиков 1973]): *скорая медицинская помощь, полезные ископаемые, вредные условия труда, высшее образование, в*

твердой денежной сумме, острое респираторное заболевание, мелкий ремонт одежды, новая экономическая политика, новое издание, высокая печать и мн. др.

Если же говорить вообще о частеречной структуре текстов, создаваемых в рамках рассматриваемой функциональной разновидности языка (что имеет одинаковое отношение и к грамматической и к лексической типологии), то давно отмечены сугубо именной характер официально-деловой речи.

Резкий крен в сторону субстанциальной семантики в ущерб семантике процессуальной, наблюдающийся в официально-деловых текстах, М.Н. Кожина [1972, 139], например, иллюстрирует следующими цифрами: доля имен существительных в деловой речи — 421 на тысячу словоупотреблений по сравнению с 331 в научных текстах, а доля глаголов — 60 на тысячу словоупотреблений против 90 в научной речи. Иначе говоря, если в текстах, создаваемых в границах научного функционального стиля, доля имен существительных превышает долю глаголов более чем в 3,5 раза, то в официально-деловом функциональном стиле это превышение доходит до 7 раз. Эти соотношения впечатляюще отличны от общеязыкового стандарта, по которому суммарная употребительность имен существительных выше доли глаголов в "среднем" тексте всего около полутора раз (1,42 по нашим данным; 1,56 согласно данным Л.Н. Засориной — Э.В. Тисенко [Частотный словарь русского языка 1977, 927], основанным на анализе только письменных текстов). Значительность роли имен существительных в текстах "строгих" функциональных стилей, прежде всего официально-делового, в несколько меньшей мере научного, находит объяснение в том специфическом соотношении языковых функций [Якобсон 1975, 197—203], которое характеризует эти подсистемы языка. Почти полным отказом от функций, ориентированных на отправителя (эмотивной), контакт (фатической) и сообщение (эстетической), безоговорочным преобладанием в словесных произведениях, принадлежащих официально-деловой (и научной) речи, референтной функции и господством логического начала определяется особая значимость номинационных аспектов, в частности предметной номинации, осуществляемой именем существительным с его безграничными номинативными возможностями [Rensky 1972]. Потребности компактного отражения сложной и по-различному структурируемой и иерархизуемой реальности вызывают в деловой речи многочислительные номинализации, для нее в высшей степени характерны перечислительные синтаксические построения, что не может не привести к явному перевесу в текстах официально-деловой разновидности субстантивной категориальной семантики:

Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет задачей охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, личности, прав и свобод граждан, государственной, кооперативной собственности, а также собственности общественных организаций, природной среды, и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств, а также содействует охране мира и безопасности человечества. Уголовное законодательство способствует предупреждению преступлений, воспи-

танию граждан в духе точного соблюдения Конституции СССР, советских законов и уважения к правилам социалистического общежития;

К коллективному договору прилагаются: план технического развития и организации производства (в том числе мероприятия по внедрению научной организации труда, прогрессивной технологии, по механизации и автоматизации производственных процессов, освоению новых видов продукции и повышению качества выпускаемой продукции), планы внедрения передового производственного опыта, изобретений и рационализаторских предложений, схемы расходования фондов экономического стимулирования (фонда предприятия), соглашения по охране труда и другие материалы, подготовленные в соответствии и директивными письмами министерств (ведомств) и центральных (республиканских) комитетов профсоюзов...

"Приоритетность" имени существительного по сравнению с глаголом в официально-деловой речи отчетливо обнаруживается в обилии в текстах этой функциональной разновидности отглагольных существительных со значением отвлеченного процессуального признака. Здесь явно преобладают образования с суф. *-ниj-* со значением процесса, но развивающие также и ряд вторичных конкретных значений. Нанизывание существительных с суф. *-ниj-* может считаться яркой приметой официально-делового стиля:

Одной из основных причин возникших *затруднений* является существенное *старение* парка автомобилей-такси, что вызвано *сокращением* темпов его *обновления* из-за *уменьшения* их фондового *пополнения;*

Необходимо отметить, что работа этих служб находится под постоянным *вниманием* областного *управления* бытового *обслуживания населения;*

В случае необходимости директор среднего специального учебного *заведения* организует до сдачи вступительных экзаменов медицинское *освидетельствование* поступающих на *обучение* в целях *уточнения* степени *заболевания* или *ограничения* приема, с учетом условий *обучения* в учебном *заведении* и производственной работы по данной специальности;

Приготовлением к *преступлению* признается *приискание* или *приспособление* средств или орудий или иное умышленное *создание* условий для *совершения преступлений*...[11]

Не испытывая заметных трудностей в образовании подобных девербативных имен, вернее, не тяготясь заботами об их изяществе и натуральности (ср.: *вытребование, исходатайствование, дооборудование, переименовывание, недоснабжение, расстреляние, перевскрытие* и мн. др.), деловой стиль не склонен отказываться от этих, во многих случаях достаточно сомнительных, приобретений даже тогда, когда особой синтаксической нужды в них не имеется. Составитель текста в жанрах, считающихся принадлежностью строгих функциональных стилей, и в особенности в жанрах официально-деловой словесности при необходимости передачи данного смысла в предикате часто не заду-

[11] Ср.: "Они не боялись *взыскания* за *неисполнение приказания* или за самовольное *распоряжение*, потому что в *сражении* дело касается самого дорогого для человека — собственной жизни, и иногда кажется, что *спасение* заключается в бегстве назад, иногда в бегстве вперед, и сообразно с *настроением* минуты поступали эти люди, находившиеся в самом пылу *сражения*. В сущности же, все эти *движения* вперед и назад не облегчали и не изменяли *положения* войск. Все эти *набегания* и *наскакивания* друг на друга почти не производили им вреда..." (*Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. III. Ч. II. Гл. XXXIII).

мывается над возможной "деноминализацией" таких девербативных образований и возвращением к мотивирующему глаголу, а предпочитает сохранить имя, включив его в конструкцию с десемантизованным глаголом, берущим на себя чисто грамматические функции. Количество глаголов, выступающих в качестве грамматически опорного слова и служащих для выражения почти только грамматических значений, исчисляется многими десятками [Дерибас 1975]:

брать (начало, обещание...), вести (агитацию, монтаж, наблюдение, переговоры, подготовку, поиски, разработку, расследование...), вносить (дополнения, исправления, уточнения...), давать (консультацию, назначение, обоснование, объяснение, опровержение, отказ, оценку, поручение, разрешение, разъяснение, распоряжение, рекомендацию, согласие, указание...), делать (заключение, обобщение, поставку...), допускать (ошибки...), налагать (запрет...), наносить (оскорбление, повреждение...), находить (подтверждение, применение...), нести (дежурство, охрану, службу...), оказывать (доверие, помощь...), осуществлять (запуск, наблюдение, посадку, преобразования...), отдать (приказание, распоряжение...), подвергать (допросу, досмотру, обработке, обсуждению, проверке...), предоставлять (помощь...), предъявлять (обвинение, требования...), принимать (постановление, решение, участие...), проводить (голосование, заседание, изыскания, испытания, обыск, опрос, перепись, разграничения, регистрацию, совещание, соревнование...), производить (досмотр, допрос, замену, оценку, прием, расследование, удержания, уплату...), проходить (обследование, обучение, проверку...), проявлять (неуважение, пренебрежение...), совершать (кражу, нарушение, побег, предательство...) и т.д.

Предпочтения, оказываемые таким словосочетаниям перед их однолексемными соответствиями, сказываются на высоком уровне избыточности, характерном для официально-деловых текстов [Пиотровский 1968, 59]. Эта избыточность усугубляется тем, что десемантизованные глаголы, служащие в тексте грамматическими оформителями, сами имеют тенденцию к превращению в отглагольное существительное (ср.: *осуществление запуска, применение поощрения, совершение нарушения* и под.), нуждающееся в дополнительных средствах ввода их в текстовую ткань, что приводит иногда к перегрузке официального текста словесным балластом: "Адвокатами юрисконсультации уделяется особое внимание *проведению профилактических мероприятий по предупреждению* правонарушений..." (выделенная часть текста без малейших смысловых утрат может быть заменена одним-единственным словом — *профилактика*).

Ослабление и "обескровливание" глагола в департаментской словесности не ограничивается этими руслами (сокращение его доли в лексико-грамматической структуре текста, во-первых, и десемантизация, тенденция к превращению в голую грамматическую функцию, во-вторых). В арсенале номинационных средств, которыми располагает официально-деловой стиль, громадную роль играет образование, занимающее промежуточное положение между глаголом и именем, совмещающее в себе грамматические признаки и того и другого, — причастие. Будучи яркой приметой книжных форм речи и особенно буйным цветом распускаясь в садах официальной письменности, причастие здесь испытывает не только тенденцию к адъективации, т.е. утрату глагольных грамматических черт, но и неудержимую тягу к

субстантивации, сдвигая свою семантику из зоны обозначения признака в зону непосредственного указания на предмет, т.е. в область, еще более удаленную от глагольных протекторатов:

Съемщик, *выполняющий* все обязательства по договору и добросовестно *относящийся* к содержанию *предоставленного* ему по договору помещения, имеет преимущественное право возобновления договора на *занимаемое* им помещение на новый срок;

Герои Советского Союза, лица, *награжденные* орденом Славы трех степеней, инвалиды Великой Отечественной войны либо другие инвалиды из числа *военнослужащих, ставших* инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, *полученных* при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, *связанного* с пребыванием на фронте, инвалиды из числа *бывших* партизан, а также другие инвалиды, *приравненные* по пенсионному обеспечению к *перечисленным* категориям *военнослужащих*, освобождаются от уплаты налогов по всем *получаемым* ими доходам;

На работах, *связанных* с загрязнением, рабочим и *служащим* выдается бесплатно по *установленным* нормам мыло. На работах, где возможно воздействие на кожу вредно *действующих* веществ, выдаются бесплатно по *установленным* нормам *смывающие* и *обезвреживающие* средства;

16. *Военнослужащий*, получив приказание, отвечает: "Есть" — и затем выполняет его. При необходимости убедиться в правильном понимании *подчиненным полученного* приказания начальник требует краткого повторения *отданного* им приказания. О выполнении *полученного* приказания *военнослужащий* обязан доложить начальнику, *отдавшему* приказание.

17. Если *военнослужащий, выполняющий* приказание, получит от другого, старшего по положению начальника новое приказание, которое помешает выполнить первое, он докладывает об этом начальнику, *отдавшему* второе приказание, и в случае его подтверждения выполняет последнее. *Отдавший* новое приказание сообщает об этом начальнику, *отдавшему* первое приказание...

Еще дальше, окончательно разрывая связи с полнозначными частями речи, идут причастия, превращаясь (и, как можно заметить, очень охотно) в местоимения. Тексты, принадлежащие "строгим" функциональным регистрам языка, в частности, официально-деловому стилю, дают достаточно богатый материал, иллюстрирующий прономинализацию причастий: *данный, представленный, указанный...* — 'этот', *следующий, нижеследующий...* — 'такой', *определенный* — 'некоторый, некий, какой-то, иной' (т.е. как раз 'неопределенный'!) и другие, производные от глаголов с общей семантикой 'указать, назвать, определить' (для "экс"-причастий страдательного залога) и 'идти' (для "экс"-причастий действительного залога) и осуществляющие большей частью "внутритекстовый" дейксис[12]:

Указанные лица должны иметь стаж практической работы не менее двух лет;

Указанное произведение должно удовлетворять *следующим* условиям: ...;

К заявлению прилагаются: а) один из *следующих* подлинных документов об образовании: ...;

Эскорт наряжается в *следующем* составе: ...;

Перечисленные категории сотрудников освобождаются от привлечения к сельскохозяйственным работам на период до 12.10 с.г.;

---

[12] См. также стр. 243 настоящей работы. Прономинализация причастий как явление транспозиции частей речи в академических грамматиках русского языка по не вполне ясным причинам не упоминается.

Трудовой договор есть соглашение между трудящимся и предприятием, учреждением, организацией, по которому трудящийся обязуется выполнять работу по *определенной* специальности, квалификации или должности... и т.п.[13]

Ослабление семантического потенциала затрагивает в официально-деловой речи не только глагол и его атрибутивные формы, но и имя существительное. Свидетельства тому достаточно многообразны.

О существительных-девербативах, включающихся в словосочетания с глаголами и отглагольными же именами, в словосочетания, построенные на отношениях своеобразного семантического аналитизма (ср.: *осуществлять надзор, подавать апелляцию, поставить ограничения, причинить повреждения, сделать запись...; наложение взыскания, организация показа, производство ремонтных работ...*), уже говорилось. Необходимость расчлененного выражения выглядит настоятельной далеко не во всех этих случаях, в ряде примеров она может оправдываться формирующимся конкретным результативным значением у некоторых имен действия (*апелляция, запись, взыскание* и т.п.). В большинстве же прочих случаев, как кажется, синонимическая замена одной ("нерасчлененной") глагольной или — для другого ряда примеров — девербативной лексемой является вполне адекватной.

Семантический аналитизм совершенно очевиден в чисто именных конструкциях, приобретших в последнее время особенную популярность в некоторых официальных документах (а вслед за этим и в информационных жанрах газетной речи): *лица еврейской национальности* (ср. *евреи*), *граждане из числа крымских татар* (ср. *крымские татары*), *граждане из числа лиц армянской национальности* (ср. *армяне*). "Разнесение" семантических составляющих слов *евреи, армяне, (крымские) татары* по отдельным, в смысловом отношении более бедным, лексемам (*лица, национальность, еврейский* и т.д.) преследует здесь, в сущности, те же семантические цели, которые достигаются употреблением неопределенного артикля в языках, где он существует (ср. выражения **отдельные армяне*, **некоторые крымские татары*, **кое-кто из евреев*, по-видимому, невозможные в строго официальных речевых жанрах). Так или иначе, но подобные словосочетания заметно снижают семантическую "плотность" официально-деловой речи.

Пожалуй, предельные случаи семантического ослабления существительных представляет собою их вхождение в качестве именных компонентов в составные предлоги. Официально-деловой стиль

---

[13] Численный рост класса местоимений за счет вовлечения в него имен прилагательных и причастий, особенно заметный при анализе текстов официально-деловой речи, не может компенсировать снижения их употребительности в канцелярской словесности, т.е. низкого уровня дейктичности, характерного для этого функционального регистра. По нашим подсчетам, доля местоимений в текстах деловой речи ниже аналогичного показателя для научных текстов в 2,6 раза, беллетристических — в 4,2 раза, обиходно-разговорных — в 8,5 раза. По доле личных местоимений среди дейктических лексических знаков тексты официально-делового стиля уступают текстам научного в 1,3 раза, беллетристического — в 4,2 раза, обиходно-разговорного — в 3,3 раза.

чрезвычайно привержен такому способу выражения отношений: *в адрес, в отношении, в плане, в порядке (самоуплотнения, частичной компенсации), в продолжение, в свете (последних постановлений), в силу, в счет, в ходе, в целях, в части (обеспечения ритмичности поставок), в отличие от, в связи с, в соответствии с, за исключением, за счет, на основании, на предмет, по адресу, по истечении, по линии, по причине, по отношению к, при наличии, при посредстве, при условии* и т.д. Ср.:

...использование произведения автора другими лицами допускается не иначе, как *на основании* договора с автором или его правопреемниками, *за исключением* случаев, предусмотренных ст. ст. 103, 104 названных Основ;

...размер авторского вознаграждения устанавливается судом *в зависимости от* качества произведения, определяемого *в случае* необходимости *при помощи* экспертизы;

...без согласия переводчика, как и автора произведения, выполненный перевод не может быть использован *в качестве* промежуточного *с целью* перевода на другой язык;

Усилить надзор за рассмотрением судами уголовных дел *на основе* строгого соблюдения социалистической законности. При рассмотрении дел *в порядке* судебного надзора *в соответствии со* ст. 380 УПК РСФСР проверить все производство по делу в полном объеме и *в отношении* всех осужденных, не ограничиваясь доводами протеста...;

Умышленное незаконное получение частным лицом государственных или общественных средств *в качестве* пенсий, пособий или других выплат *в результате* обмана или злоупотребления доверием подлежит квалификации как хищение государственного или общественного имущества *путем* мошенничества...

Низкий уровень семантической "плотности" текстов, создаваемых в рамках рассматриваемой функциональной разновидности языка, поддерживается в огромной степени благодаря многочисленным повторениям смыслов и прямой лексической тавтологии, допущению однокоренных образований ближайших ступеней деривации, в частности, если речь у нас идет об имени существительном, текстуальному соседству производного субстантива с мотивирующими его лексемами:

...в большом зале горисполкома *созывается* третья сессия городского Совета народных депутатов двадцатого *созыва*;

...в отношении душевнобольного, представляющего по своему психическому состоянию и характеру совершенного им *общественно опасного* деяния особую *опасность* для *общества*;

Водитель Бурцев С.И. позволил *управлять* вверенным ему автомобилем лицу, не имеющему при себе удостоверения на право *управления* транспортным средством данной категории...

Официально-деловая речь оказывается достаточно терпимой к такого рода стилистическим погрешностям.

Сказанное о деградации в официально-деловом стиле полнозначных частей речи (превращение полнознаменательных глаголов в строевые элементы, приобретение ими полусвязочного характера, прономинализация прилагательных и причастий, переход имен существительных в ранг компонентов составных предлогов и т.п.) и об очень большой избыточности деловых текстов, обусловленной однотипностью номинаций, их высокой повторяемостью, суженностью аффиксальных средств словообразования и рядом других явлений, неоспоримо свидетельствует о том, что процессы семантической эрозии развиваются в

рассмотренной функциональной разновидности языка как в самом сублексиконе, так и в его речевых реализациях. Семантической эрозией охвачены и другие "строгие" функциональные регистры языка, в частности, научный стиль (а среди "нестрогих" — в первую очередь обиходная речь[14], однако представляется, что эрозионные процессы, развивающиеся в официально-деловой речи, по своей интенсивности значительно превосходят аналогичные явления в иных функциональных сферах письменной речи.

ЛИТЕРАТУРА

Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика. Пособие для учителей. М., 1978.
Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Языковые универсалии. М., 1970. Вып. V.
Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III.
Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Словарь-справочник. М., 1975.
Журавлев А.Ф. Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968.
Калинина Е.А. Частотный словарь русского подъязыка электроники // Статистика речи. Л., 1968.
Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978.
Логинова К.А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху. Автореф. канд. филол. наук. М., 1975.
Максимов Л.Ю. Антонимия как один из показателей качественности прилагательных // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. 1958. Т. 132. Вып. 6.
Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М., 1973.
Пиотровский Р.Г. Информационные измерения языка. Л., 1968.
Полякова Г.П., Солганик Г.Я. Частотный словарь газеты. М., 1971.
Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. (Очерк) // А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.
РРР – 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.
Сиротинина О.Б. Изменения в языке научной прозы // Вопросы стилистики. Саратов, 1969. Вып. 3.
Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983.
Супрун А.Е. Принципы сопоставительного изучения лексики // Методы сопоставительного изучения языков. М., 1988.
Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Учебное пособие. Пермь, 1967. Ч. 1.
Частотный словарь общенаучной лексики / Под общей ред. Е.М. Степановой. М., 1970.
Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. (К постановке проблемы.) М., 1977.

[14] Обиходно-разговорная речь демонстрирует, правда, в существенно меньшем объеме, и явления обратного порядка, названные У. Вейнрейхом [1970, 169—170] гиперсемантизацией (в разговорной речи это примеры острословия, каламбуры, игра двусмысленностями, разложение и обновление внутренней формы слова и т.д.), преимущественно характерной для поэтической речи, в меньшей мере для публицистического стиля.

Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.
Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". Сб. статей. М., 1975.
Moliner M. Dictionarium de uso del español. Madrid, 1966. T. 1.
Rensky M. The frequency of word claces as a function of style and linguistics structure // The Prague School of Linguistics and Language teaching. L., 1972.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора ... 3

Глава первая
ФОНЕТИКА

Состояние и задачи исследования русской фонетики в функционально-стилистическом аспекте (С.М. Кузьмина) ... 5
Вводные замечания ... 5
Специальная речь ... 10
Художественная речь ... 17
Фонетика разговорной речи. Взаимодействие сегментных и суперсегментных единиц (Н.Н. Розанова) ... 23
Вводные замечания ... 23
Фразовые позиции в РР ... 32
Позиция слова под фразовым акцентом (ФП1) ... 34
Модификации гласных (35); Модификация согласных (37); Особенности реализации частотных слов (39)
Конец синтагмы под синтагматическим ударением (ФП2) ... 40
Позиция ударного слова в начале синтагмы (ФП3) ... 42
Позиция полноударного слова не в начале синтагмы (ФП4) ... 43
Слабоударная позиция слова в пределах синтагмы (ФП5) ... 45
Безударная позиция слова в пределах синтагмы (ФП6) ... 47
Безударная и слабоударная позиция слов в конце синтагмы (ФП7) ... 48
Сегментация речевого потока в разных типах речи (С.Н. Борунова) ... 53
Вводные замечания ... 53
Устная речь с опорой на письменный текст ... 55
Спонтанная публичная и разговорная речь ... 60
Союзы и союзные слова (63); Предлоги (65); Частицы (65); Вводные слова и предложения (66)
Сегментация при выражении оценки и отношения ... 67
Сегментация разных участков высказывания ... 69
Паузы колебания ... 71
Литература ... 72

Глава вторая
МОРФОНОЛОГИЯ

Функционирование глаголов вторичной имперфективации (Н.Е. Ильина) ... 75
Литература ... 92

Глава третья
МОРФОЛОГИЯ

Функционирование морфологических средств в разных типах речи (род, число, падеж имени существительного) (В.Л. Воронцова) ... 93
Категория рода ... 94
Категория числа ... 101
Считаемые (исчисляемые) существительные (102); Несчитаемые (неисчисляемые) существительные (107); Вещественные имена существительные (108); Невещественные имена существительные (109)
Категория падежа ... 110

www.ruslang.ru

Аналитизм в именном склонении (110); Функционирование вариантных падежных флексий (115)
Литература ... 141

Глава четвертая
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Структура комплексных словообразовательных единиц в различных сферах речи (на материале отглагольных производных) (Т.С. Морозова) ... 143
Словообразовательная парадигма ... 144
Словообразовательное гнездо ... 151
СП глаголов со значением пространственной модификации (152); СП глаголов, обозначающих количественные модификации (159); СП глаголов со значением довести 'до результата действие, названное производящим глаголом'(160)
Словообразовательная пара ... 163
Семантические отношения между производящим глаголом и производным от него словом в разных типах речи (163); Сочетаемость производящего глагола и производного от него слова в разных типах речи (165)
Стилистическое расслоение лексического гнезда в современном русском языке (А.Н. Тихонов) ... 167
Литература ... 179

Глава пятая
СИНТАКСИС

Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского языка (Е.Н. Ширяев) ... 181
Вводные замечания ... 181
Функциональные стили ... 186
Научный стиль (186); Официально-деловой стиль (188); Публицистический стиль (189)
Разговорная речь ... 192
Язык художественной литературы ... 197
Закономерности выбора семантико-синтаксических структур простого предложения (Е.Н. Ширяев) ... 203
Предложения вневременной характеризации: структурно-семантические типы и их распределение по разным языковым сферам ... 206
Общие замечания (206); Классифицирующие предложения (211); Квалифицирующие предложения и предложения характеризации по признаку (218)
Литература ... 231

Глава шестая
ЛЕКСИКА

Функциональные регистры (А.Ф. Журавлев) ... 233
К основаниям лексической типологии функциональных разновидностей языка ... 233
Тип сублексикона (233); Параметры типа сублексикона (237)
О некоторых источниках и вспомогательных методиках лексической типологии ... 245
Типологические доминанты лексического строя официально-делового стиля современного русского языка (А.Ф. Журавлев) ... 250
Литература ... 267

CONTENTS

Chapter 1
PHONETICS

State of the art and problems in the study of Russian phonetics. Functional and stylistic aspects (S.M. Kuz'mina) 5
The phonetics of spoken Russian. The interaction of segmental and supersegmental levels (N.N. Rozanova) 23
Segmentation of the speech flow in different types of speech (S.N. Borunova) 53

Chapter 2
MORPHONOLOGY

The functioning of the second level imperfectivization verbs (N.E. Il'ina) 75

Chapter 3
MORPHOLOGY

The functioning of morphological devices in different types of speech (gender, number, and case of substantives) (V.L. Vorontsova) 93

Chapter 4
DERIVATION

The structure of complex derivational units in different spheres of speech (deverbal derivatives) (T.S. Morozova) 143
Stylistic stratification of lexical clusters in modern Russian (A.N. Tikhonov) 167

Chapter 5
SYNTAX

Basic syntactic peculiarities of the functional varieties of modern Russian (E.N. Shiryaev). 181
Regularities in the choice of semantico-syntactic structures of simple sentence (E.N. Shiryaev) 203

Chapter 6
VOCABULARY

Functional registers (A.F. Zhuravlev) 233
Typological dominants of lexical structure of the official style of Modern Russian (A.F. Zhuravlev) 250

Научное издание

РУССКИЙ ЯЗЫК
В ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИИ

Уровни языка

Утверждено к печати
Ученым советом
Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Зав. редакцией
"Наука–культура"
А.И. Кучинская

Редактор *А.В. Бездидько*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректор *Ю.Л. Косорыгин*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 2011
ЛР № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 19.01.96. Формат $60\times90^{1}/_{16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,0. Усл.кр.-отт. 17,3. Уч.-изд.л. 18,7
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 64.

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография № 3 РАН
107143, Москва, Открытое шоссе, 28